Шкафъ 12
Полка 3
№ 575.
Проверено 1964 г.
-- МАЙ 2008

ЮРИДИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

1872

КНИЖКА ЧЕТВЕРТАЯ И ПЯТАЯ

АПРѢЛЬ и МАЙ

МОСКВА
Типографія Московскаго Университета (Катковъ и К°)
На Страстномъ бульварѣ.

КНИЖКА ЧЕТВЕРТАЯ и ПЯТАЯ—АПРѢЛЬ и МАЙ 1872.

I. — ОБСУЖДЕНІЕ ЮРИДИЧЕСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ ВОПРОСА:

Государственныя бумаги, акціи и облигаціи акціонерныхъ компаній, выданныя на предъявителя или на имя неизвѣстнаго, подлежатъ-ли возвращенію отъ лицъ добросовѣстно ихъ пріобрѣтшихъ, по требованію тѣхъ, у которыхъ онѣ были похищены? 3

III. — ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРНОЙ СОБСТВЕННОСТИ ВО ФРАНЦІИ. *(Окончаніе).* —**И. И. Головачевскаго.** . . 40

СОВРЕМЕННЫЙ ОТДѢЛЪ.

IV. — ОБЪ ОТВОДѢ МИРОВЫХЪ СУДЕЙ.—**Д. Жукова** . . 1

V. — СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА:

Дѣло Алымовой съ наслѣдниками Корбе *(Рѣшеніе Екатеринославскаго окружнаго суда.—Апелляціонная жалоба г-на Гольденвейзера).* 10

VI. — ЮРИДИЧЕСКІЕ ВОПРОСЫ, РАЗРѢШЕННЫЕ МОСКОВСКОЮ СУДЕБНОЮ ПАЛАТОЮ.—**Д. П. Тихомирова.** 44

VII. — ЮРИДИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ:

1) Объ отвѣтахъ противъ гражданскаго иска, какъ поводахъ къ уголовномупреслѣдованію.—**П. Н. Обнинскаго**

2) Возраженіе на объясненія г. Обнинскаго, по вопросу объ уголовномъ преслѣдованіи покусившихся на самоубійство.—**И. Н. Шестакова.** 119

(см. на оборотѣ).

ЮРИДИЧЕСКІЙ

ВѢСТНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

МОСКОВСКИМЪ ЮРИДИЧЕСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ.

1872

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ

АПРѢЛЬ

МОСКВА
Типографія Московскаго Университета (Катковъ и К°).
На Страстномъ бульварѣ.
1872.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ

ВѢСТНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

МОСКОВСКИМЪ ПЕДАГОГИЧЕСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ

1872

ГОДЪ ВОСЬМОЙ

АПРѢЛЬ

Типография Московскаго Университета (Катковъ и К°)

1872.

ПРОТОКОЛЫ ЗАСѢДАНІЙ

МОСКОВСКАГО ЮРИДИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

7 февраля 1872 года.

Юридическое Общество имѣло обсужденіе по вопросу, предложенному дѣйствительнымъ членомъ А. М. Богдановскимъ:

5) „Государственныя бумаги, акціи и облигаціи акціонерныхъ компаній, выданныя на предъявителя или на имя неизвѣстнаго, подлежатъ ли возвращенію отъ лицъ добросовѣстно ихъ пріобрѣтшихъ, по требованію тѣхъ, у которыхъ онѣ были похищены?“

А. М. Богдановскій. Вопросъ о примѣненіи 1512 ст. зак. гражд. и ст. 1664 улож. о нак. къ процентнымъ бумагамъ возникаетъ не въ первый разъ и сильно интересуетъ коммерческій міръ, доказательствомъ чему служитъ поданная въ Московскій Биржевой Комитетъ записка (подписанная 62 лицами) по этому предмету. Полагаю, что Общество наше, предварительно ознакомясь ближе съ требованіями коммерческихъ людей, тѣмъ самымъ станетъ на болѣе надежный путь къ правильному и всестороннему обсужденію предложеннаго мною вопроса.

Затѣмъ А. М. Богдановскій прочелъ докладъ, отъ 16 марта 1871 г., постоянной коммиссіи, состоящей при Московскомъ Биржевомъ Комитетѣ, слѣдующаго содержанія:

„На разсмотрѣніе комиссіи передана поданная въ биржевой комитетъ записка (подписанная 62 лицами) слѣдующаго содержанія:

Реформа, произведенная въ нашихъ кредитныхъ учрежденіяхъ съ 1859 года, и обращеніе вкладовъ прежнихъ кредитныхъ установленій въ 4% билеты непрерывнаго дохода и 5% банковые билеты, погашаемые въ 37 лѣтъ, увеличили число денежныхъ знаковъ, способныхъ служить, подобно звонкой монетѣ и кредитнымъ билетамъ, орудіемъ мѣны и торговли.

Затѣмъ съ учрежденія государственнаго банка на денежномъ рынкѣ является еще особый видъ денежныхъ знаковъ—4% металлическіе билеты; а послѣдовавшее въ Россіи развитіе банковыхъ учрежденій и акціонерныхъ компаній имѣло своимъ послѣдствіемъ появленіе на рынкѣ бумагъ *на предъявителя* на многія сотни милліоновъ.

По указу 1 сентября 1859 года 5% банковые билеты, смотря по волѣ пріобрѣтателя, могли быть *именными* или *на предъявителя*, причемъ переходъ билетовъ изъ однѣхъ рукъ въ другія установленъ былъ для именныхъ *простою бланковою надписью*, а для билетовъ безъименныхъ *простою передачею изъ рукъ въ руки*, а въ случаѣ утраты этихъ билетовъ установлено было руководствоваться ст. 267—271 уст. кред. т. XI изд. 1857 года.

Но засимъ указомъ правительствующаго сената отъ 31 мая 1865 г., вслѣдствіе Высочайше утвержденнаго мнѣнія государственнаго совѣта отъ 17 мая того же года, было установлено, что *именные* билеты могутъ быть передаваемы изъ рукъ въ руки не иначе, какъ съ бланковою или передаточною надписью, *засвидѣтельствованною*, для лицъ живущихъ въ Россіи — *нотаріусами* или же *государственнымъ банкомъ*, *конторами* и *отдѣленіями его*, а для живущихъ за границею *россійскими консульствами;* объявленія же объ утраченныхъ билетахъ *на предъявителя* болѣе не принимаются.

Такимъ образомъ, установивъ болѣе строгія правила для перехода *именныхъ* билетовъ, правительство облегчило обращеніе билетовъ *на предъявителя*, признавая владѣльцемъ оныхъ исключительно того, въ рукахъ котораго находится билетъ.

Во вниманіе къ такому характеру этихъ бумагъ высшія судебныя мѣста признавали, что подобнаго рода бумаги не могутъ быть отбираемы отъ *добросовѣстно* пріобрѣвшихъ ихъ владѣльцевъ, несмотря даже на то, что они оказывались, по слѣдствію и суду, *похищенными*. Тотъ же взглядъ проводимъ былъ въ заключеніяхъ его высокопревосходительства г. министра финансовъ по подобнаго рода дѣламъ. Но нѣсколько недавнихъ случаевъ изъ новой судебной практики привели въ смущеніе всѣхъ владѣльцевъ такихъ бумагъ и въ особенности банкирскія конторы, изъ которыхъ уже многія и привлечены къ судебной отвѣтственности по операціямъ по продажѣ и покупкѣ этихъ бумагъ, хотя бы онѣ оказались вполнѣ добросовѣстными.

Судебныя мѣста и слѣдователи, примѣняя буквально 1664 ст. улож. о наказ. и 1512 ст. 1 ч. X. т. зак. гражд. и не вникая въ истинную цѣль законодателя, при всякомъ случаѣ похищенія бумагъ на предъявителя, получивъ свѣдѣніе о нахожденіи ихъ у извѣстнаго лица, отбираютъ ихъ, несмотря на добросовѣстность ихъ пріобрѣтенія отъ похитителя, хотя бы черезъ *десятыя* руки. При этомъ судебныя мѣста возлагаютъ на обязанность такихъ покупателей, во избѣжаніе привлеченія ихъ къ уголовному суду, точное исполненіе 1511 ст. зак. гражд. т.-е. представленіе *ручательства третьяго лица* въ принадлежности продавцу продаваемыхъ имъ бумагъ.

Такимъ примѣненіемъ закона, несообразнымъ съ характеромъ свободнаго обращенія въ публикѣ бумагъ на предъявителя, уничтожается самая цѣль закона, установившаго переходъ ихъ простою передачею изъ рукъ въ руки, а на практикѣ уничтожается самое понятіе о бумагахъ на предъявителя и усвоенное имъ свободное обращеніе.

Противорѣчія, которыя встрѣчаются во многихъ рѣшеніяхъ по сему предмету, какъ прежнихъ, такъ и новыхъ судебныхъ мѣстъ, происходятъ очевидно отъ неточности редакціи статей, на которыхъ рѣшенія основаны. Такъ: 1) на основаніи 1664 ст. улож. о нак. *все похищенное* имущество, по открытіи онаго, немедленно возвращается тѣмъ, у коихъ оное похищено. Статья эта не дѣлаетъ никакихъ изъятій въ

пользу лицъ, купившихъ имущество съ поручительствомъ; наоборотъ, по смыслу 1512 ст. зак. гражд., движимое имущество, купленное *съ поручительствомъ*, не подлежитъ отобранію. 2) По смыслу 1664 ст. улож. о нак. *краденое* имущество должно быть по розысканіи отобрано у всякаго, слѣдовательно и у *законно пріобрѣвшаго* оное; статья же 375 уст. угол. суд., при сопоставленіи ея съ ст. 777 того же устава, даетъ право полагать, что только вещи, добытыя *чрезъ преступное дѣяніе*, возвращаются хозяину и что слѣдовательно лицо, *законно пріобрѣвшее* вещь, не можетъ подлежать отобранію оной, хотя бы таковая и оказалась *краденою*. 3) Приведенныя статьи закона, упоминая о вещахъ, предметахъ, движимомъ имуществѣ, не дѣлаютъ никакого изъятія въ пользу *звонкой монеты* или *кредитныхъ билетовъ*, которые, на основаніи 402 ст. зак. гражд., причислены къ *движимому имуществу*; поэтому можно заключить, что и краденыя *деньги* отбираются у всякаго, наравнѣ съ прочимъ движимымъ имуществомъ. Съ другой стороны законъ, часто говоря о *движимости* вообще, отдѣльно упоминаетъ о деньгахъ (напр. въ ст. 398 зак. гражд.); поэтому, если принять во вниманіе громадное различіе на практикѣ въ способѣ пріобрѣтенія денегъ отъ прочаго движимаго имущества, не лишено будетъ основанія и другое мнѣніе, т. е. что ст. 375 и 777 уст. угол. суд., ст. 1664 улож. о наказ. и ст. 1512 зак. гражд. имѣютъ въ виду движимое имущество, какъ вещь въ *тѣсномъ смыслѣ слова*.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что, по мысли законодателя, деньги, какъ орудіе мѣны, не могутъ быть смѣшиваемы съ *прочимъ движимымъ имуществомъ* и отбираемы, если они окажутся краденными, отъ лица *неприкосновеннаго къ преступленію*, ибо въ противномъ случаѣ оставалось бы только принимать и деньги съ ручательствомъ и по описи или, другими словами, остановить всю экономическую жизнь въ государствѣ. Основываясь на этихъ заключеніяхъ, лица, подписавшія записку, считаютъ должнымъ ходатайствовать, чрезъ господина министра финансовъ, о разъясненіи въ законодательномъ порядкѣ указанныхъ противорѣчій и о положительномъ опре-

дѣленіи, что всѣ бумаги *на предъявителя*, наравнѣ съ *наличными деньгами*, подлежатъ отобранію лишь отъ лицъ пріобрѣвшихъ оныя *чрезъ преступное дѣяніе* или къ оному *прикосновенныхъ*. Точное опредѣленіе въ законѣ установитъ правильное движеніе этихъ бумагъ и упрочитъ экономическіе интересы какъ частныхъ лицъ, такъ и государственной казны.

Приглашенные предсѣдателемъ коммиссіи для объясненія по вышеизложеннымъ обстоятельствамъ московскіе купцы П. Г. Волковъ (членъ торговаго дома „Гаврила Волковъ съ сыновьями“) и В. С. Марецкій сообщили:

1) П. Г. Волковъ—что въ 1865 г. у него было отобрано полиціей временное свидѣтельство внутренняго 5% съ выигрышами займа въ 500 руб., какъ оказавшееся похищеннымъ у капитана 2-го ранга Асланбекова, каковое распоряженіе полиціи, на основаніи 2251 ст. улож. о наказ. (т. XV изд. 1857 г.), признано правильнымъ и со стороны московскаго магистрата; при чемъ г. Волковъ указалъ еще на рѣшеніе С.-Петербургской судебной палаты по дѣлу Либермана съ обществомъ „Самолетъ“, послѣдовавшее $\frac{13\text{ февраля}}{24\text{ марта}}$ 1870 года, въ которомъ палатой проведенъ подобный же взглядъ. 2) В. С. Марецкій—что 18 іюня 1866 г. были отобраны слѣдователемъ отъ купца Северинова купленныя послѣднимъ въ конторѣ его, Марецкаго, 50 акцій московско-рязанской желѣзной дороги на томъ основаніи, что онѣ будто бы оказались украденными, въ сентябрѣ 1865 г., изъ рогожскаго богадѣленнаго дома, хотя не было никакихъ точныхъ доказательствъ, чтобы тѣ самыя акціи находились, во время совершенія кражи, въ богадѣленномъ домѣ и были оттуда похищены; что дѣло, по жалобѣ Северинова на такое распоряженіе слѣдователя, доходило до разсмотрѣнія московской судебной палаты, со стороны которой, однакоже, распоряженіе это признано правильнымъ; что затѣмъ 11-го января 1867 г. московскимъ окружнымъ судомъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, по разсмотрѣніи дѣла о грабежѣ въ рогожскомъ богадѣленомъ домѣ, между прочимъ опредѣлено: отобранныя отъ Северинова акціи, признанныя украденными, воз-

вратить богадѣленному дому, а Северинову предоставить право искать ихъ стоимость съ него, Марецкаго.

1. Въ указѣ правительствующаго сената (по 1-му департаменту) отъ 31 мая 1865 г. (собр. узак. и расп. прав. 1865 года № 49 ст. 309) значится, что вслѣдствіе представленія г. министра финансовъ объ установленіи новыхъ правилъ о передачѣ 5% банковыхъ билетовъ отъ одного лица къ другому и о пріемѣ объявленій объ утратѣ сихъ билетовъ, послѣдовало Высочайше утвержденное 17 мая 1865 г. мнѣніе государственнаго совѣта, въ коемъ между прочимъ изъяснено: I. Билеты сіи (государственные 5% банковые) выдаются безъименные (на предъявителя) или именные. Безъименные билеты передаются изъ рукъ въ руки, владѣльцемъ ихъ признается держатель билета. Именные билеты передаются на имя другаго лица: или посредствомъ представленія въ государственный банкъ передаваемаго билета, для выдачи новаго, на имя пріобрѣтателя написаннаго, или по бланковой надписи. Переданный по бланковой надписи именной билетъ подчиняется правиламъ, для билетовъ безъименныхъ установленнымъ. II. По прошествіи шести мѣсяцевъ, со дня обнародованія настоящихъ правилъ, новыхъ объявленій о потерѣ безъименныхъ, а также именныхъ 5% банковыхъ билетовъ съ бланковою или передаточною надписью, не принимать.

II. Въ св. зак. т. X ч. 1 значится:

Ст. 1511. Покупщикъ, въ случаѣ неизвѣстности или неблагонадежности продавца, можетъ при передачѣ потребовать отъ него поручительства въ томъ, что продаваемое имущество ему дѣйствительно принадлежитъ.

Ст. 1512. Если движимое имущество куплено безъ поручительства хотя впрочемъ не завѣдомо краденое, но въ послѣдствіи оно окажется краденымъ, то покупщикъ подвергается лишенію онаго и отобранію въ пользу настоящаго хозяина, а ему предоставляется заплаченныя деньги искать на продавцѣ.

III. Въ улож. о наказ. изд. 1866 г. ст. 1664 г. (по улож. о нак. изд. 1857 г. ст. 2251) содержится слѣдующее.

Все похищенное имущество, по открытіи онаго, немедленно возвращается тѣмъ, у коихъ оное похищено.

Разсмотрѣвъ возбуждаемый въ настоящемъ случаѣ вопросъ, съ экономической стороны, коммиссія находитъ:

во1-хъ, что допущеніе возможности примѣнять къ процентнымъ бумагамъ правила, изложенныя въ1512 ст. зак. гражд. (Т. X ч. 1) и 1664 ст. улож. о нак., должно неизбѣжно затруднить ихъ обращеніе на рынкѣ;

во 2-хъ, что, между тѣмъ, къ числу таковыхъ бумагъ принадлежатъ и *билеты государственнаго казначейства* (серіи), которые, находя для себя на практикѣ большое употребленіе при производствѣ торговыхъ разсчетовъ, во многихъ случаяхъ почти одинаковое съ кредитными билетами, представляются поэтому дѣйствительно *орудіями мѣны;*

въ 3-хъ, что не менѣе свободное обращеніе въ торговомъ мірѣ имѣютъ *металлическіе* 4% *билеты*, какъ принимаемые всюду, даже казенными учрежденіями, въ платежи, по ихъ нарицательной цѣнѣ и потому не подвергающіеся измѣненіямъ въ отношеніи послѣдней;

въ 4-хъ, что допущеніе примѣненія сказанныхъ законовъ къ бумагамъ можетъ открыть путь къ большимъ злоупотребленіямъ чрезъ предоставленіе лицамъ неблагонамѣреннымъ возможности, по произведеніи платежа серіями или обмѣнѣ таковыхъ на кредитные билеты (что производится постоянно въ большихъ размѣрахъ), подавать немедленно объявленія объ ихъ *похищеніи*, тѣмъ болѣе что владѣльцы ихъ никогда не могутъ быть въ состояніи доказать, отъ кого ими пріобрѣтены тѣ серіи, такъ какъ, по значительности количества, въ какомъ послѣднія встрѣчаются въ торговлѣ, нѣтъ средствъ къ записыванію ихъ нумеровъ;

въ 5-хъ, что такимъ злоупотребленіямъ можетъ способствовать въ особенности существующій порядокъ подачи объявленій о похищеніи, при которомъ отъ подающаго объявленіе не требуется вовсе доказательствъ, что онъ дѣйствительно имѣлъ тѣ бумаги, о которыхъ подается объявленіе, и что таковыя были у него похищены;

въ 6-хъ, что распространеніе вышеуказанныхъ правилъ на бумаги желѣзнодорожныхъ обществъ можетъ послужить къ стѣсненію дальнѣйшаго развитія желѣзнодорожныхъ предпріятій;

въ 7-хъ, что такъ какъ все количество похищаемыхъ процентныхъ бумагъ чрезвычайно незначительно къ сравненіи съ общимъ количествомъ бумагъ находящихся въ обращеніи, то едва ли справедливо покровительствовать *ничтожному меньшинству*, стѣсняя тѣмъ самымъ *огромное большинство* —дѣлать затрудненія лицамъ, дѣйствующимъ законно съ возможною осторожностью, въ интересахъ такихъ лицъ, у которыхъ похищеніе, въ нерѣдкихъ случаяхъ, происходитъ вслѣдствіе ихъ собственной безпечности;

въ 8-хъ, что при такихъ обстоятельствахъ можетъ быть привлекаемо напрасно къ слѣдствію и суду значительное число лицъ, нисколько не виновныхъ въ совершенныхъ похищеніяхъ и даже неприкосновенныхъ къ нимъ;

наконецъ въ 9-хъ, что для обезпеченія владѣльцевъ бумагъ отъ потерь, въ случаѣ похищенія тѣхъ бумагъ, для послѣднихъ существуетъ возможность обращать ихъ изъ *безъименныхъ* въ *именные*.

Независимо отъ этого коммиссія усматриваетъ, что и по точному разуму закона, изложеннаго въ мнѣніи государственнаго совѣта, Высочайше утвержденнаго 17 мая 1865 года, коимъ постановлено *новыхъ объявленій о потерѣ безъименныхъ, а также именныхъ билетовъ съ бланковой или передаточной надписью, не принимать*, нельзя придти къ иному заключенію кромѣ того что *подача объявленій о похищеніи* сказанныхъ бумагъ *допускаема быть не можетъ*; ибо ясно, что при изданіи таковаго положенія имѣлась въ виду единственная цѣль упрочить свободное обращеніе безъименныхъ бумагъ, а это можетъ быть достигнуто только устраненіемъ *всякой* возможности дѣлать притязанія на такія бумаги, когда онѣ находятся въ рукахъ *другаго лица*, если только послѣднее пріобрѣло тѣ бумаги *не преступнымъ* образомъ. Инаго толкованія вышеприведеннаго закона (17 мая 1865 г.), по мнѣнію коммиссіи, допустить нельзя; иначе самое содер-

жащееся въ немъ правило о *непринятіи объявленій о потерѣ*, утратитъ всякое значеніе, такъ какъ въ случаяхъ *потери* бумагъ, для того чтобы обходить сказанный законъ, будетъ достаточно, взамѣнъ *заявленій о потерѣ* тѣхъ бумагъ, объявлять о томъ, что онѣ *похищены*.

На основаніи вышеприведенныхъ соображеній коммиссія признаетъ необходимымъ, чтобы биржевое общество ходатайствовало предъ правительствомъ:

во 1-хъ, о разъясненіи, въ законодательномъ порядкѣ, вышеуказанныхъ недоразумѣній, представляемыхъ ст. 1512 зак. гражд. (т. X ч. 1) и ст. 1664 улож. о нак.

и во 2-хъ, объ опредѣленіи, что всѣ бумаги безъименныя, равно какъ именныя съ бланковыми надписями, въ случаѣ ихъ похищенія, подлежатъ отобранію только отъ лицъ, *пріобрѣвшихъ оныя чрезъ преступное дѣяніе или же къ таковому прикосновенныхъ*.

Затѣмъ **А. М. Богдановскій** продолжалъ: изъ прочтеннаго мною доклада вы могли усмотрѣть, Мм. Гг., что соображенія коммиссіи главнымъ образомъ основаны на практическихъ неудобствахъ примѣненія 1664 ст. улож. о наказ. къ процентнымъ бумагамъ и на толкованіи Высочайше утвер. мнѣн. госуд. сов. 17 мая 1865 г. Но наша задача прежде всего заключается въ опредѣленіи дѣйствительнаго значенія приведенныхъ въ прочитанномъ мною докладѣ узаконеній. Насъ наиболѣе занимаетъ вопросъ права.

По мнѣнію моему ст. 375 и 777 уст. уг. суд. и 1664 ст. улож. о нак. выражено одно общее начало, по которому вещи, добытыя чрезъ преступное дѣяніе, возвращаются ихъ хозяину, хотя бы онъ и не предъявлялъ никакого иска. Установленное же 1511 ст. том. X. ч. I правило о покупкѣ движимаго имущества съ поручительствомъ о дѣйствительной принадлежности онаго продавцу, составляя исключеніе изъ общаго постановленія закона, служитъ лишь подтвержденіемъ, а не опроверженіемъ послѣдняго. Наличные капиталы, заемныя письма, векселя, закладныя и обязательства всякаго рода принадлежатъ къ имуществамъ движи-

мымъ (т. X. ч. I ст. 402). Законъ не проводитъ никакого юридическаго различія между денежными капиталами и билетами кредитныхъ учрежденій и акціями и облигаціями компаній. По закону право отчужденія имущества принадлежитъ только собственнику (т. X. ч. I. ст. 1384). Право его выше всякаго другаго. Похититель чужаго имущества, не имѣя никакого права на оное, не можетъ сообщить и третьему лицу какое-либо право на подобное имущество. Почему и полагаю, что предложенный мною вопросъ долженъ быть безусловно разрѣшенъ въ смыслѣ утвердительномъ.

Д. П. Суходольскій. Вопросъ, предстоящій вашему, Мм. Гг., обсужденію: подлежатъ-ли %-ныя бумаги на предъявителя отобранію отъ лица пріобрѣвшаго ихъ добросовѣстно, если онѣ окажутся похищенными у прежняго ихъ собственника, представляетъ живой и несомнѣнный интересъ.

Если смотрѣть на сказанныя бумаги, какъ на подспорье ходячимъ деньгамъ, то въ высшей степени важно, чтобы всякій, владѣющій подобною цѣнностью, былъ вполнѣ увѣренъ въ томъ, что она принадлежитъ ему неотъемлемо; въ противномъ случаѣ передача безъименныхъ бумагъ будетъ представлять огромныя затрудненія, обусловливаемыя непрочностью пріобрѣтаемыхъ на нихъ правъ, что съ своей стороны необходимо отразится невыгодно на ихъ курсѣ.

Такова экономическая сторона вопроса, давно уже сознаваемая въ нашемъ торговомъ мірѣ. Насколько важно для послѣдняго категорическое разрѣшеніе настоящаго вопроса въ томъ или другомъ смыслѣ, вамъ станетъ вполнѣ ясно, если вы припомните, что наше биржевое общество возбудило передъ министромъ финансовъ ходатайство о разрѣшеніи недоумѣній, возникающихъ по его мнѣнію при сопоставленіи ст. 1664 улож. о нак., ст. 777 уст. уг. суд. и ст. 1512 X т. съ спеціальными законами, изданными по случаю выпуска въ обращеніе разнаго рода правительственныхъ бумагъ на предъявителя. Ходатайство, о которомъ идетъ рѣчь, будучи заявлено московскими банкирами и имѣя, насколько мнѣ кажется, въ виду прочность биржеваго курса %-хъ бумагъ на предъ-

явителя, а также и непоколебимость всѣхъ совершенныхъ при помощи ихъ денежныхъ оборотовъ, клонится къ разрѣшенію вопроса въ смыслѣ, исключающемъ примѣненіе ст. 1664 и 1512 къ бумагамъ на предъявителя, основывая его почти исключительно на законахъ спеціальныхъ, ознакомиться съ которыми по моему мнѣнію необходимо для правильнаго разрѣшенія вопроса.

Относящіяся къ дѣлу узаконенія я постараюсь изложить по мѣрѣ появленія важнѣйшихъ изъ нихъ, или другими словами, позволю себѣ представить краткій историческій очеркъ появленія у насъ государственныхъ %-ныхъ бумагъ на предъявителя, или банковыхъ билетовъ, какъ ихъ обыкновенно называютъ. Все сказанное объ этихъ бумагахъ можетъ быть вполнѣ примѣнено ко всякаго рода бумагамъ на предъявителя, выпускаемымъ частными обществами, и къ денежнымъ знакамъ вообще.

Правительство, въ видахъ расширенія государственныхъ финансовъ и оживленія экономическаго быта народа, постоянно стремилось къ упрощенію и облегченію обращенія выпускаемыхъ имъ кредитныхъ бумагъ. Съ этою цѣлью имъ были учреждены и пущены въ обращеніе процентныя бумаги на *предъявителя*, которыя считаются собственностью держателя и переходятъ изъ рукъ въ руки простою передачею, чѣмъ отличаются отъ безъименныхъ вкладовъ въ сохранныя казны, составлявшихъ до выпуска бумагъ на предъявителя единственный видъ безъименныхъ билетовъ.

Билеты на предъявителя появились лишь въ 1859 году, т. е. со времени учрежденія 5% банковыхъ билетовъ. Учрежденіе ихъ признано Высочайшимъ указомъ прав. сен. 1 сентября 1859 г. за благо вслѣдствіе убѣжденія въ несоотвѣтствующемъ современнымъ обстоятельствамъ устройствѣ банковыхъ учрежденій, требующихъ кореннаго преобразованія.

Изъ Высочайше утвержденнаго Положенія о 5%-ныхъ банковыхъ билетахъ видно, что (п. 9) они, смотря по волѣ пріобрѣтателя, могутъ быть или именными, или безъ поименованія лица, т.-е. *на предъявителя*; при чемъ установляются правила о переходѣ права собственности на именные билеты отъ од-

ного лица другому простою бланковою надписью безъ засвидѣтельствованія, а на безъименные—одною передачею изъ рукъ въ руки. Въ случаѣ утраты 5%-ныхъ банковыхъ билетовъ велѣно руководствоваться ст. 267 — 271 XI т. изд. 1857 г. (Необходимо своевременное заявленіе съ представленіемъ надлежащихъ документовъ и доказательствъ). Приведенная выдержка изъ указа 1 сентября 1859 г. ясно указываетъ, что правительство, учреждая 5%-ные билеты именные и въ особенности безъименные, имѣло въ виду по возможности облегчить обращеніе ихъ въ публикѣ, устранивъ при переходѣ правъ собственности на нихъ всякаго рода формальности. Словомъ, по мысли своего учрежденія 5%-ные банковые билеты на предъявителя имѣли то же значеніе, какъ и билеты кредитные, подчиняясь тѣмъ же правиламъ пріобрѣтенія и отчужденія, какъ и послѣдніе

Въ такомъ положеніи находилось дѣло до Высочайшаго указа 13 ноября 1864 г., слѣдствіемъ котораго былъ выпускъ 100,000,000 руб. 5%-ныхъ съ выигрышами билетовъ внутренняго займа, сдѣланнаго „для преподанія государственному банку достаточныхъ средствъ къ расширенію операцій его на пользу отечественной промышленности.“

Единовременный наплывъ на денежный рынокъ новаго вида билетовъ на предъявителя долженъ былъ неминуемо вызвать потребность въ еще болѣе легкомъ способѣ укрѣпленія за пріобрѣтателями этихъ билетовъ права собственности на нихъ. Потребность же сдѣлалась насущною въ виду огражденія съ одной стороны довѣрія публики къ кредитнымъ установленіямъ, а съ другой—правъ пріобрѣтателей билетовъ на предъявителя и ей удовлетворило Высочайше утвержденное 17-го мая 1865 г. мнѣніе государственнаго совѣта.

Новый указъ положилъ различіе болѣе рѣзкое чѣмъ существовало прежде между именными билетами и билетами на предъявителя. Онъ нѣсколько затруднилъ обращеніе первыхъ, но за то упрочилъ за билетами на предъявителя ихъ прежнее качество свободный переходъ отъ одного лица другому, постановивъ, что „безъименные билеты пере-

даются изъ рукъ въ руки; владѣльцемъ ихъ признается держатель билета".

Что подъ словомъ „владѣлецъ" законодатель понималъ *собственника* — видно изъ слѣдующихъ словъ того же указа: „по прошествіи 6 мѣсяцевъ со дня обнародованія настоящихъ правилъ новыхъ объявленій о потерѣ безъименныхъ, а также 5%-ныхъ банковыхъ билетовъ съ бланковыми надписями, не принимать; дѣла же по поданнымъ до истеченія сего 6-мѣсячнаго срока объявленіямъ производить на основаніи существующихъ нынѣ по сему предмету постановленій".

Сказаннаго достаточно, чтобы разъяснить, что правительство постоянно со времени введенія въ 1859 году новаго вида собственности, подъ именемъ билетовъ на предъявителя, старалось, въ виду указанныхъ причинъ, упрочить за ними возможно свободную циркуляцію и съ этою цѣлью сравняло даже билетъ на предъявителя съ кредитными билетами, избавивъ первые отъ всякихъ формальныхъ передачъ, что необходимо для поддержанія курса и значенія банковыхъ билетовъ. Въ виду этого законъ запрещалъ даже принимать объявленія о пропавшихъ банковыхъ билетахъ на предъявителя (а также и именныхъ съ бланками), слѣдовательно устранилъ возможность и розыска о томъ, кому принадлежали эти билеты прежде нежели дошли до настоящаго держателя (собственника).

Согласно изложенному взгляду на безъименныя государственныя бумаги состоялось нѣсколько рѣшеній высшихъ судебныхъ мѣстъ, изъ которыхъ я позволю себѣ указать на немногія:

I. Дѣло *Благодарова* съ *Колокольниковымъ* (т. II сб. рѣш. прав. сен. 1853 года ст. 905—907) заключается въ слѣдующемъ: Благодаровъ передалъ по особому условію Колокольникову для представленія въ видѣ залоговъ нѣсколько билетовъ приказа общественнаго призрѣнія на неизвѣстнаго. Колокольниковъ продалъ эти билеты, выдавъ ихъ за свою собственность и заведенное по этому поводу Благодаровымъ дѣло восходило на разсмотрѣніе общаго собранія пр. сен., въ мнѣніи котораго между прочимъ прописано, что билеты приказа

призрѣнія на неизвѣстнаго, на коихъ не означено особыхъ препятствій на передачу ихъ изъ рукъ въ руки, употребляются въ торговыхъ оборотахъ какъ наличный капиталъ и потому отступленіе отъ точнаго разума законовъ (256 т. XI, 349 т. XIII и 1391 т. X) могло бы имѣть послѣдствіемъ непредвидѣнные по торговлѣ убытки и поколебать довѣріе частныхъ лицъ къ кредитнымъ установленіямъ. На этомъ основаніи билеты остались у лицъ пріобрѣтшихъ ихъ у Колокольникова, а Благодарову предоставлено право искать свои убытки съ послѣдняго.

II. Въ дѣлѣ *Караханова* съ *Дарагановъ* проводится тотъ же взглядъ (Ж. М. Ю. 1863 г. стр. 109 — 123) Караханов на именныхъ билетахъ Дарагана сдѣлалъ подложныя бланковыя надписи, перемѣнилъ ихъ на именные же (на свое имя), а эти послѣдніе на безъименные билеты различнаго достоинства, числомъ 18, которые и были имъ проданы въ разныя руки. Наряженная по этому дѣлу слѣдственная коммиссія возбудила вопросъ о наложеніи ареста на эти 18 билетовъ. Дѣло доходило до общаго собранія правительствующаго сената, при чемъ министръ юстиціи находилъ: 1) что означенные 5%-ные банковые билеты, безъименные, къ числу которыхъ принадлежатъ и выданные 20-го февраля 1861 г. Караханову, по силѣ ст. 9 положенія 1-го сентября 1859 г. могли быть передаваемы просто изъ рукъ въ руки, слѣдовательно для передачи ихъ не требуется совершенія ни купчей, ни какого либо акта и 2) что на осн. ст. 10 того же полож. а также ст. 239, 241 и 1201 XI т. денежные вклады, въ банкѣ находящіеся, не могутъ быть конфискованы ни за какія преступленія и не подлежатъ ни описи, ни секвестру ни за какія взысканія, исключая тѣхъ случаевъ когда будетъ обнаружено, что внесенные капиталы присвоены способами противозаконными и когда билеты на тѣ вклады находятся въ рукахъ правительства, но и при семъ выдача капиталовъ производится не иначе какъ по окончательному, вошедшему въ законную силу судебному приговору. Въ настоящемъ же случаѣ не только билетовъ не было въ рукахъ правительства, но и самое

требованіе слѣдственной коммиссіи о наложеніи на нихъ ареста послѣдовало въ то время, когда по дѣлу о похищеніи билетовъ у Дарагана еще вовсе не было постановлено судебнаго опредѣленія.

Что же касается до упомянутой 2251 ст. улож. (1857 г.), продолжаетъ г. министръ, возлагающей на обязанность виновныхъ въ преступленіи вознаградить потерпѣвшаго отъ его преступленія за убытокъ, то хотя 143 ст. XV т. 2 ч. и предписываетъ во время самаго слѣдствія принимать мѣры обезпеченія могущаго пасть на обвиняемаго взысканія, но послѣдствіемъ таковыхъ мѣръ можетъ быть по точному смыслу упомянутой 143 ст. наложеніе запрещенія или ареста лишь на имущество самого должника, подлежащаго слѣдствію. Между тѣмъ билеты, выданные Караханову 20 февраля 1861 г. и на которые наложенъ надворнымъ судомъ арестъ, у Караханова не находятся и гдѣ они находятся—неизвѣстно. Посему налагать на эти билеты арестъ, тогда какъ они можетъ быть принадлежатъ уже совершенно постороннимъ лицамъ, пріобрѣвшимъ ихъ за наличныя деньги и будучи безъименными могутъ находиться въ обращеніи и переходить изъ рукъ въ руки какъ наличныя деньги, не только не представляется законнаго основанія, но значило бы за преступленіе Караханова подвергать отвѣтственности лицъ совершенно постороннихъ; а посему г. министръ полагаетъ: предписать С.-Петербургской палатѣ сдѣлать распоряженіе о снятіи съ упомянутыхъ билетовъ ареста, съ чѣмъ согласилось и большинство гг. сенаторовъ.

Указанныя узаконенія и рѣшенія высшихъ судебныхъ мѣстъ доказываютъ, что правительство смотрѣло на безъименные билеты какъ на деньги и, не допуская даже объявленій о пропажѣ ихъ, устраняло въ отношеніи къ билетамъ на предъявителя дѣйствіе 1512 ст. X т. I ч.

Но рядомъ съ рѣшеніями, на которыя я имѣлъ честь указать, существуетъ цѣлая масса совершенно имъ противоположныхъ, которыя исходя изъ точнаго смысла 1512 ст. X. т. I ч. и 1664 ст. улож. и др., видятъ въ билетахъ на предъявителя ничто иное, какъ движимую собственность вообще

и потому подчиняютъ безъименные билеты тѣмъ же опредѣленіямъ, какъ и всякое движимое имущество.

Ст. 1512, перешедшая въ I ч. X т. изд. 1857 изъ свод. зак. 1842 г., по происхожденію своему старше появленія банковыхъ билетовъ (1 сент. 1859 г.). Она имѣетъ примѣненіе исключительно къ движимымъ имуществамъ и при томъ въ ней проглядываетъ уголовный характеръ, а потому и примѣненіе ея, неминуемо, очень строгое, оставшись неизмѣненнымъ со введеніемъ банковыхъ билетовъ на предъявителя, должно было вызвать взглядъ совершенно противоположный только что изложенному.

Для выясненія втораго, также не лишеннаго правильности взгляда, я ограничусь, какъ въ первомъ случаѣ, нѣсколькими примѣрами, при чемъ необходимо замѣтить, что судебная практика скорѣе склоняется въ пользу взгляда, о которомъ я буду говорить.

I Дѣло *Северинова* еще у всѣхъ на памяти. Северинов купилъ у Марецкаго безъименныя акціи, при чемъ желая оградить себя ст. 1511 X т. I ч., взялъ съ Марецкаго росписку. Впослѣдствіи акціи эти оказались изъ числа украденныхъ на Рогожскомъ кладбищѣ. Судъ постановилъ отобрать акціи отъ Северинова и предоставилъ ему право обратиться съ гражданскимъ искомъ не къ Марецкому, а къ Гальперину, похитителю акцій (ст. 1664 улож.). Это рѣшеніе между прочимъ показываетъ, что судъ беретъ во вниманіе только послѣдняго держателя бумагъ, отъ котораго онѣ отбираются, и предоставляетъ ему право искать съ перваго похитителя; всѣ же другіе посредствующіе держатели—а ихъ могло быть много—легализируются съ того момента какъ бумаги вышли изъ ихъ рукъ, а слѣдовательно отвѣтственность падаетъ совершенно случайно на то, или другое лицо.

II. Дѣло надв. сов. Логинова (Ж. М. Ю. за 1861 г. № 11) рѣшено въ томъ же смыслѣ. Похищенные у Логинова билеты Опекунскаго Совѣта оказались у Андреева и несмотря на то, что послѣдній доказалъ добросовѣстное пріобрѣтеніе ихъ отъ Семенова, а послѣдній былъ оставленъ въ подозрѣніи

по предмету ихъ пріобрѣтенія,—тѣмъ не менѣе билеты были отобраны отъ Андреева для возвращенія Логинову, а первому дано право искать убытки съ Семенова.

III. Упомянемъ еще о случаѣ, надѣлавшемъ много шума въ Москвѣ. Г. Пукаловъ купилъ въ нижегородской конторѣ Волкова нѣсколько выигрышныхъ билетовъ, оказавшихся впослѣдствіи украденными изъ Пермскаго казначейства и билеты эти были отобраны у г. Пукалова по постановленію г. судебнаго слѣдователя г. Симбирска.

Приведенныхъ примѣровъ достаточно, чтобы уяснить сущность втораго взгляда, діаметрально противоположнаго первому. Онъ отправляется отъ того положенія, что банковый билетъ на предъявителя есть имущество движимое, имѣющее потому извѣстную индивидуальность и подлежащее одинаковымъ съ движимыми имуществами опредѣленіямъ.

Мнѣніе это, какъ я имѣлъ честь замѣтить, основано на строгомъ примѣненіи нѣкоторыхъ законовъ, существующихъ одновременно съ спеціальными постановленіями о банковыхъ билетахъ вообще, которыя, повидимому, имѣютъ другой характеръ. Конфликтъ этихъ узаконеній неминуемо порождаетъ затрудненія, разрѣшеніе которыхъ особенно важно не только для занимающихся банкирскими оборотами, но и для всякаго держателя какой-либо %-ной бумаги на предъявителя. Затрудненія же эти резюмируются въ слѣдующемъ вопросѣ.

Предоставляетъ ли ст. 1664 улож., 777 уст. уг. суд. и 1512 X т. I ч. право отбирать движимое имущество вообще и банковые билеты на предъявителя въ особенности не только отъ первыхъ похитителей и ихъ соучастниковъ, но и отъ тѣхъ даже, до которыхъ это имущество или билеты дошли совершенно законно?

Разрѣшая этотъ вопросъ, мы сталкиваемся съ двумя воззрѣніями на сущность бумажныхъ денегъ, какъ представителя извѣстной цѣнности: можно смотрѣть на денежные знаки, а слѣдовательно и на банковые билеты на предъявителя, какъ на всякую другую движимую и индивидуальную вещь и можно съ другой стороны видѣть въ нихъ не болѣе какъ право на опредѣленную цѣнность, такъ какъ реальной

цѣнности сами по себѣ они не имѣютъ. Послѣдній взглядъ на денежные знаки приводитъ къ убѣжденію, что они могутъ выбывать изъ моей собственности не иначе, какъ при участіи моей воли.

Право, какъ понятіе интеллектуальное, какъ власть на внѣшній міръ, признаваемая за мною обществомъ, не можетъ быть отнято у меня произвольно и безвозвратно. Оно можетъ быть нарушено временно, но слѣдствіемъ такого нарушенія является искъ о возстановленіи права, подлежащій уваженію, если будетъ обставленъ соотвѣтствующими требованіямъ закона доказательствами. Отсюда, строго говоря, слѣдуетъ, что право не можетъ быть мною ни утеряно, ни украдено у меня. Оно погашается исключительно способами, указанными въ законѣ. Примѣняя высказанныя соображенія къ бумагамъ на предъявителя, оказывается, что онѣ могутъ выдѣлиться изъ моей собственности не иначе какъ при участіи моей свободной воли. Проводить этотъ взглядъ до его крайнихъ консеквенцій врядъ-ли, впрочемъ, возможно по отношенію къ занимающему насъ вопросу. Допуская даже, что денежный знакъ есть право на извѣстную цѣнность, нельзя однако же упускать изъ виду, что право это, такъ сказать, слито съ извѣстною матеріальною вещью (въ настоящемъ случаѣ оно неразлучно съ тою бумагою, на которой написано обязательство государства или частнаго общества), а потому если на самой вещи не означено, кому она принадлежитъ, то вещь эта, вмѣстѣ съ соединеннымъ съ нею правомъ, даже въ рукахъ незаконнаго держателя будетъ фунгировать также, какъ и въ рукахъ добросовѣстнаго пріобрѣтателя, предоставляя первому тѣ же права, которыми пользовался послѣдній при нахожденіи въ его рукахъ денежнаго знака. Думаю, что отсюда истекаетъ взглядъ на денежные знаки, какъ на индивидуальныя движимыя вещи, а если такъ, то неизбѣжна *rei vindicatio* со всѣми ея неумолимыми послѣдствіями.

Не стану вдаваться въ разсмотрѣніе того, который изъ двухъ взглядовъ правильнѣе. Это завело бы меня слишкомъ далеко и сверхъ того оба взгляда въ конечныхъ своихъ вы-

водахъ сходятся. Вопросъ насъ занимающій, по моему мнѣнію, заключается въ томъ, возможно-ли примѣнять къ находящимся въ обращеніи денежнымъ знакамъ 1664 ст. улож., 1512 X т. I ч. и 777 уст. уг. суд. (т.-е. rei vindicatio).?— Для разрѣшенія его необходимо обратиться къ самому тексту приведенныхъ законовъ.

Первый періодъ ст. 1664, если разсматривать его отдѣльно, могъ бы привести къ убѣжденію, что похищенное имущество отбирается, у кого бы оно ни оказалось, немедленно и возвращается собственнику его. Но соображая указанное мѣсто съ постановленіями остальной части той же ст., я кажется не ошибусь, сказавши, что такое отобраніе по точному смыслу разбираемаго закона имѣетъ мѣсто лишь въ томъ случаѣ, если похищенное имущество во время открытія его продолжаетъ находиться въ рукахъ похитителя. Послѣдующая часть ст. 1664 говоритъ объ отвѣтственности, которой подвергаются виновные за все утраченное и испорченное. Подъ именемъ утраты, въ обширномъ смыслѣ этого слова, должно, мнѣ кажется, разумѣть не одну потерю вещи, но и всякое изъятіе ея изъ владѣнія прежняго собственника, въ томъ числѣ и отчужденіе, соединенное съ выбытіемъ вещи изъ нашего распоряженія, съ утратою на нея правъ собственности. Принимая такое толкованіе слова „утраченные“, должно придти къ убѣжденію, что виновные въ похищеніи въ послѣднемъ случаѣ, т.-е. если похищенная вещь какимъ либо образомъ перестала быть ихъ собственностью, подвергаются имущественной отвѣтственности по правиламъ ст. 59 улож., при чемъ какъ въ этой статьѣ, такъ и въ 1664 не содержится постановленія объ отобраніи похищенной вещи отъ добросовѣстнаго ея пріобрѣтателя. Высказанное мнѣніе подтверждается и ст. 59 улож. Въ ней говорится объ имущественной отвѣтственности преступника передъ тѣмъ, кому его дѣйствіемъ нанесенъ вредъ, или убытокъ, а слѣдовательно, при невозможности отобрать отъ похитителя самую вещь за выбытіемъ послѣдней изъ его владѣнія, лицо потерпѣвшее, на основаніи приведенныхъ законовъ, имѣетъ лишь

право на гражданскій искъ къ похитителю, истекающій изъ преступнаго дѣянія.

Ст. 777 уст. уг. суд. редактирована, по моему мнѣнію, на столько неопредѣленно, что изъ нея трудно сдѣлать какіе либо выводы. Съ перваго взгляда на нее должно придти къ убѣжденію, что къ похищеннымъ вещамъ всецѣло примѣняется rei vindicatio, но выводъ этотъ во многомъ ослабляется слѣдующею 779 ст., постановляющей, что при опредѣленіи вознагражденія за вредъ и убытки, нанесенные преступленіемъ, судъ руководствуется правилами уложенія и постановленіями гражданскихъ законовъ. Я уже пытался выяснить взглядъ уложенія на занимающій насъ вопросъ и потому полагаю, что слѣдуя ему законъ не даетъ права отбирать похищенныя вещи отъ добросовѣстнаго пріобрѣтателя, а предоставляетъ лишь потерпѣвшему гражданскій искъ противъ похитителя.

Останавливаться на высказанномъ взглядѣ я не считаю возможнымъ, ибо онъ не исчерпывалъ бы всего вопроса.

Уложеніе (ст. 64) постановляетъ, что подробныя правила о примѣненіи общихъ о вознагражденіи началъ къ различнымъ случаямъ вознагражденія за причиненные преступленіемъ убытки или вредъ, содержатся въ законахъ гражданскихъ, а уст. уг. (ст. 779) дѣлаетъ ссылку на тѣ же гражданскіе законы, а потому я и позволю себѣ сказать нѣсколько словъ о гражданскихъ законахъ, касающихся нашего вопроса.

Я уже имѣлъ случай замѣтить, что на денежные знаки и безъименные %-ные билеты можно смотрѣть или какъ на движимое имущество, или же какъ на право. Въ данномъ случаѣ имѣя въ виду, что денежный знакъ непремѣнно изображается на какой-либо матеріальной, движимой вещи, что съ уничтоженіемъ послѣдней погибаетъ и право на ней записанное и что слѣдовательно право неразлучно и немыслимо безъ этой матеріальной вещи, я буду разсматривать денежные знаки какъ имущество движимое, генерическое. Такая точка зрѣнія представляется мнѣ тѣмъ болѣе необходимою, что, какъ я уже пытался доказать, нельзя говорить о похи-

щеніи права, и наши гражданскіе законы содержатъ въ себѣ постановленія лишь о похищенныхъ движимыхъ вещахъ.

Общее правило для пріобрѣтенія правъ собственности на движимость (ст. 1510 X т. I. ч.) заключается въ томъ, что оно установляется передачею самой вещи изъ рукъ въ руки, безъ всякихъ формальностей и письменныхъ документовъ.

Ст. 1511 X т. I. ч. предоставляетъ пріобрѣтателю право (но не обязываетъ), если онъ найдетъ то полезнымъ, требовать отъ продавца поручительства въ томъ, что проданное имущество дѣйствительно принадлежитъ, и только при отсутствіи такого поручительства, если имущество окажется впослѣдствіи краденымъ, примѣняются правила rei vindicatio во всей ихъ полнотѣ (ст. 1512 X т. I. ч).

Въ чемъ должно состоять поручительство, о которомъ говоритъ 1511 ст., законъ не опредѣляетъ, но примѣняясь къ общимъ правиламъ о поручительствѣ, я полагаю, что оно должно состоять въ удостовѣреніи постороннихъ лицъ, что проданная вещь дѣйствительно принадлежитъ продавцу и что слѣдовательно титулы какъ отчуждаемаго, такъ и пріобрѣтаемаго владѣнія правильны.

Если же такъ, то одна росписка продавца, удостовѣряющая о принадлежности ему вещи, не соотвѣтствуетъ понятію о поручительствѣ, какъ о способѣ обезпеченія договора. Высказанное приводитъ меня къ убѣжденію, что никто не можетъ подвергнуться отобранію купленной имъ движимой вещи, оказавшейся даже украденной (лишь бы не съ вѣдома покупщика), если успѣетъ доказать правильность титула своего пріобрѣтенія установленнымъ въ законѣ способомъ (ст. 1511 и 1512 X т. I. ч.) Въ послѣднемъ случаѣ, сообразно указаннымъ мною законамъ и правиламъ уложенія, имущественная отвѣтственность передъ лицомъ потерпѣвшимъ падаетъ на продавца, если онъ не докажетъ правильность своего пріобрѣтенія, хотя бы и безъ соблюденія ст. 1511 (т.-е. онъ долженъ доказать, что вещь имъ не украдена), и поручителя по немъ, а купленная съ соблюденіемъ ст. 1511 и 1512 вещь остается въ рукахъ ея пріобрѣтателя.

Резюмируя сказанное, я прихожу къ выводу, что rei vin-

dicatio по нашему закону примѣнима лишь къ тѣмъ лицамъ, которые не могутъ подтвердить правильность своего титула на владѣніе сообразно требованію 1511 ст., и это правило, по моему мнѣнію, безусловно, ибо ст. 1511 не предоставляетъ лицу, сдѣлавшему пріобрѣтеніе, хотя и добросовѣстное, но безъ поручительства, права доискиваться того изъ прежнихъ держателей вещи, которые пріобрѣли ее съ поручительствомъ и такимъ образомъ доказывать правильность принадлежащаго имъ титула.

Примѣненіе высказанныхъ соображеній къ %-нымъ бумагамъ на предъявителя настолько просто, что не требуетъ какихъ либо разъясненій. При помощи ихъ возбуждаемый повидимому съ перваго взгляда конфликтъ между ст. 1512 т. X. ч. 1. и закономъ 1 сентября 1859 устраняется вполнѣ при помощи ст. 1511 X т. ч. I. Нельзя не сознаться, что примѣненіе послѣдней ст. на практикѣ довольно затруднительно, ибо для ускоренія торговыхъ оборотовъ было бы желательно установить переходъ денежныхъ знаковъ по возможности легкій и избавленный отъ всякихъ формальностей.

Всѣ затрудненія подобнаго рода неминуемо вліяютъ на довѣріе общества къ бумагамъ на предъявителя, поселяя въ немъ убѣжденіе, что право собственности на эти бумаги, если не будетъ обставлено иногда довольно затруднительными формальностями, не прочно. Это же недовѣріе, сокращая *запросъ* неравномѣрно къ предложенію, имѣетъ невыгодное вліяніе на курсы.

Европейскія законодательства, насколько мнѣ извѣстно, сознали всю тяжесть указанныхъ мною неудобствъ и потому стремятся къ уничтоженію ихъ. Разборъ касающихся настоящаго вопроса постановленій иностранныхъ государствъ хотя и представляетъ много интереснаго со стороны какъ практической, такъ и теоретической, но говоря строго не входитъ въ предѣлы настоящаго вопроса, имѣющаго цѣлью разрѣшить спорный пунктъ съ точки зрѣнія отечественнаго законодательства. Я буду весьма благодаренъ тѣмъ изъ гг. сочленовъ, которымъ угодно будетъ въ чемъ либо дополнить мой и безъ того слишкомъ длинный докладъ, въ заключеніе

котораго я позволю себѣ установить то правило, къ которому приводятъ меня столь благосклонно выслушанныя вами соображенія.

Отобраніе всякаго движимаго имущества и въ томъ чис лѣ денежныхъ знаковъ отъ лица владѣющаго ими добросовѣстно, въ случаѣ если тѣ вещи или денежные знаки окажутся покраденными, но не съ вѣдома настоящаго ихъ держателя, имѣетъ, согласно ст. 1664 улож., 777 и 779 уст. уг. суд. и 1512 X. т. 1. ч., мѣсто лишь въ томъ случаѣ, если лицо, у котораго найдено покраденное имущество, не озаботилось соблюденіемъ ст. 1511. Въ послѣднемъ же случаѣ титулъ владѣнія для послѣдняго держателя считается правильнымъ, и вещи, дошедшія къ нему указаннымъ способомъ, отобранію не подлежатъ, а имущественная отвѣтственность передъ лицомъ потерпѣвшимъ обращается на продавца, похитителя и поручителей по немъ.

Н. П. Ляпидевскій. Изъ прочитаннаго здѣсь доклада постоянной комиссіи при московскомъ биржевомъ обществѣ усматривается, что главный мотивъ всего доклада и главная нить его слѣдующая: есть вопросъ о практическомъ неудобствѣ, при покупкѣ процентныхъ бумагъ, происходящемъ отъ примѣненій на практикѣ узаконеній, которыя содержатся въ 1664 ст. ул. о нак. и въ 1512 ст. I ч. X т. свод. зак. Не могу не сознаться, Мм. Гг., что право, регулируя жизненныя гражданскія отношенія и доводя ихъ до степени полной гарантіи, всецѣлой охраняемости, не должно забывать и о практическомъ удобствѣ этихъ отношеній, при приложеніи къ нимъ извѣстныхъ юридическихъ нормъ. Но эта послѣдняя задача никогда не должна преобладать или господствовать на столько, чтобы ей приносились въ жертву существенные постуляты права, чтобы ради ея страдала та высокая идея правды, которую носитъ въ себѣ право и водворить которую въ гражданской жизни есть основная его задача. Я считаю непозволительнымъ измѣрять достоинство права, его пригодность или непригодность, практическимъ удобствомъ, ибо норма права другая: это — истина и нравственность, словомъ та вѣчная, исходящая изъ высшихъ отправленій духа,

правда, которая лежитъ внѣ пространства и времени *и которая, исходя изъ духа, есть въ тоже время императивъ его*, если могу выразиться словами великаго Канта.

Переходя отъ этого замѣчанія къ предложенному вопросу, я прежде всего остановлю ваше вниманіе на вопросѣ, что есть собственность?

Собственность есть полное правовое господство лица надъ вещью, безусловное, всецѣлое подчиненіе вещи лицу, въ силу котораго можно сказать, что вещь вполнѣ принадлежитъ этому лицу, исключительно подчинена его волѣ, и потому лицо это противъ всякаго препятствующаго проявленію его владычества можетъ защищаться посредствомъ вещнаго иска. Это безграничное господство лица надъ вещью всецѣло основывается на началѣ освоенія т. е. соединенія духа съ вещью.

Освоять предметы внѣшняго міра значитъ вводить ихъ въ сферу личнаго господства надъ міромъ; въ этомъ процессѣ духъ кладетъ свою печать на вещи, соединяется съ ними, вслѣдствіе чего они являются продолженіемъ лица. Здѣсь, говоря языкомъ Фихте, *я* и *не я* становятся равными между собою; здѣсь достигается тождество *я* и *не я* не на почвѣ метафизическаго созерцанія, а уже на почвѣ практической жизни. Это начало личности въ отношеніи къ вещамъ, начало присущее въ нихъ, и служитъ основаніемъ права собственности. Гдѣ бы я ни былъ, эта связь моя съ вещами разрушиться не можетъ. Она стоитъ и внѣ вліянія времени, если только я буду проявлять какимъ бы то ни было образомъ это владычество, или, если въ то время, какъ я перестаю выражать мою власть, другой, въ теченіе опредѣляемаго положительнымъ правомъ времени, будетъ проявлять его отъ своего лица. Около каждаго лица группируются сферы вещей, и та нить, которая опредѣляетъ эти сферы, которая препятствуетъ выталкиванію вещей изъ сферы одного лица и притяженію ихъ въ сферу другаго лица, *и есть право*. Чтобы вещь отдѣлилась отъ меня, для этого необходимо согласіе моей воли, по которому я самъ выдѣляю вещь изъ моей сферы и передаю другому лицу. Для этого нужно, что-

бы я самъ отрекся отъ связи съ вещью, снялъ бы съ нея печать моего лица, послѣ чего она стала бы для меня чуждою. Гражданское право выработало много формъ, посредствомъ которыхъ разрывается союзъ лица съ вещью. Эти формы наука называетъ способами пріобрѣтенія права собственности первоначальнаго и производнаго.

Я имѣю въ виду главнымъ образомъ послѣднее, между которыми первое мѣсто принадлежитъ гражданскимъ договорамъ. Во всякомъ случаѣ повторяю, для того чтобы вещь перестала быть моею, необходимо чтобы я самъ отвергнулъ свой союзъ съ нею, самъ передалъ бы другому мое право на вещь, по тому или другому титулу. Лишеніе меня возможности фактическаго обладанія вещью, кража ея, не можетъ лишить меня праваго господства надъ нею; печать моей личности на ней не изглаживается, она не перестаетъ быть моею, въ союзѣ со мною, разорвать который могу только я самъ и то путемъ свободнаго выраженія воли. Отсюда понятно, что вещный искъ, охраняющій право собственности и идущій прямо на вещь украденную или присвоенную, въ чьихъ бы рукахъ и по какимъ бы титуламъ она впослѣдствіи ни находилась, имѣетъ абсолютное приложеніе. Если вещь у меня украдена, то украдено фактическое обладаніе ею, но мое право принадлежитъ мнѣ и ни въ какомъ случаѣ не переходитъ къ вору вмѣстѣ съ вещью, такъ какъ преступленіе не создаетъ права для преступника. А если право осталось за мною, никому не передано, то понятно въ силу этого права вещь всегда моя, въ чьихъ бы рукахъ она ни находилась. Если воръ продалъ украденную вещь, то онъ перенесъ только фактическое обладаніе вещью; права же перенести не могъ на томъ простомъ основаніи, что онъ самъ не имѣетъ его, ибо оно осталось за мной. *Nemo in alium plus juris quam ipse habet,* а потому всѣ послѣдующія пріобрѣтенія для меня не имѣютъ никакого значенія. Я беру у всякаго мою вещь, хотя бы она совершила множество самыхъ правильныхъ переходовъ, предоставляя владѣльцамъ ея требовать убытки съ вора.

Отсюда понятно, что безусловное приложеніе вещнаго иска, вытекая изъ права собственности, есть существенный постулатъ права, есть требованіе очевидной справедливости, жертвовать которымъ для практическаго удобства я считаю невозможнымъ.

Отступать отъ вещнаго иска значитъ колебать самый институтъ собственности.

На основаніи всего высказаннаго мною я не вижу никакой возможности сдѣлать исключеніе для процентныхъ бумагъ изъ общаго правила, содержащагося въ 1664 ст. ул. о нак. и въ 1512 ст. I ч. X т. свод. зак.

А. И. Харламповичъ. Законъ, установляя дѣленіе имуществъ на недвижимыя и движимыя, въ тоже время дѣлаетъ различіе между наличными и долговыми имуществами (том. X. ч. I. ст. 416—419). Процентныя бумаги, акціи и облигаціи акціонерныхъ компаній составляютъ ли наличное имущество, вещь въ тѣсномъ значеніи этого слова? Полагаю, что нѣтъ. Всѣ государственныя бумаги, акціи и облигаціи, о которыхъ рѣчь идетъ, никакого другаго значенія имѣть не могутъ кромѣ значенія обязательствъ или государственныхъ, или частныхъ кредитныхъ учрежденій. Они даютъ лишь право, при опредѣленныхъ условіяхъ, на полученіе извѣстной денежной суммы. Свободное обращеніе ихъ въ гражданскомъ оборотѣ и несложный порядокъ передачи изъ рукъ въ руки хотя и составляетъ ихъ отличительную черту, но тѣмъ не менѣе всякая процентная бумага, акція или облигація, хотя бы и выданная на предъявителя, по своей формѣ и внѣшнимъ вообще признакамъ, какъ то: означеніемъ имени учрежденія или компаніи, временемъ выдачи и №, опредѣляется вполнѣ такимъ образомъ, что каждый владѣлецъ ея имѣетъ полную возможность отличить оную отъ всѣхъ другихъ. Очевидно, что и передача права, по закону, дѣйствительна, когда она основана на непринужденномъ согласіи хозяина, и что преступленіе никогда не можетъ служить основаніемъ къ пріобрѣтенію какого либо права. Государственные кредитные билеты—это также обязательства, дающія право на полученіе извѣстной суммы звонкою монетою, которая, строго

говоря, и составляетъ деньги. Вслѣдствіе чего и полагаю, что ст. 375 и 777 уст. угол. судопр. и 1664 ст. улож. о наказ. имѣютъ полное и безусловное примѣненіе ко всѣмъ процентнымъ бумагамъ, а также и къ государственнымъ кредитнымъ билетамъ.

Н. В. Миловъ. Каждый имѣетъ право отыскивать свое имущество изъ чужаго неправильнаго владѣнія — таковъ основный принципъ гражданскаго права (т. X. ч. I ст. 691). Уголовный законъ далѣе этого идетъ, постановляя, что вещи, добытыя чрезъ преступное дѣяніе, возвращаются ихъ хозяину, *хотя бы онъ и не предъявлялъ никакого иска* (ст. 777 уст. угол. судопр). Въ законахъ безразлично употребляются выраженія: *предметы* (ст. 375 уст. уг. суд.), *вещи* (ст. 377), *имущество* (ст. 1664 улож. о наказ.); говорится объ имуществѣ *завѣдомо краденомъ*, или *чрезъ насиліе и обманъ полученномъ*, *о похищенномъ* имуществѣ, *о предметахъ похищенныхъ или отнятыхъ*, *о вещахъ* добытыхъ чрезъ преступное дѣяніе, изъ чего можно заключить, что опредѣленія его охватываютъ всѣ виды движимыхъ имуществъ. Ст. 1512 том. X. ч. I, достаточно разъясняетъ, что купленное и *не завѣдомо украденное имущество*, но безъ поручительства, подвергаетъ покупщика *лишенію онаго и отобранію въ пользу настоящаго хозяина*. Вслѣдствіе чего и присоединяюсь къ мнѣнію нашего сочлена, предложившаго вопросъ.

С. О. Милашевичъ. Изъ прочтенной здѣсь записки Биржеваго Комитета, между прочимъ, видно, что коммиссія, обсуждавшая настоящій вопросъ, ссылается на Высочайше утвержденное 17 мая 1865 г. мнѣніе госуд. совѣта, коимъ постановлено новыхъ объявленій о потерѣ безъименныхъ, а также именныхъ билетовъ, съ бланковою или передаточною надписью, не принимать; но заключеніе ея изъ этого, что и подача объявленій о похищеніи таковыхъ билетовъ допускаема быть не можетъ, по мнѣнію моему, неправильно. Хотя присвоеніе найденныхъ денегъ или вещей также по закону составляетъ проступокъ (ст. 178 уст. о наказ. налаг. мир. суд.), но съ другой стороны потеря денегъ или вещей всегда болѣе или менѣе зависитъ отъ степени осмотритель-

ности самаго хозяина оныхъ, а дѣйствіе присвоившаго находку не заключаетъ въ себѣ понятія о похищеніи чужаго имущества. Воспрещеніе закона принимать объявленія о потерѣ упомянутыхъ билетовъ устраняетъ только возможность для передавшаго ихъ въ постороннія руки и безъ свидѣтелей употребить во зло знаніе времени выдачи и № билетовъ. Все мною сказанное вполнѣ согласуется и съ 534, 538 и 1510 ст. том. X. ч. I, по которымъ движимыя вещи почитаются собственностью того, кто ими владѣетъ, доколѣ противное не будетъ доказано; находка причисляется къ способамъ пріобрѣтенія движимыхъ имуществъ, которыхъ владѣлецъ неизвѣстенъ и наконецъ переходъ движимыхъ имуществъ можетъ совершаться простою передачею оныхъ. Но когда имущество добыто чрезъ преступное дѣяніе, то всѣ сдѣлки виновнаго и послѣдующія не могутъ имѣть никакого значенія и оно безусловно должно подлежать отобранію въ пользу настоящаго хозяина.

А. Ф. Марконетъ. По итальянскому гражданскому уложенію хозяинъ похищенной вещи можетъ требовать ее отъ добросовѣстнаго владѣльца, у котораго онъ ее найдетъ; но сей послѣдній имѣетъ право требовать вознагражденіе съ лица, отъ коего онъ ее получилъ. Если впрочемъ настоящій владѣлецъ украденной или потерянной вещи купилъ ее на ярмаркѣ или базарѣ, или по случаю публичной продажи, или отъ купца, занимающагося продажею такихъ предметовъ, то собственникъ *можетъ требовать возвращенія своей вещи не иначе, какъ уплативъ владѣльцу цѣну, имъ на покупку оной употребленную* (ст. 708 и 709). Итакъ по этому уложенію право собственника требовать возвращенія похищеннаго имущества до нѣкоторой степени ограничено. Полагаю поэтому, что ходатайство Биржеваго Комитета не вполнѣ безъосновательно о необходимости пересмотра, въ законодательномъ порядкѣ, приведенныхъ имъ узаконеній, подрывающихъ довѣріе и свободное обращеніе процентныхъ бумагъ на предъявителя и именныхъ съ бланковыми передаточными надписями.

Н. В. Баснинъ. Мнѣ кажется, Мм. Гг., что при существующемъ у всѣхъ народовъ несложномъ и неформальномъ порядкѣ пріобрѣтенія правъ на движимыя имущества, при очевидной отъ сего невозможности для пріобрѣтателя, въ каждомъ данномъ случаѣ, удостовѣриться съ точностью въ правѣ отчуждателя, добросовѣстность или недобросовѣстность владѣнія не легко можетъ быть констатирована. Самое право собственности настоящаго хозяина похищеннаго имущества еще болѣе представляетъ затрудненія, когда дѣло идетъ о доказательствахъ.

Одно заявленіе о похищенномъ имуществѣ рѣшительно не имѣетъ никакого значенія по отношенію къ лицамъ, не принимавшимъ участія въ преступленіи. При такомъ, неопредѣленномъ никакими формальными актами, положеніи владѣльцевъ движимаго имущества, фактъ самаго владѣнія, по мнѣнію моему, составляетъ наиболѣе твердую основу и права собственности на владѣемое имущество. Но такъ какъ возможно иногда и противное, то наиболѣе было бы справедливымъ во всѣхъ случаяхъ столкновенія правъ истца, требующаго движимое имущество изъ чужаго незаконнаго, но добросовѣстнаго владѣнія, съ правами такого владѣльца, распредѣлить невыгодныя послѣдствія, проистекающія изъ необходимаго начала свободы передачи движимыхъ имуществъ, поровну между ними. Такимъ образомъ я полагалъ бы наиболѣе соотвѣтствующимъ идеѣ правды установленіе правила, по которому бы настоящій хозяинъ похищеннаго имущества имѣлъ право на отобраніе его отъ добросовѣстнаго владѣльца, не иначе какъ уплативъ ему полорину той суммы, за которую было пріобрѣтено владѣльцемъ имущество. Высказанное мною положеніе не есть только плодъ моей фантазіи. Я заимствую его изъ сознанія народнаго, выражающагося въ краткой, но многозначущей пословицѣ „грѣхъ по поламъ“ что и примѣняется на дѣлѣ народными судьями во всѣхъ случаяхъ, когда убытокъ произошелъ неумышленно. Въ заключеніе дополню, что наилучшій законъ тотъ, который опирается на живущей въ сердцѣ народа правдѣ. Такъ классическій Римъ обязанъ былъ своимъ высокимъ юридическимъ развитіемъ преторскому праву.

А. М. Фальковскій. Мм. Гг. Владѣніе и правомѣрность его, какъ фактъ и какъ самостоятельное право, признается и нашими гражданскими законами (т. X. ч. I. ст. 514 и 531). Кромѣ того, въ каждомъ владѣніи, по крайней мѣрѣ движимымъ имуществомъ, предполагается и право собственности. „Движимыя вещи почитаются собственностью того, кто ими владѣетъ, *доколѣ противное не будетъ доказано*". (Тамъ же ст. 534). Движимыя имущества могутъ быть пріобрѣтаемы законными способами, и безъ всякихъ письменныхъ актовъ, по однимъ словеснымъ договорамъ и соглашеніямъ. (Тамъ же ст. 710). Пріобрѣтатель движимаго имущества у лица ему извѣстнаго и благонадежнаго не обязывается изслѣдованіемъ правъ послѣдняго на отчуждаемое законными способами (примѣч. къ 699 ст. т. X. ч. I) имущество. Послѣ этого, казалось бы, что несправедливо добросовѣстно пріобрѣтенное движимое имущество подвергать отобранію отъ пріобрѣтателя онаго, въ пользу настоящаго хозяина, безъ вознагражденія перваго употребленною на пріобрѣтеніе имущества суммою. Тѣмъ неменѣе законъ (т. X. ч. I. ст. 609) всякаго, владѣвшаго не законно чужимъ имуществомъ, *несмотря на то добросовѣстное или недобросовѣстное было сіе владѣніе,* обязываетъ, *по окончательному рѣшенію суда,* не медля возвратить имущество настоящему хозяину онаго. Это основное правило гражданскаго права подтверждается и правомъ судебной защиты по имуществамъ. (Тамъ же ст. 691). Вслѣдствіе чего не отвергая, по русскому праву, вещнаго иска противъ всѣхъ и каждаго, я остановлюсь прежде всего на томъ: возможно ли по уголовнымъ законамъ, до окончательнаго рѣшенія суда гражданскаго, отобраніе похищеннаго имущества не только отъ обвиняемыхъ въ преступленіи и участвовавшихъ въ ономъ, но и отъ всякаго другаго владѣльца, неприкосновеннаго къ уголовному дѣлу? Полагаю, въ отношеніи послѣдняго, что нѣтъ. Во 1-хъ потому, что въ пользу владѣльца такого существуетъ законное предположеніе *о правѣ собственности* на имущество, состоящее въ его владѣніи, и во 2-хъ, что право настоящаго хозяина можетъ быть только противопоставлено праву владѣльца не иначе какъ въ формѣ гражданскаго ис-

ка, причемъ доказать его лежитъ прежде всего на обязанности истца. Но что же мы усматриваемъ въ законахъ уголовныхъ? Въ нихъ говорится объ отобраніи похищеннаго имущества, даже и въ томъ случаѣ, *хотя бы хозяинъ имущества и не предъявлялъ никакого иска* (ст. 777 уст. уг. судопр.). Очевидно, что такое постановленіе мыслимо лишь, и то въ качествѣ исключенія, по отношенію къ лицамъ обвиняемымъ и прикосновеннымъ къ уголовному дѣлу. Допустить иное толкованіе невозможно, не отрицая одного изъ самыхъ существенныхъ институтовъ гражданскаго права, а именно *владѣнія* и не нарушая законовъ, охраняющихъ его. Переходя затѣмъ къ 1511 ст., составляющей, по мнѣнію моему, исключеніе изъ правила, выраженнаго въ 609 ст., и къ 1512 ст. т. X. ч. I, обращаю вниманіе Общества, что установленное этими узаконеніями правило о поручительствѣ, ограничивается только случаемъ *купли* движимаго имущества; что въ немъ нельзя не видѣть установленія *формальнаго удостовѣренія* въ добросовѣстности пріобрѣтателя имущества и что только при несоблюденіи этого условія по 1512 ст. покупщикъ подвергается лишенію купленнаго не завѣдомо краденаго имущества и отобранію онаго въ пользу настоящаго хозяина. Но если, по мысли закона, поручительству въ благонадежности продавца движимаго имущества присвоено столь великое значеніе, исключающее даже возможность виндикаціоннаго иска, то очевидно, что пріобрѣтеніе %-ныхъ бумагъ, акцій и облигацій въ банкирскихъ конторахъ, въ правленіяхъ акціонерныхъ обществъ, въ кредитныхъ учрежденіяхъ и въ установленныхъ для публичной продажи мѣстахъ представляется еще болѣе надежнымъ поручительствомъ *добросовѣстности* пріобрѣтенія движимыхъ имуществъ, чѣмъ то, недостаточно опредѣленное, поручительство, о которомъ говорится въ 1511 ст. зак. гражд. Вслѣдствіе чего и отобраніе процентныхъ бумагъ, акцій и облигацій на предъявителя, пріобрѣтенныхъ при изложенныхъ обстоятельствахъ, противорѣчило бы разуму закона о поручительствѣ при куплѣ движимыхъ имуществъ вообще. Но кромѣ купли существуютъ и другіе законные способы пріобрѣтенія правъ на имущества,

какъ то: дарственные и безмездные, наслѣдство, способы обоюдные и договоры и обязательства (тамъ же примѣч. къ 699 ст.). Какимъ же образомъ поступать, когда похищенное имущество поступило во владѣніе сторонняго лица по завѣщанію, по наслѣдству, мѣною или инымъ способомъ, кромѣ купли? Все это достаточно указываетъ на неполноту и неясность гражданскихъ законовъ по сему предмету. Наиболѣе же важнымъ основаніемъ къ правильному разрѣшенію предложеннаго вопроса должно служить существенное различіе имуществъ, состоящихъ въ гражданскомъ оборотѣ. Государственные кредитные билеты, %-ныя бумаги, акціи и облигаціи на предъявителя или именныя съ бланковыми передаточными надписями, несомнѣнно служа средствомъ для всѣхъ гражданскихъ оборотовъ и въ особенности коммерческихъ, должны быть выдѣлены изъ массы прочихъ движимыхъ имуществъ. Свободное обращеніе государственныхъ кредитныхъ билетовъ, %-ныхъ бумагъ, акцій и облигацій не только въ данномъ государствѣ, но и на всемірномъ рынкѣ составляетъ отличительную ихъ черту. Для того чтобы внушить довѣріе къ онымъ необходимы такія правила, которыми обезпечивалось бы вполнѣ за добросовѣстными пріобрѣтателями оныхъ спокойное и безспорное владѣніе или возможность, по крайней мѣрѣ, устранить имущественный ущербъ, при обратномъ истребованіи въ пользу настоящаго хозяина самыхъ %-ныхъ бумагъ и проч.

Напрасны были бы опасенія на счетъ неприкосновенности права собственниковъ установленіемъ нѣкоторыхъ изъятій изъ правила, изложеннаго въ 609 ст. т. X. ч. I. По мнѣнію моему законъ, которымъ бы преграждался или ограничивался вещный искъ похищенныхъ %-ныхъ бумагъ на имя предъявителя, по большей части оградилъ бы, преимущественно, права настоящихъ хозяевъ. Въ самомъ дѣлѣ мыслимо ли съ практической точки зрѣнія безусловное rei vindicatio относительно предметовъ непрестанно переходящихъ изъ рукъ въ руки безъ всякихъ актовъ, единственно на основаніи словеснаго соглашенія контрагентовъ; возможно ли осуществленіе права судебной защиты (т. X. ч. I. ст. 691) имущества, перенося-

щагося съ необычайною быстротою въ самыя отдаленныя страны земнаго шара и наконецъ чѣмъ гарантированы въ международномъ правѣ и судъ и исполненіе по подобнаго рода дѣламъ? Все это приводитъ меня къ убѣжденію, что ходатайство биржеваго комитета заслуживаетъ особеннаго вниманія. Въ уставахъ кредитныхъ учрежденій, частныхъ банковъ и правленій компаній и акціонерныхъ обществъ невозможно было установить запрещенія о подачѣ объявленій о похищеніи %-ныхъ бумагъ, акцій и облигацій, потому что симъ преграждался бы и путь къ уголовному преслѣдованію виновныхъ и участвовавшихъ въ преступленіи. Но запрещеніе объявленій о потерѣ %-ныхъ бумагъ на предъявителя не доказываетъ ли отчасти устраненіе относительно оныхъ виндикаціоннаго иска. Такимъ образомъ, изъятіе государственныхъ кредитныхъ билетовъ и %-ныхъ бумагъ на предъявителя отъ дѣйствія 609 ст. т. X. ч. I, 375 и 777. ст. уст. угол. судопр. и 1664 ст. улож. о наказ., установленіемъ правила, подобнаго приведенному нашимъ сочленомъ А. Ф. Марконетомъ изъ итальянскаго гражданскаго уложенія, на дѣлѣ оказалось бы надежнымъ оплотомъ и права собственности, и средствомъ къ устраненію практическихъ неудобствъ свободнаго обращенія %-ныхъ бумагъ на предъявителя.

Законы благодѣтельны не только когда они суть осуществленіемъ въ жизни нашей идеи справедливости, но и когда вытекаютъ также изъ принципа необходимости и природы вещей.

В. Н. Лешковъ. Мм. Гг! Вопросъ, при состоявшихся преніяхъ, наконецъ поставленъ такъ: должно ли и въ этомъ случаѣ допустить дѣйствіе rei vindicationis, или нашего стариннаго свода? Я отрицательно отвѣчаю на этотъ вопросъ, и вотъ по какимъ общимъ соображеніямъ и спеціальнымъ основаніямъ.

1. *Общія соображенія.* Рабъ своей республики, римлянинъ былъ деспотомъ и господиномъ своей семьи, своего дома, своего имущества и, какъ бы для доказательства того, что гражданское право легко уживается съ рабствомъ, римлянинъ даже отъ своей имперія искалъ только освященія это-

го своего имущественнаго, гражданскаго права. Посему-то идеей римскаго гражданскаго права служила личность и личная собственность, долженствовавшая содѣлаться единственнымъ обезпеченіемъ лица и единственнымъ источникомъ его наслажденій. Каждый римлянинъ все долженъ былъ имѣть у себя и чрезъ себя, отъ врача до педагога, не ожидая помощи отъ общества. Сила власти лица надъ имуществомъ опредѣляетъ твердость связи лица съ вещью; посему идеаломъ римской личной собственности было поземельное право съ его dominium, servitus, emphyteusis, superfices, hypotheca. И стала римская личная собственность чѣмъ-то твердымъ, неподвижнымъ, вѣчно и непосредственно связаннымъ съ личностью хозяина. Тутъ rei vindicatio была необходимостью.

Человѣкъ новой исторіи, съ христіанства, эманципируется отъ политическаго гнета salutis reipublicae созданіемъ своихъ общественныхъ интересовъ — вѣры, морали, просвѣщенія, благосостоянія и затѣмъ созданіемъ обществъ, церковнаго и свѣтскаго, служившихъ алтарю и престолу, просвѣщенію и промышленности, по городамъ, селамъ и земствамъ. Отсюда вышло, что идея новыхъ, славяно-германскихъ народовъ не воплощается исключительно въ лицѣ, а соединена въ лицѣ и въ обществѣ, до общественной самостоятельности, до общественнаго самоуправленія, до общественнаго права, и притомъ такъ, что все общественное, постоянное развивается самимъ обществомъ, при посредствѣ особенно постоянныхъ объектовъ, каковы земля и общественныя учрежденія, а лицамъ предоставляется особенно область движимаго и подвижнаго, которое находится въ постоянномъ оборотѣ, по закону вѣчнаго, болѣе и болѣе ускоряющагося движенія мѣны, обмѣна, оборота. Тутъ почти нѣтъ мѣста спокойному праву собственности, которое замѣняется владѣніемъ, часто мнимымъ, фиктивнымъ, на основаніи довѣрія, или кредита, и не реальнаго, а вполнѣ личнаго. Оборотъ и кредитъ не совмѣстимы съ rei vindicatio.

Собственность въ Римѣ подобна собственности въ стоячей водѣ озера, гдѣ хозяинъ постоянно сохраняетъ господство надъ каждою каплею воды въ его озерѣ. Собствен-

ность въ новой исторіи является собственностью въ водахъ стремительно бѣгущей рѣки, гдѣ хозяину принадлежитъ вѣчное владѣніе всѣмъ богатствомъ водъ, но исключительная собственность только надъ тѣми каплями, которыя успѣетъ онъ зачерпнуть въ свой сосудъ. Не токмо рабы эманципированы въ наше время, но и граждане, господа, потому что посредствомъ оборотовъ эманципируются даже объекты ихъ права. Нѣтъ болѣе точекъ на землѣ, или объектовъ, къ которымъ, какъ недвижимымъ, были бы привязаны лица. Оборотъ, какъ и собственность, становится правомъ,—правомъ оборотовъ, промышленнымъ, или промысловымъ правомъ, торговымъ, вексельнымъ, гдѣ уже играютъ роль не господа, domini, а владѣльцы, промышленники, не имущества, а товары и даже деньги, не договоры, ведущіе къ спокойному обладанію разъ чрезъ нихъ пріобрѣтенному, а вѣчная мѣна и смѣна промышленниковъ, товаровъ, договоровъ, по началу личнаго кредита, въ формѣ векселя. О rei vindicatio тутъ говорить не приходится.

2. *Спеціальныя основанія.* a) Кредитныя бумаги и денежные знаки не составляютъ собою той res, вещи, къ которой въ обыкновенной гражданской жизни примѣняется rei vindicatio, какъ способъ возврата данной видовой, именно этой, а не другой вещи, не подлежащей замѣнѣ. Бумаги не болѣе, какъ бумаги; не онѣ интересуютъ владѣльца, а ихъ цѣнность, которая не перестаетъ быть равною себѣ, не перестаетъ быть цѣнностью, замѣняясь золотомъ и серебромъ, или другими бумагами и другими кредитными билетами одинаковой цѣны.

b) Furtum у римлянъ было delictum privatum и давало обокраденному хозяину право требовать штрафа, напр. in duplum etc. и возвращенія самой вещи. Въ наше время, воровство—преступленіе, подлежащее наказанію. Хозяину возвращается только его вещь, но съ вознагражденіемъ, но возвращается и отъ похитителя и отъ всякаго виноватаго, но только отъ виноватаго. За то теперь, дѣйствіемъ полицейской и судебной власти, скорѣе отыщется виноватый, чѣмъ то можно было сдѣлать въ Римѣ, при частномъ граждан-

скомъ характерѣ воровства—кражи. Спрашивается, чѣмъ виноватъ и предъ кѣмъ тотъ, кто, въ общемъ круговоротѣ оборотовъ, въ извѣстную минуту, случайно владѣетъ вещью, когда-то, кѣмъ-то, у кого-то похищенною, и владѣетъ на основаніи совершенно законномъ, легальномъ? Не будетъ ли тутъ rei vindicatio посягательствомъ на его jus adquisitum, вполнѣ признанное, обезпеченное?

c) У римлянъ, какъ и у насъ по Своду Законовъ, rei vindicatio требовало доказательствъ собственности со стороны отыскивающаго, т. н. actionem diabolicam, конечно, не въ значеніи иска чертовскаго, а въ смыслѣ нашего стариннаго свода, переносившаго отвѣтственность все далѣе и далѣе на другія лица, какъ это слышится въ греч. словѣ: διαβαλλω. Этотъ искъ былъ конечно чертовски труденъ и даже невозможенъ, а потому rei vindicatio въ самомъ Римѣ было правомъ фиктивнымъ, и по увѣренію пандектистовъ, римляне не пользовались имъ, довольствуясь publiciana actione и называя себя при этомъ добросовѣстными владѣльцами, а не собственниками. А въ такомъ случаѣ нашъ добросовѣстный владѣлецъ кредитныхъ бумагъ будетъ навѣрно признанъ въ правѣ собственности, стало быть въ лучшемъ правѣ, чѣмъ право отыскивающаго. Пандекты Барона, 1872. Berlin, стр. 316 и 317 убѣждаютъ, что самъ знаменитый римскій юрисконсультъ Ульпіанъ былъ того же мнѣнія относительно извѣстнаго даннаго случая, гдѣ противъ publiciana actio допускается exceptio paris bonae fidei possessionis, и дается преимущество настоящему владѣльцу предъ отыскивающимъ прежнимъ. Въ самомъ дѣлѣ, кто тутъ первый хозяинъ бумагъ? И отыскивающій такъ же купилъ эти бумаги, какъ и добросовѣстный владѣлецъ, и кто поручится, что, доискиваясь права собственности отыскивающаго свои бумаги, не найдемъ, что эти бумаги были уже нѣкогда разъ похищены у третьяго, четвертаго и т. д. хозяина?

d) Но главное, что rei vindicatio, требуя доказательства собственности въ безконечность до совершенія кражи и въ безконечность послѣ ея совершенія, при дѣйствіи нашей десятилѣтней давности, совершенно должно остановить обо-

роты и уничтожить всякій кредитъ въ обществѣ, т. е. въ пользу гражданскаго права нарушать общественное.

е) Вотъ почему, думаю, итальянское уложеніе, романскаго впрочемъ происхожденія и духа, уступило, не скажемъ времени, или экономическому быту, а столь же признанному, какъ и гражданское, общественному праву оборотовъ, праву народной промышленности, праву общественнаго кредита, ограничивая rei vindicatio въ этой области права. Не станемъ представлять изъ себя романистовъ болѣе ярыхъ, чѣмъ сами романисты, и юристовъ болѣе римскихъ, чѣмъ самъ Ульпіанъ.

Заключеніе большинства по обсужденному вопросу состоялось слѣдующее:

За исключеніемъ случая, предусмотрѣннаго 1511 ст. т. X. ч. 1, движимое имущество, добытое чрезъ преступное дѣяніе, по отысканіи онаго у кого бы то ни было, по закону подлежитъ возвращенію *тѣмъ, у кого оное было похищено или отнято*, кромѣ вещественныхъ доказательствъ преступленія, если въ нихъ представляется надобность по уголовному дѣлу, которыя возвращаются по принадлежности не прежде какъ по вступленіи приговора въ законную силу.

ИСТОРІЯ

ЛИТЕРАТУРНОЙ СОБСТВЕННОСТИ ВО ФРАНЦІИ. (*)

Сочиненіе Роберта Барруа Д'Оржевала.

Переводъ съ французскаго И. Головачевскаго.

Мы считаемъ нужнымъ слѣдовать въ этомъ историческомъ изложеніи хронологическому порядку. Понятно, что онъ представляется самымъ вѣрнымъ путемъ для достиженія поставленной нами цѣли—показать, какъ этотъ столь важный теперь вопросъ (о литературной собственности) могъ родиться, расти и развиваться, будучи долгое время игнорируемымъ и ничтожнымъ, тогда какъ все болѣе и болѣе возраставшее упроченіе его было синонимомъ прогресса, улучшенія и даже нравственнаго и интеллектуальнаго развитія.

Привилегіи (которыхъ намъ пришлось такъ мало коснуться) положили начало литературной собственности. Это новое право было результатомъ спора о привилегіяхъ въ то время, когда прогрессъ матеріальныхъ улучшеній и прогрессъ въ области мысли могъ сказать какъ привилегированнымъ, такъ и не привилегированнымъ книгопродавцамъ: ваши права не болѣе какъ второстепенныя права, имѣющія теперь значеніе только въ дѣлѣ вознагражденія издержекъ (по изданію произведеній); эти второстепенныя права берутъ свое начало изъ священнѣйшаго права изобрѣтенія и собственности,

(*) См. Юридич. Вѣстн. мартъ 1872 г.

подвергаясь всѣмъ случайностямъ ихъ. Съ этого времени, вмѣсто типографщиковъ и книгопродавцевъ, на первый планъ выступаетъ самъ писатель, который создаетъ свое произведеніе и располагаетъ имъ по своему усмотрѣнію. Позже тотъ же прогрессъ скажетъ власти: несправедливо полагать дѣйствіе права только въ пожалованіи писателямъ награды, которой они не могутъ принять, потому что не должны быть ограблены; имъ нужны признаніе и защита ихъ правъ. Вотъ неизбѣжный шагъ вопроса, но будемъ слѣдовать шагъ за шагомъ.

„Въ XVII вѣкѣ, говоритъ генеральный адвокатъ Ségnier, начинаютъ сочувствовать праву собственности писателей; иногда его признавали, особенно когда они просили объ этомъ". Въ самомъ дѣлѣ, въ 1761 году Совѣтъ по дѣлу внуковъ Ля-Фонтена издалъ замѣчательное постановленіе. Барбенъ (Barbin) первый издалъ произведенія ихъ дѣда; ему дана была на нихъ привилегія, потомъ продолжена, и онъ уступилъ ее другимъ. Спустя 60 лѣтъ послѣ смерти баснописца внуки его ходатайствовали и получили привилегію на напечатаніе сочиненій, собственниками которыхъ они себя считали. (Еще при жизни своей Ля-Фонтенъ продалъ свои авторскія права, какъ остатокъ своего имущества, такъ что пришлось оправдаться написанной имъ эпитафіи:

Jean s'en alla comme il était vénu
Mangeant son fond avec son revenu.

Цессіонарій Барбена, поддерживаемый обществомъ парижскихъ книгопродавцевъ, заявилъ противъ этой привилегіи въ синдикальную палату (à la chambre syndicale). Вотъ въ какихъ словахъ отвѣчали внуки Ля-Фонтена на это притязаніе: „извѣстно, что никто изъ книгопродавцевъ и типографщиковъ не имѣетъ дѣйствительной привилегіи на изданіе произведеній Ля-Фонтена, слѣдовательно просители могли обратиться къ щедротамъ короля, чтобы испросить себѣ позволеніе, которое и было имъ даровано. Просители—прямые потомки Ля-Фонтена; естественно, что сочиненія его принадлежатъ имъ по праву наслѣдства, потому что нѣтъ никакого права

(titre), никакой привилегіи, которыя бы устраняли ихъ отъ упомянутаго права. Слѣдовательно притязаніе книгопродавцевъ неосновательно, а потому не можетъ быть принято во вниманіе. Королевскій совѣтъ совершенно согласился съ этими доводами и утвердилъ привилегію несмотря на притязаніе книгопродавцевъ. Какое же нужно придавать значеніе этому постановленію отъ 14 сентября 1761 года? Не есть ли это просто признаніе литературной собственности? Нѣтъ, но однако же дѣло клонится къ тому. Рѣшеніе отъ 14 сентября 1761 года не есть признаніе литературной собственности, такъ какъ цѣль его была показать, что примитивный привилегированный издатель не навсегда облеченъ исключительнымъ правомъ на уступленное ему вначалѣ произведеніе. Не смотря на отсрочки привилегій, не смотря на то, что онѣ могли быть въ нѣкоторомъ отношеніи выгодны для власти, постановленія относительно книгопечатанія всегда носятъ характеръ современности (un caractère de temporaneité); какъ сначала парламентъ высказывается въ пользу непривилегированныхъ книгопродавцевъ, такъ потомъ онъ склоняется въ пользу наслѣдниковъ писателя, это—другая сторона того самаго вопроса. Рѣшеніе отъ 14 сентября 1761 года есть полный шагъ къ признанію литературной собственности, и мысль объ этомъ вкрадывается почти безъ вѣдома тѣхъ, которые способствовали появленію этого постановленія, какъ jus postliminii. Хотя и этотъ шагъ имѣетъ свое значеніе, но здѣсь на первомъ планѣ стоитъ власть, распоряжающаяся посредствомъ привилегій произведеніемъ писателя, а это-то и даетъ намъ право отрицать у постановленія по дѣлу внуковъ Ля-Фонтена характеръ признанія литературной собственности. Но въ тоже время это есть предпочтеніе, оказанное автору предъ книгопродавцами не привилегированными; это почти признаніе права, правда второстепеннаго, но которое современемъ займетъ свое мѣсто, мѣсто наслѣдственнаго права литературной собственности. До сихъ поръ мы видѣли, что сначала признаны были привилегированные, а потомъ непривилегированные книгопродавцы; теперь же привилигерованные книгопродавцы продолжаютъ быть первыми вла-

дѣльцами всѣхъ выгодъ и всѣхъ правъ; но непосредственно за ними становится писатель и его наслѣдники, которые стремятся вытѣснить привилегированныхъ книгопродавцевъ. Правительственная привилегія, привилегія автора и его исходящихъ—вся бѣда въ этихъ двухъ словахъ, и не смотря на борьбу, правительственная привилегія беретъ верхъ надъ авторскою до тѣхъ поръ, пока не исправлена важная ошибка въ названіи, пока слово *авторская привилегія* не замѣняется словомъ *авторская собственность*. Теперь мы послѣдуемъ за различными фазами борьбы, причемъ увидимъ, что правительственныя привилегіи иногда даже подвергались значительному урону, но полная побѣда осталась за авторомъ только тогда, когда онъ первый отказался отъ предоставленной ему привилегіи, для того чтобы литературная собственность была признана и получила дѣйствіе, какъ законное право. Постановленіе по дѣлу внуковъ Ля-Фонтена не было исключительнымъ. Вскорѣ послѣдовалъ другой аналогическій случай, благодаря семейству Фенелона, которое просило, устраняя издателей - книгопродавцевъ, возобновленія привилегіи на изданіе сочиненій ихъ знаменитаго предка. Два послѣдовательныя постановленія одного и того же характера стали безпокоить и даже пугать привилегированныхъ книгопродавцевъ. Какъ въ 1725 году мы видѣли ихъ обращающимися къ краснорѣчію ученаго д'Эрикура для защиты авторскихъ правъ, которыхъ они считали себя наслѣдниками, и опроверженія претензіи на общественное достояніе этихъ правъ, такъ точно и теперь (1767 г.) они обращаются къ философу Дидро съ тѣмъ, чтобы онъ опровергнулъ тѣ же авторскія права, за которыя они стояли сорокъ лѣтъ тому назадъ и защитилъ бы ихъ интересы, въ крайнемъ случаѣ соглашаясь на компромисъ — лучше авторская привилегія, чѣмъ общественное достояніе авторскихъ правъ. Здѣсь намъ удобнѣе всего указать на то, что представляется въ сочиненіи д'Эрикура значительнымъ шагомъ впередъ, но въ то же время большой ошибкой защитника, ибо отстаивая авторскія права онъ оказалъ несомнѣнную услугу литературной собственности, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ поставилъ своихъ

кліентовъ въ затруднительное положеніе, изъ котораго имъ трудно выдти. Съ этимъ-то затрудненіемъ и началъ непосредственно бороться Дидро. Посмотримъ достигъ ли онъ своей цѣли.

Мы не стали бы дѣлать оцѣнки сочиненія Дидро *) потому только, что онъ держится противоположныхъ намъ взглядовъ. Чтобы опровергнуть ихъ, достаточно уже знать жизнь Дидро. Услужливость его была неограниченна—онъ предлагалъ перо свое къ услугамъ всякаго, кто только просилъ его. Другъ его Вольтеръ говоритъ о немъ: „все есть въ сферѣ дѣятельности его духа; онъ переходитъ съ высотъ метафизики къ занятіямъ ткача, и оттуда—къ театру". Извѣстно, что въ теченіи 25 лѣтъ его кабинетъ былъ чѣмъ-то въ родѣ лавки, магазина, куда могъ обращаться всякій. Разсказываютъ объ одномъ торговцѣ помадою, который, пришедши къ Дидро, просилъ его написать рекламу о помадѣ, которую первый приготовлялъ для рощенія волосъ, и философъ, говоритъ намъ дочь его m-me de Vandeul, посмѣявшись все-таки написалъ объявленіе. Однимъ словомъ, мы не можемъ дать особеннаго значенія сочиненію Дидро, и всякій удивится, увидѣвши ревностнаго адепта философіи XVIII вѣка, горячаго друга прогресса, неутомимаго противника деспотической и реакціонной власти, сдѣлавшагося въ этомъ случаѣ эхомъ преувеличенныхъ и ретроградныхъ идей, непользовавшихся даже сочувствіемъ королевской власти; имъ суждено было получить въ лицѣ кліентовъ Дидро послѣдній ударъ. Услужливость защитника, написавшаго свое сочиненіе въ 1767 г., ставитъ это послѣднее на одну доску съ тѣмъ письмомъ, которое онъ написалъ по поводу денежной просьбы отъ имени одной незнакомки къ ея любовнику. Въ сочиненіи своемъ Дидро говоритъ „что даже по отношенію къ древнимъ сочиненіямъ (les livres anciens) книгопродавецъ первый представившій рукопись къ напечатанію долженъ, по возобновленіи привилегіи, пользоваться исключительнымъ и вѣчнымъ (непрерывнымъ) правомъ владѣнія;" тѣмъ болѣе онъ

*) Это сочиненіе Дидро издано въ трудахъ Бретона, древняго синдика.

предполагаетъ это для новыхъ сочиненій. Какъ видно это было направлено противъ постановленія по дѣлу внуковъ Ля-Фонтена, а также королевскихъ ордонансовъ 1671 и 1665 гг.

Выше мы уже сказали, что намъ легко опровергнуть сочиненіе Дидро, но только что приведенныя заключенія его избавляютъ насъ отъ этой необходимости. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя понять этого преимущества, оказываемаго книгопродавцамъ на счетъ писателей, права которыхъ отрицаются въ пользу претендентовъ, являющихся какъ бы потребителями этого права. Здѣсь мы видимъ первичнаго собственника, уступающаго свои права совершенно постороннему для него лицу. Какъ далеко этотъ великій принципъ литературной собственности былъ неразвитъ, можно видѣть изъ того, что какъ прежде оспаривались первые шаги, которые вели къ печальному признанію quasi - собственности книгопродавцевъ, такъ и теперь мы видимъ тоже явленіе, едва рѣчь зашла объ общественномъ достояніи. Съ точки зрѣнія общественнаго права привилегіи были законны, уступка имъ имѣла благопріятное и прогрессивное значеніе; но теперь, когда противники (книгопродавцы) измѣняютъ прежнему своему направленію, когда пререканія относительно книгопродавческихъ привилегій, иногда справедливыя тѣмъ, что послѣднія были часто преувеличиваемы, вызвали новое право, болѣе священное, чѣмъ право книгопродавцевъ, теперь уже нѣтъ болѣе мѣста борьбѣ. Она возможна была до тѣхъ поръ, пока опиралась на принципъ собственности, но теперь она является несправедливою и святотатственною со стороны книгопродавцевъ, нападавшихъ на справедливѣйшую изъ собственностей, ту собственность, которая вызвала ихъ существованіе. Мы не намѣрены болѣе останавливаться на сочиненіи Дидро. Оно по крайней мѣрѣ показало намъ, какъ безнадежно и даже неискусно привилегированные книгопродавцы противодѣйствовали дарованію авторамъ привилегій, какъ мысль объ авторской привилегіи проникала, въ тогдашнее сознаніе, мѣсто, которое она здѣсь занимала, и какъ она мало-по-малу стремилась вытѣснить книгопродавческія привилегіи, которыя будучи весьма часто обязаны протекціи и

даже интригѣ, были причиною съ одной стороны полной обезпеченности для книгопродавцевъ, благодаря преемлемости, а съ другой нищеты и бѣдности для писателя или его семейства.

Новый шагъ въ вопросѣ сдѣланъ былъ реформою, о которой кажется сначала и не думали и которая, казалось, сразу признала литературную собственность. Вотъ какими побужденіями была вызвана эта реформа. Такъ какъ книгопродавцы имѣли торговую монополію на книги, то писатели находились въ полной зависимости отъ книгопродавцевъ; хотя собственно говоря эта зависимость совершенно естественная, на которую никто не думалъ бы въ другое время претендовать, еслибы она не казалась несносною писателямъ въ то время, когда только что начинало возникать ихъ право, слѣдствіемъ чего, повидимому въ законной формѣ, были прижимки со стороны привилегированныхъ книгопродавцевъ. Сочиненіе или вовсе не выходило въ свѣтъ, потому что издатель отказывался печатать его, или же печаталъ его, но не иначе какъ гарантируя себя привилегіей; авторъ долженъ былъ или совершенно уступить издателю свое произведеніе, или увѣрить его, что онъ будетъ вѣчно и ненарушимо пользоваться уступленной ему привилегіей. Такое положеніе вещей не было ни охранительнымъ, ни свободнымъ, такъ какъ авторы не пользовались уже нималѣйшей защитой и этотъ гнетъ книгопродавцевъ могъ быть причиною уменьшенія книгъ. Lamoignon de Malesherbes, генеральный директоръ книгопечатанія съ 1750—1765 г., ознаменовавшій свое управленіе твердымъ и либеральнымъ характеромъ, энергически высказался вомногихъ сочиненіяхъ за принадлежащее писателямъ право сбывать свои книги: „писатели, говоритъ онъ, должны по естественному праву извлекать всю выгоду изъ своихъ произведеній, имѣя право (la faculté) сами продавать ихъ. Гражданское право въ этомъ не препятствуетъ имъ; не смотря на исключительное право продажи книгъ, которое сохраняютъ за собой книгопродавцы Парижа и другихъ городовъ, всякій свободенъ продавать плоды своей почвы (de sa terre). Не нужно ли разсматривать произведеніе писателя, которое

есть плодъ его генія, какъ трудъ, принадлежащій ему даже по строгому праву, и какъ имущество, которымъ онъ можетъ свободно распоряжаться"?

Не нужно удивляться тому значенію, которое придавали тогдашніе писатели праву (à la faculté) сбывать свои книги; легко понять, что имѣя въ виду требовательность даже однихъ парижскихъ книгопродавцевъ (провинціальные книгопродавцы устранены были отъ всякихъ привилегій), писатели предпочитали сами продавать свои изданія, чѣмъ соглашаться на всякія варварскія условія, предлагаемыя книгопродавцами. Итакъ мы видимъ, что вопросъ: имѣютъ ли или нѣтъ писатели право продавать свои книги, вопросъ, который такъ интересуетъ теперь писателей, выступаетъ въ это время на первый планъ и вызываетъ постановленіе Совѣта отъ 30-го августа 1777 года (составлено во время министерства Некера), бывшее до 1789 года послѣднимъ словомъ древняго режима въ дѣлѣ привилегій, т.-е. въ дѣлѣ труднаго примиренія правъ писателей, книгопродавцевъ и правъ общественнаго достоянія.

Постановленіе отъ 30-го августа 1777 года такъ важно, что мы рѣшаемси привести хотя начало его.

„Его величество король, во вниманіе къ сроку книгопродавческихъ привилегій, а также во вниманіе къ собственности автора, постановилъ, что привилегія на книги есть особенная монаршая милость, истекающая изъ началъ справедливости (une grâce fondée en justice), имѣющая цѣлью для автора — вознаградить его трудъ, для книгопродавца — обезпечить распродажу его изданія и вознаградить его издержки; что это различіе въ мотивахъ, опредѣляющихъ привилегіи, должно вызвать различіе и въ срокѣ ихъ. Безъ сомнѣнія, что авторъ имѣетъ основаніе на болѣе существенную во отношеніи къ нему милость, чѣмъ книгопродавецъ, который не можетъ претендовать, если вся милость въ отношеніи къ нему ограничивается дозволеніемъ распродать свое изданіе и такимъ образомъ достигнуть цѣли своего предпріятія. Однакоже его величество находитъ, что изданіе сочиненія требуетъ, чтобы книгопродавецъ пользовался имъ

въ теченіе жизни автора, съ которымъ онъ заключилъ сдѣлку; даровать же болѣе продолжительный срокъ значило бы обратить милость въ правовую собственность и расширить далѣе надлежащаго законныя границы милости (convertir une jouissance de grâce en une propriété de droit et perpétuer une faveur contre le teneur même du titre qui en fixe la durée). Это значило бы установить монополію, предоставляя книгопродавцу исключительное право назначать цѣну на книги, по прежнему допускать источникъ злоупотребленій и контрафакціи, запрещая провинціальнымъ книгопродавцамъ законно употреблять свой прессъ.—Его величество полагаетъ, что постановленіе, которое бы ограничивало исключительное право книгопродавцевъ временемъ, означаемымъ въ привилегіи, для нихъ лучше, потому что пользованіе хотя и срочное, но вѣрное гораздо лучше, чѣмъ безсрочное, но нерѣдко обманчивое; что это было бы выгодно и для публики, которая можетъ надѣяться, что цѣна на книги понизится соотвѣтственно средствамъ покупателей; что это было бы благопріятно и для писателей, которые тогда будутъ имѣть возможность, по истеченіи даннаго времени, дѣлать замѣтки и комментаріи на автора, не возбуждая тѣмъ никакихъ споровъ за перепечатаніе текста; наконецъ это постановленіе тѣмъ полезнѣе, что оно можетъ усилить торговлю и возбудить между всѣми типографщиками соревнованіе благопріятное для прогресса и усовершенствованія ихъ искусства. Запрещается печатать новое сочиненіе, не получивши предварительно привилегіи на него; запрещается ходатайствовать о всякой отсрочкѣ привилегіи, не имѣя въ виду дополнить сочиненіе по крайней мѣрѣ на одну четверть, чѣмъ однако же не запрещается другимъ печатать прежнія недополненныя изданія. Привилегіи для напечатанія новыхъ сочиненій имѣютъ силу не менѣе десяти лѣтъ. Получившій привилегію пользуется ею не только въ продолженіе означеннаго въ ней времени, но и въ теченіе жизни писателя, если этотъ послѣдній переживетъ срокъ привилегіи. Авторъ, получившій привилегію на свое сочиненіе, имѣетъ право продавать его самъ, не имѣя впрочемъ права ни подъ какимъ предлогомъ

продавать или торговать (négocier) другими книгами; онъ и наслѣдники его будутъ пользоваться своей привилегіей *вѣчно*(à perpétuité), стараясь не уступать ее никакому книгопродавцу. иначе срокъ привилегіи ipso facto уступки ограничивается жизнію автора."

Наконецъ-то слова *право* и *собственность* произнесены, но на этотъ разъ не д'Эрикуромъ или другимъ какимъ либо юрисконсультомъ, а самою королевскою властію, которая была въ этомъ случаѣ только эхомъ общественнаго сознанія.

„Король во вниманіе къ *собственности* авторовъ"... "авторъ имѣетъ *право*"... Но въ тоже время между этими выраженіями, имѣющими важное значеніе, попадаются выраженія, показывающія и малоразвитость права и нежеланіе хотя на словахъ отказаться отъ завѣтной мысли; „привилегія есть особенная монаршая милость" (Le privilége est une grâce fondée en justice), потомъ далѣе: „авторъ имѣетъ основаніе на болѣе существенную милость"....

Какъ бы то ни было это постановленіе, дѣйствовавшее, какъ мы увидимъ, до 1789 года и даже послѣ того, есть признаніе литературной собственности. Въ самомъ дѣлѣ, не говоритъ ли оно: „даровать болѣе продолжительный срокъ (чѣмъ тотъ который назначенъ) книгопродавцу значило бы обратить милость въ правовую собственность"; а эта правовая собственность не то ли, о чемъ говорится въ слѣдующихъ словахъ: „всякій авторъ, получившій привилегію на свое сочиненіе, имѣетъ право продавать его самъ... онъ и наслѣдники его будутъ пользоваться привилегіей своей *вѣчно*". Оставимъ въ сторонѣ слово привилегія, какъ слово обычное и пріятное для деспотической власти; но не говоритъ ли о собственности та самая привилегія, которая дается на вѣчныя времена. Хотя мы и отказываемъ писателямъ въ вѣчномъ правѣ, однакоже признаемъ его какъ собственность. Мы имѣемъ столько разнообразныхъ видовъ собственности (мы будемъ имѣть случай доказать это, когда будемъ спеціально говорить о природѣ этого права), но ни одну изъ нихъ не можемъ отнести къ вѣчному праву.

Итакъ постановленіе 1777 года достопамятно въ исторіи литературной собственности. Въ первый разъ произнесено было это слово; далѣе, признаются даже всѣ слѣдствія, естественно вытекающія изъ этого права признаннаго вѣчнымъ: „всякій авторъ, получившій привилегію на свое сочиненіе, будетъ пользоваться ею самъ и его наслѣдники *вѣчно*". Аномалія положимъ въ томъ, что это право на вѣчныя времена погашается практически (cette propriété s'eteint de droit du jour), когда писатель уступаетъ свою привилегію книгопродавцу, а извѣстно однакоже, что никого нельзя лишать права уступать свои права другому лицу во всей ихъ полнотѣ и совокупности, тѣ права, которыми пользуется самъ цедентъ. *Nemo plus juris in alium transferre potest quam in se habet*, говоритъ римское правило. Съ своей стороны мы также несогласны съ вышеприведеннымъ постановленіемъ, потому что то чѣмъ мы пользуемся можетъ (кромѣ исключительныхъ случаевъ, относящихся къ особой категоріи) переходить къ другому лицу посредствомъ всѣхъ легальныхъ способовъ передачи. Но въ тоже время не есть ли эта аномалія первый шагъ къ переходу авторскихъ правъ въ общественное достояніе, послѣ того какъ сочиненіе сдѣлалось предметомъ книгопродавческой привилегіи, хотя съ другой стороны въ виду *me adsum qui feci* личности и собственности автора, права общественнаго достоянія были немыслимы и непризнаны. Статья постановленія 1777 года, дозволяющая писателю и его наслѣдникамъ вѣчно продавать свое произведеніе, имѣетъ то весьма важное значеніе, что избавляетъ автора отъ зависимости книгопродавца; но имѣетъ ли это значеніе на практикѣ? Очевидно нѣтъ, и легко доказать почему. Всѣ нисходящіе писатели конечно не могли быть вѣчно издателями сочиненія ихъ предка и оно должно было непремѣнно перейти къ другому издателю, который, впрочемъ, въ виду авторскихъ правъ былъ гораздо сговорчивѣе. Это постановленіе не было полезно въ практическомъ отношеніи, потому что признавало неудобоисполнительное право, а потому скоро вышло изъ употребленія.

Намъ нельзя, не переходя границъ нашего предмета, болѣе останавливаться на изъясненіи королевскихъ постановленій часто недостаточныхъ во многихъ отношеніяхъ. Мы хотѣли указать только на слово *собственность*, на которое мы укажемъ также и въ законахъ, обнародованныхъ съ 1789 г., слово, которое мы встрѣчаемъ во всякомъ ордонансѣ, проектѣ и совѣщаніи по этому предмету. Мы видимъ собственность во времена монархіи, собственность подъ вліяніемъ принциповъ 1789 года; откуда же сомнѣнія относительно такой ясной истины!

Выше мы уже ссылались на генеральнаго адвоката Ségnier. Мы не можемъ лучше опредѣлить мнѣній XVIII вѣка о природѣ авторской собственности, какъ опираясь только на просвѣщенныя понятія того времени. Antoine Louis Ségnier, генеральный адвокатъ въ Совѣтѣ, а потомъ въ парламентѣ, говоритъ: „сдѣлать какую-нибудь вещь на пользу общую, значитъ дать обществу право пользоваться ею; но каково же употребленіе книги? Конечно то, чтобы просвѣщать людей, а не давать книгопродавцу или типографщику права (la faculté), умножая экземпляры, обогащаться въ ущербъ писателя или его цессіонарія. Если есть возможность извлечь выгоду изъ произведенія, то кто долженъ пользоваться ею— авторъ, или же кто нибудь другой? Въ этомъ случаѣ нельзя сомнѣваться указывая на автора, отсюда авторское право неоспоримо. А если писатель имѣетъ право, то нельзя вопреки справедливости лишать его и всей выгоды отъ этого права; слѣдовательно изданіе сочиненія даетъ публикѣ только право пользоваться мыслями автора (de s'instruire), а не наживаться на счетъ матеріальныхъ интересовъ его.“ Мы еще только въ первой фазѣ вопроса, и вотъ какъ мы понимаемъ это различіе. Теперь, какъ это даютъ замѣтить нѣкоторые, литературная собственность какъ бы въ борьбѣ съ публичнымъ правомъ. Мы, находя мѣсто для этихъ двухъ правъ и не думая что одно можетъ существовать только на развалинахъ другаго, не видимъ въ публичномъ правѣ ничего противнаго литературной собственности, какъ стараются доказать это противники ея; но держась благоразум-

ной средины, совершенно допуская ихъ проявленія въ границахъ права и юстиціи, мы признаемъ ихъ достовѣрность во всей силѣ и истинѣ. Первую фазу составляетъ борьба писателей и книгопродавцевъ, борьба по нашему мнѣнію не очень упорная, исходъ которой легко предвидѣть. Здѣсь мы видимъ защитниковъ литературной собственности, отстаивающихъ ее почти исключительно противъ книгопродавцевъ. Мы только что привели мнѣніе генеральнаго адвоката Ségnier, который по сходству мнѣній напоминаетъ намъ имя ученаго аббата Pluquet, издавшаго въ 1778 году три анонимныя сочиненія подъ заглавіемъ: *Lettres à un ami sur les affaires actuelles de la librairie*; потомъ изданъ былъ еще анонимъ 19-го декабря того же года: *Lettre à M. D....* Здѣсь находятся замѣчательныя мѣста. „Собственность, говоритъ онъ, есть право, исключительно пріобрѣтаемое трудомъ или индустріею; человѣкъ имѣетъ исключительное право на все то, что создается его трудомъ и искусствомъ, или что составляетъ ихъ результатъ; никто другой не въ правѣ владѣть или пользоваться его собственностію помимо его желанія. Вотъ начало и сущность всякой собственности. Эти начала легко приложить къ возникшему вопросу о литературной собственности. Природа ни одного человѣка не создаетъ съ исключительнымъ правомъ на такія или иныя познанія, которыя составляютъ общее благо всѣхъ людей. Она не рождаетъ человѣка съ готовыми свѣдѣніями, пріобрѣтеніе которыхъ собственно зависитъ отъ него; ему нужно размышлять, наблюдать, стараться пріобрѣсти эти познанія чтобы обобщить ихъ и создать произведеніе по какой бы то ни было отрасли человѣческаго знанія. *Слѣдовательно его произведеніе есть плодъ его труда и индустріи, а по этому онъ имѣетъ исключительное право на свое произведеніе, онъ имѣетъ собственность*, и никто кромѣ его не можетъ пользоваться или раздѣлять съ нимъ собственность помимо его желанія... Какъ же послѣ этого толпа контрфакторовъ осмѣливается утверждать что когда я издаю свое сочиненіе оно принадлежитъ имъ также какъ и мнѣ, какъ скоро оно вышло изъ-подъ моего пера? Чѣмъ эти литературные воры помогли мнѣ въ

моемъ произведеніи, чтобы имѣть право дѣлить со мною собственность?"

Вотъ мнѣ кажется самое ясное и точное требованіе (la revendication) литературной собственности. Короли были также расположены въ пользу литературной собственности, что показываетъ намъ постановленіе 1777 года, но съ тѣмъ различіемъ, что хотя оно и было либерально для власти, шло впереди понятій и предубѣжденій времени, но ставило право въ зависимость отъ привилегій.

Впрочемъ какъ бы ни казалось намъ неудовлетворительнымъ въ извѣстныхъ отношеніяхъ постановленіе 1777 года тѣмъ не менѣе оно вызвало живую оппозицію со стороны привилегированныхъ книгопродавцевъ, которые находили его слишкомъ благопріятнымъ для писателей и основывали свои нападки на довольно удачной аргументаціи. На этотъ разъ дѣло ихъ взялъ на себя Linguet, защитникъ замѣчательный силою своего слова. Вотъ нѣкоторыя мѣста изъ его защиты. „Прежде всего, говоритъ онъ, нужно опредѣлить мысль и установить вѣрныя начала. Нужно точно опредѣлить что такое привилегія на книги. Мы послѣ разсмотримъ должна ли быть привилегія вѣчною, или же власть можетъ ограничить ее. Нѣтъ, привилегія на книгу не есть особенная монаршая милость—она есть признаніе общественною властію собственности писателя или его цессіонаріевъ. Это то же самое что нотаріальные и судебные акты, которые переносятъ и закрѣпляютъ права гражданъ на все то, что составляетъ такъ-называемыя гражданскія владѣнія. Когда судья присуждаетъ извѣстному лицу наслѣдство, или когда чиновникъ вноситъ въ контрактъ желаніе собственника-цедента, то въ этихъ случаяхъ судья и нотаріусъ собственно ничего не даютъ новаго, они подтверждаютъ только въ лицѣ одной изъ сторонъ достовѣрность прежняго права. Тоже самое представляютъ въ данномъ случаѣ и привилегіи. Онѣ подтверждаютъ только, что такое-то лицо есть дѣйствительно авторъ такого-то произведенія, или что другое лицо пріобрѣло права перваго. Король есть только окруженный силой и санкціей свидѣтель, который, удостовѣряя произведеніе или сдѣл-

ку, тѣмъ самымъ гарантируетъ ихъ отъ нарушенія. Привилегія есть печать, гарантія пользованія, но она не есть источникъ этого пользованія.“ Это значило уже ограничить право власти, признавая за ней только право гарантіи тамъ, гдѣ она надѣялась имѣть право творчества и учрежденія. Далѣе онъ прибавляетъ: „конечно если есть ненарушимая и неоспоримая собственность, то это собственность автора на его произведеніе. Но есть два способа пользованія этими правами: первый — самому осуществлять свое право, второй — передать его другому, получивши плату за уступку. Почему же только одинъ изъ этихъ двухъ способовъ доступенъ для писателей? Какъ! ихъ собственность зависитъ въ будущемъ отъ того, на сколько они имѣютъ терпѣнія заниматься мелочной продажей! Послѣ этого и земли ихъ могутъ быть конфискованы послѣ смерти, если они не могли при жизни своей обработывать ихъ сами! А что можно сказать противъ того, когда писатель желаетъ сразу получить гонорарій за свое произведеніе, гонорарій, который бы надолго могъ обезпечить его существованіе. Если право писателей есть вѣчная собственность, то она есть также право въ рукахъ книгопродавца-цессіонарія, какъ и въ рукахъ самого автора. Права цессіонарія не могутъ быть обширнѣе правъ примитивнаго собственника, но онѣ также не могутъ быть и ограниченнѣе ихъ. Привилегія на книги, будучи только признаніемъ собственности, не можетъ ограничивать ее. Если собственность признается съ момента, когда она начинается, то почему же она прекращается съ того момента, когда погасаетъ привилегія? Если нѣкоторые ставятъ пользованіе произведеніемъ въ зависимость отъ возобновленія привилегіи, то въ такомъ случаѣ нѣтъ основанія отказывать въ этомъ возобновленіи.“ Это тѣ самыя доказательства, которыми мы воспользовались выше и на основаніи которыхъ назвали аномаліей извѣстную ст. постановленій 1777 года. Названіе наше вѣрно, авторитетъ Linguet помогъ намъ. Но въ то же время мы видимъ въ этой ст. первый шагъ къ переходу авторскихъ правъ въ общественное достояніе (la porte de derrière réservée aux droit du domaine public). Тутъ

центръ споровъ, которые даютъ случай уяснить вторую фазу вопроса: конечно упроченная литературная собственность въ борьбѣ съ принципомъ общественнаго достоянія. Революціи суждено было перенести вопросъ на истинную его почву, а Linguet, благодаря ясности, съ которою онъ доказываетъ аномалію упомянутой ст., мы обязаны истиннымъ положеніемъ вопроса. Казалось Linguet не былъ счастливѣе своихъ предшественниковъ въ дѣлѣ защиты своихъ кліентовъ, такъ какъ дѣло ихъ было поглощено катастрафою 1789 года, но напротивъ онъ выигралъ дѣло, хотя и на короткое время. 30 іюля 1789 года на просьбу привилегированныхъ книгопродавцевъ, а также въ отвѣтъ на записку французской академіи, ходатайствовавшей чтобы выгоды, предоставленныя писателямъ постановленіями 30 августа предшествовавшаго года, были бы еще шире и тверже, послѣдовало такое постановленіе: „Тѣ, которые получатъ привилегіи для напечатанія новыхъ книгъ, будутъ пользоваться такими привилегіями въ теченіе того времени, которое назначитъ г. канцлеръ или garde des sceaux, смотря по достоинству и значенію сочиненія, съ тѣмъ что срокъ для такихъ привилегій назначается ни въ какомъ случаѣ не менѣе десяти лѣтъ.“ Это уже за книгопродавцевъ, это былъ просто поворотъ къ отсрочкамъ привилегій; извѣстно, что новыя мѣры нерѣдко вызываютъ реакцію для ослабленія радикализма—періодъ колебаній непремѣнно предшествуетъ опредѣленному постановленію. Вотъ что говоритъ записка французской академіи относительно авторскихъ правъ: „писатель, получившій привилегію на свое сочиненіе, не только имѣетъ право продавать его самъ, но кромѣ того можетъ сколько ему угодно печатать свое произведеніе ради собственнаго интереса у того типографщика, а равно и продавать его для своей выгоды у того книгопродавца, которыхъ онъ изберетъ, несчитая сдѣланное имъ условіе или сдѣлку для напечатанія или сбыта изданія своего произведенія уступкою своей привилегіи.“ — Не трудно замѣтить въ постановленіи 1778 года попытку удовлетворить всѣхъ и книгопродавцевъ и писателей, но въ тоже время не есть ли это рядъ пожалованій однимъ на

счетъ другихъ? Результатомъ своимъ оно имѣло на практикѣ цѣлый рядъ затрудненій и процессовъ, во избѣжаніе которыхъ парламентъ рѣшился выставить королю кой-какія затрудненія по этому предмету и для этого созвалъ коммиссію, которой однако же не суждено было представить своего доклада. Среди всѣхъ этихъ затрудненій разразилась революція 1789 г.

Если намъ удалось освѣтить эту путаницу ордонансовъ постановленій, издававшихся чаще всего подъ вліяніемъ благихъ намѣреній обязанныхъ идеямъ прогресса и справедливости, а иногда также подъ вліяніемъ личныхъ интересовъ и даже правительственныхъ расчетовъ (политика не была всегда индифферентна, даже въ такихъ предметахъ, вслѣдствіе существовавшаго антагонизма между парламентомъ и королевскою властію),—то этимъ мы обязаны тому, что отыскали важныя свидѣтельства литературной собственности сначала не установившейся и даже не понятой позже, такъ какъ осуществленіе права всегда зависѣло отъ привилегій. Это впрочемъ нисколько не удивитъ насъ, если припомнимъ характеръ королевской власти и полное господство ея надъ личными правами.

Теперь мы подошли къ совершенно другому періоду исторіи. Казалось бы всеобщая дезореганизація должна была отразиться и на разсматриваемомъ нами предметѣ, и литературная собственность, еще не установившаяся, не получившая даже освященія (son baptême) и извѣстная подъ именемъ привилегіи, должна была благодаря этому названію услышать отъ новаго законодательства свой приговоръ и увидѣть свое паденіе. Но тутъ то и ошибаются нѣкоторые писатели, что мы постараемся исправить. Говорятъ что въ достопримѣчательную ночь 4 августа 1789 года, когда національное собраніе отмѣнило всѣ феодальныя права и всѣ привилегіи, затронута была и литературная собственность къ несчастію называвшаяся привилегіей и погибла рядомъ со всѣми незаконными правами. Но здѣсь не было ничего непосредственно касавшагося литературной собственности, а дѣло шло относительно легальныхъ прескрипцій титуловъ

(les titres) и формѣ въ приложеніи къ ихъ гарантіи. Тѣмъ не менѣе произошло въ нѣкоторомъ родѣ *abandon*, хотя и безъ точнаго опредѣленія, что было причиною замѣчательнаго процесса и вызвало законъ 19 іюля 1793 года. Этимъ то процессомъ мы и воспользуемся для доказательства только что высказаннаго нами вопреки многимъ писателямъ мнѣнія, именно что всѣ привилегіи и всѣ различія, уничтоженныя въ ночь 4-го августа 1789 года, не имѣли никакого отношенія къ правамъ автора на его произведеніе. Вотъ подробности этого процесса. Boehmer, книгопродавецъ въ Deux-Ponts, прежде чѣмъ этотъ городъ былъ взятъ и присоединенъ къ Франціи, продавалъ контрфактное изданіе *Histoire naturelle* Бюффона. Во II году войска республики заняли Deux-Ponts, на типографію и книжную торговлю Boehmer'а наложенъ былъ секвестръ и самъ онъ арестованъ. Съ теченіемъ времени, получивши свободу, онъ снова вступилъ во владѣніе своимъ имуществомъ, подъ условіемъ поселиться въ городѣ Мецѣ. Тутъ Boehmer, продолжая свою торговлю, снова началъ продажу контрфактнаго изданія Бюффона. Вдова этого замѣчательнаго писателя, узнавши объ этомъ, подняла процессъ противъ Boehmer'а и просила конфисковать контрфактные экземпляры. Послѣдній возражалъ противъ ея притязаній на собственность, утверждая что право писателей, ограниченное временемъ и мѣстомъ, не есть истинное право собственности, что это милость, исключеніе общественнаго права, привилегія, а всѣ привилегіи отмѣнены въ ночь 4 августа 1789 года. Между тѣмъ изданъ былъ законъ 1793 года, но Boehmer уже напередъ отрицалъ всѣ его послѣдствія, говоря что онъ имѣетъ значеніе только на будущее время и не можетъ охранять сочиненій умершихъ писателей. 7 фруктидора VII года мозельскій гражданскій трибуналъ, принявъ въ соображеніе эти доказательства оправдалъ Boehmer'а. Но вслѣдствіе апелляціи вдовы Бюффона кассаціонная палата (la cour de cassation) отмѣнила рѣшеніе мозельскаго трибунала на томъ основаніи, что декреты 4 августа 1789 года, уничтожившіе привилегіи и различія (distinctions) и сдѣлавшіе прессу

свободною, не имѣютъ никакого отношенія къ собственности автора на его произведенія. Вотъ что мы хотѣли доказать опираясь на рѣшеніе кассаціонной палаты, а также на сохранившіеся въ рукописяхъ императорской библіотеки протоколы (registres) о книгопродавцахъ, съ которыми (протоколами) мы справлялись и которые говорятъ о привилегіяхъ, выданныхъ около іюля мѣсяца 1790 года; но всѣ эти привилегіи выданы исключительно на имя авторовъ, что доказываетъ какъ осязательно понималась необходимость защиты писателей. 19 января 1791 года, вслѣдствіе петиціи Ла-Гарпа (La Harpe) отъ лица драматическихъ писателей, изданъ былъ первый законъ о правахъ драматическихъ авторовъ. Здѣсь намъ нужно бы еще остановиться на нѣсколько минутъ, но время съ 1789—1793 г. представляетъ мало документовъ относительно авторскихъ правъ. Предполагаемая отмѣна всѣхъ привилегій въ августѣ 1789 года породила множество ошибокъ, которыя необходимо исправить; а такъ какъ мы раньше сказали что тогда признавались права писателей, то мы не должны пренебрегать ни какими обстоятельствами, на которыхъ бы мы могли основать наше доказательство.

И такъ Ла-Гарпъ обратился къ учредительному собранію съ петиціей о болѣе свободной регламентаціи правъ драматическихъ писателей. Но что же Ла-Гарпъ понимаетъ подъ болѣе свободной регламентаціей? То, чтобы театральныя пьесы послѣ извѣстнаго числа представленій не считались собственностью актеровъ. Онъ касается только права поставлять пьесы на театрахъ, но говоритъ ли онъ о правѣ печатанія? Вовсе нѣтъ. Можно думать что еслибы, вопреки нашему мнѣнію, право печатанія, какъ бы недостаточна была его регламентація, не было установившимся въ общественномъ сознаніи принципомъ и не охранялось прежними королевскими постановленіями, то Ла-Гарпъ не преминулъ бы сказать объ этомъ и постановить на видъ въ то время, когда онъ ходатайствовалъ о правахъ драматическихъ писателей. Докладчикъ закона 1791 г. Chapelier, слова котораго очень замѣчательны, говоритъ оправѣ печатанія, какъ о правѣ не-

подлежащемъ ни какому сомнѣнію. Онъ не разбираетъ этого права, а только ссылается на него какъ на установившійся уже принципъ и пользуется имъ для доказательства исключительнаго права писателей поставлять свои пьесы на театрахъ въ теченіи всей жизни и пяти лѣтъ послѣ смерти автора.

Такимъ образомъ до изданія закона 1793 года привилегіи шли въ пользу писателей, ночь въ августѣ 1789 года не имѣла на нихъ особеннаго вліянія, доказательствомъ чему служатъ рѣшеніе кассаціонной палаты по дѣлу вдовы Бюффона, книгопродавческіе протоколы за 1790 годъ, наконецъ петиція Ла-Гарпа и рапортъ Шапелье. Вотъ нѣкоторыя мѣста изъ этого весьма замѣчательнаго доклада, съ которымъ мы вполнѣ согласны: „самая священная, неотъемлемая и самая личная, если такъ можно выразиться, изъ всѣхъ другихъ видовъ собственности есть произведеніе, плодъ мысли писателя; однакоже эта собственность принадлежитъ къ одному роду со всякою другою собственностію. Когда писатель издалъ свое произведеніе, когда оно разошлось по рукамъ, такъ что всѣ имѣютъ возможность пользоваться, наслаждаться красотами его и когда оно производитъ на нихъ живое впечатлѣніе, казалось бы что съ этого времени и оканчивается право писателя на его произведеніе (il semble que dès ce moment l'écrivain ait associé le public à sa propriété). Но такъ какъ вполнѣ справедливо, что люди разработывающіе общественную мысль имѣютъ право извлекать какую нибудь выгоду изъ своего труда, то необходимо, чтобы въ теченіе ихъ жизни и нѣсколькихъ лѣтъ послѣ смерти никто не могъ бы безъ ихъ согласія располагать продуктомъ ихъ генія. Это достигается въ Англіи такъ-называемыми тутелярными актами (par des actes que l'on nomme tutélaires), а во Франціи прежде достигалось посредствомъ королевскихъ привилегій, но впредь это будетъ опредѣлено закономъ, какъ болѣе разумнымъ и единственно годнымъ на дѣлѣ средствомъ. Произведенія драматическихъ писателей сдѣлаются первые объектомъ этого закона.“ Очевидно декретъ 1791 года говоритъ только о правѣ писателей поставлять ихъ

пьесы на театрахъ; за нимъ слѣдуетъ другой декретъ отъ 30 августа 1792 года, который служитъ дополненіемъ перваго. Оба они исключительно говорятъ о драматическихъ произведеніяхъ. Не имѣя болѣе намѣренія останавливаться на этомъ предметѣ, мы спѣшимъ перейти къ закону 10 іюля 1793 года.

Законъ 1793 года, кромѣ незначительныхъ видоизмѣненій, дѣйствовалъ до 1866 года. Неизвѣстно, по какому случаю предложенъ былъ законъ 1793 года. Лаканаль въ докладѣ своемъ не обращается ни къ исторіи, ни къ теоріи права, которое подлежало регламентаціи. Какъ бы то ни было этотъ законъ чрезвычайно важенъ тѣмъ, что признаетъ собственность произведеній ума обыкновеннымъ законодательнымъ путемъ, не ставя ее уже въ зависимость отъ воли или капризовъ власти.

Лабулэ, посвятившій пятьдесятъ небольшихъ страницъ литературной собственности во Франціи (мы отдаемъ долгъ уваженія его таланту), хотя и видитъ здѣсь *право собственности*, однакожъ говоритъ, что законы 1791 и 1793 гг. не есть признаніе этого права.

Лабулэ желалъ бы видѣть здѣсь признаніе этого права (въ этомъ мы согласны съ нимъ), а не вліяніе общества; но мы не находимъ въ немъ строгой оцѣнки законовъ 1791 и 1793 гг. а потому и не можемъ раздѣлять его мнѣнія, когда онъ отказывается видѣть въ этихъ законахъ упроченіе того права, которое онъ самъ проводитъ. Вотъ его слова: „ничто не измѣнилось ни въ понятіяхъ, ни въ законодательствѣ. Дѣйствительно слово привилегія замѣнено словомъ собственность, но очевидно, что это понятіе привхожее со стороны общества (une concession bénévole faite par la société). 10 іюля 1793 года Конвентъ издалъ замѣчательный декретъ, который... etc.; но не смотря на напыщенность времени, не видно перемѣнъ во мнѣніи относительно характера литературной собственности.“

Какъ ничто не измѣнилось въ понятіяхъ, а варьировалось одно только слово, да и то считается чѣмъ то привхожимъ! Не говоритъ ли Шапелье (докладчикъ закона 1791 г.): „самая свя-

щенная и неприкосновенная изъ собственностей — это произведеніе!“ И потомъ далѣе: „необходимо чтобы въ теченіи жизни автора и нѣсколькихъ лѣтъ послѣ его смерти никто не могъ бы *безъ его согласія* располагать продуктомъ его генія.“ Кто тутъ цессіонарій и кто цедантъ? А Лаканаль, докладчикъ закона 1793 года, развѣ не говоритъ что „изъ всѣхъ видовъ собственности менѣе всего конечно можетъ быть оспариваема собственность произведеній духа. Но замѣчательнѣе всего то, прибавляетъ онъ, что способствовало упроченію этой собственности, обезпеченію свободнаго ея осуществленія положительнымъ правомъ; наша великая революція необходима была для того, чтобы снова обратить насъ какъ въ этомъ, такъ и въ другихъ вопросахъ къ самымъ простымъ элементамъ общественной юстиціи.“ Сопоставимъ съ этими двумя свидѣтельствами, которыя уже сами по себѣ кажутся намъ довольно ясными, слова постановленія 1777 года: „привилегія есть особенная монаршая милость, которая имѣетъ цѣлію вознаградить трудъ автора.“ На основаніи этихъ словъ мы однакоже не хотимъ, подобно Лабулэ, вывести то заключеніе, что ничего не измѣнилось въ понятіяхъ и что только слово привилегія предпочитается слову собственность для означенія самаго пожалованія.

Если мы остановились нѣсколько минутъ на оцѣнкѣ законовъ 1791 и 1793 гг. и тѣмъ указали на неосновательное мнѣніе Лабулэ, то потому что поражены были развитіемъ литературной собственности подъ вліяніемъ принциповъ 1789 года; мы видимъ, что съ появленіемъ этой эпохи сдѣланъ новый шагъ впередъ, на что мы указываемъ какъ на естественное слѣдствіе прогресса мысли, слова и прессы. Не забудемъ, что здѣсь уже нѣтъ благосклоннаго и произвольнаго пожалованія, нѣтъ, какъ въ 1777 году, крайности, въ которую поставлена была королевская власть, нѣтъ права просить милости; а есть право, право признанное и утвержденное, предъ которымъ нужно преклониться.

Вотъ постановленія закона 1793 года: ст. 1-я. Писатели всякаго рода словесныхъ произведеній пользуются въ теченіи всей ихъ жизни исключительнымъ правомъ лично и посред-

ственно продавать, располагать своими произведеніями на территоріи республики, а также уступать эту собственность или всю, или же частію (et d'en céder la propriété en tout ou en partie).“

„Ст. 2-я. Наслѣдники и цессіонаріи ихъ пользуются тѣмъ же самымъ правомъ въ теченіи 10 лѣтъ по смерти писателей.“

Мы не приводимъ другихъ статей—они не имѣютъ особаго и непосредственнаго отношенія къ нашему предмету. Мы хотимъ сказать нѣсколько словъ относительно затрудненій, къ которымъ могла повести редакція 1 ст. „Писатели всякаго рода словесныхъ произведеній (Les auteurs d'écrit en tout genres).. etc.“ Постановленіе очень широкое! разумѣетъ ли оно компиляціи изъ произведеній, сдѣлавшихся общественнымъ достояніемъ? Кассаціонная палата, въ лицѣ генеральнаго прокурора своего Merlin'a, даетъ намъ по этому предмету очень удовлетворительный отвѣтъ, вотъ по какому случаю. Нѣкто Кардонъ (Cardon) уступилъ одному книгопродавцу книгу подъ заглавіемъ: *Lectures chrétiennes en forme d'instructions familières, sur les épitres et les évangiles des dimanches et des principales fêtes de l' année.* Тоже самое сочиненіе, составленное, какъ говоритъ объ этомъ самъ Кардонъ въ своемъ предисловіи, изъ блестящихъ поученій Кошена, проповѣдей Боссюэта, Фенелона и др.,—издано было однимъ ліонскимъ книгопродавцемъ. Цессіонарій Кардона началъ процессъ съ ліонскимъ книгопродавцемъ за контрафакцію, но жалоба его была отвергнута трибуналомъ и палатою.

Кассаціонная палата, куда поступило дѣло, кассировала оба рѣшенія, и права цессіонарія Кардона были признаны и утверждены, благодаря защитительной рѣчи генеральнаго прокурора Merlin'a. „Есть компиляціи литературныхъ произведеній, говоритъ этотъ ученый юрисконсультъ, которыя по множеству предполагаемыхъ изысканій, по разборчивости и вкусу, которыхъ онѣ требуютъ, могутъ и должны считаться истинными произведеніями духа,“ и какъ на примѣръ онъ указываетъ на Pandectes Потье. Но есть другія компиляціи, прибавляетъ онъ, которыя, выражаясь попросту, вырѣзываются

ножницами, требуютъ только труда работника, а потому такія компиляціи не даютъ артизану права на титло автора. Но *lectures chrétiennes* не принадлежатъ къ послѣдней категоріи. Итакъ это сочиненіе составляетъ собственность, а потому ліонскій книгопродавецъ не имѣлъ права перепечатывать его, пока оно не сдѣлалось общественнымъ достояніемъ. Вотъ что разумѣется относительно компиляцій произведеній, сдѣлавшихся общественнымъ достояніемъ. Точно также могли представиться и другіе случаи, въ которыхъ затруднительно было толкованіе 1-й статьи. Авторъ, дополнившій своимъ трудомъ изданное (чужое) произведеніе, имѣетъ ли право собственности на свои дополненія особо и независимо отъ примитивнаго автора? Нѣтъ, дополненія слѣдуютъ общему правилу и подобно первому произведенію становятся общественнымъ достояніемъ. Благодаря редакціи 1 ст. мы имѣемъ замѣчательныя рѣшенія, но они слишкомъ длинны для того, чтобы мы могли привести ихъ.

Перейдемъ ко 2 ст. закона 1793 г. До сихъ поръ мы считали нужнымъ заняться разсмотрѣніемъ затрудненій, къ которымъ могла повести редакція 1 ст. Статья 2 ограничиваетъ 10 годами исключительное право наслѣдниковъ и цессіонаріевъ. Коммиссія положила было для нихъ только 5 лѣтъ, но по настоянію Лекуанта (Lecointe), находившаго этотъ срокъ слишкомъ короткимъ, назначено было 10 лѣтъ. Не нужно постоянно рыться въ законахъ, а больше слѣдуетъ обращаться къ предварительнымъ трудамъ коммиссій, гдѣ можно видѣть сущность дѣла и опредѣленіе всѣхъ подробностей. Здѣсь нерѣдко принципъ излагается въ высокопарныхъ разсужденіяхъ, рутина и даже небрежность проглядываютъ въ установленіи подробностей. Эта аномалія, къ несчастію дѣйствительно встрѣчающаяся въ извѣстныхъ законахъ, особенно бросается въ глаза во 2 ст. закона 93 года. Докладчикъ предполагаетъ для наслѣдниковъ и цессіонаріевъ 5-лѣтній срокъ; законъ вотированъ, потомъ послѣ уже предложена поправка замѣнить 5-лѣтній срокъ 10-лѣтнимъ; поправка принята безъ обсужденій, и статья исправлена и закончена. Назначить ли 5-лѣтній или 10-лѣтній срокъ для цессіонаріевъ и нас-

лѣдниковъ писателя—коммиссіи кажется дѣломъ второстепеннымъ, тогда какъ важность вопроса именно требовала серьознаго обсужденія его, которое мы встрѣтимъ уже въ послѣдующихъ законахъ. Короче, какъ бы ни былъ недостаточенъ срокъ, назначенный закономъ 1793 года, какъ бы ни было мало основаній, скажемъ даже оправданій, видоизмѣнять первый проэктъ, тѣмъ не менѣе этотъ законъ остается типическимъ закономъ, потому что, упрочивая авторскую собственность, онъ тѣмъ самымъ опредѣляетъ какою она должна быть, т. е. *sui generis* собственностію, которая, хотя и ограничена извѣстнымъ временемъ, не считается вѣчною, но за то признается какъ бы легитимною, болѣе священною изъ всѣхъ правъ. Правда этотъ законъ назначаетъ недостаточный срокъ для наслѣдниковъ и цессіонаріевъ автора, но за то послѣдующіе законы опредѣляютъ болѣе продолжительный, что обусловливается прогрессомъ, болѣе основательнымъ изслѣдованіемъ вопроса. Надобно отдать долгъ благодарности тому, кто первый указалъ путь, по которому быстро двинулся прогрессъ.

Писатели были недовольны новымъ закономъ; они напали на него, какъ только онъ былъ обнародованъ, опираясь на природу права, общія условія собственности и сожалѣли даже о постановленіи 1777 года, которое сулило вѣчныя привилегіи. Они просили правъ на вѣчныя времена и срокъ былъ увеличенъ; очевидно въ какія узкія рамки заключено было ихъ право!

5 февраля 1810 года изданъ былъ декретъ, назначавшій вмѣсто 10-лѣтняго срока 20-лѣтній; этотъ декретъ не чуждъ былъ различій и нововведенія. Нововведеніе состояло въ томъ, что вдовѣ писателя предоставлено преимущество пользоваться, хотя и въ ущербъ наслѣдникамъ, пожизненно исключительнымъ правомъ своего мужа, если только матримоніальныя условія давали ей на то право *). Различіе же

*) У Спасовича... „если она состояла съ мужемъ въ общности супружескихъ имуществъ". См. права авторскія и контрафакція. Спб. 1865 года, стр. 9.

состояло въ томъ, что для нисходящихъ полагался 20-лѣтній срокъ со дня погашенія правъ вдовы, а для другихъ наслѣдниковъ, какъ и прежде 10-лѣтній, считая со дня смерти автора, съ тѣмъ различіемъ что вслѣдствіе пожизненнаго права вдовы они не могутъ имѣть никакой претензіи, если это право продолжалось въ теченіе 10 лѣтъ. Этотъ декретъ изданъ былъ вскорѣ послѣ слѣдующихъ словъ, сказанныхъ Наполеономъ I въ государственномъ совѣтѣ: „литературная собственность есть собственность безтѣлесная, представляющая одно цѣлое; дробясь въ наслѣдствѣ на множество индивидовъ, она оканчивается, какъ бы не существуетъ для лица, ибо какимъ образомъ множество собственниковъ, часто отдаленныхъ другъ отъ друга и притомъ едва помнящихъ послѣ нѣсколькихъ генерацій свое родство, могутъ условиться общими силами начать изданіе произведеній ихъ общаго предка—писателя? Очевидно, что если бы здѣсь не было ограниченій и одни они имѣли бы право издавать сочиненіе, то даже лучшія произведенія мало по малу вышли бы изъ обращенія. Здѣсь можетъ встрѣтиться другое также не менѣе важное затрудненіе. Успѣхъ просвѣщенія пріостановился бы, потому что нельзя было бы ни комментировать, ни критиковать сочиненій; толкованія, замѣтки, комментаріи должны были бы печататься отдѣльно отъ текста, котораго нельзя перепечатывать. Съ другой стороны, произведеніе доставляетъ автору и его наслѣдникамъ доходъ, на который они естественно могутъ разсчитывать, когда первый имѣетъ исключительное право продавать свое произведеніе въ теченіе всей своей жизни, а послѣдніе въ теченіе 10 лѣтъ послѣ его смерти. Впрочемъ если хотятъ дать еще большія преимущества (favoriser) вдовѣ автора и его наслѣдникамъ, то пожалуй можно продолжить ихъ собственность до 20 лѣтъ.“

Итакъ, по мнѣнію Наполеона I, если есть право, то это право совершенно личное, которое умираетъ вмѣстѣ съ авторомъ; а эта безразличность, съ какою онъ назначаетъ 10-лѣтній или 20-лѣтній срокъ, довольно похожа на ту пенсію, которую жалуетъ королевская власть родственнику

писателя и удваиваетъ ее въ знакъ благоволенія. Впрочемъ легко видѣть, это эти заключенія вытекаютъ изъ ложнаго пониманія природы права. Рядомъ съ мнѣніемъ Наполеона I мы просимъ позволенія привести мнѣніе Наполеона III, тогдашняго принца Луи-Наполеона: „интеллектуальное произведеніе есть собственность, какъ земля, какъ домъ; она должна пользоваться тѣми же правами и можетъ быть отчуждаема только ради общественной пользы“ *).

Нѣтъ надобности болѣе останавливаться на законѣ 1810 года, который представляетъ незначительный шагъ (une courte étape) среди быстраго развитія наслѣдственныхъ сроковъ. Намъ хотѣлось только привести мысль этого великаго генія о литературной собственности. Спустя 8 дней послѣ упомянутаго декрета, изданъ былъ уголовный законъ, назначавшій наказанія контрафакторамъ, „которые, говорятъ докладчики Форе и Луве, причиняютъ подрывъ этой законной собственности, тѣмъ болѣе дорогой для человѣка, что она тѣснѣйшимъ образомъ связана съ нимъ и содѣйствуетъ просвѣщенію, облагороженію и славѣ націи.“

Послѣ Наполеона I реставрація также занялась этимъ вопросомъ. Въ самомъ дѣлѣ, каждое правленіе хотѣло сказать свое слово, а потому ни одно изъ нихъ не можетъ подвергнуться упреку въ безразличіи относительно столь важнаго и замѣчательнаго предмета, такъ сильно интересовавшаго передовыхъ людей націи, писателей.

19 декабря 1823 года королевскій ордонансъ поручалъ разсмотрѣніе вопроса коммиссіи, составленной изъ различныхъ литературныхъ и политическихъ дѣятелей, между которыми находились: Lally Tollendal, Portalis, Royer-Collard, Villemain, подъ предсѣдательствомъ Rouchejould'a. Здѣсь долго толковали, ибо, по остроумному выраженію президента, не хотѣлось оставить литературной собственности въ неопредѣленномъ существованіи, которая представляетъ новый видъ легальности. Коммиссія однако же пришла къ довольно неудовлетворительнымъ заключеніямъ. Она признала, какъ

*) Отвѣтъ принца Луи-Наполеона Жобару автору Monautopole, 1844 г.

принципъ права литературной собственности, чувство справедливости, которое обязываетъ общество вознаграждать труды тѣхъ, которые содѣйствуютъ его просвѣщенію и удовольствію." Она видитъ „правовую связь между авторомъ и обществомъ и въ этомъ quasi—контрактѣ родъ даренія между находящимися въ живыхъ (et dans ce quasi-contrat une sorte de donation entre vifs)." Мы не хотимъ болѣе цитировать заключеній коммиссіи, ибо не понимаемъ quasi-контракта, который опредѣляетъ дареніе; намъ кажется, что мы перенеслись за сто лѣтъ назадъ, когда авторское право считалось привилегіей и наградой. Впрочемъ проектъ этой коммиссіи не имѣлъ никакихъ послѣдствій, другіе интересы выступили на первый планъ. Однако же въ этой коммиссіи произнесены были Lally-Tollendal'емъ и Auger краснорѣчивыя и основательныя рѣчи. Особенною полнотою отличается мнѣніе послѣдняго (членъ французской академіи), изъ рѣчи котораго мы считаемъ нужнымъ привести извлеченіе для лучшаго уясненія права литературной собственности.

„Человѣкъ беретъ идею для литературнаго произведенія, обдумываетъ свой сюжетъ, развиваетъ его и наконецъ выполняетъ, давая ему ту форму выраженія, въ которой онъ намѣренъ передать его другимъ. Всякое произведеніе на пользу просвѣщенія, всякая литературная группировка идей и фактовъ очевидно есть непосредственный, личный, исключительный, какой только можно себѣ представить, продуктъ способностей автора. Отрицать это значитъ утверждать, что „Аталія" не принадлежитъ Расину, „Тартюфъ" Мольеру etc. Произведеніе, о которомъ мы говоримъ, написано перомъ на бумагѣ; въ такомъ видѣ, въ видѣ рукописи, оно представляетъ не только безтѣлесную собственность, но также и матеріальную, родъ движимой, фактической собственности, которая исключительно принадлежитъ автору; ею онъ можетъ располагать по своему усмотрѣнію, а послѣ смерти его она переходитъ къ его наслѣдникамъ. Изъ всякой собственности можно извлекать прибыль, доходъ, или продавая продукты ея, или же отдавая ее въ наемъ. Конечно авторъ, какъ собственникъ своей рукописи, можетъ послѣдовательно давать

ее десяти, двадцати, ста и т. д. человѣкамъ и получить отъ каждаго изъ нихъ плату за удовольствіе или свѣдѣнія, которыя она доставила имъ. Въ чьихъ бы рукахъ ни была рукопись, она не перестаетъ быть собственностію автора.

Но этотъ способъ представляетъ длинную и неудобную процедуру. Къ счастію превосходное искусство, изобрѣтенное въ XV вѣкѣ, даетъ возможность воспроизводить быстро и за небольшую плату множество копій съ рукописи, такъ что всѣ желающіе могутъ въ одно и то же время, конечно не безплатно, пользоваться произведеніемъ. Если бы авторъ владѣлъ типографскими принадлежностями и самымъ искусствомъ, онъ могъ бы самъ воспроизводить свои копіи; если бы онъ имѣлъ купеческія наклонности и навыкъ, онъ могъ бы самъ продавать ихъ (копіи); но онъ не располагаетъ ни тѣмъ, ни другимъ и обращается отъ типографщика къ книгопродавцу. Содѣйствіе типографщика есть содѣйствіе рабочаго, которому платятъ за трудъ; содѣйствіе книгопродавца есть содѣйствіе коммиссіонера, котораго вознаграждаютъ за хлопоты. Тотъ и другой вознаграждены за трудъ самимъ авторомъ, хотя предпріятіе можетъ и лопнуть.

Однако же авторъ сбылъ покупателямъ свои копіи и получилъ за нихъ деньги. Каждая изъ нихъ обращается въ своей сферѣ. Въ рукахъ владѣльца она составляетъ движимую собственность, которою онъ можетъ располагать по своему благоусмотрѣнію, а послѣ смерти его она становится собственностію его наслѣдниковъ. Эта собственность (замѣтимъ здѣсь кстати) есть только копія, т.-е. воспроизведеніе рукописи (une communication du manuscrit), которая отличается отъ первой (копіи) тѣмъ, что собственникъ (авторъ) сохраняетъ за собой право воспроизводить (renouveler) ее сколько ему угодно—видъ пользованія произведеніемъ. Всякая копія предполагаетъ оригиналъ, источникъ, изъ котораго могутъ произойти еще другія копіи. Оригиналъ сохраняетъ свою силу, каково бы ни было число копій; послѣднія не уничтожаютъ его; онѣ только связаны съ правомъ примитивной собственности. Если бы владѣлецъ печатной копіи вздумалъ размножить ее тѣмъ же самымъ способомъ, какимъ и она вос-

произведена, то это уже равнялось бы примитивной собственности и могло бы нарушить или уменьшить интересы примитивнаго собственника. Это было бы уже преступленіе, которое законъ долженъ наказывать и которое онъ дѣйствительно наказываетъ, по крайней мѣрѣ пока живъ авторъ. Если бы авторъ жилъ вѣчно, кто рѣшится сказать, что онъ не былъ бы также вѣчно исключительнымъ собственникомъ своего оригинала и права снимать съ него копіи? Но онъ умираетъ; должна ли умереть вмѣстѣ съ нимъ и его собственность? Если его произведеніе, его оригиналъ составляетъ пожизненную его собственность, какъ бы ни была продолжительна его жизнь, то почему же послѣ смерти его оно не можетъ быть собственностію его наслѣдниковъ, впредь до прекращенія рода, точно также, какъ его земля, домъ или его постель? — Непонятно.

Я глубоко убѣжденъ въ томъ, что литературная собственность есть собственность особой природы, собственность *sui generis*, но точно также неоспоримая, какъ и всякая другая, и имѣющая всѣ послѣдствія обыкновенной собственности, какія бы ни могли встрѣтиться трудности въ примѣненіи. Я убѣжденъ, что эти затрудненія и мѣшали до сихъ поръ свободному признанію принципа и побудили законодателя съузить и ограничить его на практикѣ, какъ будто предметъ, по одному желанію человѣка, можетъ послѣ извѣстнаго времени перестать быть именно такимъ предметомъ, въ сущности не подвергаясь никакому видоизмѣненію."

Удивительно, какимъ образомъ такая рѣчь не имѣла вліянія на всю коммиссію.

Новая монархія 1830 года не оставалась болѣе равнодушною къ этому вопросу. Въ 1836 году составлена была коммиссія подъ предсѣдательствомъ Филиппа Сегюра, а 5 января 1839 года Сальванди, тогдашній министръ народнаго просвѣщенія, представилъ въ палату перовъ проэктъ, который вполнѣ почти былъ resumé трудовъ этой коммиссіи. Этотъ докладъ Сальванди очень замѣчателенъ, превосходенъ по формѣ и сжатъ по содержанію. Мы не приводимъ изъ

него извлеченій *), а ограничиваемся краткимъ анализомъ его. Онъ высказывается за собственность, которую онъ, подобно другимъ, называетъ священною, тѣсно связанною съ авторомъ и проч. Онъ высказывается даже въ пользу вѣчности авторскихъ правъ, но останавливается предъ затрудненіями, которыя она представляетъ, и приводя всѣ мнѣнія коммиссіи, онъ держится того принципа, что эта собственность ограничивается возможностію и общественнымъ интересомъ c'est une propriété dont l'entendue a ses limites dans la possibilité et dans l'intérêt public). Наконецъ, онъ полагаетъ 30-лѣтній срокъ, что говоритъ уже о развитіи послѣдняго закона, хотя впрочемъ коммиссія, подъ вліяніемъ которой составленъ былъ этотъ рапортъ, предполагала назначить 50-лѣтній срокъ. Палата перовъ, разсмотрѣвши докладъ Сальванди, назначила изъ среды своей коммиссію, докладчикомъ которой былъ Виконтъ Симонъ (Simèon). Стараясь примирить противоположныя мнѣнія, Симонъ высказался однакоже противъ собственности и дошелъ до того, что сказалъ, будто право гарантіи писателей не есть естественное право, а жалуемая закономъ привилегія. Эта рутинная доктрина не встрѣтила сочувствія, и благодаря Бога вопросъ объ этомъ болѣе не былъ возобновленъ. Законъ не можетъ жаловать привилегіи тому праву,которое существуетъ независимо отъ него и беретъ начало свое въ общечеловѣческой справедливости; законъ признаетъ эти права, слѣдовательно утверждаетъ и регламентируетъ ихъ, но онъ не можетъ быть источникомъ естественнаго права, тѣмъ болѣе что это послѣднее имѣетъ отношеніе къ произведеніямъ запечатлѣннымъ личностію и трудомъ. Особенно бросается въ глаза то, что Симонъ предлагаетъ въ рапортѣ своемъ замѣнить слово *литературная собственность* словами *законъ относительно правъ авторовъ на ихъ произведенія въ литературѣ и искусствахъ* (loi relative aux droits des auteurs sur leurs productions dans les lettres et dans les arts). Это было естественное слѣдствіе его положеній; примѣнить это названіе въ первый

*) Онъ вполнѣ напечатанъ въ Монитерѣ за 1839 годъ, стр. 26.

разъ на практикѣ было опасно, оно какъ бы давало будущимъ поколѣніямъ удобное средство уклониться отъ точнаго опредѣленія природы этого права. Это предложеніе вызвало со стороны собранія живой протестъ и многіе изъ образованныхъ членовъ, отстаивая принципы Порталиса, Сегюра и другихъ, въ убѣдительныхъ и краснорѣчивыхъ словахъ просили удержать слово собственность.

Они успѣли въ этомъ и подъ этимъ именемъ 21 марта 1839 года вотированъ былъ законъ палатою перовъ 78 голосами противъ 31. Онъ полагалъ 30-лѣтній срокъ, но Villemain, Portalis и другіе стояли за 50-лѣтній. Два года спустя этотъ законъ внесенъ былъ по обыкновенію въ палату депутатовъ на этотъ разъ villemain'омъ, который между тѣмъ сдѣлался министромъ. Тутъ рѣчь министра уже нѣсколько отличается отъ рѣчи пера Франціи; онъ не раздѣляетъ мнѣній Симона, но поддерживаетъ уже не 50-лѣтній срокъ, за который онъ стоялъ два года тому назадъ, а 30-лѣтній. Составлена была коммиссія, которая выбрала докладчикомъ своимъ Ламартина. Вмѣсто того, чтобы искажать замѣчательный докладъ великаго поэта краткими выписками, представляемъ лучше анализъ его. Есть два рода труда: трудъ физическій и трудъ умственный. Результаты его различны, право (le titre) труженика одно и тоже. Физическій трудъ, болѣе всего занимавшій мысль законодателя, былъ раньше санкціонированъ имъ, и собственность была установлена (упрочена). Потомъ съ расширеніемъ понятій постепенно развивалась и движимая собственность. Наконецъ, въ силу естественнаго и справедливаго заключенія, люди пришли къ тому убѣжденію, что произведенія ума—трудъ полезный и плоды этого труда составляютъ собственность. Эта собственность справедлива, полезна и возможна; она справедлива, потому что вслѣдствіе неблагодарнаго труда отца семейства вдовѣ и дѣтямъ его пришлось бы быть нищими; она полезна, потому что трудъ ума имѣетъ громадное значеніе на судьбы рода человѣческаго и наконецъ возможна, такъ какъ она продается, покупается и охраняется, какъ и всякая другая собственность. Вотъ вкратцѣ осно-

ванія теоріи этой собственности. Намъ кажется совершенно излишне прибавлять, что нельзя устоять противъ столь ясной и сильной логики. Вотъ какова аргументація Ламартина въ приложеніи къ практической сторонѣ вопроса. Какъ философъ онъ провозглашаетъ принципъ вѣковѣчности владѣнія плодами труда, законодатель же рѣдко провозглашаетъ абсолютные принципы, особливо относительно новыхъ истинъ. И такъ права владѣнія безграничны, но предѣлъ ихъ во времени (Done pas de limite dans ces droits, mais une borne dans le temps). Ламартинъ предпочитаетъ 50-лѣтній срокъ 30-лѣтнему, потому что, говоритъ онъ, нравственное единство автора состоитъ изъ трехъ существъ (êtres): самаго автора, его жены и дѣтей, а 50-лѣтній срокъ именно и соотвѣтствуетъ средней продолжительности жизни этого рода лицъ. Вотъ истинная почва вопроса. Ламартинъ высказывается далеко не въ пользу привилегіи, отъ кого бы она ни исходила—отъ короля, общества или закона. Но продолжимъ нашу исторію. Предложенный и поддерживаемый Ламартиномъ проэктъ новаго закона о предоставленіи писателямъ 50-лѣтняго срока пользованія ихъ произведеніями былъ однакоже отвергнутъ коммиссіей; хотя мнѣнія относительно его статей были приняты разными сторонами, однакоже общимъ голосованіемъ онъ отвергнутъ былъ большинствомъ 154 противъ 108 голосовъ (2 апрѣля 1841 г.).

Не забудемъ, почему этотъ законъ былъ отвергнутъ. Дѣло въ томъ, что коммиссія не могла понять причины 30-лѣтняго срока авторскихъ правъ (предложеннаго палатою депутатовъ), срока слишкомъ короткаго по мнѣнію Ламартина и его товарищей, стоявшихъ за 50-лѣтній срокъ, и слишкомъ длиннаго по мнѣнію Ренуара и Бервиля, которые видя въ словѣ собственность только *parole obligeante* и опираясь на положеніе *publicité et propriété ne valent*, предпочитали держаться 20-лѣтняго срока, назначеннаго наполеоновскимъ декретомъ 1810 г.

Мы дошли уже до настоящаго правленія *). Слова принца

*) Писано въ 1869 году.

Луи Наполеона, которыя мы имѣли случай выше привести, должны были служить доказательствомъ живаго участія, съ которымъ императоръ взялся за улучшеніе положенія писателей, желая упрочить ихъ права. Какъ скоро императоръ получилъ власть, онъ изъявилъ желаніе заняться вопросомъ о литературной собственности и побудилъ палату депутатовъ составить коммиссію изъ достойнѣйшихъ лицъ. Въ маѣ 1853 года, по созваніи депутаціи писателей и артистовъ, законъ былъ редижированъ и представленъ въ законодательный корпусъ. Докладъ представилъ Жюбиналь; но такъ какъ дѣло было въ концѣ сессіи, то разсмотрѣніе этого закона отложено было до слѣдующаго года, и онъ былъ вотированъ 8 марта 1854 года. Вотъ онъ. „Ст. I. Вдовы и дѣти писателей, композиторовъ и артистовъ будутъ пожизненно пользоваться правами гарантій по законамъ 13 января 1791 г., 19 іюля 1793 г., декрету 5 февраля 1810 года, закону 3 августа 1844 года и другимъ законамъ и декларацiямъ по этому предмету. Срокъ пользованія, назначаемый тѣми же законами и декретами, простирается до 30 лѣтъ со смерти писателя, композитора или артиста, или со дня погашенія правъ вдовы". Этотъ законъ, имѣвшій силу въ теченіи 12 лѣтъ, хотя и назначаетъ недостаточный срокъ, тѣмъ не менѣе есть новый шагъ впередъ въ увеличеніи срока литературной собственности. Законъ легко былъ принятъ, почти безъ обсужденія и охарактеризованъ только слѣдующими пророческими словами Guyard Delalain'a: „это законъ необходимости безъ предварительнаго обсужденія принциповъ. Съ распространеніемъ просвѣщенія признана будетъ и литературная собственность".

Впрочемъ законъ 1854 года былъ ни что иное, какъ законъ 1830 года, вотированный палатою перовъ и два года спустя отвергнутый палатою депутатовъ. Итакъ на долю настоящаго правленія выпала честь заняться недоконченной задачей монархіи 1830 года и наконецъ предложить намъ рѣшеніе ея, очевидно мало удовлетворительное, но тѣмъ не менѣе отличающееся либеральнымъ характеромъ, на что ни когда не могли разсчитывать люди 1826 и 1841 годовъ.

ПОЛОЖЕНІЕ ЮРИДИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ЗА АПРѢЛЬ МѢСЯЦЪ.

Въ теченіи апрѣля вновь выбалотированы въ члены Юридическаго Общества:

3 апрѣля.

1. Алексѣй Павловичъ Муликовскій, судебн. слѣд.
2. Алексѣй Васильевичъ Трейтеръ, надворн. совѣтн.
3. Владиміръ Степановичъ Зотовъ, помощн. присяж. пов.
4. Николай Сосипатровичъ Богдановъ, присяж. пов.

Итого въ текущемъ году выбалотировано. 18

На приходъ Общества поступило въ апрѣлѣ членскихъ взносовъ за 1872 годъ:

1. Отъ Н. В. Милова . . . . . 15 р.
2. Отъ него же за дипломъ . . . . . 1 „

Итого . . . . . 16 „

А всего въ 1872 г. поступило . . . . . 371 „

СОВРЕМЕННЫЙ ОТДѢЛЪ.

ОБЪ ОТВОДѢ МИРОВЫХЪ СУДЕЙ.

У мироваго судьи 1-го участка Серпуховскаго уѣзда производилось дѣло по просьбѣ купцовъ Ворониныхъ о снятіи охранительной, съ имѣнія ихъ, описи, произведенной по требованію ихъ племянника Воронина. Обстоятельства дѣла: 18 марта 1872 года купеческій племянникъ Василій Ивановъ Воронинъ подалъ мировому судьѣ прошеніе, въ которомъ, съ представленіемъ метрическихъ выписокъ о времени смерти нижепоименованныхъ наслѣдователей, ходатайствовалъ о принятіи охранительныхъ мѣръ въ отношеніи находящагося въ 1-мъ участкѣ судебнаго округа движимаго и недвижимаго имѣнія умершихъ его дѣда Николая Нестерова и дѣтей послѣдняго—отца просителя Ивана и дяди Герасима Николаевыхъ Ворониныхъ, указавъ, что имѣніе то находится въ городѣ Серпуховѣ и Серпуховскомъ уѣздѣ и заключается въ строеніяхъ, земляхъ, лѣсахъ и прочихъ угодьяхъ, а также въ разномъ движимомъ имуществѣ: товарѣ, капиталѣ наличномъ и въ долгахъ состоящемъ. Вслѣдствіе этого прошенія и на основаніи 1401 и 1403 ст. уст. гражд. суд. мировой судья, сдѣлавъ распоряженіе напечатаніемъ въ С.-Петербургскихъ сенатскихъ изданіяхъ объявленія о вызовѣ наслѣдниковъ къ имѣнію умершихъ Ворониныхъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, именно 19 того же марта за № 1188, предложилъ г. судебному приставу Тихомирову произвести охранительную опись имѣнія умершихъ. Апрѣля же 11 дня повѣренный Николая и Сергѣя Николаевыхъ Ворониныхъ, г. Успенскій подалъ мировому судьѣ прошеніе, въ которомъ объяснилъ слѣдующее: вслѣдствіе поданнаго Серпуховскимъ ку-

ческимъ племянникомъ Василіемъ Ивановымъ Ворониным прошенія объ охраненіи наслѣдства послѣ смерти серпуховскаго купца Николая Нестерова и дѣтей его Ивана и Герасима Николаевыхъ Ворониныхъ, мировымъ судьею сдѣлано распоряженіе объ описи всего наслѣдственнаго имущества, находящагося въ участкѣ его, судьи. Согласно сему судебный приставъ Серпуховскаго мироваго съѣзда г. Тихомировъ уже приступилъ къ описи и описалъ весь мясной товаръ въ общей лавкѣ, находящейся въ городѣ Серпуховѣ 1-го квартала въ мясныхъ рядахъ, который и отдалъ на сбереженіе просителю Василію Иванову Воронину, который поэтому вступилъ въ распоряженіе какъ лавкою, такъ и товаромъ, производитъ торговлю тѣмъ самымъ товаромъ, который ему отданъ на сбереженіе судебною властью и за цѣлость котораго онъ долженъ отвѣчать по закону, а въ случаѣ продажи или вообще какой либо растраты онаго подвергается уголовной отвѣтственности по 107 ст. уст. гражд. суд., 1681 и 1802 ст улож. о нак. и 177 ст. уст. о нак нал. мир. суд., не говоря уже о томъ, что онъ, какъ купеческій племянникъ, безъ особаго уполномочія довѣрителей и безъ надлежащаго торговаго свидѣтельства не можетъ производить торговли. Затѣмъ, Василій Ивановъ Воронинъ, прося объ охранительной описи наслѣдственнаго имущества, не обратилъ вниманія мироваго судьи на слѣдующія обстоятельства, которыя совершенно исключаютъ необходимость производства оной, а именно глава семейства Ворониныхъ купецъ Николай Нестеровъ Воронинъ, отъ котораго досталось наслѣдство, умеръ еще въ маѣ 1843 года (какъ видно изъ представленной при прошеніи метрической выписки); слѣдовательно со смерти его прошло уже двадцать девять лѣтъ, а отецъ просителя Иванъ Николаевъ Воронинъ умеръ въ 1848 году, т.-е. назадъ тому 23 года. Послѣ смерти ихъ, а именно въ 1852 году, произведенъ былъ раздѣлъ всего наслѣдственнаго имѣнія между наслѣдниками Николая Нестеровича съ одной стороны и наслѣдниками брата его Ивана Нестеровича съ другой; при этомъ раздѣлѣ было приведено въ извѣстность все наслѣдственное имущество, какъ движимое и недвижимое, такъ и капиталъ наличный и долговой, оставшіеся послѣ смерти Николая и Ивана Нестеровыхъ Ворониныхъ который и значится въ раздѣльномъ актѣ, совершенномъ въ Серпуховскомъ уѣздномъ судѣ 26 ноября 1852 года крѣпостнымъ порядкомъ; изъ всего этого

имущества выдѣлена и законная часть, принадлежащая просителю Василію Воронину послѣ дѣда (за смертію отца) по праву представленія, которая и пріобщена къ общей массѣ имущества дядей его, а его, Успенскаго, довѣрителей, ибо, въ силу раздѣльнаго акта, онъ остался въ одномъ съ ними семействѣ и капиталѣ. Съ того времени, т.-е. уже 20 лѣтъ почти, Василій Ивановъ Ворониннъ и его дядья состоятъ въ одномъ купеческомъ капиталѣ и производятъ одну общую торговлю; слѣдовательно, давнымъ давно фактически владѣютъ наслѣдственнымъ имуществомъ послѣ дѣда и отца просителя. Даже со смерти дяди просителя, а довѣрителей брата, Герасима Николаевича Воронина умершаго 24 октября 1867 года, прошло 4½ года, между тѣмъ торговля не останавливалась и шла своимъ порядкомъ, а затѣмъ имущество и капиталъ, бывшіе въ моментъ смерти наслѣдователей, совершенно измѣнились. Цѣль же охранительной описи, какъ разъяснено гражданскимъ кассаціоннымъ департаментомъ правительствующаго сената по дѣлу Крестовскаго (сборникъ рѣшеній 1870 года № 1892), состоитъ не въ томъ, чтобы подъ ея видомъ привести въ извѣстность общее имущество и капиталъ, а въ томъ, чтобы вскорѣ послѣ смерти, а не по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, предупредить расхищеніе онаго впредь до явки наслѣдниковъ въ положенный срокъ. Если же Василій Ворониннъ находитъ нужнымъ отдѣлиться отъ дядьевъ, то отъ него зависитъ просить надлежащій судъ о производствѣ судебнаго раздѣла или войти въ миролюбивое соглашеніе. Затѣмъ, принимая во вниманіе, съ одной стороны, что рѣшеніемъ гражданскаго кассаціоннаго департамента сената 1868 года № 602 принятіе охранительныхъ мѣръ въ каждомъ данномъ случаѣ предоставлено усмотрѣнію мироваго судьи, а съ другой, что наслѣдство Ворониныхъ, какъ находящееся нѣсколько лѣтъ въ фактическомъ владѣніи наслѣдниковъ, не можетъ быть расхищено и наконецъ, что эта мѣра, какъ не оправдывающаяся никакими законными соображеніями и дѣйствительною необходимостью, была бы въ явный ущербъ самимъ наслѣдникомъ и крайне стѣснительною въ торговлѣ, особенно въ настоящее время передъ праздникомъ Пасхи, повѣренный г. Успенскій просилъ въ возможно непродолжительномъ времени производство охранительной описи остановить и предписать судебному приставу г. Тихомирову все сданное движимое имущество и товаръ передать

обратно въ распоряженіе довѣрителей; при чемъ представилъ довѣренность и подлинный раздѣльный актъ. Вслѣдствіе вышеприписаннаго прошенія, мировой судья того же 11 апрѣля приступилъ къ разбирательству, на которое явился одинъ повѣренный Николая и Сергѣя Ворониныхъ, г. Успенскій. Василій же Воронинъ, за полученіемъ повѣстки, не явился, и мировымъ судьею приступлено было къ разбирательству безъ него. На судѣ повѣренный Ворониныхъ г. Успенскій, повторивъ тѣ же требованія, какія значатся и въ поданномъ имъ прошеніи, добавилъ просьбу и о томъ, чтобы отъ охранительной описи было освобождено и передано въ распоряженіе его довѣрителей все движимое имущество, какъ находящееся въ домѣ въ селѣ Лужкахъ, такъ и въ рыбномъ балаганѣ и мясныхъ лавкахъ, находящихся на главной площади города Серпухова. Разсмотрѣвъ настоящее дѣло, мировой судья нашелъ, что на основаніи 1401 ст. уст. гражд. суд. охранительныя мѣры принимаются мировымъ судьею единственно по заявленію частныхъ лицъ, полиціи или прокурорскаго надзора, и въ законѣ не установлено правило, чтобы всякое подобное заявленіе было провѣрено самимъ мировымъ судьею безъ заявленія спора со стороны наслѣдниковъ, права которыхъ стѣсняются охранительною описью; при поступленіи къ мировому судьѣ спора со стороны сихъ наслѣдниковъ на обязанности мироваго судьи лежитъ удостовѣриться правиленъ ли или неправиленъ этотъ споръ и по всѣмъ представленнымъ наслѣдниками доказательствамъ рѣшить вопросъ необходимо ли принятіе охранительныхъ мѣръ въ данномъ случаѣ и подходитъ ли извѣстное наслѣдство подъ силу охранительнаго судопроизводства и затѣмъ уже постановляется опредѣленіе, которое можетъ быть обжаловано въ порядкѣ, 1405 ст. того же устава постановленномъ. Хотя 1406 ст. и допускается частная жалоба на распоряженіе мировыхъ судей по охраненію наслѣдства со времени совершенія дѣйствія, но этотъ случай относится до тѣхъ наслѣдниковъ, которые присутствовали при совершеніи онаго и не имѣютъ возможности или желанія представлять мировому судьѣ свои доводы и доказательства, могущія измѣнить обстоятельства дѣла и повлечь за собою отмѣну охранительныхъ дѣйствій. Въ противномъ случаѣ наслѣднику, имѣющему иногда неопровержимыя доказательства на право владѣнія имуществомъ, которое нерѣдко

можетъ подвергнуться охранительной описи по одному голословному заявленію частнаго лица, приходилось бы представлять эти доказательства прямо въ мировой съѣздъ, минуя первую инстанцію—мироваго судью, на отвѣтственности котораго лежитъ правильное или неправильное принятіе охранительныхъ мѣръ и ставило бы его въ совершенно неправильное положеніе отвѣчать за рѣшеніе мироваго съѣзда.

Такъ какъ по охранительному судопроизводству мировые судьи постановляютъ не рѣшенія о спорномъ правѣ, а частныя опредѣленія о порядкѣ охраненія наслѣдствъ, на которыя приносятся частныя, а не апелляціонныя жалобы (1405 ст.), то въ силу 891 ст. уст. гражд. суд., примѣнимой къ мировымъ учрежденіямъ въ силу рѣшенія гражданскаго кассаціоннаго департамента сената 1869 года № 331, подобное опредѣленіе можетъ быть измѣняемо и отмѣняемо самимъ мировымъ судьею вслѣдствіе перемѣнившихся обстоятельствъ. При прошеніи же повѣреннымъ Николая и Сергѣя Ворониныхъ представленъ раздѣльный актъ, утвержденный Серпуховскимъ уѣзднымъ судомъ въ 1852 году, по которому наслѣдство послѣ Николая Нестеровича и сына его Ивана (отца просителя Василія Воронина) поступило въ собственность Петра, Николая, Герасима, Григорія и Сергѣя Ворониныхъ и съ ними въ одномъ семействѣ и капиталѣ остался и Василій Ивановъ Воронинъ, изъ коихъ Петръ и Герасимъ умерли бездѣтными, а остальные наслѣдники фактически владѣютъ имуществомъ болѣе 20 лѣтъ, не ходатайствуя до сихъ поръ объ охраненіи ихъ имущества и не прося о раздѣлѣ. Такой документъ не былъ въ виду у мироваго судьи при сдѣланіи распоряженія объ охранительной описи, между тѣмъ какъ онъ измѣняетъ положеніе всего дѣла и исключаетъ необходимость въ охраненіи имущества, ибо охранительныя мѣры могутъ быть принимаемы только тогда, когда имущество, оставшееся послѣ умершаго вотчинника, составляетъ въ тѣсномъ и буквальномъ смыслѣ слова открывшееся наслѣдство, т.-е. когда никто еще не вступилъ въ права умершаго ко владѣнію его имуществомъ и когда по неизвѣстности кому оно будетъ принадлежать никто еще не могъ вступить во владѣніе способомъ и порядкомъ закономъ допускаемыми. Въ этихъ случаяхъ при несуществованіи лица, которому имущество принадлежало, и при неимѣніи въ виду того, которому оно по праву

могло бы быть передано, открывшееся наслѣдство поступаетъ до явки наслѣдниковъ подъ охрану законной власти, и засимъ можетъ быть отдано наслѣдникамъ не иначе, какъ съ разрѣшенія этой власти, или, если откроется споръ, то по рѣшенію судебнаго мѣста. Но совершенно въ другомъ положеніи и въ другихъ юридическихъ отношеніяхъ представляется имущество, когда оно уже поступило во владѣніе другаго лица, по праву ли законнаго, послѣ умершаго, наслѣдованія или въ силу завѣщательнаго его распоряженія. Въ семъ послѣднемъ случаѣ имущество это составляетъ уже не открывшееся наслѣдство въ тѣсномъ смыслѣ этого выраженія, а фактическую принадлежность дѣйствительнаго владѣльца онаго, а потому и охранительныя мѣры въ отношеніи онаго не имѣютъ мѣста въ порядкѣ безспорнаго производства, ибо эти мѣры не могутъ нарушать уже существующихъ правъ владѣнія, а находятся въ зависимости отъ дѣйствующихъ постановленій гражданскаго права, въ силу которыхъ наслѣдникъ можетъ вступить во владѣніе наслѣдствомъ силою закона и безъ утвержденія въ правахъ наслѣдства, и засимъ онъ не можетъ уже быть лишенъ пріобрѣтенныхъ имъ правъ на имущество, иначе какъ по судебному рѣшенію. Примѣняя разъясненіе правительствующаго сената 1870 года за № 1892 къ настоящему дѣлу, очевидно, что къ данному случаю какъ нельзя ближе относится то мѣсто приведеннаго рѣшенія сената, гдѣ говорится объ имуществѣ, когда оно уже поступило во владѣніе другаго лица и что, слѣдовательно, охранительныя мѣры, въ отношеніи имѣнія умершихъ Ворониныхъ, не должны бы имѣть мѣста. Въ виду всего вышеизложеннаго и принимая во вниманіе, что выдѣленная, по раздѣльному акту, на долю Василія Иванова Воронина часть наслѣдственнаго имѣнія присоединена къ общей массѣ имущества его дядей Николая и Сергѣя Николаевыхъ Ворониныхъ, съ которыми онъ остался въ одномъ семействѣ, и до настоящаго времени состоитъ въ одномъ купеческомъ капиталѣ, оказывается, что предпринятую охранительную опись, какъ непредставляющую въ себѣ надобности, слѣдуетъ пріостановить съ возвращеніемъ описаннаго имѣнія въ распоряженіе тѣхъ, у кого оно находилось до этой описи. А потому мировой судья постановилъ: указанное повѣреннымъ г. Успенскимъ движимое имущество, освободивъ отъ охранительной описи, передать въ

распоряженіе Воронинныхъ, о чемъ и дать знать производящему опись судебному приставу г. Тихомирову.

Затѣмъ тѣ же Воронины просили о томъ же и мироваго судью 2-го участка г. Козлова, такъ какъ имѣніе находится и во 2-мъ участкѣ. Мировой судья постановилъ слѣдующее рѣшеніе: 1872 года апрѣля 28 дня разбиралось дѣло по просьбѣ повѣреннаго братьевъ Николая и Сергѣя Николаевыхъ Воронинныхъ, крестьянина Успенскаго объ отмѣнѣ постановленія объ охраненіи наслѣдства, оставшагося послѣ смерти Николая Нестерова, Ивана и Герасима Николаевичей Воронинныхъ, состоявшагося по просьбѣ Серпуховскаго купеческаго племянника Василія Иванова Воронина, при чемъ находились повѣренный Воронинныхъ и Василій Воронинъ. Выслушавъ объясненія повѣреннаго г. Успенскаго, заключающіяся въ томъ же, что изложено въ его прошеніи, а также возраженія другой стороны, мировой судья находитъ, что распоряженіе о вызовѣ наслѣдниковъ и объ охраненіи имущества послѣдовало вслѣдствіе просьбы одного изъ сонаслѣдниковъ, заявившаго въ своемъ прошеніи и о томъ, что между наслѣдниками не всѣ находятся на лицо и слѣдовательно означенное распоряженіе сдѣлано въ соотвѣтствіе 1402 и 1403 ст. суд. охр., что требованіе объ отмѣнѣ распоряженія, уже приведеннаго въ исполненіе и основаннаго между прочимъ на томъ, что находя обстоятельства этого дѣла, послѣ опредѣленія объ охраненіи перемѣнившимися, а самое опредѣленіе частнымъ, возможнымъ, на основ. 891 ст. уст. гражд. суд., быть отмѣненнымъ, нельзя признать правильнымъ, ибо обстоятельства, выставляемыя имъ, а именно: раздѣлъ, состоявшійся между матерью просителя, опекуномъ его и прочими сонаслѣдниками, имѣлись въ виду у всѣхъ участвующихъ лицъ и что поэтому если кто либо изъ нихъ считалъ распоряженіе объ охраненіи имущества неправильнымъ, то жалоба должна была быть принесена мировому съѣзду по ст. 1405 и въ срокъ, указанный послѣдующею ст. 1406 охр. суд., неговоря уже о томъ, что правила охранительнаго судопроизводства отдѣлены отъ судопроизводства тяжебнаго, и потому ст. 891 не можетъ быть примѣнена къ данному случаю. А потому на основаніи вышеприведенныхъ статей закона, не считая себя въ правѣ отмѣнить сдѣланное распоряженіе объ охраненіи имущества по просьбѣ Василія Воронина,

мировой судья опредѣлилъ просьбу г. Успенскаго объ отмѣнѣ онаго оставить безъ послѣдствій.

Не буду касаться правильности того или другаго взгляда на дѣло, такъ какъ касаясь этаго вопроса я становлюсь судьею своего собственнаго рѣшенія, хотя признаюсь никакъ не могу согласиться съ рѣшеніемъ мироваго судьи 2 участка. Но здѣсь является очень важный и существенный вопросъ имѣютъ ли право участвующіе въ дѣлѣ лица отвести обоихъ мировыхъ судей отъ участія въ дѣлахъ? Судебные уставы не только предоставляютъ право сторонамъ отвести того или другаго судью, но обязываютъ самаго судью устранить себя отъ дѣла, если къ тому есть законныя причины, не выжидая заявленія сторонъ (195 и 667 ст. уст. граж. суд.). Если одинъ судья рѣшилъ дѣло совершенно однородное и между тѣми же лицами, какое рѣшилъ и другой судья, то я не думаю, чтобы идея справедливости была достигнута и правосудіе ограждено, если одинъ судья будетъ участвовать въ рѣшеніи дѣла другаго судьи, ибо въ противномъ случаѣ судья, участвующій въ рѣшеніи, постановленномъ другимъ судьею, будетъ отстаивать свое собственное рѣшеніе и проводить тотъ взглядъ на дѣло, какой онъ усвоилъ при разрѣшеніи извѣстнаго случая. По ст. 300 X т. 2 ч. зак. граж. изд. 1857 дозволено тяжущимся приводить другія причины устраненія судей, кромѣ изложенныхъ въ 667 ст. уст. граж. суд., въ тѣхъ случаяхъ, когда можно предполагать пристрастныя отношенія судьи къ той или другой сторонѣ. Но по мнѣнію коммиссіи, учрежденной при государственной канцеляріи, предоставленіе тяжущимся слишкомъ широкаго права просить объ устраненіи судей, можетъ повести на практикѣ къ заявленію безконечныхъ притязаній, то тяжущимся предоставлено устранять судей лишь въ случаяхъ, положительно указанныхъ въ 667 ст. уст. граж. суд. Случая, описаннаго мною выше, въ 667 ст. не предусмотрѣно; но принимая во вниманіе съ другой стороны, какъ говоритъ объяснительная записка 1863 г. ч. 1, стр. 357, что случаи устраненія судей, указанные въ сводѣ 1857 г., уменьшены по возможности въ томъ вниманіи, что на практикѣ вообще сами судьи стараются устранять себя, во всѣхъ случаяхъ, законами указанныхъ, и въ особенности по поводу близкихъ родственныхъ отношеній съ однимъ изъ тяжущихся, а при гласности судопроизводства значеніе устраненія судей значительно ослабляется, и самыя правила по сему предмету нужны

не столько для практическаго ихъ примѣненія, сколько для предоставленія самому судьѣ законнаго повода отказаться, по стеченію обстоятельствъ, отъ исполненія своихъ обязанностей.

Принимая во вниманіе все вышеизложенное, я прихожу къ тому убѣжденію, что для правильнаго и безпристрастнаго отправленія правосудія не только мировые судьи обязаны отвести себя отъ участія въ подобныхъ настоящему дѣлахъ, но и стороны имѣютъ несомнѣнное право предъявить отводъ.

Димитрій Жуковъ.

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА.

Екатеринославскаго Окружнаго Суда.

Дѣло г-жи Алымовой съ наслѣдниками Корбе. *)

1871 года октября 8 дня, по указу Его Императорскаго Величества, Екатеринославскій окружный судъ въ гражданскомъ отдѣленіи въ слѣдующемъ составѣ: товарищъ предсѣдателя А. Ф. Карповъ, члены суда Ф. В. Делинскій, Г. О. Поржецкій при и. д. секретаря А. М. Остроградскомъ и прокурорѣ Н. П Томсенѣ, слушалъ дѣло по прошенію повѣреннаго опекуновъ надъ имѣніемъ и дѣтьми умершаго Константина Корбе—вдовы его Маріи Николаевны и Шишкина—Конисскаго объ уничтоженіи духовнаго завѣщанія, совершеннаго Корбе 29 апрѣля 1869 г., и купчей крѣпости, совершенной на проданное имъ, Корбе, Алымовой имѣніе, его селеніе Михайловку. (Слѣдуетъ изложеніе обстоятельствъ дѣла). Разсмотрѣвъ обстоятельства настоящаго дѣла и соображая ихъ съ законами, окружный судъ находитъ: наслѣдники умершаго штабъ-ротмистра Константина Ѳедоровича Корбе—жена и малолѣтнія дѣти умершаго доказываютъ, что духовное завѣщаніе умершаго отца ихъ, совершенное 29 апрѣля 1869 г., въ которомъ онъ все свое имѣніе оставилъ въ пожизненное пользованіе женѣ капитана Екатеринѣ Максимовнѣ Алымовой, также и купчая крѣпость, значущаяся въ выписи изъ крѣпостной Екатеринославскаго нотаріальнаго архива книги по Верхне-

*) Настоящее дѣло и резолюція по оному Екатеринославскаго окружнаго суда извѣстны нашимъ читателямъ изъ отчета, помѣщеннаго въ 9 книжкѣ Юридическаго Вѣстника 1871 года. Поэтому въ рѣшеніи суда, изложенномъ въ окончательной формѣ, ниже сообщаемомъ, мы сочли возможнымъ не повторять изложенія обстоятельствъ означеннаго дѣла и ограничиться только соображеніями, послужившими основаніемъ судебнаго рѣшенія. Ред.

днѣпровскому уѣзду за 1870 годъ № 4, ч. I, стр. 83, № 38, по которой отецъ передалъ ей же, Алымовой, родовое свое имѣніе, село Михайловку, должны считаться недѣйствительными. Обращаясь къ разсмотрѣнію представленныхъ доказательствъ недѣйствительности указанныхъ актовъ, представляется слѣдующее: наслѣдники умершаго Корбе доказываютъ, что упомянутое духовное завѣщаніе умершаго Корбе недѣйствительно потому, что воля его въ составленіи завѣщанія не участвовала, такъ какъ участіе покойнаго въ этомъ дѣйствіи было только механическое, и недѣйствительное. Истцы утверждаютъ, что завѣщатель Корбе не владѣлъ, во время составленія его, ни свободною волею, ни твердою памятью, т.-е. что у него не было ни въ чемъ ненарушимой полноты умственныхъ способностей, какъ того, по мнѣнію ихъ, требуетъ законъ отъ завѣщателя.

Оспаривая духовное завѣщаніе истцы говорятъ, что ненормальность умственныхъ способностей Корбе доказывается обстоятельствами, при которыхъ оно совершалось, свидѣтельскими показаніями и содержаніемъ самаго завѣщанія. Разбирая обстоятельства, при которыхъ совершено духовное завѣщаніе Корбе 29 апрѣля 1869 г., окружный судъ не можетъ не видѣть, что духовное завѣщаніе есть одно изъ послѣдствій отношеній Корбе къ представленію о духѣ Василіѣ, тѣхъ отношеній, въ которыя поставила Корбе сама Алымова, въ пользу которой составлено духовное завѣщаніе. Отношенія эти весьма ясно и положительно разъясняются семью книгами записокъ Корбе, представленными къ дѣлу и послужившими основаніемъ къ начатію настоящаго иска, а также свидѣтелями, спрошенными по этому дѣлу. Записки начинаются 13 февраля 1869 г. и кончаются 1 ноября 1870 г. Они содержатъ въ себѣ бесѣды съ разными духами, особенно съ духомъ Василіемъ Соколинскимъ, дѣдомъ Алымовой, «свѣтомъ святыхъ, получившимъ, по его словамъ, высшую степень отъ Господа, бывающимъ лично у Господа» (30 октября 1869 г. книга 4, листъ 18). Бесѣды эти весьма разнообразны: духи бесѣдуютъ съ Корбе о загробной жизни, о любовныхъ его отношеніяхъ къ Алымовой, о покупкѣ Дашѣ шубки и т. д. Слова записокъ и въ особенности письма Алымовой къ Корбе изъ С.-Петербурга отъ 6, 9 и 14 ноября 1870 г. не позволяютъ сомнѣваться, что авторъ этихъ записокъ сама отвѣтчица, да она этого и не отрицаетъ—повѣренный ея Гольден-

вейзеръ, при словесномъ состязаніи, самъ призналъ это на судѣ. Главное дѣйствующее лицо въ этихъ запискахъ сама г. Алымова, «голубица и избранница духовъ». Духи ее очень любятъ и за любовь къ ней Корбе соглашаются бесѣдовать съ нимъ чрезъ Алымову и обѣщаютъ распространить на него свою любовь и благодѣянія. Корбе всему этому безусловно вѣритъ и исполняетъ всѣ указанія духа. Это видно изъ слѣдующихъ словъ духа: «я испытывалъ тебя, но теперь вижу, что крѣпка твоя вѣра въ меня, дѣлай завѣщаніе такъ какъ говорилъ» (2 книга 67 стат. 10 апрѣля 1869 г.) «Я знаю—я законъ твой, мое слово—твое дѣйствіе» (3 книга 10 ст.). «Благодарю тебя за точное исполненіе моей воли.» «Воля святѣйшая и слово его—законъ твой» (7 книга 4 ст.) и въ такомъ же родѣ см. 1 книга 84 ст., 4 книга 10 ст., 4 книга 33 ст., 4 книга 70 ст., 5 книга 78 ст., 6 книга 14 ст., 6 книга 32 ст., 7 книга 4 ст., 1 книга 28 и 29 ст. и 2 книга 11 и 63 ст. То, что Корбе исполнялъ безусловно велѣнія духа, подтвердилось и свидѣтельскими показаніями. Духъ приказывалъ пересадить садъ, устроить въ саду фонтанъ, послать деньги г. Самусю, брату Алымовой, привезти одѣяло теплое, купить Дашѣ шубку, передать Алымовой деньги, наказывать мальчика, разсчитать прикащика, нанять садовника, удаляться отъ людей и т. д. Исполненіе всего этого со стороны Корбе подтверждается свидѣтельскими показаніями: Склярова, Чередниченковой, Сурскаго, Сербина и Смичадлова.

Цѣль этихъ записокъ весьма ясно сказалась въ слѣдующихъ мѣстахъ. Книга I, 9 марта 1869 г., стр. 88, «Вознаграждай ее прибыльно, чтобы ты былъ дорогъ ей, чтобы на одномъ тебѣ выразилась ея нѣжная душа; вознаграждай ее щедро, какъ вознаграждаетъ богатый урожай сѣятеля, и я, заступникъ вашъ, буду горячо молиться за ваше счастіе.» Книга 2, 12 марта, стр. 9 и 10: «Дорогой, милый сынъ мой, распорядись по совѣсти, я помогу тебѣ. Кромѣ того, что ты долженъ сдѣлать для себя, ты долженъ думать и объ остающихся, чтобы жизнь ихъ не подвергалась лишеніямъ и униженіямъ. Я говорю послѣдними словами о дитяти моей, ты знаешь чему она подвергнется. Я говорю не для того, чтобы сказать этимъ, что ты умрешь прежде ея; нѣтъ, сынъ мой, я хочу чтобы ты взвѣсилъ и обдумалъ все по совѣсти, я хочу чтобы если и прійдется тебѣ похоронить голубку мою, то чтобы она или, лучше сказать, душа ея блажен-

ствовала, сознавая, что наконецъ и о ней горячо заботился любящій ее. Дитя мое будетъ твоя надежда и упованіе, гордость и любовь, уваженіе и преданность, дѣти твои по милости ея будутъ цвѣткомъ услаждающимъ зрѣніе. Еще есть просьба, не забудь пожалуйста старика дѣда, онъ сильно разсчитываетъ на наслѣдство, онъ корыстолюбивъ и ворчитъ не даромъ, надѣется на доброту твою, препротивный старикашка не правдали? Сынъ мой, не выѣзжай пока я не скажу, будь вблизи голубки моей, помощь твоя будетъ нужна при удушьи дитяти, не удаляйся оттуда, гдѣ находишься, опасно. Аминь». 10 апрѣля стр. 66 и 67: «Отдавая все въ неотъемлемое распоряженіе дитяти моей, имущество и будущность дѣтей, ты не ошибся. Не будетъ она тратить сиротское, не возметъ она себѣ копѣйки чужой и довѣренной слѣпо ей, не употребитъ во зло довѣрія твоего, не заставитъ духъ твой томиться и страдать. Нѣтъ, ты возрадуешься рядомъ со мною и также горячо благословишь ее, какъ я теперь благословляю, въ томъ клянусь тебѣ; дѣти твои все получатъ сполна, какъ ты оставишь; она моя ученица, ты не понимаешь къ чему я говорю, когда ты увѣренъ въ томъ. Но слушай далѣе: не возметъ она на свою душу грѣха, что жила на счетъ сиротъ. Нѣтъ, чужое свято для меня значитъ и для нея. Вотъ моя просьба въ чемъ: откажи ей въ собственность маленькій капиталъ, не болѣе нужныхъ потребностей, чтобы она свято могла выполнить высокое назначеніе, чтобы ни одинъ ребенокъ не могъ сказать, что она живетъ на его счетъ, чтобы она обязана была тебѣ и въ свою очередь обязала бы тебя тѣмъ, что то, что ты сберегъ для дѣтей, отдалось бы имъ сполна чисто и свято, чтобы ни одна копѣйка не пошла на нее, а все осталось дѣтямъ. Я научу ее распоряжаться, мнѣ только подъ силу, а ей безъ меня было бы трудно и она по кротости своей пала бы подъ гнетомъ упрековъ и невзгодъ. Вотъ моя мысль, прочти со вниманіемъ и разсуди, отвѣчай святому правду. Аминь». «Сынъ мой, любимецъ души моей, радуюсь за тебя, ты доставилъ мнѣ блаженство святаго, Господь за это простилъ тебѣ все. Сынъ мой, я испытывалъ тебя, но теперь вижу, что крѣпка твоя вѣра въ меня, дѣлай завѣщаніе такъ, какъ говорилъ, благословляю тебя и люблю горячо, ты мой сынъ на землѣ и будешь братомъ на небеси. Дитя мое дорогое, лучше не ѣзди, послѣ вечеромъ можешь. Аминь». Книга 6, іюня 2 1870 г., стр. 43,

наоборотѣ: «Константинъ, мой другъ! Самое лучшее распорядись деньгами, отдавъ ихъ дочери; такимъ образомъ ты будешь покоенъ и не будешь задумываться надъ тѣмъ, гдѣ можно избѣгать тревоги, мой совѣтъ всегда мой сынъ для мира души, такъ какъ и мелочь можетъ нарушить невозмутимость духа». Книга 7, октября 26 1870 г., стр. 81: «Выѣхать слѣдуетъ въ концѣ недѣли; билеты необходимо чтобы дочь моя взяла съ собою, иначе они подвергаются быть украденными, а дѣдъ сбережетъ у себя въ шкатулкѣ, только вотъ бѣда—довѣритъ ли внукъ безъ векселя, а то вѣдь нотаріусъ близко и я сбѣгаю.» Изъ приведенныхъ мѣстъ записокъ Корбе нельзя не видѣть, что онѣ послужили для Алымовой способомъ какъ можно ближе стать къ Корбе и къ его имуществу. Этимъ вполнѣ объясняется то стремленіе Алымовой отдалить отъ Корбе все, что могло помѣшать ей достиженію цѣли. Вотъ почему духъ проситъ Корбе не ѣздить къ матери, гдѣ, по его словамъ, духъ тьмы; вооружаетъ его противъ жены, сестеръ, сына, дочери, проповѣдуетъ ему забвеніе свѣта и людей (5 книга 55 ст., 1 книга 18 ст., 2 книга 46 и 98 ст., 3 книга 24 ст.) Этимъ же, конечно, объясняется и то, почему самою сильною жертвою при столкновеніи этихъ намѣреній Алымовой съ тѣмъ, что, по ея мнѣнію, могло препятствовать осуществленію ихъ, является любимый его сынъ Федя—мальчикъ 10 лѣтъ. Она словами духа сообщаетъ отцу, что сынъ его рабъ лжи и порока, еретикъ и что онъ занимается онанизмомъ. Отсюда получили основанія тѣ ужасныя истязанія, бинтованія дѣтороднаго члена, употребленія варварской машинки, препятствовавшей испускать мальчику мочу, привязыванія его къ кровати, о которыхъ съ такою силою свидѣтельствовали Скляровъ и Чередниченкова.

Останавливаясь на истязаніяхъ Феди, какъ на фактѣ, особенно рельефно объясняющемъ отношенія Корбе къ представленію о духѣ Василья, оказывается, что Корбе только по наущенію духа наказывалъ сына и наказывалъ его съ страшною жестокостью, иногда по 5 разъ въ сутки и почти ежедневно масляную недѣлю, великій постъ и пасху, наказывалъ его по незажившимъ мѣстамъ, такъ что прислуга изъ сожалѣнія промывала ему холодною водою спину и вынимала изъ ранъ обломки розогъ и все это только потому, что духъ сообщалъ о порокѣ мальчика. Записки и показанія свидѣтелей ясно это доказы-

вають; изъ показаній свидѣтелей ясно видно, что наказанія начались только тогда, когда духъ сталъ сообщать о порокахъ мальчика. Всѣ эти наказанія надъ сыномъ, котораго, по показанію свидѣтелей, Корбе очень любилъ, начались и продолжались, несмотря на то, что Корбе не могъ не убѣдиться въ томъ, что мальчикъ не зараженъ тѣмъ порокомъ, на который указывалъ духъ. Корбе самъ спалъ съ мальчикомъ, осматривалъ его бѣлье, никакихъ слѣдовъ порока при этомъ не замѣчалъ; за мальчикомъ строго смотрѣла прислуга, по приказанію Корбе, которая также ничего не замѣчала; наконецъ, мальчикъ спалъ привязанный къ кровати, и несмотря на все это, Корбе вѣрилъ словамъ духа и продолжалъ наказывать до изступленія, потому что духъ или Алымова требовала наказанія. Повѣренный Алымовой Гольденвейзеръ ничего не находитъ необыкновеннаго въ этихъ наказаніяхъ, потому что въ корпусахъ наказывали, по его словамъ, будто бы болѣе жестоко мальчиковъ. Но возраженіе это не можетъ заслуживать никакого уваженія, во первыхъ потому что оно голословно и во вторыхъ, потому что ежели бы оно и было доказано, то нисколько не можетъ придать смягчающаго вида тѣмъ истязаніямъ, которымъ подвергался Федя, такъ какъ истязанія эти остаются всѣ тѣми же.

Еще рельефнѣе рисуетъ отношенія Корбе къ духу Василію извѣстная въ запискахъ исторія о беременности Алымовой Васею. Духъ точно предсказываетъ рожденіе Васи, указываетъ день зачатія, разсказываетъ положеніе Васи въ утробѣ Алымовой, передаетъ поклоны отъ Васи, разсказываетъ о его капризахъ и наконецъ сообщаетъ о томъ, что вмѣсто Васи былъ нарывъ. Затѣмъ снова обѣщаетъ Васю.

Разсматривая отношенія, въ которыя Корбе поставленъ былъ къ духу Василію, судъ не можетъ не признать, что подобныя отношенія доказываютъ полное отсутствіе здраваго разума у того, кто могъ быть поставленъ въ такія отношенія. Корбе видитъ, что мальчикъ не занимается онанизмомъ, почти осязаетъ это, но духъ, или Алымова, говорятъ ему противное, Корбе вѣритъ и наказываетъ мальчика. Несмотря на очевидную нелѣпость исторіи о Васѣ, Корбе вѣритъ, ожидаетъ рожденія, получаетъ отъ него поклоны и прочее.

Повѣренные Алымовой возражаютъ и говорятъ, что отсутствіе разума во всемъ этомъ не видно у Корбе, потому что Корбе вѣрилъ въ спиритизмъ. Этотъ доводъ, по мнѣнію суда,

равно ничего не доказываетъ. Никто не споритъ, что Корбе былъ спиритъ, но нельзя не согласиться и съ тѣмъ, что подобное вѣрованіе, подобный спиритизмъ, ясно доказываетъ отсутствіе разума у того, кто былъ ему подверженъ. По мнѣнію суда вѣрить можно тому, что не можетъ быть доказано, что по крайней мѣрѣ не очевидно. Корбе же, какъ изъ сказаннаго выше видно, вѣрилъ въ такую ложь, въ какой могъ и долженъ былъ бы убѣдиться, ежели бы былъ въ здравомъ умѣ. Ежели бы умъ его былъ здоровъ, онъ не повѣрилъ бы навѣтамъ духа на мальчика, также какъ не повѣрилъ бы извѣстному происхожденію Васи въ утробѣ Алымовой. Повѣренные Алымовой повидимому сознавали это, почему старались на судѣ доказать, что мальчикъ дѣйствительно занимался онанизмомъ и въ этомъ отношеніи ссылались на свидѣтельство врача Рекса; но свидѣтель этотъ, по мнѣнію суда, не доказалъ того, въ чемъ на него ссылались. Правда онъ, первоначально, показалъ, что при осмотрѣ мальчика во врачебномъ отдѣленіи, онъ нашелъ у него несомнѣнные признаки указанной болѣзни, но когда ему указали на то, что признаки эти могли произойти отъ истязанія, которому подвергался мальчикъ отъ той машинки, которую ему подвязывали, свидѣтель этотъ, высказывая свое мнѣніе о болѣзни мальчика, проникнутъ былъ непреодолимымъ желаніемъ доказать это свое мнѣніе, желая повидимому этимъ опровергнуть, какъ онъ выражался, клевету, распущенную по городу о подкупѣ врачебнаго отдѣленія, что и внесло въ его показаніе характеръ большаго личнаго интереса, почему судъ и не можетъ признать за показаніемъ его полной силы и значенія свидѣтельскаго показанія.

Обращаясь къ разсмотрѣнію обстоятельствъ, прямо относящихся до составленія духовнаго завѣщанія, нельзя не видѣть, что оно составлено по весьма ясному и точному указанію духа. Духъ Василій видитъ слабое здоровье Корбе и указываетъ на это, какъ на необходимость скораго составленія завѣщанія, указываетъ кому отдать имѣніе, указываетъ какъ писать завѣщаніе, въ какомъ количествѣ экземпляровъ его написать, кому отдать на сохраненіе, какое мѣсто изъ него прочесть на судѣ. Все это въ точности исполнено. Духъ приказалъ отдать все имѣніе въ распоряженіе Алымовой, въ такомъ смыслѣ и составлено завѣщаніе; духъ приказалъ написать завѣщаніе въ двухъ экземплярахъ, отдавъ одинъ на сохраненіе вѣрному человѣку; послѣ смер-

ти Корбе одинъ экземпляръ найденъ въ его бумагахъ, а другой представилъ нотаріусъ Гальберштадтъ; духъ приказывалъ прочесть на судѣ только одну часть духовнаго завѣщанія, относящуюся до дѣтей Корбе, и самъ повѣренный Алымовой, Гольденвейзеръ, просилъ судъ 10 ноября 1870 г. объ этомъ (записки Корбе 15, 18 и 25 марта, 2, 9, 10, 11, 12, 18 и 29 апрѣля и 3 мая 1870 года). Изъ всего этого нельзя не видѣть, что духовное завѣщаніе Корбе есть плодъ отношеній Корбе къ духу Василію, такихъ отношеній, въ которыхъ ясно сказалось отсутствіе у него здраваго ума и свободной воли.

Изъ сказаннаго ясно видно, что Корбе только переписалъ духовное завѣщаніе, а составилъ его духъ Василій, т. е. сама же Алымова, такъ какъ изъ всего приведеннаго нельзя не видѣть, что только ея одна воля участвовала въ совершеніи духовнаго завѣщанія.

Переходя къ разсмотрѣнію обстоятельствъ, при которыхъ совершена купчая крѣпость, судъ не можетъ не согласиться съ доводами наслѣдниковъ Корбе и не прійти вмѣстѣ съ ними къ заключенію, что и оспариваемая купчая крѣпость, также какъ и духовное завѣщаніе, есть послѣдствіе тѣхъ же отношеній Корбе къ духу, доказывающее у него отсутствіе воли, могущей свободно выразиться. Купчая эта, также какъ и духовное завѣщаніе, совершена именно въ то время, когда разсудокъ его подавленъ былъ представленіемъ о духѣ, который ему проповѣдывалъ, какъ залогъ счастія и спасенія, отдачу имущества Алымовой. Это подтверждается вполнѣ записками. 28 октября совершена купчая крѣпость на Михайловку и 29 духъ говоритъ: «Сынъ мой! Я доволенъ тобою, я доволенъ отношеніями твоими къ спутницѣ твоей, я доволенъ заботою и любовію къ ней; любя ее, ты любишь меня; заботясь о ней, ты заботишься обо мнѣ; уважая ее, чтишь меня; лаская ее, ты благодаришь мнѣ; она моя привязанность и любя ее ты свяжешь крѣпко меня съ собою, возьми мою руку—она твоя, я преданъ тебѣ, я люблю тебя, я пріютъ твой, я кровь твоя, я стѣна, за которой ни одна капля дождя не падетъ на тебя. Христосъ съ тобою, благодарю и благодарю тебя. Аминь».

Поэтому судъ не можетъ признать за доказательство присутствія совершенно свободной воли у Корбе при совершеніи купчей крѣпости то указаніе повѣреннаго Гольденвейзера, что духомъ не было указано передачи имущества Алымовой въ фор-

мѣ купчей крѣпости, какъ это сдѣлано имъ о духовномъ завѣщаніи.

Помимо отношенія Корбе къ духу, доказывающаго, что у Корбе не было свободной и разумной воли при совершеніи духовнаго завѣщанія и купчей крѣпости, есть свидѣтельскія показанія, которыя свидѣтельствуютъ о фактахъ, служащихъ также указаніемъ на ненормальность его умственныхъ способностей. Изъ показанія свидѣтелей. Попандопуло, Бѣлинскаго и Сурскаго видно, что въ 1866 г. Корбе разсердившись на жену, билъ ее до того что она выскочила въ окно, и онъ догнавъ ее, приказалъ прислугѣ посадить ее въ домъ, въ которомъ забилъ ставни и самъ уѣхалъ въ Верхнеднѣпровскъ, гдѣ подалъ жалобу на жену и откуда привезъ исправника и доктора, при чемъ былъ угрюмъ, молчаливъ и грубъ. Склярова, Чередниченкова, Смичадлова и Михайлова, что Корбе часто хворалъ, не зналъ спокойныхъ ночей, заговаривался и говорилъ самъ съ собою вздоръ, ему представлялась его жена, тогда какъ ее не было. часто дѣлалось съ нимъ дурно, обмороки, сталъ мало заниматься хозяйствомъ и деньги уже держала у себя Алымова. Кромѣ всего сказаннаго, разстройство умственныхъ способностей у Корбе подтвердилось заключеніемъ свѣдущихъ людей, которые разобравъ всѣ свѣдѣнія, имѣющіяся въ дѣлѣ о болѣзняхъ Корбе, показаніе объ этомъ врачей лечившихъ его и другихъ свидѣтелей, а также письменные документы,—сказали: «мы заключаемъ, что покойный Корбе, по всей вѣроятности, страдалъ хроническимъ воспаленіемъ мозговыхъ оболочекъ и сѣраго вещества мозга, извѣстнымъ въ наукѣ подъ названіемъ постепенно развивающейся мозговой атрофіи. При существованіи таковаго страданія умственная его дѣятельность падала мало по малу и Корбе, не будучи въ состояніи свободно владѣть своими умственными способностями, за періодъ времени 1869 и 1870 г., не былъ въ здравомъ умѣ и твердой памяти.» При чемъ экспертъ Шульцъ на вопросъ повѣреннаго Спасовича объяснилъ, что наука не допускаетъ свѣтлыхъ промежутковъ при той болѣзни, которая по ихъ мнѣнію была у Корбе.

Повѣренные г. Алымовой весьма оригинально отнеслись къ заключенію экспертовъ, они не потребовали отъ нихъ разъясненія тѣхъ выводовъ и соображеній, которые привели ихъ къ данному ими заключенію, но объявили суду, что для нихъ не требуется никакого разъясненія экспертизы; но при словесномъ

состязаніи, когда уже никакого объясненія со стороны экспертовъ не могло быть, стали доказывать несостоятельность экспертизы, при чемъ, главнымъ образомъ, указывали на то, что мнѣніе экспертовъ несогласно съ показаніемъ свидѣтелей и въ особенности доктора Стадіона, которые показываютъ, что они въ отношеніяхъ съ Корбе не замѣтили у него разстройства умственныхъ способностей, но показанія эти, по мнѣнію суда, нисколько не противорѣчатъ заключенію экспертовъ, потому что они доказываютъ только то, что свидѣтели эти не замѣтили разстройства умственныхъ способностей у Корбе и болѣе ничего.

Показаніе же свидѣтеля Стадіона отличается при этомъ поразительнымъ разнорѣчіемъ съ показаніемъ другихъ свидѣтелей. Свидѣтели Михайловъ и Выговскій свидѣтельствуютъ, что у Корбе былъ ударъ, а Стадіонъ это отрицаетъ. Немировскій показалъ, что Корбе пилъ много вина, Стадіонъ же утверждаетъ, что онъ вовсе его не пилъ. Свидѣтели Успенскій, Вржосекъ, Выговскій показываютъ, что у Корбе была рѣчь медленная, вродѣ запканія, а по словамъ Стадіона, онъ говорилъ плавно. Въ особенности же его показаніе разнорѣчитъ съ показаніями докторовъ: Рекса, Вронскаго, Барафа, призванными Стадіономъ на совѣтъ къ больному Корбе. Показаніе это разнорѣчитъ въ особенности при опредѣленіи болѣзни Корбе, разнорѣчитъ до того что докторъ Стадіонъ счелъ нужнымъ объяснить, что болѣзнь онъ докторамъ подробно не объяснялъ, такъ какъ пригласилъ докторовъ только для огражденія себя въ виду могущихъ возникнуть сплетней объ отравленіи Корбе.

Но это объясненіе Стадіона весьма несостоятельно, потому что ежели приглашать врачей на тотъ случай, чтобы врачи могли засвидѣтельствовать о томъ, что Корбе не былъ отравленъ, то для нихъ нужны также подробныя изслѣдованія больнаго, и ни въ какомъ случаѣ, въ виду сильныхъ и продолжительныхъ рвотъ больнаго, не слѣдовало отказывать имъ въ осмотрѣ его извержеій, какъ это было, по показанію свидѣтеля Вронскаго, сдѣлано.

Вотъ по какому соображенію, несмотря на особенно настойчивое указаніе повѣреннаго Алымовой, судъ не можетъ дать никакого значенія въ настоящемъ дѣлѣ свидѣтельскому показанію доктора Стадіона. Затѣмъ въ дѣлѣ есть еще одно весьма важное указаніе о ненормальномъ состояніи умственныхъ способностей Корбе. Это—заявленіе, сдѣланное окружному суду его защитникомъ. Въ этомъ заявленіи защитникъ его Гольденвей-

зеръ, который въ настоящемъ гражданскомъ дѣлѣ защищаетъ права Алымовой, сказалъ: «я уже теперь имѣлъ случай убѣдиться, что подсудимый Корбе далеко не въ нормальной степени владѣетъ своими умственными способностями.» Повѣренный г. Гольденвейзеръ говоритъ, что письмо его къ Корбе, приложенное къ дѣлу, опровергаетъ это его заявленіе. Изъ разсмотрѣнія этого письма, видно, что въ немъ Гольденвейзеръ, пишетъ Корбе, что онъ, Корбе, заподозрилъ его, Гольденвейзера, въ низкомъ предательствѣ, что онъ не можетъ свыкнуться съ мыслью о томъ неслыханномъ оскорбленіи, которое ему нанесъ Корбе, объясняетъ это крайнимъ раздраженіемъ и болѣзненнымъ состояніемъ его, дѣлаетъ намекъ, что его поступокъ не честенъ, остается, какъ должно заключить изъ смысла письма, защитникомъ его и кончаетъ письмо пожеланіемъ душевнаго спокойствія. По мнѣнію суда, ежели это письмо можетъ въ данномъ случаѣ что нибудь доказывать, такъ только противное тому, на что указываетъ повѣренный Гольденвейзеръ. Затѣмъ окружный судъ не можетъ не согласиться съ повѣренными истцовъ, что поставленіе участи дѣтей въ полную зависимость отъ г. Алымовой, женщины, съ которой Корбе сошелся случайно, какъ это сдѣлалъ онъ въ своемъ завѣщаніи, тогда какъ у нихъ есть мать и другіе близкіе родные, сестры Корбе, само по себѣ указываетъ также на ненормальное его состояніе.

Имѣя въ виду все сказанное о состояніи умственныхъ способностей умершаго штабъ-ротмистра Константина Федоровича Корбе, въ періодъ времени съ начала 1869 года и по день его смерти, и принимая во вниманіе, что сила и значеніе свидѣтельскихъ показаній, на основаніи 411 ст. уст. гр. суд., опредѣляется судомъ; что на основаніи 480 ст. уст. гр. суд. то, что Корбе вѣрилъ въ велѣніе духа, должно считаться доказаннымъ, такъ какъ повѣренный отвѣтчицы Алымовой призналъ это; что воля человѣка какъ бы опредѣленно выражена ни была, не можетъ быть признана дѣйствительною, ежели она, какъ объясняетъ г. Побѣдоносцевъ, не могла свободно и разумно отнестись къ предмету; что приведенными соображеніями, по мнѣнію суда, доказано, что Корбе не имѣлъ здраваго ума и свободной и разумной воли при составленіи духовнаго завѣщанія 29 апрѣля 1869 г. и совершеніи купчей крѣпости на село Михайловку, значущейся въ выписи изъ крѣпостной Екатеринославскаго нотаріальнаго архива книги по Верхнеднѣпровскому

уѣзду за 1870 г. № 4, 21 ст. 83 № 38; что по разъясненію правительствующимъ сенатомъ въ гражданскомъ кассаціонномъ департаментѣ въ рѣшеніяхъ 1868 г. № 331, 1869 № 235 и стт. т. X. ч. I, наслѣдники Корбе имѣли полное право оспаривать духовное завѣщаніе и купчую крѣпость на томъ основаніи, что Корбе не имѣлъ во время совершенія ихъ здраваго ума, не смотря на то что онъ умеръ, не бывъ признанъ умалишеннымъ въ установленномъ на то порядкѣ; что поэтому и на основаніи 770, 1010, 1017, 1525 ст. X т. I ч. оспариваемыя духовное завѣщаніе и купчая крѣпость не могутъ имѣть силы, почему и ходатайство наслѣдниковъ Корбе о признаніи недѣйствительными означенныхъ документовъ, на основаніи 366 ст. уст. гр. суд., должно подлежать удовлетворенію; что на основаніи 868 ст. уст. гр. суд. на отвѣтчицу Алымову должны быть возложены и всѣ по настоящему дѣлу судебныя издержки, такъ какъ настоящее рѣшеніе должно быть постановлено противъ нея; что обстоятельствами настоящаго дѣла вполнѣ выяснилось то, что Алымова обманула Корбе, поставивъ его въ извѣстныя отношенія къ духу Василія, и сдѣлала это для побужденія Корбе къ составленію въ пользу ея духовнаго завѣщанія и совершенію на ея имя купчей крѣпости на село Михайловку, каковое обстоятельство въ силу ст. 151, 1688 и 1689 улож. о нак. должно считаться недозволеннымъ законами; что показаніями свидѣтелей Склярова и Чередниченковой, а также и записками Корбе выяснилось вполнѣ подстрекательство Алымовой покойнаго Корбе на истязаніе сына, что также запрещено подъ угрозою 120 и 1489 ст. улож. о нак.; что въ показаніи свидѣтеля Смичадлова сдѣлано указаніе на то, что послѣ смерти Корбе взялъ его вещи нотаріусъ Гальберштадтъ и слуга покойнаго Корбе Василій Гречаниновъ (169 ст. уст. о нак. нал. мир. суд.); что на основаніи 8 ст. уст. гр. суд. всѣ указанныя уголовныя обстоятельства, согласно требованію прокурора, должны быть на разрѣшеніе переданы въ уголовный судъ,—окружный судъ опредѣляетъ: духовное завѣщаніе умершаго штабъ-ротмистра Константина Федорова Корбе, составленное 29 апрѣля 1869 г. и купчую крѣпость, значущуюся въ выписи изъ крѣпостной Екатеринославскаго нотаріальнаго архива книги за 1870 г. № 4, ч. I, стр. 83, № 38 признать недѣйствительными. Обнаружившіяся въ дѣлѣ уголовныя обстоятельства относительно допущенія со стороны отвѣтчицы Алымовой обмана, побудившаго Корбе совер-

шить на ея имя купчую крѣпость и составить въ пользу ея духовное завѣщаніе, также какъ обстоятельства относительно подстрекательства его, умершаго Корбе, къ истязанію сына Федора, передать на разсмотрѣніе въ уголовный судъ чрезъ прокурора. Точно также передать на разсмотрѣніе въ уголовный судъ чрезъ прокурора обнаружившіяся обстоятельства относительно присвоенія нотаріусомъ Гальберштадтомъ и крестьяниномъ Василіемъ Гречаниновымъ имущества, оставшагося послѣ смерти штабъ-ротмистра Корбе. Судебныя издержки по настоящему дѣлу возложить на отвѣтчицу Алымову.

На это рѣшеніе повѣренный г-жи Алымовой г. Гольденвейзеръ принесъ Одесской Судебной Палатѣ апелляціонную жалобу слѣдующаго содержанія:

Въ первой отвѣтной бумагѣ противъ исковаго прошенія повѣренный отвѣтчицы, ссылаясь на авторитетъ К. П. Побѣдоносцева, высказалъ, что въ силу той безспорной истины, что для суда неуловимы нравственныя требованія и обязанности, выходящія за предѣлы даннаго разбираемаго имъ юридическаго отношенія,— онъ утверждаетъ, что судъ, поступающій иначе, грѣшитъ не только противъ закона, но и противъ нравственности, ибо *его* высшая нравственная обязанность есть безусловное охраненіе закона.

Дальнѣйшее производство этого дѣла и рѣшеніе окружнаго суда, по оному состоявшееся, послужило разительнымъ подтвержденіемъ, что соображенія эти высказаны не напрасно. Если мы припоминаемъ это теперь въ видѣ сѣтованія, то оно относится главнымъ образомъ къ намъ самимъ. Мы сами подчинились тѣмъ «нравственнымъ» соображеніямъ, кои играли первенствующую роль въ этомъ дѣлѣ. Бывшій защитникъ покойнаго Корбе счелъ своимъ священнымъ долгомъ оградить память покойнаго отъ недостойныхъ клеветъ и нареканій и вслѣдствіе этого споръ совлеченъ былъ съ единственной почвы, на которой возможно было правильное его разрѣшеніе,—почвы гражданскаго процесса.

Въ настоящее время пора вспомнить о томъ, что рѣчь идетъ о *гражданскихъ* актахъ, оспариваемыхъ на извѣстномъ *юридическомъ* основаніи и ни о чемъ болѣе.

Относительно покойнаго Корбе наша обязанность исполнена— все, что можно было привести и высказать въ защиту его памяти, нами приведено и высказано. Мы думаемъ, что на основаніи того что обнаружилось теперь, а именно на основаніи акта осмотра малолѣтняго Корбе, провѣреннаго и одобреннаго медицинскимъ

совѣтомъ, съ одной стороны, а съ другой, на основаніи записокъ, найденныхъ послѣ смерти Корбе, для каждаго не заинтересованнаго матеріально въ распространеніи и поддержаніи прежней клеветы, или не ослѣпленнаго тенденціознымъ предубѣжденіемъ, должно быть ясно какъ день, что къ памяти этого несчастнаго человѣка можно относиться лишь съ глубокимъ и горькимъ сожалѣніемъ о тѣхъ роковыхъ ошибкахъ, которыя свели его безвременно въ могилу. Тѣмъ хуже для тѣхъ, которые и теперь не могутъ или не хотятъ этого понять.

Что касается нашей довѣрительницы Алымовой, то вопросъ о ея личности и о нравственной роли, какую играла она въ жизни Корбе, также не можетъ и не долженъ служить основаніемъ при разрѣшеніи чисто юридическаго вопроса о дѣйствительности оспариваемыхъ актовъ, какъ потому что гражданскому суду нѣтъ дѣла до личности тяжущихся, такъ и потому что вопросъ этотъ можетъ быть правильно выясненъ лишь уголовнымъ судомъ, и этотъ путь, на который нами было указываемо съ самаго начала, наконецъ избранъ обвинительною властью.

Предпославъ эти необходимыя замѣчанія, мы въ дальнѣйшемъ изложеніи нашей жалобы на рѣшеніе окружнаго суда, постановленное 9 октября 1871 года, ограничимся вопросами чисто юридическими въ полномъ убѣжденіи, что судебная палата не подчинится никакимъ предвзятымъ симпатіямъ и антипатіямъ, почерпнутымъ изъ обстоятельствъ до гражданскаго спора не относящихся. Все, что мы будемъ говорить о личностяхъ, будетъ имѣть лишь одну цѣль: выяснить вопросъ объ умственномъ состояніи Корбе. Намъ нѣтъ надобности изобличать кого бы то ни было въ уголовныхъ преступленіяхъ или въ поступкахъ нравственно предосудительныхъ; но мы не намѣрены и умалчивать о всемъ томъ, что служитъ къ правдивому освѣщенію настоящаго процесса. Семейныя отношенія составляютъ святыню, которыхъ посторонняя рука можетъ коснуться лишь во имя еще высшей святости—закона. Это правило мы будемъ имѣть постоянно въ виду.

По иску опекуновъ надъ имѣніемъ и малолѣтними дѣтьми умершаго штабъ-ротмистра Корбе окружный судъ постановилъ: признать недѣйствительными духовное завѣщаніе, составленное имъ 29 апрѣля 1869 года, и купчую крѣпость на имѣніе его Михайловку, значащуюся въ выписи изъ крѣпостной Екатеринославскаго нотаріальнаго архива книги за 1870 годъ, № 4, ч. 1, стр. 83, № 38.

Судъ призналъ оба эти акта недѣйствительными на томъ основаніи, что Корбе не находился въ здравомъ умѣ и твердой памяти при составленіи обоихъ этихъ актовъ.

Такъ какъ вопросъ о купчей крѣпости былъ, такъ-сказать, придаткомъ къ иску о духовномъ завѣщаніи, и истцы, разъ добившись совокупнаго разсмотрѣнія этихъ исковъ, о дальнѣйшемъ уже не заботились, не представивъ ни одного доказательства, спеціально до купчей крѣпости относящагося и почти не упоминая о немъ, то мы считаемъ нужнымъ, прежде всего, разобрать постановленіе суда до этого акта относящееся, чтобы затѣмъ также къ нему болѣе не возвращаться.

I.

О купчей крѣпости и основаніяхъ къ признанію ея недѣйствительною заговорилъ въ первый разъ на судѣ одинъ изъ повѣренныхъ истцевъ г. Спасовичъ. Сказанное имъ сводится къ слѣдующему: вопреки буквальному смыслу ст. 1383 т. X ч. 1 крѣпостной актъ можетъ быть опровергаемъ на основаніи умственнаго разстройства продавца, хотя бы онъ въ моментъ совершенія акта и не находился подъ законнымъ запрещеніемъ. Доказывалось это ссылками на иностранныя законодательства, а также на нашу кассаціонную практику. Все, что приведено г. Спасовичемъ изъ иностранныхъ законодательствъ, скорѣе опровергаетъ, нежели подтверждаетъ его доводы. Furiosi nulla voluntas est. Это положеніе безспорно, но кто furiosi? Мы видимъ, что всѣ иностранныя законодательства ставятъ вопросъ о гражданской дѣеспособности въ зависимость отъ особой юридической процедуры, законнаго запрещенія (interdiction judiciaire). Затѣмъ и наша кассаціонная практика нисколько не поможетъ истцамъ.

Но помимо того, что общаго между всѣми этими юридическими казусами и даннымъ случаемъ? Допуская вѣрность теоретическихъ выводовъ г. Спасовича, неужели возможно примѣненіе ихъ къ настоящему случаю? Вся его аргументація направлена была къ тому, что разрядъ доказательствъ, допускаемыхъ въ настоящемъ случаѣ *гораздо обширнѣе*, нежели можно полагать, основываясь, какъ отвѣтчики, на буквальномъ смыслѣ ст. 1383, т. х., ч. 1 и рѣшенія гражд. кассац. деп. 1869 г., № 19. Пусть такъ. Но

слѣдуетъ ли изъ этого, что можно домогаться уничтоженія путемъ суда крѣпостныхъ актовъ, *безъ всякихъ на то доказательствъ?* Гдѣ же, спрашиваемъ, доказательство, представленное истцами, что Корбе, 25 октября 1869 года, въ минуту совершенія купчей крѣпости на родовое имѣніе его Михайловку находился въ состояніи умопомѣшательства? Единственное доказательство, на которомъ основанъ весь искъ, заключается въ томъ, что Корбе занимался спиритизмомъ, при посредствѣ Алымовой, которая этимъ способомъ превратила его въ автомата. Корбе уже самъ по своей волѣ ничего-де не дѣлалъ, а дѣлалъ лишь то, что ему приказывали духи. Въ подкрѣпленіе этого положенія представлены истцами собственноручныя записки Корбе. Насколько эти записки подкрѣпляютъ указанное положеніе пстцевъ по отношенію къ духовному завѣщанію, объ этомъ рѣчь впереди. Но что касается купчей крѣпости, *то объ ней въ запискахъ нѣтъ ни одного слова!*

Доказательствъ, послужившихъ основаніемъ къ уничтоженію купчей крѣпости, истцами не представлено. То, что истцами представлено въ видѣ доказательствъ (записки), самымъ положительнымъ образомъ опровергаетъ не только споръ противъ купчей крѣпости, но и разрушаетъ въ самомъ корню всю цѣль утвержденій и умозаключеній объ отсутствіи у Корбе самостоятельной воли. Что же послужило въ данномъ случаѣ основаніемъ къ уничтоженію крѣпостнаго акта? Вмѣсто какихъ бы то ни было *фактическихъ* данныхъ г. Спасовичъ, а за нимъ и судъ, основываютъ свой выводъ на одномъ вопросѣ, предложенномъ г. Спасовичемъ одному изъ экспертовъ г. Шульцу, который подтвердилъ, что теперешняя наука психіатріи не признаетъ свѣтлыхъ промежутковъ у умалишенныхъ. А такъ какъ гг. эксперты признали, что Корбе въ 1869 и 1870 годахъ не былъ въ здравомъ умѣ и твердой памяти и такъ какъ психіатрія не признаетъ lucida intervalla, то сумасшествіе Корбе въ день совершенія купчей крѣпости не требуетъ дальнѣйшихъ доказательствъ. Таковъ выводъ г. Спасовича и суда. Ясно и просто! Вотъ какъ, благодаря новѣйшимъ изысканіямъ психіатріи, упрощенъ способъ оспариванія крѣпостныхъ актовъ! Но вопросъ въ томъ, довольствуется ли законъ такими выводами? Нѣтъ, законъ этого рѣшительно не допускаетъ. Мы говоримъ о законѣ, истолкованномъ въ томъ смыслѣ, какой придаетъ ему г. Спасовичъ. Тѣ самыя кассаціонныя рѣшенія, на которыя онъ сослался, именно за

1869 г. № 235 и за 1870 г. №№ 873 и 1886 доказываютъ, что такіе общіе выводы недостаточны. Сенатъ постоянно повторяетъ, и притомъ въ такихъ дѣлахъ, гдѣ рѣчь шла о лицахъ, *признанныхъ* умопомѣшанными, что должно быть доказано, что совершившій актъ былъ умопомѣшанъ въ *самую минуту* совершенія акта. Отсюда ясно, что наша новѣйшая судебная практика *признаетъ* свѣтлые промежутки, вопреки г. Шульцу. Такимъ образомъ, еслибы даже признать вполнѣ доказаннымъ выводъ экспертовъ о психической болѣзни, которою будто бы страдалъ Корбе въ 1869 году, то это все-таки не избавляетъ истцевъ отъ обязанности, возлагаемой на нихъ ст. 366 уст. гражд. суд., обязанности, отъ которой они считали себя избавленными лишь благодаря тому, что они нарушили другую основную статью того же устава—258, соединивъ въ одномъ искѣ домогательство противъ духовнаго завѣщанія и противъ купчей крѣпости. Мы не станемъ повторять доводовъ, изложенныхъ въ отвѣтной бумагѣ противъ псковаго прошенія, по поводу нарушенія ст. 258 уст. гражд. суд. Но вышеизложенное служитъ, между прочимъ, подтвержденіемъ насколько существенно въ состязательномъ процессѣ строгое соблюденіе указаннаго правила. Каково было бы процессуальное положеніе истцевъ, еслибы они принуждены были изложить свои домогательства противъ купчей крѣпости въ самостоятельномъ исковомъ прошеніи? Какую убѣдительную силу имѣли бы *тогда* ихъ доводы, основанные на запискахъ! Судъ, съ своей стороны, кромѣ знаменитаго отвѣта г. Шульца на вопросъ г. Спасовича, привелъ еще одну выписку изъ записокъ Корбе въ подкрѣпленіе своего мнѣнія, что «купчая крѣ«пость совершена именно въ то время, когда разсудокъ Корбе «*подавленъ былъ представленіемъ о духѣ.*» По поводу этой подавленности вслѣдствіе представленія о духѣ, а также вообще о значеніи спиритизма, какъ признака умопомѣшательства, мы еще поговоримъ. Но выписокъ подобныхъ той, которую привелъ судъ, можно привести изъ записокъ Корбе не одну сотню. Духъ *постоянно* говоритъ о любви Корбе къ Алымовой, о заботливости и уваженіи къ ней. Что же изъ этого слѣдуетъ? Ни въ этомъ мѣстѣ записокъ, ни въ какомъ-либо другомъ нѣтъ ниодного слова о купчей крѣпости; а это служитъ прямымъ опроверженіемъ домогательствъ истцевъ, относящихся къ купчей крѣпости, ибо разъ принявши въ основаніе своихъ умозаключеній извѣстное положеніе, нужно быть послѣдовательнымъ. Вы говорите,

что Корбе былъ автоматъ, не имѣлъ своей собственной воли и дѣйствовалъ исключительно только по велѣнію духовъ. Вы говорите, что завѣщанія не было бы, еслибъ оно не было внушено и продиктовано покойному Корбе духомъ Василія. Для этого вы тщательно собираете каждое слово изъ записокъ, въ которыхъ заключается хотя малѣйшій намекъ на завѣщаніе. Допустимъ вѣрность какъ перваго, такъ и втораго положенія; согласимся на минуту, что составленіе духовнаго завѣщанія по чьему-либо внушенію есть достаточный и законный признакъ сумасшествія; согласимся и съ тѣмъ, что вы блистательно доказали, что духовное завѣщаніе отъ перваго слова до послѣдняго продиктовано духомъ Василія. Но вы домогаетесь на тѣхъ же основаніяхъ уничтоженія и другаго акта, совершеннаго полгода спустя *послѣ* духовнаго завѣщанія и въ подтвержденіе этого также представляете записки Корбе, по которымъ можно прослѣдить изо дня въ день бесѣды Корбе съ тѣми же духами. И вотъ, пользуясь этими самими записками и на основаніи «юридическихъ» принциповъ, вами же выставляемыхъ, отвѣтчики опровергаютъ ваше домогательство; они говорятъ: «если Корбе не имѣлъ собственной воли и дѣлалъ только то, что приказывали ему духи, то на основаніи записокъ вы могли бы блистательнымъ образомъ доказать развѣ то что купчая крѣпость на Михайловку *вовсе не была совершена*, такъ какъ ни прежде ни послѣ ея совершенія о ней не упомянуто ни однимъ словомъ. Если же Корбе все-таки совершилъ такой сложный актъ, помимо духовъ, то изъ этого слѣдуетъ, что все разсужденіе о парализаціи его воли ложно.

Но судъ, приведши, неизвѣстно для чего, выписку изъ записокъ отъ 29 октября, продолжаетъ буквально такъ: «Поэтому «(?) судъ не можетъ признать за доказательство присутствія «совершенно свободной воли у Корбе, при совершеніи купчей «крѣпости, то указаніе повѣреннаго Гольденвейзера, что духомъ «не было указано передачи имущества Алымовой въ формѣ куп«чей крѣпости, какъ это сдѣлано имъ о духовномъ завѣщаніи.» Мы, напротивъ, думаемъ, что если Корбе составилъ купчую крѣпость, *при отсутствіи какихъ-либо указаній на этотъ счетъ, со стороны духовъ*, то это доказываетъ ни больше ни меньше какъ то, что она совершена *не по указанію духовъ*. Это, съ логической точки зрѣнія, столь же вѣрно, какъ напримѣръ слѣдующее положеніе: если солнце не свѣтитъ, то это доказываетъ,

что оно не свѣтитъ. Но, кромѣ того, изъ приведеннаго разсужденія видно, что онъ въ данномъ случаѣ весьма оригинально истолковалъ основное правило ст. 366, уст. гр. суд. Судъ не считаетъ «за доказательство совершенно свободной воли Корбе, при совер«шеніи купчей крѣпости, извѣстное наше указаніе.» Но гдѣ же законъ, по которому владѣлецъ *крѣпостнаго* акта, — самое названіе котораго доказываетъ всю нерушимость и *крѣпость*, какія законъ придаетъ многочисленнымъ формальностямъ, сопровождающимъ его совершеніе,—гдѣ, спрашиваемъ, законъ, въ силу котораго владѣлецъ подобнаго акта, при голословномъ спорѣ противъ онаго, былъ бы обязанъ, кромѣ указанія на существованіе акта, еще доказывать свободную волю того, кто въ этомъ актѣ участвовалъ! Положимъ, что ее можетъ *отрицать* истецъ, оспаривающій актъ; но ужь ни въ какомъ случаѣ отвѣтчикъ не можетъ быть обязанъ ее *доказывать*.

Этимъ мы заканчиваемъ наши возраженія противъ той части рѣшенія суда, которая касается купчей крѣпости, и переходимъ къ духовному завѣщанію.

II.

Не легкое дѣло предстоитъ намъ. Оно не легко, именно вслѣдствіе отсутствія серьезныхъ и сколько нибудь основательныхъ аргументовъ съ противной стороны. Всякій математикъ согласится, что гораздо легче доказать биномъ Ньютона, чѣмъ то, что дважды два не пять, а четыре. Въ логикѣ, какъ и въ математикѣ существуютъ аксіомы, на которыхъ зиждется человѣческое мышленіе. Всякій разумный и добросовѣстный споръ возможно ограничить тѣснымъ предѣломъ его сферы, локализировать споръ, лишь стоя на этомъ незыблемомъ фундаментѣ всякаго сужденія. Но споръ не можетъ не выйдти за предѣлы своей сферы, когда подвергнуты сомнѣнію самыя аксіомы, которыя служатъ точкой опоры для всякаго пререканія.

Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что, въ противность изъ вѣка установившимся правиламъ поединковъ, въ нашемъ судебномъ единоборствѣ съ повѣренными истцевъ, мы вынуждены были въ самые рѣшительные моменты борьбы мѣнять оружіе. Въ исковомъ прошеніи и дальнѣйшихъ процессныхъ бумагахъ доказывалось сумасшествіе умершаго лица на основаніи записокъ, найденныхъ послѣ его смерти. Записки эти доказывали, что Корбе

былъ приверженцемъ спиритизма и потому намъ приходилось разбирать общій вопросъ о спиритизмѣ, какъ доказательство умопомѣшательства, и въ частности содержаніе этихъ записокъ въ примѣненіи къ тому, что извѣстно было о жизни и дѣйствіяхъ Корбе. Затѣмъ судъ по ходатайству истцевъ вызвалъ свидѣтелей и экспертовъ. Мы думали, что свидѣтели будутъ спрошены по вопросу прямо къ дѣлу относящемуся, то-есть о томъ, замѣтили ли они въ покойномъ Корбе какія-либо признаки умственнаго разстройства. Съ своей стороны мы также указали свидѣтелей, которые знали Корбе, имѣли съ нимъ дѣло, лечили его и вообще наблюдали при жизни до самой его смерти. Семь дней допрашивалъ судъ свидѣтелей. Но ихъ спрашивали обо всемъ, за исключеніемъ лишь того, для чего законъ въ этихъ случаяхъ допускаетъ спросъ свидѣтелей; и результатомъ этого допроса явилось заключеніе свѣдущихъ людей, признавшихъ Корбе умопомѣшаннымъ, но вовсе не на основаніи спиритизма, а потому что Корбе, по ихъ удостовѣренію, страдалъ «хроническимъ воспаленіемъ мозговыхъ оболочекъ и сѣраго вещества мозга.» Поэтому при словесныхъ объясненіяхъ намъ приходилось совершенно измѣнить способъ аргументаціи, ибо возраженіе противъ аргумента, основаннаго на спиритизмѣ, не опровергаетъ фактовъ, послужившихъ основаніемъ къ медицинскому заключенію о состояніи сѣраго вещества мозга у Корбе и наоборотъ. Въ настоящее время, имѣя передъ собою мотивированное опредѣленіе суда, мы видимъ, что вопросъ о спиритизмѣ снова на первомъ планѣ. Съ другой стороны, мы въ качествѣ отвѣтчиковъ, не ограничились обязанностью, возлагаемою на насъ закономъ: мы не только утверждали, что умопомѣшательство Корбе ничѣмъ не доказано, но мы привели цѣлый рядъ доказательствъ, подтверждающихъ, что это былъ человѣкъ вполнѣ разумный. Объ этихъ доказательствахъ въ опредѣленіи суда не упомянуто, объ экспертизѣ судъ также говоритъ очень мало, такъ что возражая противъ мотивовъ суда, мы тѣмъ еще не исчерпываемъ всего запаса нашихъ возраженій и доказательствъ.

Вотъ почему въ настоящей жалобѣ мы сначала прослѣдимъ всѣ выводы судебнаго опредѣленія, опирающагося главнымъ образомъ на вопросѣ о спиритизмѣ; затѣмъ мы коснемся содержанія заключенія свѣдущихъ людей и наконецъ перечислимъ всѣ доказательства нормальности умственныхъ способностей Корбе.

Окружный судъ признаетъ, что духовное завѣщаніе «есть одно изъ послѣдствій представленія о духѣ Василія.» Это доказы-

вается по мнѣнію суда вопервыхъ тѣми выписками изъ записокъ, приведенными въ опредѣленіи, въ которыхъ говорится о завѣщаніи, затѣмъ указаніемъ на то, что Корбе будто бы безусловно исполналъ велѣнія духовъ.

Такимъ образомъ главный аргументъ суда заключается въ томъ, что Корбе вѣровалъ и безусловно подчинялся внушеніямъ духовъ.

Необходимо, прежде всего, разсмотрѣть этотъ основный доводъ суда. Мы впослѣдствіи разберемъ каждый изъ приведенныхъ судомъ фактовъ и, надѣемся, докажемъ, что ничего подобнаго не было, что Корбе никоимъ образомъ нельзя признать безусловнымъ исполнителемъ воли духовъ, то-есть Алымовой. Но теперь мы ставимъ вопросъ болѣе общій и потому допускаемъ, что всѣ эти фактическія утвержденія, въ дѣйствительности ложныя, вполнѣ истинны. Что же изъ этого слѣдуетъ? Дѣйствительно ли нашъ законъ, и вообще всякій разумный законъ, требуетъ для дѣйствительности духовнаго завѣщанія той абсолютной свободы воли, которой повидимому требуетъ судъ? Нѣтъ, законъ вовсе этого не требуетъ. Законъ говоритъ (ст. 1.017 т. X ч. I), что недѣйствительны духовныя завѣщанія безумныхъ, сумасшедшихъ и умалишенныхъ; но о *волѣ* въ законѣ не говорится. Само-собою разумѣется, что всякій гражданскій актъ тогда только дѣйствителенъ, когда онъ основанъ на непринужденномъ произволѣ; а ты сумасшедшихъ потому не дѣйствительны, что сумасшествіе въ томъ и заключается, что человѣкъ лишенъ бываетъ нормальныхъ отправленій психической жизни, то-есть способности разумно обсуждать внѣшнія явленія и разумно-послѣдовательно направлять свою волю. Относительно лица, умопомѣшательство котораго *доказано*, законъ и здравый смыслъ всегда признаютъ, что воля его *не* свободна, то-есть что дѣйствія такого лица не вытекаютъ изъ разумныхъ побужденій. Но этого положенія ни въ какомъ случаѣ нельзя перевернуть; нельзя разсуждать такимъ образомъ: такъ какъ сумасшедшій не имѣетъ воли, то всякій человѣкъ обнаружившій въ данномъ случаѣ несвободу воли, есть сумасшедшій. Логически подобный силлогизмъ былъ бы равносиленъ слѣдующему: курица не знаетъ химіи, Иванъ понятія не имѣетъ о химіи, ergo: Иванъ—курица.

Вообще противная сторона, а за нею и судъ, слишкомъ произвольно распоряжались понятіемъ о *свободѣ* воли, и на это

мы указывали еще въ первой отвѣтной бумагѣ. Рѣчь идетъ не о *свободной* волѣ (абсолютно свободной воли нѣтъ ни у одного смертнаго), а о волѣ *разумной*. Что же такое разумная воля въ юридическомъ смыслѣ? Для того чтобы проявленіе человѣческой дѣятельности могло быть признано разумнымъ съ точки зрѣнія закона, отнюдь не требуется, чтобы дѣйствія эти запечатлѣны были печатью высшей мудрости. Разумнымъ, въ этомъ юридическомъ смыслѣ, признается всякое дѣйствіе, которое соотвѣтствуетъ внутреннему побужденію его вызвавшему. Когда дѣйствіе человѣка вытекаетъ логически изъ внутренняго побужденія, какъ слѣдствіе изъ причины, оно разумно, оно вмѣняемо. Самое побужденіе можетъ быть въ высшей степени нелѣпо, фальшиво, безнравственно; но коль скоро оно *существуетъ*, коль скоро оно можетъ быть доказано, то этимъ самымъ вмѣняемость извѣстнаго дѣйствія также доказана. Ученіе о вмѣненіи, какъ въ гражданскомъ, такъ и въ уголовномъ правѣ, есть ничто иное какъ ученіе о связи между внутреннимъ побужденіемъ и его внѣшнимъ проявленіемъ въ дѣйствіи.

Предположимъ женщину-чудовище. Вступивъ въ незаконную связь съ обладателемъ огромнаго состоянія, она цѣною своей любви поставила ему полную отдачу въ ея руки всего его состоянія и достигла своей цѣли: несчастная жертва, попавшаяся въ ея сѣти, не имѣя въ себѣ нравственныхъ силъ, противустоять алчной сиренѣ, исполняетъ все что она отъ него требуетъ. Онъ отдаетъ ей по купчимъ крѣпостямъ все свое родовое имѣніе, а относительно благопріобрѣтеннаго составляетъ духовное завѣщаніе, въ которомъ отказываетъ ей все въ собственность, лишивъ свою жену, образецъ добродѣтели, и малолѣтнихъ дѣтей всего, пустивъ ихъ по-міру. Предположимъ далѣе, что послѣ смерти завѣщателя найдена огромная переписка завѣщателя съ упомянутымъ чудовищемъ и что по этой перепискѣ можно шагъ за шагомъ прослѣдить постепенное опутываніе жертвы: страстную любовь и безусловную преданность со стороны одного, сухой разсчетъ и безсовѣстное пользованіе своимъ безнравственнымъ вліяніемъ со стороны другой. Неужели законные наслѣдники имѣли бы возможность, уличивъ интригантку въ ея козняхъ, добиться путемъ суда уничтоженія тѣхъ актовъ, доказывая, что завѣщатель рабски подчинялся вліянію этой женщины, и что поэтому воля его при составленіи актовъ была несвободна?..

Допустимъ теперь, что истцы доказали, что вліяніе Алымовой на Корбе было не менѣе безнравственное чѣмъ вліяніе вышеуказанной сирены, и что она для большаго успѣха своей махинаціи воспользовалась спиритизмомъ, что она дѣйствительно первая посвятила Корбе въ это ученіе и, будучи для него медіумомъ, влагала въ уста воображаемыхъ духовъ все то, что мы читаемъ въ запискахъ, или нѣтъ, не то что мы дѣйствительно въ нихъ читаемъ, а то что желали бы въ нихъ читать истцы, а съ ними и судъ. Положимъ, что дѣйствительно изъ записокъ можно безспорно доказать, что благодаря духу Василія и его точнымъ указаніямъ Корбе задумалъ и составилъ духовное завѣщаніе. Можно ли и въ такомъ случаѣ утверждать, что духовное завѣщаніе недѣйствительно, потому что Корбе составилъ его не по самостоятельному побужденію, не въ свободной волѣ, а по велѣнію духа? Мы думаемъ что нѣтъ, потому что абсолютно свободной воли нѣтъ у смертныхъ людей, потому что каждое дѣйствіе человѣка есть результатъ извѣстныхъ внѣшнихъ вліяній, потому что гражданскому закону нѣтъ дѣла до тѣхъ или иныхъ вліяній, воздѣйствовавшихъ на составителя извѣстнаго юридическаго акта, лишь бы этотъ человѣкъ совершилъ этотъ актъ безъ матеріальнаго, фактическаго принужденія.

Человѣкъ психически здоровый всегда сохраняетъ способность подчиняться, смотря по степени своего интеллектуальнаго и нравственнаго развитія, тѣмъ или другимъ вліяніямъ, будетъ ли то вліяніе отдѣльнаго лица, или извѣстнаго представленія, извѣстной идеи, вѣрованія или убѣжденія. Напротивъ сумасшедшіе именно лишены этой способности, ибо въ нихъ парализована та психическая дѣятельность, посредствомъ которой человѣкъ воспринимаетъ впечатлѣнія извнѣ, группируетъ ихъ въ своемъ умѣ и въ свою очередь, на основаніи этихъ воспринятыхъ впечатлѣній, проявляетъ свою дѣятельность во внѣ. Между прочимъ сумасшедшій не можетъ быть человѣкомъ религіознымъ, ибо религія есть, съ одной стороны, воспринятіе извѣстныхъ догматовъ, усвоеніе ихъ умомъ, а съ другой, дѣятельное проявленіе этихъ усвоенныхъ вѣрованій въ молитвѣ, обрядахъ и вообще въ образѣ жизни. Вотъ почему *сумасшедшій не можетъ быть и спиритомъ*, ибо ученіе извѣстное подъ названіемъ спиритизма всецѣло принадлежитъ къ тому порядку идей, которыя мы называемъ религіозными. Оно, какъ и другія религіозныя ученія, имѣетъ своею цѣлію отвѣчать на тотъ вѣчный космо-

гонический вопросъ, который съ незапамятныхъ временъ, съ младенчества человѣчества, всегда первый возникалъ вмѣстѣ съ первымъ мерцаніемъ мысли и неотступно требовалъ своего разрѣшенія. Безконечно разнообразно было разрѣшеніе этого вопроса: отъ грубаго фетишизма Готтентота до пантеизма Спинозы, діалектическаго развитія міровой идеи у Гегеля и до атеизма Фейербаха. Спиритизмъ имѣетъ одно существенное отличіе отъ всѣхъ прочихъ космогоническихъ системъ, отличіе, которое дѣлаетъ это вѣрованіе менѣе всякаго другаго пригоднымъ для той цѣли, для которой имъ воспользовались истцы. Религіозныя ученія и метафизическія системы извѣстныхъ философовъ всегда исходили или отъ авторитета преданія, или отъ внутренней субъективной идеи. Путь развитія этихъ идей всегда направленъ былъ отъ общаго къ частному. Ученіе спиритизма первое пошло противоположнымъ путемъ, первое примѣнило и индуктивный методъ въ такой области мышленія, въ которой человѣкъ считаетъ себя лишеннымъ самыхъ безошибочныхъ средствъ сужденія — непосредственнаго наблюденія посредствомъ своихъ физическихъ чувствъ. Спиритизмъ не говоритъ своимъ адептамъ «вѣруй», а говоритъ «смотри и убѣдись, а когда ты убѣдишься, то ты не можешь не увѣровать, какъ бы невѣроятно ни показалось тебѣ наше ученіе». Быстрота электрическаго тока также невѣроятна, но стоитъ невѣрующему послать депешу своему пріятелю въ Нью-Йоркъ и получить черезъ часъ отвѣтъ и ужь онъ не можетъ не увѣровать. Явленія, посредствомъ коихъ проповѣдники спиритизма *убѣждаютъ* своихъ адептовъ, суть, можетъ быть, ничто иное какъ шарлатанскій фокусъ. Но можно сказать положительно, что каждый спиритъ не прежде увѣровалъ, какъ убѣдившись на опытѣ въ дѣйствительности указываемыхъ спиритизмомъ явленій. Сущность спиритизма заключается въ томъ, что человѣкъ не умираетъ, что душа его живетъ вѣчно и по освобожденіи отъ земной своей оболочки она проходитъ еще далекій путь развитія; на первыхъ же порахъ она сохраняетъ свою умственную и нравственную индивидуальность, какую пріобрѣла она въ земной жизни. Далѣе спиритизмъ учитъ, что души умершихъ могутъ сноситься съ живыми людьми чрезъ посредство субъектовъ, особеннымъ образомъ къ тому одаренныхъ (медіумовъ); что наставленія и сообщенія получаемыя отъ духовъ имѣютъ большую или меньшую цѣну, смотря по индивидуальнымъ каче-

ствамъ вопрошаемаго духа; что вообще эти наставленія и бесѣды слѣдуетъ принимать критически и не должно относиться къ нимъ съ безусловною вѣрой. Таково, въ общихъ чертахъ, ученіе спиритизма. Мы много разъ повторяли на судѣ, что намъ нѣтъ дѣла до основательности, правдивости или лживости этого ученія. И тогда, и теперь мы излагали его совершенно объективно. Само-собою разумѣется, что мы имѣли въ виду исключительно и единственно одинъ только вопросъ: возможно-ли, чтобы человѣкъ съ здравымъ умомъ сдѣлался приверженцемъ ученія спиритизма? Этотъ вопросъ не мы поставили. Мы посовѣстились бы поставить его серьезно. Мы выписали описаніе радѣній скопцевъ изъ обвинительнаго акта по дѣлу о скопцахъ Кудрныхъ и ихъ единомышленникахъ, судившихся въ Московскомъ окружномъ судѣ недѣли за двѣ до доклада въ Екатеринославскомъ окружномъ судѣ дѣла Корбе и указали на то, что большая часть подсудимыхъ по этому дѣлу обвинены и приговорены къ лишенію всѣхъ правъ состоянія. Далѣе мы указали на извѣстнаго московскаго пророка Ивана Яковлевича Корейшу, полвѣка содержавшагося въ московскомъ домѣ для умалишенныхъ, безсмысленнымъ рѣчамъ котораго полвѣка внимали многіе москвичи, какъ изрѣченіямъ пиѳійскаго оракула. Кому пришло въ голову усомниться въ состояніи вмѣняемости скопцовъ, или объявить сумасшедшими московскихъ дамъ, благоговѣйно относившихся къ *кололацамъ* Корейши? Неужели, спрашивали мы, спиритизмъ заключаетъ въ себѣ бо̀льшія нелѣпости?

Наши аргументы повидимому не убѣдили Екатеринославскаго окружнаго суда. Онъ все таки утверждаетъ, что спиритомъ можетъ быть только сумасшедшій. Онъ разсуждаетъ такъ: «никто не споритъ, что Корбе былъ спиритъ; но нельзя не согласиться и съ тѣмъ, что подобное вѣрованіе, *подобный* спиритизмъ ясно доказываетъ отсутствіе разума у того, кто былъ ему подверженъ». Есть предѣлъ всякой полемики; выписавши цѣликомъ мнѣніе суда, мы не будемъ обременять палату дальнѣйшими опроверженіями. Полагаемъ, что аргументы нами приведенные заслуживали болѣе серьезнаго вниманія и опроверженія.

Мы продолжаемъ настаивать, что при малѣйшемъ вниманіи къ здравому смыслу нельзя утверждать, что вѣрованіе въ спиритизмъ, «подобный» спиритизму Корбе, есть доказательство его умственнаго разстройства. Мы имѣемъ въ его запискахъ несомнѣнное доказательство, что онъ вѣрилъ. Но кто говоритъ *а*,

долженъ сказать и *б.* Если Корбе вѣрилъ, что загробныя существа сносятся съ нимъ, то понятно, что онъ выслушивалъ ихъ рѣчи и часто принималъ ихъ совѣты. Каково было общее вліяніе этихъ бесѣдъ на характеръ и образъ мыслей Корбе, объ этомъ мы скажемъ ниже; но здѣсь мы утверждаемъ, что еслибъ даже было доказано, что духовное завѣщаніе всецѣло внушено ему духомъ Василія, то и тогда не было бы ни малѣйшаго повода признать это завѣщаніе юридически недѣйствительнымъ, ибо духъ Василія представлялся Корбе авторитетомъ; онъ вѣрилъ въ нравственную высоту этого авторитета и поэтому ему подчинялся.

Представимъ себѣ человѣка, проведшаго большую часть своей жизни въ грубомъ удовлетвореніи своихъ страстей. Эта темная жизнь начинаетъ его тяготить; въ немъ пробуждаются другіе инстинкты и стремленія. Въ это время онъ сталкивается съ старикомъ по мнѣнію его мудрымъ, просвѣщеннымъ и возвышенно-религіознымъ. Между ними устанавливаются отношенія ученика къ учителю. Ученикъ съ благоговѣніемъ внимаетъ наставленіямъ своего учителя, которыя дѣйствительно всегда проникнуты духомъ высокой нравственности и религіи. Въ бесѣдахъ съ нимъ кающійся грѣшникъ находитъ дѣйствительное и полное удовлетвореніе пробудившихся въ немъ стремленій къ вѣрѣ, любви и надеждѣ. Ученикъ до такой степени увѣровалъ въ нравственный авторитетъ своего учителя, что обращается къ нему иногда за совѣтами и по своимъ житейскимъ дѣламъ и руководствуется этими наставленіями. Можетъ быть, что учитель не заслуживалъ такого довѣрія; подъ личиной нравственности и вѣры можетъ быть укрывался грубый обманъ. Можно удивляться какъ ловко былъ разыгранъ этотъ обманъ; можно упрекать обманутаго въ излишней довѣрчивости, но нельзя серьезно утверждать, что эта довѣрчивость возможна была только при умственномъ разстройствѣ.

Этимъ мы заканчиваемъ наши общія возраженія по поводу спиритизма и переходимъ къ разсмотрѣнію фактической стороны дѣла, насколько оно послужило основаніемъ для приведеннаго выше вывода суда.

«Наслѣдники умершаго Корбе, по словамъ окружнаго суда, доказываютъ, что упомянутое духовное завѣщаніе недѣйствительно потому, что воля его въ составленіи духовнаго завѣщанія не участвовала, такъ какъ участіе покойнаго въ этомъ дѣй

ствіи было только механическое, а не дѣйствительное». Вотъ одно изъ немногихъ положеній въ опредѣленіи суда, которому нельзя отказать по крайней мѣрѣ въ юридической точности. Приведенными словами судъ формулируетъ юридически не только доводы истцевъ, но и свое мнѣніе. Еслибы *это* было доказано, еслибъ обстоятельства дѣла давали хоть сколько нибудь достаточный поводъ сказать, что воля Корбе въ составленіи завѣщанія не участвовала, тогда не о чемъ было бы спорить. Но фактическое подтвержденіе вышеприведеннаго положенія, приводимое въ дальнѣйшемъ изложеніи мотивовъ суда, не заключаетъ въ себѣ ничего такого, что дало бы основаніе, хотя и съ натяжкой, утверждать что-либо подобное. Мы переходимъ къ разсмотрѣнію фактическихъ указаній суда.

Окружный судъ три раза повторяетъ, что духовное завѣщаніе есть «одно изъ послѣдствій отношеній Корбе къ представленію о духѣ Васплія». Эти «отношенія къ представленію» о духѣ выставляются, разумѣется, какъ махинація Алымовой; судъ не сомнѣвается, что записки суть сочиненіе Алымовой, и при этомъ утверждаетъ будто бы повѣренный ея, Гольденвейзеръ, самъ призналъ это на судѣ.

Повѣренный Алымовой, Гольденвейзеръ, не только этого не признавалъ, а напротивъ приводилъ цѣлый рядъ соображеній, на основаніи которыхъ весьма трудно согласиться съ предположеніемъ (ничего другаго кромѣ предположеній тутъ быть не можетъ), чтобы Алымова была сочинительница записокъ. Въ пользу этого предположенія склоняется всякій не вѣрующій въ спиритизмъ. Это призналъ повѣренный Гольденвейзеръ. Но съ другой стороны, по его словамъ, тутъ встрѣчаешься съ громадными и неразрѣшимыми недоумѣніями. Первое недоумѣніе заключается въ томъ: откуда Алымова взяла это богатство фантазіи, эту плодовитость вымысла, эту вычурность и вмѣстѣ возвышенность языка, отличающагося чисто-церковнымъ пошибомъ, которыя поражаютъ непредубѣжденнаго читателя записокъ на каждомъ шагу? Въ молодой женщинѣ, вышедшей лѣтъ 10 или 12 тому назадъ изъ института и повидимому не проведшей эти годы въ кельи монастыря и мало занимавшейся богословіемъ и риторикой, очень трудно предположить способность сочинить семь томовъ, изъ которыхъ не одна сотня страницъ послужила бы готовымъ и прекраснымъ матеріаломъ для проповѣди съ церковнаго амвона.

Далѣе повѣренный Гольденвейзеръ выставлялъ на видъ, что допустивъ въ Алымовой тѣ необыкновенныя способности и ту богословскую эрудицію, безъ которыхъ не мыслимо чтобы она сочинила все это, мы останавливаемся передъ новымъ, не менѣе неразрѣшимымъ недумѣніемъ: соотвѣтствовало ли средство цѣли? неужели нельзя было достигнуть цѣли болѣе прямымъ путемъ? неужели для того чтобы заставить сумасшедшаго отдать ей все свое состояніе, надо было избрать столь мало соотвѣтствующій цѣли способъ какъ *пользованіе* имуществомъ завѣщаннымъ дѣтямъ? Вѣдь цѣль Алымовой для истцевъ и вообще для обвинителей ея ясна. Она желала присвоить себѣ все состояніе Корбе. Такъ не проще ли было въ такомъ случаѣ заставить его передать и благопріобрѣтенное имѣніе по купчей крѣпости, или передать оное въ постороннія руки и самой воспользоваться вырученными деньгами? Разъ забравши въ свои руки сумасшедшаго, у котораго не было собственной воли, стоило ли съ нимъ церемониться? И неужели другаго пути не было для Алымовой, какъ только путь нравственно-религіозной проповѣди, продолжавшейся изо дня въ день полтора года?

Наконецъ, противъ предположенія о томъ, что записки сочинены Алымовой, и при томъ единственно съ корыстною цѣлью, повѣренный Гольденвейзеръ указалъ на то, что женщина съ столь тонкимъ умомъ, хладнокровно задумавшая и такъ систематически выполнившая свой коварный планъ, не могла бы не предвидѣть, что записки могутъ послужить ей на пагубу. Ей ничего не стоило позаботиться объ ихъ уничтоженіи; нужно было только дать Корбе на счетъ этого нужныя приказанія устами духа Василія. Чтоже мы видимъ? Алымова не только объ этомъ не заботится, но уѣзжая отъ Корбе въ Петербургъ, посылаетъ ему оттуда письма, къ которымъ прилагаетъ своею рукою записанныя бесѣды духовъ; эти письма она посылаетъ Корбе въ то время, когда онъ находится подъ арестомъ и есть большое вѣроятіе, что онъ будетъ обвиненъ и сосланъ, а письма ея попадутся въ руки властей, или его жены!

Вотъ какія соображенія высказывалъ повѣренный Гольденвейзеръ противъ предположенія о томъ, что Алымова сознательно морочила Корбе и сочиняла все то, что мы читаемъ въ его запискахъ. Гольденвейзеръ призналъ доказаннымъ лишь то, что Алымова была медіумомъ Корбе; но вопросъ о томъ была ли она сознательною обманщицей, онъ признавалъ возможнымъ раз-

рѣшить лишь путемъ уголовнаго суда. Гольденвейзеръ заявилъ суду, что онъ Алымовой не знаетъ, по поводу записокъ Корбе никогда съ нею не говорилъ и не знаетъ какія объясненія она дастъ о происхожденіи этихъ записокъ. Пусть противная сторона, или судъ опровергнутъ, если могутъ, то, что Гольденвейзеръ дѣйствительно все это высказывалъ.

2) Въ исковомъ прошеніи повѣренный истцевъ г. Конисскій излагаетъ цѣлую біографію покойнаго Корбе. Вотъ что повѣствуетъ г. Конисскій: (выписывая этотъ разсказъ мы позволимъ себѣ лишь нѣкоторыя подстрочныя примѣчанія).

«Константинъ Корбе родился въ Верхнеднѣпровскомъ уѣздѣ; въ дѣтствѣ отличался, какъ говорятъ его мать и сестры (кто ихъ объ этомъ допрашивалъ?), упрямствомъ и не отличался способностями; кое-какъ дотянулъ до 5-го класса гимназіи и не научившись даже правильно писать (что впослѣдствіи послужило для повѣреннаго его жены поводомъ доказывать его сумасшествіе на основаніи грамматическихъ ошибокъ, встрѣчаемыхъ въ его запискахъ), поступилъ въ гусары, гдѣ отличался скупостью, крутымъ необузданнымъ нравомъ. Прослужа (то-есть прослуживши) около десяти лѣтъ, вышелъ въ отставку и принялся за хозяйство. Хозяинъ онъ былъ неутомимый и унаслѣдовавъ отъ отца двѣ тысячи десятинъ земли (свидѣтель, помѣщикъ Бѣлый, говоритъ, что только пятьсотъ десятинъ унаслѣдовалъ Корбе), онъ увеличилъ это наслѣдство до пяти съ половиною тысячъ десятинъ. Отецъ Корбе былъ характера необузданнаго и онъ унаслѣдовалъ этотъ характеръ. (Можно ли послѣ всего этого сомнѣваться, что такой человѣкъ уже въ утробѣ матери былъ предрасположенъ «къ хроническому воспаленію мозговыхъ оболочекъ и сѣраго вещества мозга?») Дѣтей своихъ Корбе любилъ и былъ вообще не строгимъ отцемъ; любилъ бывать у родныхъ и знакомыхъ (это послѣднее чѣмъ подтверждается? и у какихъ родныхъ любилъ онъ бывать?) Въ концѣ 1868 года, когда въ домъ Корбе прибыла отвѣтчица Алымова, *въ семействѣ Корбе все измѣнилось*. Всѣ окружающіе Корбе замѣтили, что онъ пересталъ быть самостоятельнымъ, что онъ *выступилъ изъ своего я*. Что вмѣсто ласкъ къ женѣ и дѣтямъ, онъ *началъ* обращаться съ ними не только грубо и сурово, но жестоко, началъ запираться въ отдѣльной комнатѣ съ Алымовою, проводя съ нею довольно долгое время, при чемъ былъ невоздержанъ въ половомъ отношеніи. Это отдаленіе Корбе отъ се-

мейства и сближеніе его съ Алымовою и дало возможность ей замѣтить его угнетенность, его недовольство и вообще болѣзненное состояніе его (а всѣ эти недуги, также безъ сомнѣнія предрасполагающіе къ воспаленію мозговыхъ оболочекъ и проч., чѣмъ доказываются?) Легко было понять, что Корбе находился въ томъ болѣзненномъ физическомъ и душевномъ состояніи, когда онъ очень легко, посредствомъ видимо благихъ совѣтовъ притворнаго утѣшенія и наружныхъ признаковъ преданности, можетъ быть подчиненъ чужой волѣ (а мозговыя его оболочки и сѣрое вещество мозга воспалены), потерявъ собственныя желанія (за исключеніемъ, надо полагать, половыхъ, которымъ, какъ выше сказано, онъ предавался даже неумѣренно) и свободу собственной воли; однимъ словомъ (еще разъ!), что Корбе обнаруживалъ тѣ признаки, при которыхъ не много нужно труда, чтобы разстроить еще болѣе его умственныя способности и затѣмъ уже подчинить его волю и желанія себѣ и эксплуатировать въ свою пользу. Для полнаго успѣха въ этомъ нужно было только, подъ видомъ утѣшенія и заботливости, какъ можно чаще доводить больнаго до болѣе или менѣе сильныхъ нервнаго раздраженія и душевнаго волненія (однако жаль, что г. Конисскій не воспользовался присутствіемъ гг. экспертовъ и не выяснилъ, какъ это можно вызывать, и весьма часто, нервное *раздраженіе* и *душевное волненіе утѣшеніями* и *заботливостью?*) «Алымова этимъ пользуется и что же она дѣлаетъ? *Въ началѣ 1869 года Алымова увѣрила больнаго Корбе, что она любимица и избранница духовъ.*». и т. д.

Начавъ съ рожденія Корбе, сочинивъ ему болѣзни и угнетенность, и нервныя раздраженія, и душевныя волненія, г. Конисскій выбрался наконецъ на широкое поле записокъ Корбе. Туда мы за нимъ не послѣдуемъ, въ виду того что вопросъ о спиритизмѣ, какъ кажется, достаточно нами разобранъ и намъ нѣтъ надобности къ нему возвращаться.

Приведенная біографія покойнаго Корбе заключаетъ въ себѣ двѣ капитальныя черты, кромѣ тѣхъ второстепенныхъ примѣчательностей, на которыя мы указали вставными замѣчаніями. Очевидно, что эта біографія только для виду изложена какъ бы въ подтвержденіе умопомѣшательства Корбе. И здѣсь, какъ и во всемъ дѣлѣ, противная сторона старается объ одномъ: набросить на Алымову какъ можно болѣе черную тѣнь, возмутить нравственное чувство судей и тѣмъ восполнить юридическую несо-

стоятельность своихъ доводовъ. Но мы полагаемъ, что клевета вообще позорна, хотя бы въ защиту вдовъ и сиротъ. Изъ біографіи Корбе, сочиненной повѣреннымъ его жены, оказывается, что онъ былъ нѣжный мужъ вплоть до конца 1868 года, то есть до того времени, когда въ домѣ его поселилась Алымова. Съ этого же момента все измѣнилось: *вмѣсто ласкъ къ женѣ и дѣтямъ*, онъ сталъ обращаться съ ними грубо, сурово и жестоко. Такъ повѣствуетъ г-жа Корбе чрезъ своего повѣреннаго въ настоящее время.

Не то разсказывала г-жа Корбе въ 1870 году. При семъ прилагается копія исковаго прошенія г-жи Корбе *), поданнаго въ

---

*) Вотъ это прошеніе. Въ 1859 г. я вступила въ бракъ съ штабъ-ротмистромъ К. Ѳ. Корбе. Въ теченіе первыхъ семи лѣтъ я не мало страдала отъ жестокосердія и строптиваго характера его, но переносила свою участь терпѣливо, надѣясь на лучшее будущее. Между тѣмъ въ 1869 г. обращеніе мужа моего со мною и дѣтьми становилось со дня на день невыносимѣе. Руководствуясь своеобразнымъ воззрѣніемъ на семейную жизнь, противнымъ духу христіанской религіи и несогласнымъ съ требованіемъ гражданскихъ законовъ, онъ стремился освободиться отъ налагаемыхъ на него законныхъ обязанностей попеченія о семьѣ и потому употреблялъ всѣ средства, чтобы устроить свою жизнь отдѣльно отъ семейства и вытѣснить меня изъ супружескаго дома. Такъ, еще въ 1864 г., по требованію его, я должна была, не успѣвъ оправиться отъ тифозной горячки, удалиться къ брату моему землевладѣльцу, А. Поль, гдѣ я прожила одна безъ дѣтей до іюля мѣсяца 1865 г. Материнское чувство принудило меня наконецъ искать защиты у властей и я принесла жалобу на притѣсненіе мужа и удаленіе меня изъ дома губернатору, шефу жандармовъ и предводителю дворянства. Въ августѣ мѣсяцѣ 1865 г. удалось мнѣ взять къ себѣ дѣтей, за исключеніемъ старшаго сына, который остался при отцѣ. Затѣмъ вслѣдствіе возникшей переписки по моимъ жалобамъ, мужъ мой согласился примириться со мною, но и тогда не согласился жить со мною вмѣстѣ, а поселилъ меня съ дѣтьми въ одномъ изъ своихъ имѣній въ д. Михайловкѣ, среди зимы въ нежиломъ, холодномъ и сыромъ домѣ, гдѣ вскорѣ ребенокъ нашъ простудился, заболѣлъ горячкой и умеръ. Самъ же мужъ мой жилъ въ другомъ имѣніи въ д. Тимашевкѣ и тамъ предался свободной жизни холостяка, окруживъ себя толпою приближенныхъ женщинъ. Послѣ смерти дитяти я не могла больше оставаться въ Михайловкѣ и хотѣла ѣхать въ Екатеринославъ. Тогда мужъ предложилъ мнѣ жить въ Тимашевкѣ, что я и исполнила. Но предложеніе это не имѣло миролюбиваго характера. Притѣсненіямъ его не было конца Любовь къ дѣтямъ вынуждала меня къ терпѣнію: но стремленіе Корбе вытѣснить меня, чтобы устранить всякую помѣху къ устройству жизни разгульнаго холостяка, побуждало его довести угнетеніе его до край-

Екатеринославскій окружный судъ 23 октября 1870 года, въ которомъ она домогалась присужденія ея мужа къ повременному платежу ей въ 3000 руб. ежегодно. Документъ этотъ имѣетъ чрезвычайно важное значеніе, какъ юридическое опроверженіе теперешняго домогательства той же г-жи Корбе о признаніи ея мужа послѣ смерти сумасшедшимъ. Объ этомъ мы поговоримъ подробнѣе ниже. Но теперь мы указываемъ на него лишь въ опроверженіе разсказа г. Конисскаго о трогательномъ согласіи, нѣжной любви и ласкахъ, царившихъ будто бы въ семействѣ Корбе до прибытія Алымовой. Кромѣ разительнаго контраста въ общемъ колоритѣ обѣихъ картинъ, нарисованныхъ одною и тою же рукой, здѣсь особенно важно одно фактическое указаніе. Г-жа Корбе въ своемъ исковомъ прошеніи удостовѣряетъ, что

нихъ предѣловъ. Онъ билъ меня кнутомъ и палкой, запиралъ меня на замокъ, наконецъ видя безполезность усилій вытѣснить меня, вознамѣрился сдѣлать меня сумасшедшей, чтобы помѣстить въ домъ умалишенныхъ, для чего пригласилъ для освидѣтельствованія верхнеднѣпровскаго исправника Попандопуло и городоваго врача. Опасаясь за свою жизнь, я должна была покориться наконецъ, поддавшись жестокому стремленію моего мужа удалить меня изъ дому и выѣхала въ іюлѣ 1868 г. въ Екатеринославъ. Вскорѣ затѣмъ, въ апрѣлѣ 1869 г., я узнала, что мужъ мой подвергаетъ нашего старшаго сына, оставшагося при немъ, жесточайшимъ истязаніямъ. Чтобы спасти ребенка, я прибѣгла къ правосудію. Произведено слѣдствіе, ребенокъ отобранъ судебнымъ слѣдователемъ отъ мужа и ввѣренъ моимъ попеченіямъ.

Такимъ образомъ я только одна съ 3 дѣтьми, изъ которыхъ старшему сыну теперь 12, средней дочери 9, а младшему сыну $2^1/_2$ года, обязана нести заботы о содержаніи, воспитаніи и леченіи замученнаго отцемъ сына. Для выполненія этихъ обязанностей, въ теченіе почти 2 лѣтъ, я издержала всѣ деньги составлявшіе мое приданое, а теперь осталась съ 3 дѣтьми безъ всякихъ средствъ существованія, между тѣмъ какъ мужъ мой, отецъ дѣтей, владѣя обширнымъ поселеннымъ имѣніемъ до 5200 десятинъ, состоящихъ въ Верхнеднѣпровскомъ и Екатеринославскомъ уѣздахъ, положительно отрекся отъ заботъ о семействѣ и не даетъ мнѣ на содержаніе мое и дѣтей никакихъ средствъ.

Изъ соображенія стт. 103, 106 и 172 т. X ч. I явствуетъ, что я имѣю право требовать отъ мужа для себя и дѣтей средствъ къ содержанію и пропитанію въ размѣрѣ соотвѣтствующемъ его состоянію. Право мое есть право гражданскаго общежитія и не можетъ подлежать произволу моего мужа, тѣмъ болѣе что не я, а онъ самъ былъ причиною распаденія супружескаго нашего сожитія. Мужъ мой, сознавая это право мое и дѣтей моихъ и побуждаемый местью и за обнаруженіе его преступныхъ дѣйствій по отношенію къ семейству, вознамѣрился продать всѣ свои имѣнія съ цѣлью удобнѣе скрыть свое имущество, чтобы уклониться отъ обязанности выдавать изъ своихъ доходовъ средства для содержанія меня и воспитанія дѣтей,

она выѣхала въ іюлѣ мѣсяцѣ 1868 года изъ дома своего мужа въ Екатеринославъ. Съ тѣхъ поръ она въ домъ своего мужа уже не возвращалась. А между тѣмъ г-жа Алымова поселилась въ домѣ лишь осенью того же года, спустя по крайней мѣрѣ мѣсяца два *послѣ* окончательнаго разрыва между супругами Корбе. Вотъ какъ въ наше время пишутъ исторію!

Въ приведенномъ исковомъ прошеніи г-жи Корбе рѣчь идетъ о вмѣшательствѣ властей въ семейныя несогласія супруговъ Корбе еще въ 1865 году. Для разъясненія этого дѣла мы прилагаемъ копіи нѣкоторыхъ документовъ по возникшему тогда дѣлу, которое находится при дѣлахъ екатеринославскаго губернатора. Мы прилагаемъ копіи съ докладной записки и съ прошенія г-жи Кор-

---

и лишить семейство средствъ къ пропитанію. Для этой цѣли онъ совершилъ въ началѣ этого года у нотаріуса Гальберштадта купчую крѣпость на продажу своего родоваго имѣнія с. Михайловки помѣщику Бѣлому и конечно не замедлитъ въ скоромъ времени переводомъ и благопріобрѣтенныхъ имѣній въ чужія руки, если не будутъ приняты немедленно мѣры къ предупрежденію этихъ замысловъ.

Въ доказательство того, что я съ дѣтьми вытѣснена мужемъ изъ дому на отдѣльное жительство, прилагаю засвидѣтельствованную копію свидѣтельскихъ показаній отобранныхъ судебнымъ слѣдователемъ при производствѣ слѣдствія о жестскомъ обращеніи Корбе со мною и удостовѣреніе прокурора екатеринославскаго окружнаго суда о преданіи Корбе суду съ участіемъ присяжныхъ за истязаніе и изувѣченіе сына.

Прилагаемыя удостовѣренія содержателей пансіоновъ, гдѣ воспитываются мои дѣти, показываютъ что на воспитаніе ихъ необходимо въ годъ 1000 р., на содержаніе за тѣмъ меня, малаго ребенка $2^1/_2$ лѣтъ, на одежду, леченіе и пр. необходимо не менѣе 2000 р. въ годъ, что составитъ ежегодно 3000 р.

Что такая сумма соотвѣтствуетъ средствамъ и возможности Корбе, удостовѣряетъ приложенное свидѣтельство земской управы, изъ котораго видно, что состояніе Корбе заключается въ 5300 десят. земли, изъ которыхъ наименьшій доходъ не менѣе 11000 р.

Предъявляя настоящій искъ къ мужу моему о понужденіи его къ выдачѣ мнѣ и дѣтямъ на содержаніе наше и воспитаніе дѣтей по 3000 р. въ годъ, сообразно состоянію г. Корбе, я опредѣляю цѣну иска, на основ. 278 ст. и 5 п. уст. гр. суд. въ 30000 р.

На основаніи вышеизложеннаго и стт. 106, 172 и 173, т. X ч. I и стт. 591, 593 и 868 уст. гр. суд. прошу судъ постановить: 1) о присужденіи г. Корбе къ ежегодной выдачѣ на содержаніе меня съ дѣтьми и воспитаніе дѣтей 3000 р.; 2) о предварительномъ обезпеченіи иска наложеніемъ запрещенія на недвижимое имѣніе отвѣтчика и 3) о возложеніи на отвѣтчика судебныхъ издержекъ.

бе губернатору отъ 24 августа и 29 октября 1865 года *). Въ нихъ г-жа Корбе разсказываетъ о своихъ отношеніяхъ къ мужу почти тоже, что въ исковомъ прошеніи. Эти документы служатъ несомнѣннымъ доказательствомъ одного: что супруги Корбе *съ самаго начала брака не могли похвалиться взаимною любовью и уваженіемъ*. Кромѣ того, во всѣхъ многочисленныхъ бумагахъ, которыя г-жа Корбе издавна подавала должностнымъ лицамъ,

---

*) Отъ 24 августа. Вслѣдствіе несогласій возникшихъ въ супружествѣ моемъ съ мужемъ штабъ-ротмистромъ К. Корбе, я вынужденною себя нашла разрознниться съ этимъ мужемъ своимъ и переѣхала для жительства въ Екатеринославъ. При чемъ желала взять къ себѣ сюда малолѣтнихъ дѣтей нашихъ для того, чтобы самой мнѣ имѣть за ними материнское наблюденіе и охранять ихъ тутъ отъ всего для нихъ нравовъ неблагопріятнаго. Но мужъ мой оставилъ этихъ дѣтей при себѣ въ домѣ своемъ подъ наблюденіемъ гувернатки. Въ среднихъ же числахъ сего августа, я бывши въ д. помѣщицы Андреевской встрѣтила тамъ дѣтей своихъ, пришедшихъ туда безъ всякаго надзора въ оборванномъ до безобразія одѣяніи и съ ужасомъ узнала, что изъ этихъ дѣтей 5-лѣтняя дочь Наталія даже искалечена какимъ-то разбитіемъ груди ея. Почему взявъ съ собою сюда эту дочь свою и представляя ее на усмотрѣніе Вашего Превосходительства покорнѣйше прошу начальственнаго со стороны вашей распоряженія, о надлежащемъ въ здѣшней врачебной управѣ освидѣтельствованіи означеннаго поврежденія помянутой дочери моей, и о выдачѣ мнѣ медицинскаго объ этомъ освидѣтельствованіи удостовѣренія, необходимаго для дѣла, которое я должна начать по сему предмету гдѣ слѣдовать будетъ.

Отъ 29 октября. Вашему превосходительству извѣстны грустныя обстоятельства моей семейной жизни съ мужемъ моимъ помѣщикомъ Верхнеднѣпровскаго уѣзда Константиномъ Корбе изъ отношенія, препровожденнаго вашему превосходительству предводителемъ дворянства Николаемъ Дмитріевичемъ Милорадовичемъ и изъ личной моей вамъ жалобы на мужа моего, который по неизвѣстнымъ мнѣ причинамъ выслалъ меня изъ своего дома, во время моей болѣзни, разлучилъ меня съ дѣтьми, оставилъ усебя цѣнныя мои вещи и деньги, полученныя мною въ приданое, и такимъ образомъ лишилъ меня всѣхъ средствъ къ существованію. Г. Корбе оставивъ у себя малолѣтнихъ дѣтей, находился постоянно въ отлучкѣ изъ дому, а присмотръ задѣтьми поручилъ дѣвицѣ Филиповой воспитанницѣ С.-Петербургскаго воспитательнаго сиротскаго заведенія, которая не обращала вниманія на нравственное воспитаніе дѣтей, и дѣти мои находились въ самомъ грязномъ видѣ и въ обществѣ крестьянскихъ дѣтей, что доказываютъ поступки и разговоры ихъ, что я до сихъ поръ не могу искоренить у нихъ.

Разлученная съ дѣтьми въ продолженіе восьми мѣсяцевъ я просила г. Корбе доставить мнѣ случай увидѣть ихъ, но онъ былъ настолько жестосердъ, что постоянно мнѣ въ этомъ отказывалъ. Наконецъ 17 августа пріѣхавши въ гости къ родственницѣ моей Андреевской, я встрѣтила тамъ

призывая ихъ вмѣшательство въ семейную ея жизнь, непремѣнно рѣчь сводится къ вопросу о деньгахъ. О деньгахъ и обязаніи Корбе къ выдачѣ ей таковыхъ она хлопотала и передъ губернаторомъ и передъ шефомъ жандармовъ, и передъ окружнымъ судомъ, за два мѣсяца до смерти мужа и за нѣсколько недѣль до суда надъ нимъ. О денежныхъ интересахъ своихъ не забыла она и въ то время, когда ея материнское сердце переполнено было скорбью объ истязаніяхъ ея сына. Не успѣла она возбудить объ этомъ уголовное дѣло, какъ уже подала судебному слѣдователю заявленіе о наложеніи запрещенія на его имѣнія. Объ этомъ свидѣтельствуетъ прилагаемая копія съ прошенія г-жи Корбе судебному слѣдователю отъ 1 іюля 1869 года *).

дѣтей своихъ и видя въ какомъ жалкомъ видѣ они находятся, я рѣшилась взять ихъ къ себѣ. Но какъ Корбе отнялъ у меня все и я не имѣю средствъ содержать себя съ дѣтьми, то я обратилась къ нему съ личной просьбой въ присутствіи предводителя дворянства Лаппо-Данилевскаго и мироваго посредника П. Потоцкаго, но онъ на мою просьбу отдать мнѣ мои деньги прежде отказывался отдавать ихъ подъ разными предлогами не имѣющими никакого смысла, но когда ему разъяснили всю неосновательность его доводовъ, тогда онъ началъ требовать отдачи ему годоваго ребенка, нѣжный возрастъ котораго требуетъ попеченій матери, но какъ г. Корбе находится постоянно внѣ дома, то я не могу согласиться отдать ему дитя. Упорствомъ своимъ г. Корбе въ отдачѣ мнѣ денегъ и давать имъ на содержаніе довелъ меня до крайняго состоянія; чтобы не умереть съ голоду съ дѣтьми я занимала деньги на самыхъ невыгодныхъ для меня условіяхъ, платя огромные проценты и неустойки и такимъ образомъ должна совершенно разориться; кредиторы мои, видя въ невозможности, когда либо разсчитаться съ ними, отказываютъ мнѣ болѣе въ займѣ. Итакъ изложивъ вашему превосходительству мое безвыходное положеніе, боясь умереть съ голоду съ дѣтьми, имѣю честь покорнѣйше просить васъ, какъ начальника губерніи, войти въ мое положеніе и обязать г. Корбе подпиской немедленно выдавать мнѣ и дѣтямъ моимъ на содержаніе, на основаніи закона, что мужъ обязанъ содержать жену и дѣтей сообразно своему состоянію, а такъ какъ состояніе моего мужа простирается до полутораста тысячъ р. сер. то прошу васъ покорнѣйше заставить выдавать мнѣ полторы тысячи для меня и дѣтей моихъ,—содержаніе очень ограниченное по его состоянію.

При чемъ имѣю честь покорнѣйше просить ваше превосходительство почтить меня увѣдомленіемъ о распоряженіи, какое послѣдуетъ по моему прошенію по жительству моему въ г. Екатеринославѣ.

*) Изъ производимаго вами слѣдствія о жестокомъ обращеніи мужа моего штабъ-ротмистра Константина Ѳедоровича Корбе, съ сыномъ нашимъ 11 лѣтъ, кажется вполнѣ выяснилось, что мужъ мой по отношенію къ сыну не только не исполнялъ той священной обязанности, которую налагаетъ на

Кто былъ истиннымъ виновникомъ этихъ семейныхъ раздоровъ—мы не беремся разрѣшить. Но покойный Корбе, вообще не имѣвшій привычку «выносить соръ изъ избы,» всегда говорилъ намъ, что жена его всегда дѣйствовала противъ него изъ желанія побудить его къ уступкѣ ей части его состоянія. Это онъ подтверждалъ постоянными предложеніями въ этомъ смыслѣ, которыя не переставала дѣлать ему г-жа Корбе во время слѣдствія надъ нимъ и по преданіи его суду и которыя онъ всегда энергически и безусловно отвергалъ. Клевету, пущенную въ ходъ противъ него и екатеринославскаго врачебнаго отдѣленія, о томъ, что послѣднее было имъ подкуплено и потому дало благопріятный для него отвѣтъ на вопросы, предложенные судебной палатой,—Корбе также приписывалъ главнымъ образомъ интригамъ своей жены. Такъ какъ эта клевета по убѣжденію Корбе, были единственною причиной, вслѣдствіе которой судебная палата предала его суду, то понятно, какъ безгранична была ненависть Корбе къ его женѣ въ послѣдніе дни его жизни. Но кому принадлежала иниціатива семейныхъ раздоровъ въ 1865 году и въ 1866 году, объ этомъ судить теперь трудно. Полагаемъ однако что безусловно вѣрить г-жѣ Корбе, сваливающей всю вину на мужа тоже нельзя. Audiatur et altera pars; для этаго мы прила-

---

него законъ и совѣсть, какъ напримѣръ дать воспитаніе и образованіе сыну, но своею жестокостью доходящею до истязанія, не смотря на то что сынъ нашъ страдаетъ пораженіемъ сердца, старался заглушить въ немъ и то естественное чувство здраваго смысла, которое принадлежитъ всякому человѣку по его природѣ. Кромѣ того, окружилъ его въ своемъ домѣ такими личностями, которыя развращали только его нравственность. Въ силу этого нельзя и допустить мысли, чтобъ мужъ мой когда нибудь позаботился объ образованіи сына, лѣта котораго уже уходятъ.

Имѣя въ виду что за поступки мужа съ сыномъ, кромѣ наказанія, я буду искать отъ него выдачи содержанія на сына, то я имѣю честь покорнѣйше просить васъ, г. судебный слѣдователь войти съ представленіемъ въ окружный судъ о наложеніи запрещенія на недвижимое имѣніе мужа, находящееся при с. Смоленскомъ Верхнеднѣпровскаго уѣзда и заключающее въ себѣ 1700 дес. земли съ осѣдлостью, состоящею изъ каменнаго дома въ 1½ этажа, при которомъ одна каменная кухня и двѣ мазанки, деревянной кладовой, деревяннаго флигеля и каменной бани, двухъ деревянныхъ амбаровъ, каменной конюшни, каменнаго овечьяго сарая, деревянной вѣтряной мельницы. Земля находится въ границахъ земель Звонянской, Герсеванова, Ериховича, Клейтениха и Осетрова. Согласно 601 ст. уст. гр. суд. прилагаю 1 руб. 52 коп.

гаемъ копію письма покойнаго Корбе къ Екатеринославскому губернатору, отъ 3 ноября 1865 года, въ которомъ дѣло изображено въ свѣтѣ противоположномъ разсказамъ г-жи Корбе; письмо это *) тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что покойный Корбе ограничивается формальнымъ изложеніемъ дѣла, не вдаваясь въ разглагольствованія и очевидно не высказывая про-

---

*) Жена моя Марья Николаевна, урожденная Поль, вслѣдствіе полученныхъ отъ братьевъ своихъ Михаила Ивановича Маламы и Александра Николаевича Поль—писемъ выѣхала изъ моего дома къ брату своему Александру Николаевичу Поль, вскорѣ послѣ отъѣзда были отправлены всѣ принадлежащія ей вещи. Оставшись съ тремя малолѣтними дѣтьми, я всю свою отеческую заботливость сосредоточилъ на воспитаніи дѣтей, для нихъ я посвятилъ всѣ мои труды, любовь и отеческое вниманіе; мать ихъ живши въ 36 верстахъ, не пріѣхала видѣть ихъ впродолженіе восьми мѣсяцевъ. 13 августа выѣхалъ я съ старшимъ сыномъ на южный берегъ Крыма, поручивъ институткѣ Филиповой присмотръ за двумя меньшими дѣтьми. 17 августа сосѣдняя помѣщица Андреевская обманомъ вызвала гувернантку Филипову съ моими дѣтьми къ себѣ въ домъ, гдѣ ожидала жена моя, которая бросилась не къ дѣтямъ, которыхъ не видѣла 8 мѣсяцевъ, а къ гувернанткѣ, избила ее и увезла дѣтей въ Екатеринославъ, отнявши преждевременно груднаго сына отъ кормилицы. Возвратившись въ деревню и узнавши объ этомъ я пріѣхалъ въ Екатеринославъ и обратился къ предводителю дворянства Сергѣю Александровичу Лапѣ Данилевскому и помѣщику Сазонту Саввичу Потоцкому, прося ихъ принять участіе въ миролюбивомъ соглашеніи, но всѣ старанія ихъ остались напрасны и благопріятный исходъ этого дѣла оказался невозможнымъ.

Послѣ того получено мною письмо вашего превосходительства отъ 9 октября за № 7211, изъ котораго видно, что жена моя въ поданной вамъ просьбѣ отъ 30 сентября жалуется будто я удалилъ ее изъ своего дома удержалъ принадлежащія ей цѣнныя вещи и деньги полученныя ею въ приданое и отказываю въ средствахъ содержанія ея съ дѣтьми. По этой жалобѣ ваше превосходительство поставляете меня въ извѣстность, что не смотря ни на какія личныя отношенія, я обязанъ давать содержаніе женѣ и дѣтямъ, на полученіе котораго жена и дѣти на основ. 106 и 172 стат. X т. ч. I Свод. Закон. гр. имѣютъ неотъемлемое право. Разсмотрѣвъ приведенные въ письмѣ вашего превосходительства законы я убѣдился что мужъ дѣйствительно обязанъ доставлять женѣ своей содержаніе и пропитаніе по возможности своей но только при соблюденіи женою условій, указанныхъ въ стат. 107 и 108 того же тома. Въ отношеніи же дѣтей, обязанность эта лежитъ не на одномъ отцѣ, а на родителяхъ; поэтому я не считаю себя обязаннымъ давать содержаніе Марьѣ Николаевнѣ, урожденной Поль, которая и увезла дѣтей отъ меня съ цѣлью получать на нихъ содержаніе отъ меня.

Такъ какъ жена моя въ поданномъ вашему превосходительству прошеніи сама пишетъ, что не имѣетъ средствъ содержать дѣтей и находится

тивъ своей жены всего, что у него на душѣ. Такою же сдержанностью отличается и показаніе Корбе судебному слѣдователю отъ 11 мая 1869 года, копію котораго мы также здѣсь прилагаемъ. *) Корбе и тутъ не употребилъ ни однаго рѣзкаго

съ ними въ безвыходномъ положеніи, то я съ своей стороны прошу ваше превосходительство возвратить мнѣ дѣтей и я позабочусь дать имъ воспитаніе соотвѣтственное ихъ званію, да и жена при всемъ ея упадкѣ можетъ выйдти изъ настоящаго положенія, если пожелаетъ жить въ деревнѣ моей, гдѣ будутъ доставлены ей всѣ нужныя средства для жизни.

Насчетъ же приданаго моей жены позвольте вашему превосходительству объяснить: вещи всѣ ея отправлены и она получила ихъ, деньги же повыходѣ ея въ замужество, шесть лѣтъ находились у братьевъ, на седьмомъ году они привезли пять тысячъ, изъ которыхъ по ея желанію три тысячи здержаны на покупку закладной помѣщика Гангеблова, по которой денегъ я еще не получилъ; а остальныя двѣ тысячи издержаны въ томъ же году на поѣздку нами въ Кіевъ и Одессу.

Но желая окончить, я предлагаю возвратить мнѣ дѣтей,—я дамъ имъ воспитаніе и обезпечу ихъ будущность, а жена моя, такъ какъ желаетъ жить въ Екатеринославѣ, то я готовъ ей заплатить свои деньги, за вычетомъ только пяти сотъ рубл., которые она получила предъ выѣздомъ изъ моего дома, остальные четыре тысячи пятьсотъ рубл. я передамъ немедленно чрезъ предводителя дворянства съ тѣмъ, чтобы она выдала отъ себя росписку, что за полученіемъ отъ меня денегъ, на будущее время со стороны ея не будетъ никакого требованія. Примите увѣреніе въ моемъ почтеніи, съ которымъ имѣю честь быть вашего превосходительства покорный слуга Константинъ Корбе. 3 ноября 1865 года.

*) 1869 года 10 мая и. д. суд. слѣд. Безкровный въ г. Верхнеднѣпровскѣ допрашивалъ отставнаго штабъ-ротмистра К. Ф. Корбе по обвиненію его въ преступленіяхъ, предусмотрѣнныхъ въ ст. 1583 и 1585 улож. и онъ показалъ: К. Ф. Корбе, 48 лѣтъ, отставной штабъ-ротмистръ, вѣры православной и обряды ея выполняю, подъ слѣдствіемъ и судомъ не былъ, женатъ, дѣтей имѣю; живу лѣтомъ въ имѣніи моемъ Колет., а зимой въ другомъ имѣніи Смоленскомъ Верхнеднѣпровскаго уѣзда. Во все время супружеской нашей жизни, жена моя не занималась ничѣмъ, а собирала свѣдѣнія отъ простыхъ женщинъ о поведеніи моемъ. Простыя женщины чтобы угодить ей составляли разныя нелѣпыя исторіи, вслѣдствіе которыхъ у насъ были ссоры и часто оканчивались, по обнаруженіи лжи, миромъ, а случалось что жена моя М. Н., урожденная Поль, уѣзжала изъ дому къ сосѣдямъ, разсказывая, что она разъѣзжается съ мужемъ. Въ одномъ изъ этихъ случаевъ она увезла 5 лѣтняго сына, котораго по небрежности своей простудила, онъ получилъ летучій ревматизмъ, вслѣдствіе чего у него сдѣлалось пораженіе сердца. Въ 1864 г. дѣйствительно она выѣзжала къ братьямъ, а черезъ полгода оставила братьевъ и переѣхала въ Екатеринославъ на жительство, откуда въ отсутствіе мое переѣхала въ имѣніе помѣщицы Андреевской, въ 1 верстѣ разстоянія отъ моего имѣнія. Андреевская пригласила

выраженія, противъ своей жены. Кромѣ того мы считаемъ нужнымъ представить копію свидѣтельства Екатеринославскаго

бывшую у меня гувернанку О. Ѳ. Филиппову съ дѣтьми моими къ себѣ никогда гувернантка пришла съ дѣтьми, жена моя избила гувернантку, взяладѣтей и увезла въ Екатеринославъ, гдѣ подавала жалобы губернатору и губернскому предводителю, что дѣти дурно содержатся и искалечены, заставляя 5 лѣтняго ребенка горбиться и подымать плечо; въ такомъ видѣ водила во врачебную управу для освидѣтельствованія, и все это дѣлала для того чтобы заставили меня дать ей денежное содержаніе. Но когда губернаторъ предложилъ мнѣ дать содержаніе, то я не согласился на это и предложилъ возвратиться въ мое имѣніе и жить въ немъ, что она и сдѣлала. Прибывъ въ имѣніе она вновь начала собирать свѣдѣнія отъ простыхъ женщинъ и съ ними вмѣстѣ сочинять на меня небывалыя сплетни. Въ 1866 г. она взявъ 6 лѣтнюю дочь ушла пѣшкомъ къ В. А. Шишкину, откуда поѣхала къ брату А. Полю. Не заставши его, взяла экипажъ и уѣхала въ Екатеринославъ. Такъ какъ она одного ребенка простудила возивши вездѣ, то на этотъ разъ я опасался за ребенка, то я началъ разспрашивать гдѣ она оставила ребенка, чтобы послать сей часъ его привести. Она долго не говорила, наконецъ сказала что оставила его у Шишкина, и когда я вышелъ въ другую половину дома, чтобы послать за ребенкомъ, какъ въ скорости пришелъ человѣкъ и объявилъ мнѣ, что барыня,, не помню, выскочила или вылѣзла въ окно и побѣжала къ Шишкину. (Человѣка этого зовутъ Семеномъ). Какъ это было ночью, то я опасаясь за нее взялъ 3-хъ человѣкъ, пошелъ по слѣду ея и догналъ не далеко отъ моего двора. Она, сѣвши на траву, начала бранить меня, я между тѣмъ уговаривалъ ее возвратиться домой, но она не хотѣла слушать монхъ увѣщаній, продолжая браниться. Тогда я сказалъ ей, что если она не возвратится въ домъ, то я вынужденъ, буду велѣть людямъ взять ее, и только этимъ могъ заставить ее возвратиться въ домъ; а опасаясь чтобы она вновь не могла уйти, велѣлъ затворить въ той половинѣ дома, гдѣ она помѣщалась, ставни; послѣ чего жена моя, взявъ бывшую въ комнатѣ палку съ желѣзной ручкой, начала бить окно, какъ это было уже къ свѣту и я предполагалъ что она лишилась разсудка, я заперъ комнату гдѣ она была, поѣхалъ въ Верхнеднѣпровскъ къ исправнику Попандопуло, пригласилъ его и доктора Бѣлинскаго въ имѣніе для освидѣтельствованія ея, которые пріѣхавъ вошли въ ту комнату, гдѣ она была, нашли ее не помѣшанною и она согласилась помириться со мною. Я при исправникѣ Попандопуло помирился и когда уѣхали Поповъ и Бѣлинскій, я поѣхалъ къ Шишкину взялъ дочь свою и пригласилъ тамошняго священника чтобы онъ, съ своей стороны, уговорилъ ее жить со мною въ мирѣ и не дѣлать подобныхъ скандаловъ. Послѣ этого она жила гораздо скромнѣе, но все не оставляла сплетницъ женщинъ, изъ которыхъ отдавала болѣе всего преимущество женѣ повара Ефросиньѣ, посылала ее къ ворожеямъ, чтобы узнать, скоро-ли я умру? Въ 1868 году жена повара разказывала во дворѣ, что она нѣшла такую ворожею, которая ей сказала, что барынъ умретъ осенью, а мужъ ея поваръ будетъ жить еще долго.

врачебнаго отдѣленія отъ 31 августа 1865 года *). Изъ этого свидѣтельства видно, что ничто не ново подъ луной. Уже въ 1865 году г-жа Корбе собиралась возбудить «гдѣ слѣдовать будетъ» дѣло о поврежденіяхъ, нанесенныхъ ея пятилѣтней дочери Натальѣ и для этого требовала ея освидѣтельствованія.

Жена моя, вѣруя въ предсказаніе ворожеи, составила планъ выѣхать отъ меня, но только съ деньгами. Дождавшись возвращенія моего съ Петропавловской ярмарки, гдѣ я продалъ шерсть, по выѣздѣ моемъ въ другое имѣніе, жена моя, вѣроятно, предполагая что я, продавши шерсть, привезъ съ собою деньги, отперла шкатулку, но не нашедши денегъ взяла изъ нея только росписку на 700 р., данную ею мнѣ въ полученіи въ счетъ слѣдуемыхъ денегъ, по роспискѣ выданной мною ей, и забравши много разныхъ вещей и мою карету, на почтовыхъ лошадяхъ уѣхала въ Воронежскую губернію. Когда мнѣ дали знать объ этомъ и я пріѣхалъ, то ее уже не засталъ. Въ скорости она, когда я былъ въ д. Конст. возвратилась изъ Варшавской губерніи въ д. Смоленское съ своею повѣренною поваркой, вошли въ домъ, потребовали прикащика и сами разбивши запертый сундукъ, требовали чтобы прикащикъ отбивалъ замки отъ разныхъ помѣщеній и комнатъ. Когда же тотъ не хотѣлъ, то они угрожали ему, говоря что она имѣетъ предписаніе отъ исправника.

Затѣмъ, по ея приказанію были отбиты замки отъ сундуковъ и прочихъ помѣщеній. Она, забравъ разныя вещи, отправила ихъ въ деревню, а часть взяла съ собой, уѣхала въ Екатеринославъ, гдѣ и по настоящее время находится. Что же касается того, что я будто бы наносилъ ей побои и высылалъ ее изъ имѣнія, то это несправедливо, потому что между нами, кромѣ ссоръ на словахъ, другихъ ссоръ не было; а также несправедливо и то, будто я имѣлъ у себя фаворитокъ и что дѣвка Ирина имѣетъ въ имѣніи отъ меня 2-хъ дѣтей и что гувернантка Ольга Филипова уѣхала беременною. Жена же капитана Екатерина Алымова дѣйствительно пріѣзжала къ намъ по приглашенію жены моей въ имѣніе и, какъ женщина больная, осталась въ имѣніи моемъ до выздоровленія и когда весной этого года ей сдѣлалось лучше, то она 3 мая выѣхала обратно въ Петербургъ; при этомъ добавляю, что жена моя, со времени выхода въ замужество года два не жила со мной, а въ остальныя 9 лѣтъ имѣла 8 душъ дѣтей, изъ которыхъ трое находятся въ настоящее время въ живыхъ. Этимъ доказывается вѣрность моя въ супружской жизни.

*) Свидѣтельство. Вслѣдствіе предложенія екатеринославскаго губернатора, отъ 27 августа за № 6105, членами врачебной управы была свидѣтельствована малолѣтняя дочь шт.-ротм. К. Корбе по поданной женою его М. К., урожд. Поль, докладной запискѣ на имя Екатеринославскаго губернатора. При освидѣтельствованіи оказалось: дочь г. Корбе Наталья 5 лѣтъ отъ роду, тѣлосложенія довольно здороваго, но по виду золотушная; неправильностей въ образованіи частей тѣла не имѣетъ, исключая нѣсколько выдавшагося согнутія (convexitas) переднихъ концевъ четырехъ послѣд-

Но екатеринославское врачебное отдѣленіе роковымъ образомъ всегда становилось поперекъ дороги г-жи Корбе, почему отчасти и объясняется особенное легковѣріе, которое выказала она по вопросу о подкупности этого отдѣленія. Въ 1865 году при освидѣтельствованіи дочери г-жи Корбе, какъ потомъ въ 1870 году при освидѣтельствованіи ея сына, врачебное отдѣленіе не нашло матеріаловъ для возбужденія уголовныхъ дѣлъ. Никакихъ поврежденій, нанесенныхъ насильственно, у малолѣтней Натальи не оказалось, какъ не оказалось вредныхъ или опасныхъ для жизни послѣдствій отъ наказаній, коимъ Корбе подвергалъ своего сына Ѳедора.

Копія съ докладной записки г-жи Корбе, отъ 29 ноября 1865 года, краснорѣчиво, хотя и весьма лаконически свидѣтельствуетъ, что вопросъ о мнимыхъ поврежденіяхъ не былъ главною побудительною причиной для возбужденія дѣла, ибо г-жа Корбе заявляетъ, что она получила «все слѣдуемое *ей*» отъ своего мужа, а потому проситъ губернатора заведенное ею дѣло прекратить *).

Итакъ не Алымова была виновницей раздоровъ между супругами Корбе и все краснорѣчіе, потраченное по этому поводу повѣреннымъ истицы, служило лишь «для красоты слога», хотя и въ прямой ущербъ истинѣ....

Но г-жа Корбе, въ лицѣ своего повѣреннаго, дозволила себѣ другое, еще болѣе существенное извращеніе истины. Біографъ Корбе въ псковомъ прошеніи разсказываетъ, что Алымова, дабы подчинить себѣ волю Корбе, *первая посвятила его въ ученіе спиритизма*. Понятно какъ важно это обстоятельство и какую силу пріобрѣтаетъ оно въ виду предположенія, что все содер-

---

нихъ реберъ съ обѣихъ сторонъ въ мѣстѣ соединенія ихъ съ грудною частью. Это согнутіе образуетъ незначительное возвышеніе на нижней части груди, болѣе замѣтное съ лѣвой стороны. При тщательномъ изслѣдованіи позвоночнаго столба и другихъ органовъ не обнаружено въ нихъ никакихъ разстройствъ. Изъ этого должно заключить, что возвышеніе замѣтное на передней и нижней сторонѣ груди отъ неправильнаго образованія переднихъ концевъ послѣднихъ и спинныхъ реберъ, есть врожденное и зависитъ можетъ быть отъ участія золотушнаго худосочія. Въ чемъ Екатер. Врач. Управа подписомъ и прил. каз. печати удостовѣряетъ. 31 августа 1865 года. Подписалъ: за инспектора акушеръ Реисъ, за оператора Хорошевскій, письмоводитель Лишореловъ

*) Получивъ все слѣдуемое мнѣ отъ моего мужа, я прошу заведенное мною дѣло прекратить.

М. Корбе,

29 ноября 1865.

жаніе записокъ есть сочиненіе Алымовой. Конечно, этимъ ни на волосъ не увеличивается вѣроятность умопомѣшательства Корбе—скорѣе напротивъ, ибо для того чтобы забрать въ руки сумасшедшаго нѣтъ надобности прибѣгать къ обману столь тонкому, какъ спиритизмъ. Но мы настолько отдаемъ справедливость уму нашихъ противниковъ, чтобы не вѣрить искренности ихъ убѣжденія въ умопомѣшательствѣ Корбе. Какъ сказано выше, они гораздо болѣе хлопочутъ выставить Корбе жертвой хитраго и гнуснаго обмана, нежели умопомѣшаннымъ. Вотъ для этой-то цѣли чрезвычайно важно было для нихъ убѣдить судъ, а еще болѣе общественное мнѣніе въ томъ, что Алымова первая посвятила Корбе въ ученіе спиритизма, а затѣмъ разумѣется, какъ только Корбе увѣровалъ въ это ученіе, ей въ роли медіума ужь ничего не стоило «поставить Корбе въ извѣстныя отношенія къ духу Василія», какъ выражается окружный судъ.

Но это капитальное обвиненіе есть столь же капитальная неправда. Выше мы уже сказали, что во все время веденія дѣла въ окружномъ судѣ намъ было весьма мало извѣстно о личности Алымовой и о свойствѣ ея отношеній къ покойному Корбе. Равнымъ образомъ и отъ Корбе мы никогда ничего не слыхали о спиритизмѣ, такъ что при отвѣтѣ противъ исковаго прошенія мы лишены были возможности фактически возражать что либо противъ того что разсказывалъ г. Коннисскій по поводу спиритизма. Но мы какъ будто предчувствовали ложь. Мы указали на одно мѣсто изъ записокъ, изъ коего можно заключить, что Корбе занимался спиритизмомъ до Алымовой. Судебное разбирательство вполнѣ подтвердило нашу догадку: показанія свидѣтелей Савельева, Бѣлаго и др. не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что покойный Корбе былъ давнишній и ревностный приверженецъ спиритизма. Этого мало: судебный приставъ Верхнеднѣпровскаго мироваго съѣзда Демяновскій показалъ, что сама г-жа Корбе, при первомъ взглядѣ на записки, найденныя приставомъ во время описи имущества Корбе, сказала ему: «я знаю что это; это пустяки—спиритизмъ». Почему-же, спрашивается, г-жа Корбе, при одномъ взглядѣ на записки, начавшіяся въ февралѣ 1869 года, то-есть полгода спустя послѣ окончательнаго выѣзда ея изъ дома своего мужа, тотчасъ узнала въ чемъ дѣло и что это за записки? Г-жа Алымова, съ которой мы имѣли случай подробно объясняться уже послѣ рѣшенія окружнаго суда, разсказывала намъ, что кромѣ записокъ Корбе въ семи тетрадяхъ,

заключающихъ въ себѣ бесѣды, при которыхъ она служила медіумомъ, въ домѣ Корбе, въ имѣніи Смоленскомъ, должны были найтись еще двадцать тетрадей, въ которыхъ записаны бесѣды времени, предшествовавшаго ея знакомству съ Корбе, происходившія чрезъ посредство другихъ медіумовъ. Мы думаемъ, что уголовное слѣдствіе не оставитъ этого указанія безъ вниманія. Эти двадцать тетрадей либо уничтожены г-жею Корбе до описи имѣнія Смоленскаго, либо они до сихъ поръ хранятся гдѣ нибудь. Но еще интереснѣе разсказъ г-жи Алымовой о томъ, какъ *ее* посвятили въ ученіе спиритизма. Г-жа Алымова, какъ сказано выше, поселилась въ домѣ Корбе осенью 1868 года, когда г-жа Корбе уже оставила домъ своего мужа. Но познакомилась она съ нею весною того же года на пути въ Одессу на пароходѣ. Въ Одессѣ г-жа Корбе познакомила г-жу Алымову съ своимъ мужемъ. Затѣмъ спустя нѣсколько времени г-жа Алымова вмѣстѣ съ своимъ мужемъ пріѣхали гостить къ супругамъ Корбе въ ихъ имѣніе—Смоленское Верхнеднѣпровскаго уѣзда, гдѣ г-жа Алымова прожила нѣсколько недѣль и уѣхала въ Петербургъ. Во время этого-то перваго пребыванія своего Корбе, послѣдній сталъ посвящать ее въ тайны спиритизма. Она отказывалась вѣрить, *но г-жа Корбе ревностно подтверждала ей истинность этого ученія и говорила г-жѣ Алымовой, что она сама занимается бесѣдами съ духами умершихъ и въ особенности съ одною своею умершею пансіонскою подругой.* Вообще, по словамъ г-жи Алымовой, все семейство Корбе, то-есть его сестры и мать, а также дѣти его матери отъ втораго брака (Гердзей), были приверженцами спиритизма. Это, по словамъ г-жи Алымовой, можетъ подтвердить единоутробный братъ покойнаго Корбе, нынѣшній прокуроръ Одесскаго окружнаго суда, г. Гердзей.

Всѣ эти фактическія указанія въ высшей степени интересныя, полагаемъ, будутъ вполнѣ изслѣдованы и должнымъ образомъ оцѣнены при производствѣ возбужденнаго теперь противъ г-жи Алымовой уголовнаго дѣла. Мы надѣемся, что на нихъ будетъ обращено вниманіе и что лица участвующія въ производствѣ уголовнаго дѣла приложатъ всѣ старанія къ уясненію этихъ обстоятельствъ, не смотря на то что они бросаютъ совершенно иной свѣтъ на дѣло и на г-жу Алымову, нежели въ какомъ выставляли ее самозванные ея обвинители, повѣренные г-жи Корбе. Но въ гражданскомъ процессѣ не было ни надобности, ни возможности приводить доказательства въ подтвержденіе всего вышеизложеннаго. Для насъ важно лишь одно, что Алы-

мова не посвятила Корбе въ ученіе спиритизма. Это доказано.

Вышеприведенный разсказъ повѣреннаго истцевъ, на разборѣ котораго мы столь долго останавливались и который окружный судъ воспроизводитъ, придавая ему повидимому полную вѣру, показываетъ какъ опасно въ гражданскомъ дѣлѣ руководствоваться «нравственными мотивами», ибо при такомъ предвзятомъ взглядѣ на дѣло судъ всегда склоненъ бываетъ вѣрить въ бездоказательныя разглагольствованія одной стороны и отвергать самыя точныя доказательства другой.

3) Обращаемся къ дальнѣйшимъ фактическимъ указаніямъ суда. Судъ приводитъ нѣсколько обстоятельствъ, которыя, по его мнѣнію, вполнѣ подтверждаютъ рабское подчиненіе воли Корбе. Выше мы уже доказали, что умопомѣшательство Корбе ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть выведено изъ этого рабскаго подчиненія, даже еслибъ оно было вполнѣ доказано. Но доказано ли оно?

Судъ прежде всего останавливается на тѣхъ мѣстахъ записокъ, которыя заключаютъ въ себѣ прямыя указанія или намеки на духовное завѣщаніе. Еслибы признать, правильною ту исходную точку зрѣнія суда, по которой, для доказательства сумасшествія Корбе, достаточно доказать, что завѣщаніе есть «плодъ отношеній Корбе къ представленію о духѣ Василія», или говоря проще и понятнѣе, что завѣщаніе продиктовано Корбе духомъ Василія, то конечно весьма важно разсмотрѣть внимательно всѣ мѣста записокъ, въ которыхъ идетъ рѣчь о завѣщаніи. Такъ какъ завѣщаніе составлено 29 апрѣля 1869 года, то само собою разумѣется, что значеніе *юридическаго* доказательства могутъ имѣть только записки отъ 19 февраля до 29 апрѣля 1869 года. Думаемъ, что этого требовали юридическія приличія. Но судъ и на это не обращаетъ вниманія. Онъ цитуетъ мѣсто изъ записокъ, которыя относятся до конца 1870 года. Мѣсто изъ записокъ и факты относящіеся до декабря 1870 года приводятся судомъ за урядъ при разсужденіяхъ объ умственномъ состояніи Корбе 29 апрѣля 1869 года. Мы только указываемъ на это мимоходомъ и не имѣемъ никакой надобности уклоняться отъ возраженій противъ какихъ бы то ни было доказательствъ какъ бы грубо ни уклонялись они отъ строгаго пути юридическаго прекранія.

Итакъ что же мы читаемъ въ запискахъ относительно завѣщанія? О немъ говорится въ бесѣдахъ отъ 16 и 26 марта, отъ 9, 10 и 18 апрѣля и наконецъ, въ послѣдній разъ, отъ 3

мая. Прежде всего, добросовѣстно читающій записки, съ искреннимъ желаніемъ почерпнуть въ нихъ то, что онѣ могутъ дать, именно вѣрную картину душевнаго настроенія покойнаго Корбе и его сокровенныхъ помышленій, не можетъ не видѣть сразу, что онѣ большею частью заключаютъ въ себѣ отвѣты на предлагаемые вопросы. Но такъ какъ вопросы не записывались, то о точномъ смыслѣ предлагавшихся вопросовъ можно иногда судить по смыслу отвѣтовъ; большею же частью о смыслѣ предложенныхъ вопросовъ нельзя вывести никакихъ вѣрныхъ заключеній. Вопросы предлагались, какъ видно, самаго разнообразнаго свойства и отвѣты на нихъ записывались непрерывно, не отдѣляясь (по крайней мѣрѣ въ тетрадяхъ, не записанныхъ на-бѣло) даже новою строкой. Вотъ почему весьма легко находить безсмыслицу тамъ, гдѣ ея вовсе нѣтъ. Для этого стоило только выхватить отдѣльныя мѣста, стараясь соединить два отвѣта на два различные вопроса, изъ которыхъ одинъ предложенъ, можетъ быть, утромъ, другой вечеромъ; одинъ заключаетъ въ себѣ отвѣтъ на вопросъ о завѣщаніи, а другой о томъ слѣдуетъ ли ѣхать въ степь кататься. Мы много разъ имѣли случай указывать на судѣ на особенный характеръ записокъ; мы настаивали на томъ, что поступая добросовѣстно, слѣдуетъ прочитать ихъ сначала до конца и при томъ постоянно имѣть въ виду принципы ученія спиритизма. Мы указывали, что общее содержаніе записокъ заключаетъ въ себѣ религіозно-нравственную проповѣдь и что только въ видѣ исключенія встрѣчаются наставленія имѣющія практически-житейскій характеръ. Мы продолжаемъ настаивать на этомъ и вполнѣ надѣемся, что судебная палата отнесется съ должнымъ вниманіемъ къ запискамъ и съ интересомъ прослѣдитъ ихъ съ начала до конца, а не по отрывкамъ, намѣрено-выхваченнымъ противною стороною. Эта надежда избавляетъ насъ отъ всякихъ дальнѣйшихъ разсужденій по поводу общаго характера записокъ. Палата будетъ имѣть ихъ въ подлинникѣ и сама убѣдится насколько добросовѣстно поступили тѣ, которые выхватывали, напримѣръ, шутливыя слова «старикашки» ищущаго шляпу, или замѣчанія о «Василіяхъ» какъ какіе-то реальные образы, представлявшіеся будто-бы уму Корбе.

Мы возвращаемся къ мѣстамъ записокъ относящимся до духовнаго завѣщанія. Какъ выше сказано, ихъ всего шесть. Шестнадцатаго марта въ первый разъ встрѣчаемъ указанія на завѣщаніе: «сынъ мой, говоритъ духъ Василія, *напиши такъ какъ говорилъ*, но непремѣнно чрезъ адвоката». Эти слова суть оче-

видно отвѣтъ на предложенный вопросъ. Корбе повидимому задумалъ завѣщаніе и глубоко вѣруя въ существованіе духа Василія, въ его любовь къ нему и въ его мудрость, спрашиваетъ у него совѣта. Для этого онъ излагаетъ духу сложившійся у него въ умѣ проектъ завѣщанія и духъ ему отвѣчаетъ, чтобы онъ написалъ такъ какъ говорилъ, то-есть духъ одобряетъ *планъ задуманный* Корбе; «сынъ мой милый и любезный, можешь ѣхать, *если желаешь*. Завѣщаніе сдѣлаемъ въ Кіевѣ; тамъ лучшіе адвокаты. Устраивай дѣла хозяйственныя; здоровье худо. Ты другъ души моей и не откажешь мнѣ ѣхать при первомъ моемъ желаніи». Судъ выводитъ, что слова «здоровье худо» относятся до Корбе и что поэтому онъ долженъ торопиться составленіемъ завѣщанія. Мы же думаемъ что «здоровье худо» относится до Алымовой. Объ этомъ говорится и далѣе въ запискахъ и часто повторяется что ей нужно ѣхать лечиться въ Кіевъ. Изъ записокъ видно что она дѣйствительно отправилась въ маѣ 1869 года въ Кіевъ.

9-го апрѣля духъ Василія въ искреннихъ выраженіяхъ благодаритъ Корбе за его заботу о близкихъ ему, благословляетъ его въ путь, креститъ его за *желаніе* очистить свою совѣсть распоряженіемъ насчетъ имущества и благословляетъ на совершеніе документа. Но изъ того что бесѣды не прерывались и на слѣдующій и на третій день видно что Корбе никуда не поѣхалъ и стало-быть не послушался велѣній духа. Затѣмъ изъ буквальнаго смысла словъ духа Василія опять явствуетъ что завѣщаніе было плодомъ желаній Корбе, а не духа, что инициатива ему принадлежала. Если утверждаютъ что въ составленіи завѣщанія воля Корбе не участвовала, а что оно есть плодъ велѣній духа, то слѣдовало бы указать когда именно духъ продиктовалъ Корбе то что мы читаемъ въ завѣщаніи? До 10 апрѣля ни однимъ словомъ не упоминается о сущности завѣщательныхъ распоряженій Корбе. 10 апрѣля духъ въ первый и единственный разъ коснулся самого содержанія завѣщанія и мы видимъ что проектъ его въ общихъ чертахъ согласенъ былъ съ дѣйствительнымъ содержаніемъ завѣщанія. Но что же говоритъ духъ Василія? Онъ укрѣпляетъ Корбе въ его намѣреніи оставить свое имѣніе въ пожизненное пользованіе Алымовой и увѣряетъ его въ томъ что дѣти его, чрезъ такое распоряженіе, получатъ все сполна, что Алымова не станетъ жить на счетъ сиротъ и что онъ *не ошибся* отдавая въ ея неотъемлемое рас-

поряженіе имущество и будущность дѣтей. Это мѣсто изъ записокъ чрезвычайно важно. Мы знаемъ что между Корбе и его законною женой были постоянные раздоры и несогласія, дошедшіе въ послѣднее время до непримиримой, смертельной ненависти съ обѣихъ сторонъ. Г-жа Корбе употребляла всѣ средства для того чтобы получить часть имущества своего мужа; Корбе, съ своей стороны, готовъ былъ скорѣе въ Сибирь пойти, нежели предоставить ей хотя малѣйшее участіе въ своемъ богатствѣ. Но дѣтей своихъ Корбе любилъ горячо и нѣжно; онъ желалъ бы дать имъ хорошее воспитаніе, въ чемъ ему препятствуетъ его жена, нѣсколько разъ забиравшая дѣтей къ себѣ, что, по мнѣнію Корбе, должно было гибельно дѣйствовать на ихъ развитіе. Онъ желалъ бы на случай смерти предоставить дѣтямъ все свое прекрасное состояніе; но онъ знаетъ что если онъ умретъ безъ завѣщанія, то состояніе и будущность дѣтей перейдутъ всецѣло въ руки его жены. Въ это время онъ сблизился съ женщиною къ которой онъ сталъ питать самую нѣжную привязанность. Она вмѣстѣ съ нимъ предается давнишнему его вѣрованію въ возможность сношенія съ загробнымъ міромъ. Духъ Василія укрѣпляетъ и возвышаетъ его горячую привязанность къ Алымовой. И вотъ ему приходитъ на умъ составить духовное завѣщаніе которымъ онъ достигалъ троякой цѣли, составлявшей предметъ самыхъ горячихъ его желаній: вопервыхъ, онъ окончательно устранялъ жену отъ пользованія малѣйшею крохой своего имущества; во вторыхъ, онъ обезпечилъ будущность горячо любимой имъ женщины; втретьихъ, онъ обезпечилъ какъ доброе воспитаніе дѣтей, такъ и сохраненіе для нихъ всего состоянія, ибо онъ несравненно болѣе довѣрялъ и въ этомъ отношеніи Алымовой, чѣмъ своей женѣ. Духъ Василія разсѣваетъ всѣ сомнѣнія и колебанія его; онъ увѣряетъ его что замыселъ его хорошъ и вполнѣ соотвѣтствуетъ его завѣтной цѣли, чтобы состояніе его не было растрачено въ случаѣ его смерти и до достиженія дѣтьми его совершеннолѣтія.

Приведенное мѣсто изъ записокъ, въ связи съ тѣмъ что намъ извѣстно объ отношеніяхъ покойнаго къ его женѣ съ одной стороны, и къ Алымовой съ другой, не обнаруживаетъ ли осязательно и какъ день ясно то *побужденіе*, коимъ руководствовался Корбе замысливъ и осуществивъ свое духовное завѣщаніе? Можно не одобрять этого побужденія и непримири-

мой ненависти къ матери своихъ дѣтей, которая сказалась въ немъ; можно находить неблагоразумною его безграничную довѣрчивость къ Алымовой; можно наконецъ прямо заподозрить послѣднюю въ обманѣ, посредствомъ котораго ей удалось стать такъ высоко въ мнѣніи и привязанности Корбе. Все это можно, во всемъ этомъ будутъ заключаться выводы логичные и послѣдовательные. Но немыслимо чтобы содержаніе распоряженій Корбе доказывало *само по себѣ* его умопомѣшательство, и ужь конечно въ высшей степени несправедливо обходить тѣ факты по которымъ видно что Корбе дѣйствовалъ такъ изъ ненависти возгорѣвшейся за много лѣтъ до знакомства Корбе съ Алымовою.

Корбе въ дѣлѣ завѣщанія не только не подчинился рабски велѣніямъ духа, но оказывалъ этимъ «велѣніямъ» явное неповиновеніе. Это видно изъ того что духъ прямо указалъ мѣсто и способъ совершенія завѣщанія—въ Кіевѣ и чрезъ посредство адвоката, а между тѣмъ Корбе этого не исполнилъ—въ Кіевъ не поѣхалъ и завѣщаніе составилъ у себя въ Смоленскомъ и никакой адвокатъ въ составленіи его не участвовалъ. Предоставляя противной сторонѣ объяснить, если она умѣетъ, такое проявленіе воли у автомата, мы укажемъ лишь на то что повидимому духъ Василія нисколько ни удивлялся и не противорѣчилъ самостоятельнымъ дѣйствіямъ Корбе, а довольствовался простымъ констатированіемъ факта. 18 апрѣля онъ говоритъ Корбе: «Благословеніе мое надъ тобою, дорогой сынъ души моей, по распредѣленіи видно что ты ученикъ правды, видно что святость проникла въ душу твою. Не правда ли что смерть не страшна? Ты спокойно пишешь завѣщаніе какъ будто письмо къ другу». Изъ этого мѣста видно, во первыхъ, что 18 апрѣля Корбе писалъ завѣщаніе въ своемъ имѣніи Смоленскомъ, а не въ Кіевѣ; онъ писалъ его, какъ письмо къ другу, безъ всякаго посредства какого либо адвоката. Во вторыхъ, изъ него видно, что значительная часть завѣщанія уже была написана, такъ какъ духъ хвалитъ распредѣленіе имущества по равной долѣ между дѣтьми Корбе. Но такъ какъ инвентарь имущества, которому посвящена первая часть завѣщанія, а затѣмъ распредѣленіе онаго (столь замѣчательно точное) не было продиктовано духомъ, то этимъ доказывается какъ вѣренъ выводъ будто Корбе только *переписалъ* завѣщаніе составленное духомъ Василія.

Завѣщаніе, какъ извѣстно, было окончательно написано и

подписано лишь 29 апрѣля. Что же мы видимъ изъ записокъ? Мы видимъ что бесѣды продолжались непрерывно каждый день отъ 18 апрѣля до 29 апрѣля, а о завѣщаніи ни слова не сказано болѣе. Но въ смыслѣ юридическомъ, — какъ ни странно, почти насмѣшливо звучитъ это слово въ настоящихъ соображеніяхъ,—и въ виду того, что умопомѣшательство завѣщателя должно быть доказано по отношенію къ *самой минутѣ* совершенія акта, слѣдовало конечно обратить особенное вниманіе на бесѣду съ духомъ именно отъ 29 апрѣля. Въ этотъ день Корбе и Алымова разговаривали съ духомъ Василія о различныхъ предметахъ. Въ самомъ началѣ бесѣды мы находимъ замѣчательныя слова относящіяся до наказаній, которымъ подвергалъ Корбе своего сына Ѳедора. Далѣе говорится о какой то повѣсткѣ, по которой Корбе вызывался въ судъ. Если мы не ошибаемся, рѣчь идетъ объ искѣ предъявленномъ около того времени г-жею Корбе къ своему мужу въ окружномъ судѣ, по которому она требовала 5000 руб. полученныхъ за нею въ приданое, на которые г-жа Корбе имѣла росписку отъ Корбе. Корбе при первой явкѣ на судъ внесъ въ кассу суда требуемую отъ него сумму. Мы помнимъ какъ Корбе, разсказывая намъ объ этомъ, возмущался что его все таки заставили уплатить пятнадцать судебныя издержки.

Далѣе 29 апрѣля говорится о болѣзни Алымовой и необходимости для нея поѣхать лечиться. Еще говорится о какой то размолвкѣ происшедшей между нею и Корбе. *Но о завѣщаніи въ этотъ день не упоминается ни однимъ словомъ.* Не потрудится ли противная сторона объяснить палатѣ, за себя и за окружный судъ, который въ своихъ мотивахъ почти дословно воспроизводитъ всѣ ея доводы, какая пружина двигала въ этотъ день автоматомъ Корбе, когда онъ переписалъ и подписалъ завѣщаніе и предъявилъ его свидѣтелямъ? Отвѣтъ противной стороны мы предвидимъ; она скажетъ: пружина эта была Алымова; но мы позволимъ себѣ не удовольствоваться такимъ общимъ отвѣтомъ. Мы скажемъ противной сторонѣ: «ваша аргументація построена на томъ, что Алымова подчинила себѣ волю Корбе чрезъ сочиненныя ею бесѣды духовъ; бесѣды эти, какъ говоритъ окружный судъ «послужили для Алымовой способомъ какъ можно ближе стать къ Корбе и къ его имуществу»; другими словами, Алымова для того и сочиняла эти бесѣды, чтобы устами созданнаго ею фантома, въ бытіи котораго она увѣрила Корбе.

забрать его въ свои руки, въ чемъ она, по вашему мнѣнію и по мнѣнію суда, вполнѣ успѣла, такъ что, опять по вашимъ утвержденіямъ, Корбе ничего по собственной волѣ не дѣлалъ, а дѣлалъ лишь то что приказывалъ духъ Василія. Это вы подтверждаете многими примѣрами, а относительно завѣщанія буквально утверждаете, что Корбе его только переписалъ, а составилъ его духъ Василія. Вотъ и мы указываемъ вамъ маленькій примѣръ и спрашиваемъ: когда же духъ Василія, или иной духъ приказалъ Корбе написать завѣщаніе въ двухъ экземплярахъ? (въ запискахъ мы и этого указанія не нашли, не смотря на то что вы и судъ это утверждаете). Когда духъ приказалъ ему пригласить именно тѣхъ свидѣтелей, которые на завѣщаніи подписаны? И почему же именно о томъ предметѣ, для котораго собственно и создана была, по мнѣнію вашему, вся эта фантазма духовъ богатымъ воображеніемъ г-жи Алымовой, именно объ этомъ-то предметѣ, который 29 апрѣля былъ окончательно осуществленъ, ни слово ни говорилось въ тотъ день! Волч ваша, но цѣль вашихъ логическихъ выводовъ въ этомъ мѣстѣ получаетъ столь существенный изъянъ, который дѣлаетъ *всю* цѣль рѣшительно негодною къ употребленію; и вы хорошо дѣлаете, стараясь въ своемъ плаваніи по широкому проливу «нравственныхъ» соображеній какъ можно рѣже приближаться къ негостепріимнымъ берегамъ логики и юриспруденціи.

Изъ бесѣды отъ 3 мая, послѣдней по поводу завѣщанія, оказывается вещь еще болѣе странная. Духъ совѣтуетъ Корбе отдать завѣщаніе въ надежныя руки (при чемъ автомату-Корбе предоставляется обсудить кто наиболѣе надеженъ, ибо о нотаріусѣ Гальберштадтѣ, которому завѣщаніе отдано было на храненіе, въ запискахъ не упоминается). Но при этомъ духъ говоритъ, *когда завѣщаніе кончится*, и затѣмъ далѣе *«я совѣтую тебѣ кончи»*. Но такъ какъ мы знаемъ, что завѣщаніе уже было кончено 29 апрѣля, то оказывается что Корбе 29 апрѣля намѣренно не говорилъ и не спрашивалъ о завѣщаніи и почему-то считалъ нужнымъ даже держать въ секретѣ отъ духа Василія столь важный актъ, какъ окончательное совершеніе завѣщанія! Такимъ образомъ мы видимъ что автоматы, страдающіе воспаленіемъ оболочекъ и сѣраго вещества мозга, бываютъ «себѣ на умѣ» и умѣютъ настолько хитро обдѣлывать свои дѣлишки, чтобы вводить въ заблужденіе даже безсмертныхъ духовъ.

Мы никогда бы не кончили, еслибъ захотѣли столь же под-

робно разобрать всѣ дальнѣйшія указанія заключающіяся въ опредѣленіи окружнаго суда, какъ напримѣръ указанія на заявленія защитника Корбе о прочтеніи духовнаго завѣщанія на судѣ, на посылку денегъ брату Алымовой, на дареніе какой то шубки по указаніямъ духа, на пересаживаніе сада и проч. Все это приведено съ цѣлью показать какъ рабски подчинена была воля Корбе и служитъ посылкой къ слѣдующему выводу окружнаго суда: «Изъ сказаннаго ясно видно, что Корбе *только переписалъ* духовное завѣщаніе, *а составилъ его духъ Василія*, то есть Алымова, такъ какъ изъ всего приведеннаго нельзя не видѣть, что только ея одна воля участвовала въ совершеніи духовнаго завѣщанія.» Вышеизложенный точный и подробный разборъ *всего* что мы находимъ въ запискахъ о завѣщаніи избавляетъ насъ, полагаемъ, отъ опроверженія «всего сказаннаго» дающаго суду право на столь смѣлый выводъ.

4) Оставляя совершенно въ сторонѣ и часы, и деньги подаренныя брату Алымовой, и шубку Даши, и пересаживанія деревьевъ, и увольненіе садовника, мы позволимъ себѣ только остановиться на сужденіяхъ по поводу предсказаній о Васѣ, который имѣетъ родиться. Изъ записокъ мы видимъ что такія предсказанія были; судъ находитъ ихъ очевидно нелѣпыми, до такой степени нелѣпыми что по мнѣнію его эта вѣра была бы невозможна при здравомъ умѣ. Ужь не слишкомъ ли рискованно такое категорическое утвержденіе со стороны суда, обязаннаго хладнокровно вникать въ дѣло и не прежде выставлять извѣстное соображеніе какъ испробовавши его внутреннюю состоятельность при свѣтѣ закона, логики и здраваго смысла? Человѣкъ, способный къ половому отправленію, находится въ любовной связи съ женщиною, на счетъ способности которой къ оплодотворенію тоже нѣтъ основанія сомнѣваться. Его увѣряютъ что женщина эта беременна. 16 Февраля 1870 года ему говорятъ что минулъ четвертый мѣсяцъ беременности, затѣмъ продолжаются указанія на постепенное развитіе зародыша въ утробѣ матери и указываются симптомы всегда сопровождающіе беременность.

Слѣдуетъ предположить одно изъ двухъ—либо Алымова сама находилась въ томъ же заблужденіи, что весьма возможно и всякій акушеръ скажетъ что на практикѣ весьма часто встрѣчаются случаи фиктивной беременности до такой степени схожіе съ дѣйствительною беременностью, что нерѣдко вводятъ въ

заблужденіе спеціалистовъ акушеровъ; либо же Алымова притворялась и говорила Корбе о симптомахъ, которыхъ въ дѣйствительности не было. Судъ конечно принимаетъ лишь второе предположеніе. Допустимъ и мы его. Затѣмъ въ іюнѣ мѣсяцѣ, когда на основаніи того что Алымова сообщала Корбе о своей беременности, чрезъ посредство духа Василія, онъ долженъ былъ считать ее вступившею 16 іюня въ девятый мѣсяцъ беременности, — именно 23 іюня духъ сообщаетъ Корбе что беременности не было и что симптомы, похожіе на беременность, происходили отъ внутренняго нарыва.

Почему, спрашиваемъ, только сумасшедшій могъ этому повѣрить? Были ли достаточно убѣдительны акушерскіе признаки беременности Алымовой, которые наблюдалъ Корбе, этого мы теперь выяснить никакъ не можемъ; но вѣдь рѣчь шла не о беременности Корбе, а о беременности Алымовой, то-есть женщины, съ которою онъ находился въ любовной связи? Почему же, если онъ повѣрилъ, то одно это доказываетъ его сумасшествіе?...

Но откуда почерпнулъ судъ свое убѣжденіе, что Корбе *безусловно* и *твердо* вѣрилъ въ рожденіе Васи. Изъ записокъ мы видимъ что Корбе выслушивалъ эти предсказанія и собственноручно ихъ *записывалъ*. Но вѣрилъ ли онъ имъ и на сколько вѣрилъ, въ запискахъ не можетъ быть прямаго отвѣта. Можно однако доказать что онъ относился къ этому предсказанію весьма *недовѣрчиво*. Изъ записокъ видно что духъ Василія на этомъ будущемъ Васѣ строитъ все грядущее земное блаженство Корбе. Почти каждый день рисуетъ онъ ему картины его семейной жизни съ Алымовой и двумя дѣтьми, Сережей, младшимъ сыномъ г-жи Корбе, которому въ то время было два года, и Васей, который имѣетъ родиться. Еслибъ Корбе твердо былъ убѣжденъ въ будущемъ рожденіи Васи, то онъ безъ сомнѣнія иначе распредѣлилъ бы свое имущество и уничтожилъ бы духовное завѣщаніе, при составленіи котораго Корбе еще не предвидѣлъ рожденія Васи и все имѣніе распредѣлилъ между тремя существующими дѣтьми, которыхъ онъ долженъ былъ, если судить на основаніи записокъ, гораздо менѣе любить, чѣмъ эту будущую утѣху дней своихъ, какимъ рисовалъ ему духъ этого Васю.

5) Нашъ анализъ фактическихъ указаній, на которыхъ судъ построилъ свой выводъ, мы заключимъ разборомъ того что вы-

сказано судомъ по поводу «истязаній» малолѣтняго Ѳедора. Разсужденія суда заключаются въ слѣдующемъ: Бесѣды съ духомъ Василія «послужили для Алымовой способомъ какъ можно ближе стать къ Корбе и къ его имуществу». Вотъ почему Алымова отдаляетъ Корбе отъ его родныхъ. «Этимъ же конечно объясняется и то, почему самою сильною жертвою (откуда видно что *жертва*, 11-лѣтній мальчикъ, обладалъ особенною силой?), при столкновеніи намѣреній Алымовой съ тѣмъ что по ея мнѣнію могло препятствовать осуществленію ихъ, является любимый сынъ Ѳедя мальчикъ 10 лѣтъ.» Чѣмъ именно, по мнѣнію Алымовой, препятствовалъ Ѳедя осуществленію ея замысловъ и въ чемъ замѣчается хотя отдаленная связь между «истязаніями» Ѳедп и содержаніемъ духовнаго завѣщанія, то-есть замысломъ Алымовой уже осуществленнымъ,—объ этомъ судъ предоставилъ намъ самимъ догадываться; но мы догадаться рѣшительно не можемъ. Какъ бы то ни было, но вотъ источникъ «ужасныхъ истязаній», о которыхъ «съ такою силой» свидѣтельствуютъ Скляровъ и Чередниченкова. Поводъ, который выставлялъ Корбе относительно наказаній сына, его онанизмъ, категорически отрицается судомъ. Изъ всего этого слѣдуетъ что онъ былъ сумасшедшій.

Роковой вопросъ объ истязаніяхъ Ѳедора Корбе игралъ въ гражданскомъ процессѣ о духовномъ завѣщаніи и купчей крѣпости первенствующую роль. Безъ малѣйшаго преувеличенія можно сказать что за эти «истязанія», съ 31 сентября по 8-е октября 1871 года, въ Екатеринославскомъ окружномъ судѣ творился судъ надъ отставнымъ штабъ-ротмистромъ Константиномъ Корбе умершимъ 27 декабря 1870 года. Показанія Склярова и Чередниченковой, на которыя судъ налегаетъ съ такою силою, какъ и многія другія, были исключительно посвящены этому предмету. О томъ, для чего свидѣтели эти, какъ и всѣ прочіе, были вызваны въ судъ, именно о состояніи умственныхъ способностей Корбе, имъ не было предложено ни одного вопроса. Тѣмъ не менѣе допросу этихъ двухъ свидѣтелей посвящено было цѣлое засѣданіе съ 11 часовъ утра до 10 вечера. Протоколы показаній этихъ свидѣтелей, составленные рукою предсѣдавшаго въ судѣ далеко не могутъ дать точнаго понятія о характерѣ допроса этихъ свидѣтелей. Оригинальный способъ выраженій Склярова, степень смышленности высказанной обоими свидѣтелями, ихъ личности и довѣріе, которое вообще внушали они къ себѣ,—все это конечно не могло быть воспроизведено

протоколомъ. Въ этотъ протоколъ не включены также и нѣкоторые весьма интересные эпизоды допроса. Такъ что судебная палата рѣшительно не въ состояніи судить по письменнымъ протоколамъ о *«всей силѣ»* показаній этихъ двухъ свидѣтелей. Мы не имѣемъ никакого повода домогаться передопроса этихъ свидѣтелей въ судебной палатѣ, ибо полагаемъ что судъ надъ покойнымъ Корбе за совершенныя имъ преступленія по меньшей мѣрѣ излишенъ. Но для характеристики того что творилось по настоящему гражданскому дѣлу, мы не можемъ не обратить особеннаго вниманія палаты на эти два показанія. Скляровъ и Чередниченкова высказали на судѣ особенную ненависть къ г-жѣ Алымовой; озлобленіе противъ послѣдней сквозило въ каждомъ ихъ словѣ. Алымова, по ихъ словамъ, была единственною виновницею «истязаній» Ѳедора, а истязанія эти, по ихъ показаніямъ, были по истинѣ ужасны. Ѳедора наказывали въ теченіи нѣсколькихъ недѣль по пяти разъ ежедневно; морили его систематически голодомъ, въ видѣ пытки, поили его касторовымъ масломъ. Судъ воспроизвелъ это показаніе въ своемъ опредѣленіи, не подвергая добросовѣстность и правдивость онаго ни малѣйшему сомнѣнію. Мы просимъ прежде всего обратить вниманіе на показаніе самого малолѣтняго Ѳедора снятое судебнымъ слѣдователемъ въ іюнѣ 1869 года, которое приложено къ возраженію повѣреннаго истицы. На вопросъ, «сколько разъ васъ сѣкли въ *недѣлю*,» мальчикъ отвѣчалъ: *«въ началѣ меня сѣкли чрезъ два или три дня, а потомъ сѣкли не часто.»* О пыткахъ посредствомъ голода и кастороваго масла, мальчикъ ничего не говоритъ. Мы просимъ провѣрить эти обстоятельства по показаніямъ другихъ свидѣтелей даннымъ судебному слѣдователю, которыя также приложены къ упомянутому возраженію, и о которыхъ нельзя сказать чтобы они клонились въ пользу обвиняемаго Корбе. Наконецъ мы обращаемъ вниманіе судебной палаты на показаніе того же Склярова данное судебному слѣдователю 11 іюня 1869 года и просимъ сличить его съ показаніемъ даннымъ имъ на судѣ подъ присягой. Кромѣ чудовищнаго преувеличенія, которое заключается въ показаніяхъ Склярова и Чередниченковой, особеннаго вниманія заслуживаетъ ихъ разнорѣчіе съ самими собою по вопросу объ участіи Алымовой въ наказаніяхъ. Скляровъ сказалъ судебному слѣдователю что онъ ничего не знаетъ о наговорахъ Алымовой и что напротивъ

Алымова часто заступалась передъ отцемъ за Ѳедю. Тоже показала слѣдователю и Чередниченкова.

Но особенно замѣчательно присяжное показаніе этихъ двухъ свидѣтелей данное на судѣ о томъ, какъ Алымова до допроса ихъ слѣдователемъ, подкупала ихъ для того, чтобы они показали неправду. Эти свидѣтели были допрошены слѣдователемъ 11 и 12 іюня 1869 года. Мы просимъ судебную палату обратить вниманіе на записки Корбе: книга № 2-го оканчивается 3 мая. Затѣмъ книга № 3 начинается съ 6 мая и рядомъ съ этимъ числомъ написано: «Кіевъ». Бесѣды дальнѣйшихъ чиселъ, до 12 іюня, датированы Кіевомъ; затѣмъ былъ семидневный перерывъ и слѣдующая бесѣда, отъ 19 іюня, датирована изъ Константиновки, имѣнія Корбе на Днѣпрѣ. Это значитъ, что бесѣды отъ 6 мая до 12 іюня 1869 г. высылались Алымовою при письмахъ изъ Кіева (какъ впослѣдствіи изъ Севастополя, Москвы и Петербурга) и вносились рукою Корбе въ книги. Отсюда ясно что Алымова, выѣхавъ 3 мая изъ имѣнія Корбе, прибыла въ Кіевъ 6 мая и пробыла тамъ до 15 или 16 іюня, (12 она еще была тамъ, какъ видно изъ записокъ) и только 19 іюня возвратилась въ Константиновку.

Доказано, стало-быть, что Алымова 11 и 12 іюня, какъ вообще во все время отъ возбужденія дѣла жалобою г-жи Корбе, которая подана прокурору 11 мая и до окончанія спроса *всѣхъ* свидѣтелей по дѣлу, пробыла въ Кіевѣ и не могла подкупать свидѣтелей, или уговаривать ихъ дать то или другое показаніе!.... Такова «вся сила» показаній Склярова и Чередниченковой, къ которымъ судъ въ своемъ опредѣленіи возвращается нѣсколько разъ!....

Не пора-ли положить конецъ непрерывной цѣпи лжи и клеветъ, подъ вліяніемъ которыхъ правосудіе столь роковымъ образомъ заблуждалось на счетъ истиннаго характера обвиненія взведеннаго на покойнаго Корбе? Разсказъ *о трехъ рубляхъ* подаренныхъ Алымовою Склярову слишкомъ точенъ, чтобы тутъ возможно было сомнѣваться въ характерѣ свидѣтельскаго показанія. Во имя правосудія мы просимъ судебную палату провѣрить точнымъ образомъ изложенное выше съ протоколами и записками имѣющимися при дѣлѣ и въ силу ст. 8 уст. гр. суд. и ст. 297 п. 2 уст. угол. суд. передать въ уголовный судъ изслѣдованіе дѣйствій Склярова и Чередниченковой, которые во время допроса ихъ на судѣ находились въ услуженіи у истицы.

Кромѣ вышеуказаннаго доказательства *alibi* почерпнутаго изъ записокъ, мы можемъ, если надобность будетъ, самымъ точнымъ образомъ доказать пребываніе Алымовой въ Кіевѣ впродолженіи мая и половины іюня 1869 года.

Затѣмъ, по поводу «истязаній» сына Корбе и той связи которую устанавливаетъ судъ между этими наказаніями и внушеніями духа Василія, мы просимъ судебную палату не довольствуясь общимъ мѣстомъ, поступить точно также, какъ поступили мы по вопросу о внушеніи духомъ завѣщанія, то-есть анализировать смыслъ тѣхъ мѣстъ изъ записокъ Корбе, за февраль, мартъ и апрѣль 1869 года, въ которыхъ почти ежедневно идетъ рѣчь о Ѳедорѣ Корбе. Мы просимъ сопоставить содержаніе записокъ съ показаніемъ самаго Корбе, даннымъ судебному слѣдователю, копія коего приложена къ нашему отвѣту противъ исковаго прошенія.

Это сопоставленіе и этотъ анализъ какъ нельзя болѣе выясняетъ то настроеніе покойнаго Корбе, подъ вліяніемъ котораго онъ прибѣгнулъ къ наказаніямъ сына. Мысль о томъ что 11-ти лѣтній мальчикъ преданъ пагубному пороку, который грозилъ самыми ужасными послѣдствіями, — эта мысль неотступно преслѣдовала отца Корбе. Такъ онъ показывалъ слѣдователю, говоря о побужденіяхъ, заставившихъ его прибѣгнуть къ наказаніямъ; и на основаніи записокъ, найденныхъ послѣ его смерти, эта часть показанія покойнаго Корбе подтверждена несомнѣннымъ образомъ. Самый фактъ наказаній Корбе нисколько не отвергалъ и въ этомъ отношеніи показаніе его вполнѣ сходно съ показаніями всѣхъ свидѣтелей и сына Корбе.

Существенный вопросъ заключается въ томъ, былъ ли сынъ Корбе подверженъ онанизму, или нѣтъ? Окружный судъ энергически это отрицаетъ; онъ говоритъ что Корбе «видитъ что мальчикъ *не* занимается онанизмомъ, *почти осязаетъ это.*» Какимъ образомъ пришелъ судъ къ такому *осязательному* убѣжденію? Корбе въ своемъ показаніи говоритъ какъ разъ противоположное, онъ говоритъ что онъ сначала замѣтилъ общіе признаки (вялость, потерю апетита, измѣненіе цвѣта лица), которые навели его на мысль объ онанизмѣ. Вслѣдствіе этого онъ устроилъ себѣ постель въ одной комнатѣ съ мальчикомъ, и самъ лично, непосредственнымъ наблюденіемъ, убѣдился въ основательности своихъ догадокъ. Докторъ Задерака, показаніе котораго также приложено къ нашей отвѣтной бумагѣ, показалъ

что онъ, какъ медикъ, тогда же осмотрѣлъ мальчика и тоже убѣдился по наружному осмотру въ справедливости подозрѣнія; кромѣ того мальчикъ ему самъ сознался въ этомъ. Докторъ Бѣлинскій, выставленный г-жею Корбе, показалъ судебному слѣдователю, что при осмотрѣ мальчика 3 мая 1869 года, онъ сознался ему что занимался онанизмомъ. На судѣ, докторъ Бѣлинскій подтвердилъ это подъ присягой. Скляровъ, въ показаніи данномъ судебному слѣдователю, говоритъ что мальчикъ при немъ сознавался отцу въ своемъ порокѣ. Наконецъ актъ осмотра малолѣтняго Корбе, произведеннаго по предложенію судебной палаты, во врачебномъ отдѣленіи Екатеринославскаго губернскаго правленія, удостовѣряетъ что явственные признаки онанизма были найдены въ мальчикѣ спустя болѣе года послѣ наказаній, коимъ его за это подвергали.

Все это было въ виду окружнаго суда при составленіи имъ своего опредѣленія. Тѣмъ не менѣе Корбе, по словамъ суда, почти осязалъ и видѣлъ что онанизмъ мальчика есть ложь! Судъ призналъ Корбе сумасшедшимъ за то что онъ *вѣрилъ* въ эту ложь!.... По поводу этой вѣры Корбе въ осязательную ложь мы ничего не имѣемъ прибавить.

Но мы попросили-бы судъ, или противную сторону *доказать* что Корбе наказывалъ сына именно по указанію и приказанію духовъ! Въ запискахъ, правда, говорится о томъ, что мальчику не слѣдуетъ прощать лжи, что нужно внушать ему любовь къ правдѣ, что нужно воспитывать его въ духѣ религіи и нравственности; упоминается и объ онанизмѣ. Но гдѣ указанія, со стороны духа, чтобы его *наказывали* розгами, кнутомъ, веревкой, плетьми?... На судѣ очень много и долго толковали о машинкѣ, которая была надѣта мальчику въ концѣ апрѣля; въ опредѣленіи суда о ней также упомянуто какъ объ орудіи пытки, которой подвергался мальчикъ. Не потрудится ли судъ, или противная сторона, указать намъ когда духъ приказалъ автомату Корбе сдѣлать эту машинку? Мы, съ своей стороны, утверждаемъ, что мысль о машинкѣ подана была докторомъ Задерака и сдѣлана по его рисунку. Цѣль машинки заключалась въ томъ, чтобы воспрепятствовать механически онанизму мальчика. Но въ запискахъ о машинкѣ не упомянуто.

Мы можемъ указать десятки мѣстъ, изъ которыхъ видно что духъ внушалъ Корбе мѣры кротости относительно сына, предостерегалъ Корбе, чтобы онъ не давалъ воли своему необуздан-

ному нраву, просилъ оставить наказаніе на нѣсколько дней, но нигдѣ духъ не *приказывалъ* сѣчь мальчика!

Корбе повидимому не всегда подчинялся этимъ внушеніямъ духа о кротости и одинъ разъ вышелъ изъ предѣловъ нравственно-дозволенныхъ. Это было на Ѳоминой недѣлѣ 1869 года, когда онъ наказалъ своего сына на конюшнѣ бичемъ (единственный разъ, по показанію сына Корбе). Алымова говоритъ что Корбе вышелъ тогда изъ себя, вслѣдствіе того, что мальчикъ топнулъ на него ногой. Корбе сильно раскаявался въ своемъ поступкѣ, и это ясно видно изъ одного мѣста бесѣды отъ 29 апрѣля (въ день составленія завѣщанія), духъ говоритъ Корбе (очевидно въ отвѣтъ на покаяніе имъ принесенное): «мнѣ ли судить строго тебя, когда Господь не судитъ меня?... Мнѣ ли произносить приговоръ надъ тобою, человѣкомъ котораго люблю и учу? Нѣтъ, сынъ мой, я доволенъ тобою; ты отецъ и изъ желанія исправить поступки (ты наказывалъ сына?), а не изъ варварства и жестокости.»

Автоматъ-Корбе сознаетъ свою вину и въ ней кается! Онъ не упрекаетъ духа въ томъ что *онъ* его подстрекалъ къ наказаніямъ; а напротивъ повидимому выпрашиваетъ снисхожденія за свою излишнюю горячность.... И этотъ человѣкъ, способный къ столь чистосердечному раскаянію, возникшему гораздо ранѣе чѣмъ привлекли его къ отвѣту, сошелъ въ могилу, выставленный въ глазахъ людей извергомъ и злодѣемъ; его обвиняли въ *умышленномъ* (то-есть конечно съ враждебною цѣлью) *истязаніи* своего собственнаго сына!

Справедливо-ли замѣтили мы, въ отвѣтной бумагѣ противъ исковаго прошенія, что записки, найденныя послѣ смерти Корбе дали намъ драгоцѣнный и безошибочный способъ заглянуть въ душу этого предполагаемаго злодѣя? Мы сказали что человѣкъ этотъ инстинктивно внушалъ намъ глубокое уваженіе, несмотря на черствость своей натуры. Мы предоставляемъ палатѣ судить на сколько справедливы наши замѣчанія о Корбе, какимъ онъ теперь рисуется въ запискахъ. Но что мы еще при жизнѣ Корбе относились къ нему именно такъ, это, полагаемъ, вполнѣ доказывается нашимъ письмомъ къ нему отъ 15 декабря 1870 года, представленнымъ къ дѣлу г. Конисскимъ. Безцеремонности, вслѣдствіе которой письмо это получило огласку, мы конечно предвидѣть не могли. Письмо предназначалось для одного Корбе; и вотъ что писали мы ему: «я лишь въ томъ случаѣ буду защи-

щать васъ съ искреннимъ жаромъ и увлеченіемъ, когда по прежнему буду видѣть въ васъ человѣка, *хотя и суроваго*, но вполнѣ честнаго.»

Окружный судъ, въ своемъ опредѣленіи говоритъ: «повѣренный Алымовой Гольденвейзеръ ничего не находитъ необыкновеннаго въ этихъ наказаніяхъ, потому что въ корпусахъ, по его словамъ, наказываютъ будто болѣе жестоко мальчиковъ; но возраженіе это *не можетъ заслуживать никакого уваженія* (просимъ замѣтить, что эти слова написаны не въ приговорѣ о подсудимомъ, а въ рѣшеніи по гражданскому дѣлу), вопервыхъ потому, что оно голословно (надо полагать, что по мнѣнію суда, слѣдовало на основ. ст. 369 уст. гр. суд. выставить съ десятокъ свидѣтелей и подвергнуть ихъ перекрестному допросу о томъ, сѣкутъ-ли и въ какой мѣрѣ сѣкутъ или сѣкли въ кадетскихъ корпусахъ); а вовторыхъ потому, что если бы оно и было доказано, то нисколько не можетъ придать смягчающаго вида (Корбе виновенъ и не заслуживаетъ снисхожденія) тѣмъ истязаніямъ которымъ подвергался Ѳедя, такъ какъ истязанія эти остаются все тѣми же.»

Какими же остаются эти «истязанія»? спросимъ мы, въ свою очередь, ужь если вопросъ этотъ признанъ судомъ имѣющимъ отношеніе къ умопомѣшательству Корбе.

Мы считаемъ себя вправѣ отвергать, какъ злонамѣренные, тѣ ужасы, которые разсказывали предъ судомъ Скляровъ и Чередниченкова. Мы будемъ держаться доказательствъ болѣе надежныхъ. Что Корбе наказывалъ своего сына, наказывалъ чрезмѣрно строго и что онъ заслуживалъ за это нравственнаго порицанія,—это мы признали. Но основываясь на совокупности всѣхъ показаній, въ томъ числѣ и на показаніи самаго Корбе, которому мы придаемъ безусловную вѣру, а главное, имѣя въ виду что по медицинскому осмотру никакихъ вредныхъ послѣдствій отъ наказаній не оказалось, мы настаивали что объ «истязаніяхъ» въ смыслѣ ст. 1489 улож. о нак. не можетъ быть и рѣчи. Мы выводили, что отецъ, по нашимъ законамъ, да и по всѣмъ законамъ, пользуется столь широкою властью, которая не исключаетъ возможности злоупотребленія ею. Мы говорили, что злоупотребленіе родительскою властью не всегда можетъ подлежать преслѣдованію уголовнаго закона, даже еслибъ оно было вполнѣ доказано. Законъ въ этихъ случаяхъ можетъ вступиться за подчиненнаго родительской власти, лишь въ томъ

случаѣ, когда злоупотребленія власти вопервыхъ истекаютъ изъ злаго умысла, а вовторыхъ угрожаютъ здоровью или даже жизни подвластнаго. Вотъ въ какомъ смыслѣ высказывались мы, и вотъ для чего приводили мы въ примѣръ бывшіе наши кадетскіе корпуса и бурсы. Мы оправдывали Корбе тѣмъ, что онъ, какъ человѣкъ служившій въ сороковыхъ годахъ въ военной службѣ и пользовавшійся десятки лѣтъ столь безграничнымъ правомъ надъ своими крѣпостными людьми, не можетъ быть судимъ и въ нравственномъ отношеніи съ той болѣе цивилизованной и гуманной точки зрѣнія, которая, слава Богу, возобладала теперь между поколѣніемъ развившимся подъ вліяніемъ совершенно иныхъ условій. Вотъ истинный смыслъ тѣхъ доводовъ нашихъ, которые мы высказывали на судѣ.

9-ти лѣтній сынъ Саратовскаго мѣщанина Михаила Смирнова, Егоръ, былъ найденъ въ каретномъ сараѣ своего отца прикованнымъ къ столбу желѣзною цѣпью; одинъ конецъ цѣпи былъ опоясанъ по животу мальчика поверхъ рубашки; другой конецъ былъ прикрѣпленъ къ столбу, кругомъ котораго она была обернута; цѣпь смыкалась висячимъ замкомъ. Длина цѣпи была такова, что мальчикъ могъ сдѣлать одинъ шагъ въ 10-ть вершковъ. Когда мальчикъ найденъ былъ властями въ такомъ положеніи, оказалось что онъ уже четвертые сутки сидитъ на цѣпи, и что такому наказанію онъ подвергаемъ былъ своимъ отцомъ уже во второй разъ.

Саратовская Судебная Палата, до которой восходило дѣло о Смирновѣ въ апелляціонномъ порядкѣ *и которая признала Смирнова по суду оправданнымъ* — высказала между прочимъ слѣдующее: «приступая къ разрѣшенію этого вопроса (не заключаетъ-ли въ себѣ дѣяніе Смирнова признаковъ преступленія предусмотрѣннаго 1489 ст. улож. о наказ.) и принимая во вниманіе что поводомъ къ его обсужденію оказывается самый способъ содержанія Михаиломъ Смирновымъ малолѣтняго своего сына въ сараѣ, то-есть посредствомъ прикованія его желѣзною цѣпью къ столбу, и что потому слѣдуетъ съ точностью опредѣлить свойство этого поступка, не только по внѣшнему его виду, *на первый взглядъ* несомнѣнно возмущающему общественную совѣсть, и по внутреннему его содержанію, сопоставленному со всѣми взятыми въ совокупности обстоятельствами дѣла, но и по строго-юридическому его значенію, въ смыслѣ не дозволеннаго законами дѣянія,—палата находитъ что отвѣтствен-

ность передъ закономъ уголовнымъ по всякому дѣянію обусловливается *исключительно* положительнымъ воспрещеніемъ этого дѣянія подъ страхомъ наказанія и опредѣляется съ точностью дѣйствующими законодательствами. По этому для безошибочнаго опредѣленія запрещено ли извѣстное дѣяніе закономъ и заслуживаетъ ли оно взысканія необходимо требуется чтобы въ каждомъ данномъ случаѣ было съ точностью выяснено, заключаетъ ли въ себѣ дѣяніе всѣ тѣ необходимые признаки, которые по закону входятъ въ составъ предусмотрѣннаго имъ преступленія. Примѣненіе этихъ общихъ положеній къ нынѣ разсмотрѣнному дѣлу, изъ обстоятельствъ котораго усматривается, что сынъ Михаила Смирнова, не смотря на молодые свои годы, воспринялъ уже самыя дурныя наклонности, воровалъ и отлучаясь изъ дому на продолжительное время, на распросы родителей скрывалъ отъ нихъ истину,—приводитъ къ заключенію, что прикованіе его цѣпью къ столбу сарая въ теченіи нѣсколькихъ дней, хотя и представляется мѣрою несоотвѣтствующею тѣмъ естественнымъ въ обыкновенномъ союзѣ родителей и дѣтей отношеніямъ, основаніемъ которыхъ служатъ врожденныя чувства любви и снисхожденія, однако, съ другой стороны, какъ по цѣли съ которою была предпринята она отцемъ, *имѣвшимъ въ виду одно лишь исправленіе ребенка и по принадлежности Михаила Смирнова къ средѣ еще недостаточно развитой, гдѣ по обычаю юношество получаетъ суровое воспитаніе, такъ и по самымъ послѣдствіямъ* сопровождавшимъ эту мѣру, по которымъ ни матеріальнаго вреда для малолѣтняго Егора Смирнова, ни какихъ либо физическихъ страданій не послѣдовало и послѣдовать не могло, вслѣдствіе предупредительнаго и вполнѣ родственнаго обращенія съ нимъ его домашнихъ и самаго отца во время наказанія,—не представляется такимъ проявленіемъ воли обвиняемаго, которое по тщательной оцѣнкѣ могло-бы быть признаваемо преступнымъ въ строгомъ смыслѣ, а тѣмъ менѣе подходило-бы, какъ полагалъ товарищъ прокурора палаты, подъ понятіе объ истязаніи въ смыслѣ, законами опредѣленномъ. Для такого распространеннаго примѣненія 1489 ст. улож., по обстоятельствамъ этого дѣла, не достаетъ тѣхъ главныхъ составныхъ элементовъ дѣянія, безъ которыхъ оно и не можетъ имѣть свойства преступленія, а именно: *сознанія, направленнаго къ достиженію преступной цѣли или умысла и вреднаго для объекта преступленія послѣдствія въ нравственномъ или матеріальномъ отноше-*

нiи.» (См. рѣшеніе Саратовской Судебной Палаты отъ 3 декабря 1871 года, напечатанное въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ за 1871 годъ № 349).

Замѣчанія высказанныя нами въ отвѣтной бумагѣ противъ исковаго прошенія существенно сходны съ приведенными соображеніями саратовской судебной палаты и полагаемъ что эти соображенія, подробно повторенныя нами словесно предъ Судомъ, заслуживали большаго вниманія и болѣе справедливой оцѣнки, чѣмъ та, какую придалъ имъ Судъ въ своемъ опредѣленіи, извративъ при томъ настоящій ихъ смыслъ.

Мы помнимъ наше обѣщаніе не вдаваться въ защиту покойнаго Корбе. Не съ цѣлью защиты его отъ несправедливаго обвиненія останавливаемся мы на вопросѣ объ «истязаніяхъ» Ѳедора. Вопросъ этотъ получилъ теперь послѣ смерти Корбе совершенно иной и потрясающій смыслъ именно потому, что Корбе уже нельзя судить. Теперь рѣчь идетъ не о томъ, былъ-ли Корбе виновенъ въ томъ, въ чемъ его обвиняли, а о томъ, кто былъ истиннымъ и сознательнымъ виновникомъ всего того что свело *его* въ могилу. Мы, видѣвшіе Корбе и наблюдавшіе тѣ страшныя нравственныя муки, которыя онъ переносилъ отъ момента преданія его суду и ареста въ Верхнеднѣпровскѣ, считали бы тяжкимъ грѣхомъ не высказать прямо нашего твердаго непоколебимаго убѣжденія, что Корбе былъ бы живъ до сихъ поръ, еслибъ онъ не былъ преданъ суду, еслибъ онъ не былъ арестованъ, еслибъ онъ не томился страстнымъ желаніемъ скорѣйшаго суда и не поѣхалъ-бы въ Екатеринославъ, вопреки совѣту медиковъ, еслибъ засѣданіе *состоялось* 9 Декабря (а оно не состоялось по неявкѣ Г-жи Корбе), еслибъ оно было назначено вновь въ ту же сессію, наконецъ еслибъ уважена была просьба о снятіи съ него ареста. Весь этотъ рядъ причинъ, которыя были для покойнаго Корбе столькими же смертельными ударами, мы подтвердили и подтверждаемъ, насколько въ нашихъ силахъ, документально, а именно медицинскимъ актомъ отъ 1-го Декабря 1870 года, при семъ прилагаемымъ, (*) про-

*) По отношенію Верхнеднѣпровскаго уѣзднаго полицейскаго управленія отъ 30 ноября сего года за № 2.004 произведено сіе свидѣтельство Екатеринославской губерніи, Верхнеднѣпровскаго уѣзда землевладѣльцу Константину Ѳедорову Корбе, въ квартирѣ его, въ 11 часовъ дня, въ присутствіи г. помощника исправника Верхнеднѣпровскаго уѣзда Ашеберга и врача

шеніемъ Корбе на имя предсѣдателя Окружнаго Суда отъ 10 Декабря 1870 г. также при семъ прилагаемымъ, (**) нашимъ заявленіемъ отъ 15 Декабря 1870 г. и приложеннымъ къ оному свидѣтельствомъ доктора Стадіона отъ того же числа. Мы утверждаемъ все это вполнѣ сознавая важность всякаго заявленія дѣлаемаго гласно и передъ судомъ. Мы утверждаемъ это предъ

---

134 Ѳеодосійскаго полка Вржосека, съ цѣлью опредѣлить состояніе здоровья его, Корбе. По свидѣтельству оказалось: Константинъ Корбе лѣтъ повидимому 50, роста выше средняго, тѣлосложенія здороваго, имѣетъ слѣдующіе признаки болѣзни: a) субъективные: одышку тупую, боль сзади въ спинѣ съ правой стороны на мѣстѣ соотвѣтсующемъ нижнему углу лопатки, сильную боль при дотрогиваніи въ сторонѣ печени, по временамъ ознобъ и жаръ, а также чувство общаго упадка силъ и сонливость; b) объективные: катарральные свистящіе и крупнопузырчатые хрипы въ легкихъ, шумъ тренія (strepitus frictiomus) вмѣстѣ соотвѣтствующіе тому пункту спины, въ которомъ больной ощущаетъ вышеупомянутую тупую боль, притупленіе звука при постукиваніи въ томъ же мѣстѣ и обложенный съ вдавленіями по краямъ языкъ; температуры 36,5°; c) пульсъ 80 ударовъ въ минуту, моча красная, мутная. Изъ совокупности вышеприведенныхъ признаковъ заключить должно, что Корбе въ настоящее время страдаетъ не вполнѣ разрѣшившимся воспаленіемъ легкихъ и плевы (Peripneumona), а также хроническими кровенаполненіями печени (Hyperaemia chronica hepotis), соединеннымъ съ катарральнымъ состояніемъ желудка и легкихъ, общимъ лихорадочнымъ состояніемъ и упадкомъ силъ,—болѣзнями, которыя по свойству своему лишаютъ его, въ настоящее время года, возможности совершить какой-либо переѣздъ. Декабря 1 дня 1870 года. Г. Верхнеднѣпровскъ. Испр. долж. городоваго врача Томашевскій. При освидѣтельствованіи присутствовалъ врачъ надворный совѣтникъ Бр. Вржосекъ. При освидѣтельствованіи находился помощникъ исправника Ашебергъ.

*) Засѣданіе по дѣлу моему, назначенное на 9 декабря, не состоялось слѣдствіе неявки въ судъ моей жены и моего сына. Я имѣю полное основаніе думать, что причиной неявки былп не болѣзнь, а какіе-то разсчеты моей жены, участіе которой въ этомъ дѣлѣ, хотя и невидимое, далеко не ограничивается ролью свидѣтельницы, принадлежащею ей оффиціально. Имѣя это въ виду, я, чрезъ защитника своего, ходатайствовалъ предъ судомъ о переосвидѣтельствованіи моей жены и сына въ присутствіи члена суда, и если окажется, что они могутъ явиться въ судъ, то назначить засѣданіе вновь еще въ эту сессію. Судъ постановилъ имѣть въ виду это мое заявленіе при назначеніи вновь засѣданія. Но дабы засѣданіе могло быть вновь назначено еще въ эту сессію, необходимо поспѣшить вызовомъ вновь свидѣтелей, которые сегодня еще всѣ въ Екатеринославѣ, но могутъ каждый день выѣхать.

Ваше превосходительство! Отъ васъ, какъ предсѣдателя суда зависитъ назначеніе времени засѣданія. Назначеніе моего дѣла вновь въ эту сессію

тою самою Судебною Палатою, отъ которой послѣдовало опредѣленіе о преданіи Корбе суду, повлекшее за собою въ конечномъ результатѣ безвременную его кончину. Мы думаемъ что Палата оцѣнитъ искренность нашихъ побужденій и усмотритъ въ нашей рѣшимости высказать все это прямо, доказательство глубокаго нашего уваженія къ высокому положенію Суда, которое обусловливается не безсмысленнымъ принципомъ непогрѣшимости, а противоположнымъ принципомъ широкой критики и контроля, коимъ можетъ быть подвернуто каждое дѣйствіе Суда.

Что же послужило поводомъ къ преданію Корбе суду? Одесская судебная палата при первоначальномъ разсмотрѣніи дѣла Корбе руководствовалась тѣмъ же вполнѣ основательнымъ взглядомъ на вопросы подобнаго рода, какой выраженъ въ приведенныхъ соображеніяхъ саратовской судебной палаты. И одесская судебная палата поставила вопросъ о виновности Корбе въ зависимость отъ вопроса о послѣдствіяхъ преступнаго дѣянія для объекта преступленія. Это ясно выражено въ постановленіи Палаты отъ 9 Іюня 1870 года, копія коего находится при дѣлѣ и по которому екатеринославскому врачебному отдѣленію поставлены были три вопроса, на которые требовался категорическій отвѣтъ, такъ какъ отъ него зависѣло «дальнѣйшее направленіе дѣла». И вотъ, когда врачебное отдѣленіе разрушило обвиненіе въ самомъ корнѣ, г-жею Корбе подано въ Судебною Палату прошеніе о томъ, чтобы палата никакой цѣны не придавала акту врачебнаго отдѣленія, такъ какъ оно было подкуплено обвиняемымъ. (*) Она просила переосвидѣ-

---

теперь еще возможно и я умоляю ваше превосходительство удовлетворить мое ходатайство, которое во всякомъ случаѣ согласно съ истиннымъ смысломъ закона, нежели косвенное, хотя и ненамѣренное, содѣйствіе интригѣ имѣющей цѣлью истомить и измучить меня до суда, а между тѣмъ еще болѣе возстановить противъ меня моихъ будущихъ судей, пуская въ ходъ новыя клеветы и новыя выдумки, извращающія дѣло. При теперешнемъ состояніи моего здоровья я могу не выдержать предстоящаго мнѣ вновь томленія подъ арестомъ въ ожиданіи суда.

Если просьба моя будетъ уважена, то я немедленно укажу мѣсто жительства свидѣтелей въ Екатеринославѣ. Константинъ Корбе. Екатеринославъ. 10 декабря 1870 г.

*) Въ разсмотрѣніи судебной палаты находится дѣло по обвиненію, вслѣдствіе моей жалобы, мужа моего штабъ-ротмистра Константина Корбе, въ причиненіи 10 лѣтнему сыну нашему истязаній и мученій. Предварительное

тельствованія ея сына въ Медицинскомъ Совѣтѣ. Кромѣ прошенія г-жи Корбе, тоже положительное обвиненіе противъ врачебнаго отдѣленія было доведено до свѣдѣнія судебной па-

---

слѣдствіе, подкрѣпленное медицинскимъ свидѣтельствомъ доктора Свинцова и показаніями трехъ врачей Бѣлинскаго, Морозовскаго и Задераки, обнаружило между прочимъ слѣдующіе факты: а) сынъ мой съ 6 лѣтняго возраста былъ боленъ неизлѣчимою болѣзнью сердца. Извѣстные клиницисты болѣзней грудной полости, профессора кіевскаго университета доктора Мерингъ и Алферьевъ лечившіе мальчика, нашли что болѣзнь эта должна имѣть непремѣнно смертный исходъ, наступленіе котораго съ точностью опредѣлить невозможно; но во всякомъ, случаѣ, только при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ жизнь мальчика можетъ быть сохранена до двадцати лѣтняго возраста. Благопріятными условіями доктора Мерингъ и Алферьевъ признаютъ между прочимъ содержаніе ребенка въ душевномъ и физическомъ покоѣ и въ равновѣсіи умственныхъ и физическихъ занятій, почему, для предупрежденія быстраго развитія болѣзни, совѣтывали мальчика поставить въ такія условія, при которыхъ онъ могъ бы избѣгать всякаго раздраженія, волненія и сильнаго умственнаго напряженія. Совѣтъ докторовъ былъ мною переданъ и мужу моему Константину Корбе въ іюлѣ 1864 года въ Кіевѣ.

б) Черезъ четыре года послѣ совѣта докторовъ Меринга и Алферьева 10 лѣтній сынъ мой по наговорамъ сомнительнаго поведенія женщинъ которыми окружилъ себя мужъ мой, вытѣснившій меня своимъ жестокимъ обращеніемъ со мною изъ дома, въ теченіи двухъ мѣсяцевъ подвергался жестокимъ истязаніямъ розгами, плетьми и ремнями на конюшнѣ, такъ что послѣ всякаго наказанія ребенка поднимали окровавленнаго и онъ долженъ былъ перемѣнять нижнее бѣлье.

Не смотря на столь очевидные факты преступной жестокости отца надъ собственнымъ ребенкомъ, судебная палата нашла слѣдствіе для преданія суду Корбе неполнымъ и предписала дополнить его переосвидѣтельствованіемъ мальчика въ Екатеринославскомъ врачебномъ отдѣленіи, которому предложены для разрѣшенія три категорическіе вопроса: 1) слѣдуетъ ли признать побои тяжкими? 2)Если признать ихъ тяжкими,то были ли они опасны для жизни? 3) Имѣли ли они вредное вліяніе на его здоровье въ будущемъ? Понимая значеніе Корбе въ Екатеринославской губерніи,какъ богатаго человѣка, слѣдовательно и вліятельнаго, я предвидѣла, что результатъ переосвидѣтельствованія будетъ благопріятенъ для подсудимаго. Но выданное мнѣ врачебнымъ отдѣленіемъ свидѣтельство 31 іюля превозошлю всѣ мои ожиданія. Врачебное отдѣленіе не только признало побои легкими, не опасными для жизни и не имѣвшими вліянія на здоровье мальчика, въ явное противорѣчіе прежняго свидѣтельства доктора Свинцова, но даже дало заключеніе, какое было нужно и полезно для подсудимаго о томъ, что ребенокъ былъ преданъ онанизму, хотя объ этомъ предметѣ не было даже предложено судебною палатою вопроса. Такимъ образомъ свидѣтельство врачебнаго отдѣленія является не экспертизою свѣдущихъ людей, а скорѣе защитительной запиской адво-

латы путемъ оффиціальнымъ, въ донесеніи г. прокурора. Это подозрѣніе противъ Корбе и екатеринославскаго врачебнаго отдѣленія рѣшило участь Корбе.

Но вотъ, высшій медицинскій авторитетъ въ государствѣ, Медицинскій Совѣтъ, хотя слишкомъ поздно для обвиняемаго, но въ интересахъ истины, которую раскрыть никогда не поздно,

---

катовъ Корбе, въ которой усердіе защитниковъ увлекло ихъ изъ ими признанныхъ фактовъ придти къ заключенію не только противному выводамъ науки, но представляющемуся абсурдомъ для простаго здраваго смысла. Этого мало?? Члены врачебнаго отдѣленія стараются опровергнуть фактъ котораго никто никогда утверждалъ, что болѣзнь сердца ребенка Корбе произошла не отъ наказаній розгами. Свидѣтельствомъ Екатеринославскаго врачебнаго отдѣленія установлены слѣдующіе факты: а) на тѣлѣ ребенка полосы въ видѣ рубцевой ткани отъ нанесенія розгами и ремнемъ. Эксперты прошли молчаніемъ, что существованіе такихъ знаковъ черезъ полтора года послѣ нанесенія побоевъ, есть положительное доказательство, что истязанія были жестоки, что послѣ ударовъ розогъ и плети была нарушена цѣлость покрововъ, что при разрывѣ кожи отъ ударовъ розгами и плетьми по незажившимъ еще ранамъ на тѣлѣ причиняли жесточайшую боль и тяжкое мученіе, а если принять въ соображеніе данныя предварительнаго слѣдствія, что наказанія повторялись въ теченіи двухъ мѣсяцевъ ежедневно, то признаніе побоевъ легкими, признаніе ихъ немучигельными, не истязаніями, не есть ли заключеніе лишенное здраваго смысла? б) Ребенокъ страдалъ болѣзнью сердца, происшедшей не отъ наказанія розгами, а отъ ревматизма. Образованіе этой болѣзни произошло гораздо раньше перенесенныхъ имъ наказаній. Экспертиза признаетъ, что наказаніямъ отъ которыхъ остались знаки и рубцы явственные черезъ полтора года, подвергался 10-ти лѣтній больной мальчикъ. одержимый неизлѣчимою болѣзнью сердца, и не хочетъ признать, что эти наказанія, подерживая въ мальчикѣ постоянное раздраженіе, волненіе, производя усиленное сердцебіеніе способствовали быстрому развитію существовавшей въ зародышѣ болѣзни сердца, во всякомъ случаѣ тяжкой и неизлѣчимой. Возможно ли это? Есть ли въ мірѣ врачъ, конечно безпристрастный, который не признаетъ такого заключенія абсурдомъ, безсмыслицей?

в) Крѣпкое тѣлосложеніе ребенка, надлежащее развитіе всѣхъ частей тѣла и умственныхъ способностей. Эксперты екатеринославскаго врачебнаго отдѣленія не смотря на эти данныя, основываясь на поверхностномъ минутномъ осмотрѣ и на однихъ чисто мѣстныхъ явленіяхъ и совершенно случайныхъ признакахъ замѣченныхъ на дѣторождныхъ органахъ, вывели съ полною и несомнѣнною увѣренностью, какъ доказанную истину что ребенокъ подверженъ онанизму. На это по указанію судебной медицины (Шауэнштейнъ, Касперъ, Тардье и др.) нѣтъ вѣрныхъ мѣстныхъ признаковъ, которые указывали бы несомнѣннаго онаниста и что заключеніе поэтому поводу, и то только вѣроятное, зависитъ лишь отъ совокупности общихъ признаковъ: худобы, истощенія тѣла, безъ особаго болѣзненнаго состоянія, апатіи

подвергъ тщательной повѣркѣ дѣйствія екатеринославскаго врачебнаго отдѣленія и нашелъ ихъ совершенно правильными и съ обстоятельствами дѣла согласными. Вдумался ли судъ въ значеніе этого обстоятельства, подтвержденнаго засвидѣтельствованною копіею отношенія Медицинскаго Департамента, которая была нами представлена на судѣ? (*)

и притупленія умственныхъ способностей (совершенно противоположныя найденнымъ при освидѣтельствованіи сына), а мѣстные при непремѣнномъ условіи болѣе или менѣе продолжительнаго наблюденія.

Освидѣтельствованіе производилось при томъ безъ присутствія моего и обвинительной власти. По этому, находя свидѣтельствованіе екатеринославскаговрачебнаго отдѣленія не согласнымъ съ выводами науки, противорѣчащимъ фактамъ слѣдствія и даже здравому смыслу, и имѣя въ виду что свидѣтельство это можетъ имѣть своимъ послѣдствіемъ прекращеніе преслѣдованія Константина Корбе и возстановленіе власти его продолжать надъ сыномъ моимъ и другими малолѣтними дѣтьми, находящимися у меня, истязанія и мученія, страшась за участь моихъ дѣтей и даже ихъ жизнь, я, какъ мать, требую правосудія и защиты несчастнаго ребенка и потому на основаніи 491 ст. уст. уг. суд. приношу судебной палатѣ жалобу на слѣдственное дѣйствіе екатеринославскаго врачебнаго отдѣленія и прошу подвергнуть сына моего новому освидѣтельствованію въ медицинскомъ департаментѣ министерства внутреннихъ дѣлъ. Поѣздку въ С.-Петербургъ съ своимъ сыномъ принимаю на свой счетъ немедленно по требованію сына въ медицинскій департаментъ.

*) „Отношеніе вашего превосходительства, отъ 3 минувшаго марта за № 25, и препровождаемыя при ономъ приложенія, по предмету будто-бы неправильныхъ дѣйствій екатеринославскаго врачебнаго отдѣленія, по дѣлу отставнаго штабъ-ротмистра Константина Корбе, внесены были на обсужденіе медицинскаго совѣта.

Разсмотрѣвъ переписку по сему предмету, совѣтъ нашелъ, что актъ переосвидѣтельствованія 31-го іюля 1870 года одинадцатилѣтняго сына Корбе въ совѣщательномъ присутствіи Екатеринославскаго врачебнаго отдѣленія составленъ правильно и согласно съ уставомъ судебной медицины и если врачебному отдѣленію не было предложено судебною палатою вопроса о томъ: былъ-ли подверженъ сынъ Корбе онанизму или нѣтъ, то тѣмъ не менѣе, въ виду разсмотрѣннаго въ врачебномъ отдѣленіи дѣла о подсудимомъ Константинѣ Корбе, изъ коего между прочимъ, видно, что разрѣшеніе этого вопроса могло имѣть нѣкоторое значеніе для существа дѣла, врачебное отдѣленіе на основаніи 1863 ст. уст. суд. медиц. и въ особенности ст. 333 уст. угол. суд. коснулось этаго вопроса совершенно основательно.

Затѣмъ соображая возводимыя старшимъ предсѣдателемъ одесской судебной палаты, въ отношеніи отъ 8-го октября 1870 года № 4.993, обвиненія въ будто-бы неправильныхъ дѣйствіяхъ по сему дѣлу екатеринославскаго врачебнаго отдѣленія, что въ основаніе акта переосвидѣтельствованія при

Медицинскій совѣтъ разсматривая возбужденный покойнымъ сенаторомъ Шахматовымъ вопросъ о неправильныхъ дѣйствіяхъ екатеринославскаго врачебнаго отдѣленія, «истекавшихъ изъ не совсѣмъ чистаго побужденія,» разсмотрѣлъ все дѣло внимательно и подробно. Медицинскій совѣтъ коснулся тѣхъ данныхъ, на основаніи которыхъ лица оффиціальныя рѣшились формально и категорически обвинять врачебное отдѣленіе въ пристрастіи къ подсудимому. Эти данныя, согласно выводамъ покойнаго сенатора Шахматова, заключались во первыхъ въ томъ, что

няты между прочимъ не данныя заключающіяся въ дѣлѣ и не то, что обнаружено при переосвидѣтельствованіи, но другія исходящія изъ несовсѣмъ чистаго источника побужденія, медицинскій совѣтъ нашелъ, что поводомъ къ сему обвиненію послужило конфиденціальное сообщеніе прокурора екатеринославскаго окружнаго суда Томсена прокурору одесской судебной палаты; сообщеніе это, какъ впослѣдствіи Томсенъ заявилъ вашему превосходительству, было основано на однихъ лишь дошедшихъ до него Томсена слухахъ, другихъ-же данныхъ къ фактическому подтвержденію этаго сообщенія у него въ виду не имѣлось. Вслѣдствіе сего Томсенъ вовсе не имѣлъ въ виду преслѣдованія врачей въ порядкѣ, указанномъ 1085 ст. уст. угол. суд., а счелъ только необходимымъ конфиденціально о сихъ слухахъ представить прокурору судебной палаты вслѣдствіе лежащей вообще на мѣстномъ прокурорскомъ надзорѣ обязанности не оставлять прокуроровъ судебныхъ палатъ въ невѣдѣніи обо всемъ томъ, что можетъ имѣть какое либо отношеніе къ представляемымъ на разсмотрѣніе судебныхъ палатъ дѣламъ и потому Томсенъ полагаетъ, что оффиціальное сообщеніе сенаторомъ Шахматовымъ медицинскому департаменту содержанія его конфиденціальнаго увѣдомленія прокурора судебной палаты послѣдовало, по всей вѣроятности, вслѣдствіе ошибки или какого нибудь недоразумѣнія.

При такомъ положеніи дѣла медицинскій совѣтъ не находя основанія къ дальнѣйшему разслѣдованію справедливости взведенныхъ на врачей обвиненій, полагалъ бы дѣло дальнѣйшимъ производствомъ прекратить оставивъ равно безъ послѣдствій просьбу сихъ врачей о преслѣдованіи прокурора Томсена. Относительно же выраженной въ объясненіяхъ инспектора врачебнаго отдѣленія и его помощника просьбы о преслѣдованіи на основаніи ст. 1535 улож. о наказ. губернскимъ правленіемъ Марію Корбе, за помѣщенныя въ ея прошеніи въ Одесскую судебною палату оскорбительныя для врачебнаго отдѣленія выраженія, то хотя распоряженія о подобномъ преслѣдованіи не подлежатъ вѣдѣнію медицинскаго совѣта, однако же нельзя не замѣтить, что при сложившихся для этой женщины столь неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, выраженія эти могли быть ей извинительны и формальное преслѣдованіе за оныя было бы не совсѣмъ умѣстно.

О таковомъ заключеніи медицинскаго совѣта, утвержденномъ г. товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ, медицинскій департаментъ имѣетъ честь увѣдомить васъ, милостивый государь, съ возвращеніемъ приложеній.

врачебное отдѣленіе взяло на себя разрѣшеніе вопроса объ онанизмѣ сына Корбе, о которомъ отдѣленіе не было спрошено и тѣмъ по мнѣнію г. Шахматова явно обнаружило свое пристрастіе къ Корбе, а вовторыхъ, подозрѣніе противъ врачебнаго отдѣленія было основано на конфиденціальномъ сообщеніи прокурора екатеринославскаго окружнаго суда г. Томсена прокурору одесской судебной палаты, которое, какъ впослѣдствіи объяснилъ г. Томсенъ екатеринославскому губернатору, «было основано на однихъ лишь дошедшихъ до него, Томсена, слухахъ.» Медицинскій Совѣтъ нашелъ что на основаніи ст. 1863 уст. суд. мед. и ст. 333 уст. угол. судопр., врачебное отдѣленіе поступило вполнѣ основательно коснувшись вопроса объ онанизмѣ сына Корбе, не смотря на то, что его объ этомъ неспрашивали. Обвиненію же вытекающему изъ однихъ слуховъ, медицинскій совѣтъ воздалъ должное, оставивъ оное безъ всякаго обсужденія.

Но кромѣ того, медицинскій совѣтъ обсудилъ вопросъ о томъ, соотвѣтствуютъ-ли выводы врачебнаго отдѣленія о состояніи организма сына Корбе тѣмъ знакамъ, которые найдены на немъ при освидѣтельствованіи. Одесская судебная палата, какъ видно, изъ опредѣленія ея о преданіи Корбе суду, выписала буквально описаніе этихъ знаковъ изъ акта врачебнаго отдѣленія и одно это описаніе сочла достаточнымъ опроверженіемъ выводовъ врачебнаго отдѣленія, заключавшаго что побои оставившіе по себѣ такіе знаки, были легкіе, что они не подвергали жизнь мальчика опасности и не будутъ имѣть вреднаго послѣдствія въ будущемъ. Г-жа Корбе, которая была допущена къ участію въ роковомъ дѣлѣ Корбе въ роли участвующаго лица (неизвѣстно только, въ качествѣ ли частной обвинительницы, или гражданской истицы) 10 августа 1870 года принесла судебной палатѣ жалобу на дѣйствія врачебнаго отдѣленія, прямо основывая свое право на ст. 491 уст. угол. судопр. (эта жалоба была отъ нея принята вопреки нарушенія ею 493 уст. угол. суд.) Въ своей жалобѣ г-жа Корбе повѣствуетъ, что сыну ея еще въ 6-ти лѣтнемъ его возрастѣ былъ произнесенъ безусловный смертный приговоръ профессорами Мерингомъ и Алферьевымъ, которые въ своемъ вердиктѣ постановили, что жизнь его виситъ на волоскѣ и что онъ только въ такомъ случаѣ доживетъ до 20 лѣтъ, если онъ будетъ огражденъ отъ всякаго малѣйшаго волненія. За тѣмъ слѣдуетъ описаніе лютыхъ истя-

заній, которымъ подвергалъ злодѣй отецъ свое больное дитя и описаніе знаковъ отъ побоевъ, найденныхъ врачебнымъ отдѣленіемъ, каковое описаніе и г-жа Корбе выписываетъ буквально изъ акта врачебнаго отдѣленія. Г-жа Корбе признаетъ научные выводы сдѣланные врачебнымъ отдѣленіемъ на основаніи этихъ фактовъ «явно пристрастными и не согласными съ выводами науки, противорѣчащими фактамъ слѣдствія и даже здравому смыслу.» «Есть-ли въ мірѣ врачъ, восклицаетъ г-жа Корбе, конечно безпристрастный, который не признаетъ такого заключенія абсурдомъ, безсмыслицею!»

Любопытство г-жи Корбе удовлетворено: Въ мірѣ нашелся «такой врачъ»—Медицинскій Совѣтъ и конечно безпристрастный. Основывался на тѣхъ же данныхъ, на которыхъ основывалась и г-жа Корбе, Медицинскій Совѣтъ нашелъ что заключеніе врачебнаго отдѣленія составлено правильно, то-есть что знаки оставшіеся на тѣлѣ мальчика доказываютъ, *что побои были легкіе, не подвергали опастности его жизнь, не смотря на болѣзнь сердца у мальчика, и не будутъ имѣть такого вреднаго вліянія на его здоровье!*

Отсюда непререкаемо слѣдуетъ что *истязаній не было!* А если ихъ не было, то Корбе пострадалъ невинно и усердіе выказанное г-жею Корбе въ преслѣдованіи своего мужа было достойно лучшаго дѣла....

Мы думаемъ, что при болѣе хладнокровномъ обсужденія дѣла, г-жа Корбе могла прійти къ этому самому выводу гораздо раньше, когда еще не наступилъ для ея несчастнаго мужа тотъ рядъ истязаній, которыя способствовали его смерти. Г-же Корбе должна была разсудить, что ей приходится выбирать между Скляровымъ и Чередниченковой съ одной стороны, и извѣстными клиницистами профессорами Мерингомъ и Алферьевымъ съ другой, ибо если эти авторитеты признали что жизнь ея сына подвергается неминуемо опасности при малѣйшемъ физическомъ и душевномъ волненіи, то такія истязанія, какія описываютъ Скляровъ и Чередниченкова, *не могли не убить его.* Между тѣмъ сынъ Корбе живъ и совершенно здоровъ до сихъ поръ, а отецъ его въ могилѣ....

Вышеизложенное, полагаемъ, достаточно убѣждаетъ въ томъ, что слухъ о подкупѣ покойнымъ Корбе врачебнаго отдѣленія былъ гнусною клеветой; а смерть Корбе ужасающимъ образомъ дока-

зываетъ какъ гибельно можетъ быть для *истинныхъ* цѣлей правосудія, если въ стѣны суда станетъ проникать клевета.....

Все высказанное нами имѣетъ конечно весьма отдаленную связь съ вопросомъ объ умственномъ состояніи Корбе. Но не касаться этого значило-бы оставить безъ правдиваго освѣщенія общій характеръ настоящаго процесса, по которому газетная юстиція, основавшая свое рѣшеніе на свѣдѣніяхъ сообщенныхъ въ печать услужливыми руками, произнесла свой приговоръ въ пользу г-жи Корбе, не только противъ Алымовой, но и противъ покойнаго Корбе. До приговоровъ газетной юстиціи намъ нѣтъ дѣла, ибо никакая добросовѣстная редакція никогда не рѣшится предупреждать своими приговорами окончательное рѣшеніе суда Но именно потому, что приговоры печати не могутъ быть основаны на полномъ и безпристрастномъ обсужденіи *всѣхъ* обстоятельствъ дѣла, особливо въ процессѣ столь сложномъ какъ настоящій и потому что общественное мнѣніе не трудно сбить съ толку фальшивымъ изложеніемъ обстоятельствъ дѣла,—мы не можемъ и въ бумагѣ подаваемой суду, не считаться съ тою искуственною агитаціею, посредствомъ которой, вотъ уже почти годъ, настраивается общественное мнѣніе въ извѣстномъ смыслѣ. Мы не можемъ не имѣть въ виду, что судъ нашъ, есть гласный судъ.

Пусть же провѣрятъ судъ и общественное мнѣніе все то, что вдова покойнаго Корбе распространяетъ про своего мужа; пусть правдиво обсудятъ истинные мотивы домогательствъ истицы.

Не наше дѣло оцѣнивать образъ дѣйствій г-жи Корбе. Есть тяжкія вины, для которыхъ нѣтъ другаго судьи, кромѣ собственной совѣсти.....

Мы переходимъ къ разсмотрѣнію экспертизы гг. Дюкова, Чехова и Шульца, признавшихъ что Корбе страдалъ «хроническимъ воспаленіемъ мозговыхъ оболочекъ и сѣраго вещества мозга, извѣстнымъ въ наукѣ подъ названіемъ постепенно развивающейся мозговой атрофіи.» Мы никогда бы не окончили, еслибъ мы захотѣли шагъ за шагомъ прослѣдить это замѣчательное произведеніе. Полагаемъ, что оцѣнка научнаго подвига совершеннаго гг. психіатрами заключается въ самомъ содержаніи оффиціально ими даннаго мнѣнія. Всякій кто умѣетъ чтить науку, кому дороги великія побѣды человѣческой мысли; всякій кто искренно желаетъ насажденія на нашей родной

почвѣ сѣмянъ истиннаго и солиднаго знанія, не можетъ не испытывать горькаго чувства при чтеніи упомянутаго документа.

Современная психіатрія принадлежитъ къ той отрасли человѣческаго вѣдѣнія, которая называется науками *точными, положительными.* Тщательное наблюденіе отдѣльныхъ фактовъ, терпѣливое и ревностное изученіе этихъ фактовъ, безъ предвзятой мысли, смиреніе предъ внѣшнимъ явленіемъ, пассивное воспроизведеніе и группировка этихъ явленій, словомъ, индуктивный методъ,—вотъ то побѣдоносное орудіе, коимъ дѣйствуетъ современная наука. Изученіе міра внѣшнаго, матеріальнаго всегда шло этимъ индуктивнымъ путемъ. Но есть область человѣческаго вѣдѣнія, куда непосредственное наблюденіе проникнуть не можетъ; это область душевныхъ проявленій. Здѣсь долгое время царило умозрѣніе. Психологія была наукой умозрительною и каждая философская система имѣла свою психологію и свою психіатрію. Но умозрительная философія, а съ нею и умозрительная психіатрія, въ наше время отошли на второй планъ. Индуктивный методъ возобладалъ и здѣсь. Правильныя проявленія душевной жизни сдѣлались предметомъ точнаго изученія на основаніи данныхъ физіологіи, поддающихся непосредственному наблюденію; точно также и отклоненія въ душевной жизни человѣка тѣсно связываются съ явленіями патологическими. Въ психологіи и психіатріи, какъ и въ прочихъ точныхъ наукахъ, девизомъ стало наблюденіе и точный анализъ, Психіатръ, подобно физику, химику, астроному и физіологу, знаетъ одно лишь прочное и безошибочное правило: «наблюдай!»

Одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ представителей психіатріи, какъ точной положительной науки, говоритъ слѣдующее: «Въ настоящее время извѣстно всѣмъ, что вопросъ сумасшедшій ли данный субъектъ, или нѣтъ, можетъ быть рѣшенъ только послѣ тщательнаго *личнаго изслѣдованія;* но еще недавно,—можетъ быть случается и теперь,—отъ врачей требовали чтобы они составляли свои мнѣнія на основаніи судебныхъ документовъ». (Душевныя болѣзни Гризингера въ переводѣ Овсянникова § 76). Но такъ какъ въ психіатріи рѣчь идетъ о такихъ явленіяхъ, которыя сами по себѣ не подлежатъ непосредственному наблюденію и такъ какъ вообще психіатрія, какъ наука, еще весьма ненадежна, то и непосредственное наблюденіе психической дѣятельности даннаго субъекта,—далеко не всегда даетъ безошибочные результаты даже для спеціалистовъ. Гризингеръ гово-

рптъ: «Часто уже съ перваго взгляда даже не психіатрамъ очевидно, что душевныя дѣятельности индивидуума болѣзненно разстроены; во многихъ другихъ случаяхъ сужденіе объ этомъ *въ высшей степени трудно и требуетъ долгаго наблюденія и самыхъ основательныхъ спеціальныхъ свѣдѣній.* Я самъ читалъ мнѣнія спеціалистовъ-психіатровъ, которые послѣ полугоднваго наблюденія человѣка у себя въ заведеніи не могли рѣшить сумасшедшій ли онъ или нѣтъ; и есть нѣсколько старыхъ и болѣе новыхъ случаевъ, что послѣ долгаго и спеціальнаго *наблюденія* знаменитости по психіатріи высказывали совершенно противоположныя мнѣнія.» (тамъ же § 69). Чтобы сказалъ Гризингеръ, какъ возрадовался бы онъ великимъ успѣхамъ своей науки, въ теченіе не болѣе какъ полугода (если не ошибаемся) послѣ его смерти, еслибъ ему стала извѣстна блистательная работа нашихъ русскихъ ученыхъ? Наши знаменитости по психіатріи единогласно признали сумасшедшимъ человѣка, не видавши его никогда въ глаза, и притомъ такого, о которомъ при жизни его никогда и не возникало ни малѣйшаго сомнѣнія относительно его умственнаго состоянія. Смычадловъ, Михайловъ, Скляровъ, Чередниченкова, Немировскій,—вотъ лица, глазами которыхъ наши психіатры произвели ретроспективное наблюденіе надъ состояніемъ сѣраго вещества у Корбе! И однако никакого разногласія, никакого колебанія не выказали *наши* психіатры подобно тѣмъ знаменитостямъ по психіатріи, о которыхъ свидѣтельствуетъ Гризингеръ. Надо полагать, что все это были авторитеты столь же отсталые въ наукѣ, какъ и самъ Гризингеръ.....

Однако мы полагаемъ, что тотъ же научный матеріалъ, который гг. эксперты сгруппировали въ своей экспертизѣ, могъ бы приходиться и для другихъ выводовъ. Мы думаемъ, что спеціалисты по акушерству, на основаніи тѣхъ же фактовъ, каковы головокруженія, рвоты, тошноты, обмороки, приливы крови къ разнымъ частямъ тѣла могли бы, въ случаѣ надобности, и ничуть не менѣе основательно съ точки зрѣнія положительной науки, придти на счетъ Корбе къ еще болѣе неожиданному, но не менѣе остроумному выводу — что Корбе въ 1869 году была въ интересномъ положеніи. Да простятъ намъ гг. эксперты это замѣчаніе, которое они могутъ принять за насмѣшку. Но мы нисколько не шутимъ, а говоримъ совершенно серьезно, ибо если психіатрія, при описаніи признаковъ психической болѣзни

разнаго рода, указываетъ на признаки, которые упомянутые выше свидѣтели наблюдали у Корбе, то тѣ же признаки фигурируютъ и въ каждомъ учебникѣ акушерства какъ симптомы беременности.

Болѣе произвольной и искуственной группировки фактовъ, болѣе насильственнаго установленія между ними связи, которой эти факты не имѣли, чѣмъ «историческая» часть экспертизы, мы не можемъ себѣ представить въ «научномъ» изслѣдованіи. Выше мы сказали, что истинное значеніе и великая сила научнаго наведенія, заключается въ умѣньи пассивно наблюдать, смириться передъ фактомъ и видѣть все, а не то только что наблюдателю хочется видѣть. Мы возьмемъ одинъ примѣръ изъ экспертизы и на немъ покажемъ какъ твердо держались гг. эксперты этого основнаго правила. Они указываютъ настойчиво на значительное смягченіе характера Корбе, которое замѣтили въ немъ свидѣтели въ послѣдній годъ его жизни. Фактъ этотъ мы считаемъ однимъ изъ наиболѣе доказанныхъ изъ всего, что голословно разсказывалось о немъ. Въ числѣ симптомовъ психической болѣзни, перечисляемыхъ въ учебникахъ психіатріи, перемѣна характера занимаетъ видное мѣсто. Вотъ почему и гг. эксперты особенно налегаютъ на этомъ признакѣ. Но при этомъ г. г. эксперты упустили изъ виду элементарное правило всякаго наведенія, такъ называемый законъ достаточнаго основанія. Индуктивный методъ учитъ, что отыскивая причину извѣстнаго явленія, слѣдуетъ избрать какъ причину то явленіе, которое носитъ на себѣ наибольшее количество признаковъ такой причины. Когда на небѣ грозовая туча и раздается ударъ грома, то мы немедленно заключаемъ, что громъ грянулъ изъ тучи. Вотъ еслибъ тучи не было, тогда пришлось бы отыскивать болѣе отдаленныя и менѣе очевидныя причины происшедшаго явленія—удара, который мы слышали. Корбе въ послѣдній годъ своей жизни измѣнился къ лучшему, былъ менѣе суровъ съ прислугой, менѣе бранился, выказывалъ менѣе скупости, простилъ нѣсколькимъ крестьянамъ мелкіе ихъ долги, когда ему объяснили что крестьяне эти находятся въ крайности. Но неужели эксперты причину этихъ явленій должны были, по закону достаточнаго основанія, отыскивать въ одномъ состояніи сѣраго вещества мозга у Корбе? Неужели лежавшіе предъ ними семь книгъ записокъ Корбе не давали имъ повода усмотрѣть болѣе прямую и непосредственную причину упомянутаго явленія. Лю-

бая страница этихъ записокъ вполнѣ удовлетворительно разрѣшаетъ загадку перемѣны въ характерѣ Корбе. Человѣкъ, относившійся съ такою искренностью къ бесѣдамъ духа Василія, который постоянно признавалъ его своимъ учителемъ, врачемъ души своей, *не могъ* не подчиниться тѣмъ проповѣдямъ любви состраданія и милосердія, которыя онъ выслушивалъ ежедневно. Сотни мѣстъ изъ записокъ доказываютъ, что Корбе *сознавалъ* эту перемѣну произошедшую въ немъ и самъ объяснилъ ее именно такъ какъ мы ее теперь объясняемъ. Отсюда логически и непререкаемо вытекаетъ что Корбе былъ человѣкъ вполнѣ здоровый умственно, ибо только человѣкъ съ нормальными умственными способностями можетъ воспринять и усвоить себѣ извѣстное убѣжденіе и разъ усвоивши его руководствоваться въ своихъ внѣшнихъ дѣйствіяхъ. Повторяемъ еще разъ, что мы уже высказали одинъ разъ въ этой бумагѣ: спиритизмъ Корбе служитъ доказательствомъ нормальнаго состоянія его мыслительныхъ способностей. Еслибъ было въ виду дѣйствительное и серьезное сомнѣніе относительно его психическаго состоянія, то *отвѣтчики* могли бы блистательно это опровергнуть на основаніи тѣхъ самыхъ семи книгъ собственноручныхъ записокъ Корбе, въ которыхъ истцы, а съ ними Екатеринославскій окружный судъ, видятъ главное доказательство его умопомѣшательства.

Дальнѣйшимъ разборомъ выводовъ экспертизы мы не будемъ обременять судебную палату. Мы остановимся лишь на нѣсколько минутъ на одномъ «весьма важномъ указаніи о ненормальномъ состояніи умственныхъ способностей Корбе.» Указаніе это есть заявленіе бывшаго защитника Корбе, а теперешняго повѣреннаго Алымовой, Гольденвейзера, поданное въ Окружный судъ 15 декабря 1870 года, въ которомъ Гольденвейзеръ выражался о Корбе въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «я уже теперь имѣлъ случай убѣдиться что подсудимый далеко не въ нормальной степени пользуется своими умственными способностями». На это обстоятельство обратили особенное вниманіе какъ судъ, такъ и эксперты, которые вообще пришли къ одинаковому заключенію о сумасшествіи Корбе двумя совершенно различными путями. Эти два пути, такъ сказать, соединились въ одинъ въ этомъ именно пунктѣ. Отсюда судъ и психіатры уже рука объ руку подвигались къ конечной цѣли.

Мы, разумѣется, не станемъ утомлять вниманіе Палаты ука-

заніемъ на *юридическую* силу этого, особенно важнаго указанія, относящагося до 15 декабря 1870 года, когда до смерти Корбе оставалось 12 дней и когда онъ былъ боленъ тифомъ, между тѣмъ какъ изслѣдованію подлежитъ умственное состояніе Корбе *до* 25 октября 1869 года. Мы также отказываемся отъ неблагодарной работы *доказывать*, что сумасшествіе есть состояніе невмѣняемости не только юридической, но и нравственной, что сумасшедшаго не упрекаютъ, не пишутъ ему писемъ и словами его не обижаются, и что если послѣ пресловутаго заявленія въ судъ, защитникъ Корбе, написалъ ему письмо, которое имѣется при дѣлѣ, то изъ содержанія этого письма видно, что Гольденвейзеръ никогда не считалъ Корбе сумасшедшимъ.

Но мы вообще думаемъ что аргументъ суда какъ и экспертовъ, основанный на указанномъ «весьма важномъ» обстоятельствѣ, недостаточно обдуманъ. Мы полагаемъ что для той цѣли, для которой приведенъ этотъ аргументъ, онъ скорѣе вреденъ нежели полезенъ.

Намъ кажется что вся сила экспертизы гг. психіатровъ, приглашенныхъ изъ Петербурга, въ томъ заключается, что эти господа призваны, дабы съ свѣточемъ науки въ рукахъ внести свѣтъ туда, гдѣ прежде тысячи людей бродили во тьмѣ кромѣшней. Смыслъ всего теперешняго процесса Корбе, съ точки зрѣнія суда, истцевъ и экспертовъ, можно кажется привести къ слѣдующему: жилъ-былъ на свѣтѣ человѣкъ, котораго до самой послѣдней минуты его жизни считали существомъ разумнымъ, такимъ считали его собственная его жена, всѣ служившіе у него, всѣ имѣвшіе съ нимъ дѣла, доктора его лечившіе, наконецъ слѣдователи, прокуроры и судебная палата. Это всеобщее заблужденіе было не болѣе какъ плодомъ всеобщаго невѣжества въ психіатріи. Только теперь, послѣ смерти упомянутаго субъекта, спеціалисты по этой наукѣ просвѣтили насъ и объяснили намъ кто такой былъ Корбе. Сами они его не видѣли, они посмотрѣли на него глазами нашими и усмотрѣли то, чего мы, люди темные, не могли видѣть. Благодаря имъ тьма превратилась въ свѣтъ и мы увидѣли то, чего никто никогда не видѣлъ; мы увидѣли сѣрое вещество мозга Корбе воспаленнымъ.

И вотъ судъ уклоняется отъ этого логическаго пути, котораго исходная точка есть всемогущество науки. Онъ повидимому признаетъ, что теперешній повѣренный Алымовой и бывшій защитникъ Корбе, уже при жизни его, зналъ истинное состояніе

его мозговыхъ оболочекъ и сѣраго вещества его мозга и, надо полагать, только потому не воспользовался этимъ важнымъ средствомъ защиты обвиняемаго, что предвидѣлъ будущее свое званіе повѣреннаго Алымовой, ибо безъ этой задней мысли, обличающей адвоката, ему, знавшему что Корбе сумасшедшій, слѣдовало домогаться въ своемъ заявленіи, отъ 15 декабря 1870 года, не освобожденія Корбе изъ подъ ареста, а отправленія его въ сумасшедшій домъ для испытанія и излеченія.

Точно также непонятна намъ та критика, которой подвергаетъ судъ показаніе доктора Стадіона, критика приводящая судъ къ тому, что онъ *не можетъ дать никакого значенія въ настоящемъ дѣлѣ свидѣтельскому показанію доктора Стадіона.* Судъ этого не можетъ потому, что судъ указываетъ «важныя» противорѣчія въ показаніяхъ этого свидѣтеля, явно уличающихъ его въ томъ, что онъ извращаетъ истину. Но чему же именно судъ не вѣритъ въ обширномъ показаніи Стадіона? Въ чемъ заключается суть этого показанія? Вся суть показанія этого свидѣтеля, на котораго съ «особенною настойчивостью указывалъ повѣренный Алымовой,» заключалось конечно не въ томъ, былъ ли у Корбе ударъ въ 1866 году, или нѣтъ, ибо законъ не признаетъ не дѣйствительными завѣщанія лицъ подвергшихся апоплексическому удару, не въ томъ, пилъ ли Кробе вино, или нѣтъ, также не въ томъ какъ опредѣлялъ Стадіонъ болѣзнь Корбе за два дня до его смерти,—словомъ не въ тѣхъ обстоятельствахъ, которыя приводитъ судъ какъ улики противъ Стадіона, подрывающія въ глазахъ суда всякую вѣру въ то что онъ показалъ объ умственномъ состояніи Корбе. Судъ, какъ слѣдуетъ думать, не вѣритъ чтобы Стадіонъ считалъ Корбе именно такимъ, какимъ онъ его описалъ. Стало-быть и Стадіонъ, какъ и бывшій защитникъ Корбе, уже при жизни его зналъ что это сумасшедшій и если Стадіонъ не заявилъ объ этомъ въ то время, когда этимъ заявленіемъ можно было предотвратить явленіе столь печальное для правосудія, какъ судъ надъ сумасшедшимъ, то должно полагать, что Стадіонъ по этому предмету дѣйствовалъ за одно съ упомянутымъ защитникомъ Корбе въ предвидѣніи будущаго гражданскаго процесса противъ Алымовой и въ интересахъ этой послѣдней.

Изложенныя соображенія хотя не прямо высказаны, но непреложно вытекаютъ изъ разсужденій суда по поводу заявленія защитника Корбе и по поводу показаній Стадіона. Иначе не-

понятно, съ какою цѣлью подвергъ судъ такому строгому анализу всякую мелочь въ показаніи Стадіона; непонятно, съ какою цѣлью уличали его посредствомъ очной ставки съ свидѣтелемъ Рексомъ, при чемъ повѣренный истицы, г. Конисскій приказывалъ имъ «смотрѣть другъ другу въ глаза.» Насколько убѣдительны выставленныя судомъ противъ Стадіона улики, объ этомъ мы предоставляемъ самой палатѣ убѣдиться, при чемъ обращаемъ лишь вниманіе ея на представленныя нами копіи рецептовъ и на удостовѣреніе изъ обѣихъ екатеринославкихъ аптекъ, что другихъ рецептовъ въ 1866 году Корбе никто не записывалъ. Эти рецепты *доказываютъ*, что ударовъ у Корбе не было.

Такимъ образомъ изъ соображеній суда выходитъ, что не всѣ заблуждались относительно Корбе до тѣхъ поръ пока явились представители науки и объяснили, что Корбе былъ сумасшедшій. Изъ видѣвшихъ Корбе при жизни двое уже уличены въ томъ что и они знали это, хотя и не были психіатрами, не говоряжъ о г-жѣ Алымовой, которая, по разсказу г. Конисскаго, чуть не собственноручно воспаляла оболочку мозга у Корбе, дабы заставить его увѣровать въ бесѣду съ духами и тѣмъ вытѣснить г-жу Корбе изъ дома своего мужа, а его самого изъ его собственнаго *Я*. Но если профаны въ психіатріи, какъ Гольденвейзеръ, Алымова и докторъ Стадіонъ были компетентны судить о вопросѣ столь спеціальномъ, какъ вопросъ сумасшедшій ли данный человѣкъ, или нѣтъ, то этимъ сильно поколебленъ авторитетъ психіатровъ, а съ этимъ вмѣстѣ и рѣшеніе суда на немъ опирающееся. Для того чтобы рѣшить вопросъ о юридической вмѣняемости даннаго лица, относительно котораго нѣтъ ни малѣйшаго повода предположить противное, въ ученой экспертизѣ дѣйствительно нѣтъ никакой надобности. Такой вопросъ по ст. 515 уст. гр. суд. долженъ быть разрѣшенъ на основаніи тѣхъ общихъ началъ логики, житейскаго опыта и здраваго смысла, которые составляютъ принадлежность всякаго образованнаго человѣка и непремѣнно предполагаются въ судьѣ. Въ настоящемъ дѣлѣ экспертиза была совершенно не нужна въ виду массы доказательствъ, которыя имѣлъ въ виду судъ въ пользу нормальности ума у Корбе и полнѣйшаго отсутствія всякой тѣни серьезнаго доказательства противнаго. Это мы заявили на судѣ, когда приступлено было къ спросу свѣдущихъ людей по окончаніи спроса свидѣтелей. Ссылаясь на точный смыслъ ст. 373 т. X ч. 1, въ которой весьма явственно высказанъ взглядъ законодателя, мы доказывали,

что законъ признаетъ полноправнымъ юридическимъ дѣятелемъ всякаго, кто имѣетъ ясное понятіе о самыхъ обыденныхъ вещахъ и умѣетъ давать отвѣты на вопросы, до обыкновенныхъ обстоятельствъ и домашней жизни относящіеся. Мы доказывали, что послѣ допроса всѣхъ свидѣтелей судъ имѣетъ въ избыткѣ матеріалъ для рѣшенія вопроса о состояніи умственныхъ способностей Корбе безъ всякаго посредства экспертовъ.

Вотъ почему, отвергши экспертизу въ принципѣ, мы поступили послѣдовательно и согласно съ заявленнымъ нами мнѣніемъ, отказавшись отъ всякаго допроса экспертовъ. «Весьма оригинальнаго» съ нашей стороны тутъ ничего не было. Но *весьма оригиналенъ* полемическій тонъ, въ который судъ постоянно впадаетъ въ своемъ опредѣленіи по отношенію къ повѣреннымъ Алымовой. *Весьма оригинально* и то, что судъ какъ бы предвидитъ, что отвѣты, которые намъ дали бы эксперты, въ случаѣ еслибъ мы сочли нужнымъ допрашивать ихъ, лишили бы насъ возможности сдѣлать тѣ возраженія противъ экспертизы, которые мы дѣлали и дѣлаемъ.

Возражали мы экспертамъ не съ точки зрѣнія медицинской; мы просто объявляли имъ мнѣніе лишеннымъ всякаго серьезнаго значенія, въ виду показаній всѣхъ свидѣтелей, которые видѣли Корбе и разстройства ума въ немъ не замѣтили никакого. По мнѣнію суда, показанія эти «нисколько не противорѣчатъ» заключенію экспертовъ!!! Почему? Потому, отвѣчаетъ судъ, что «они доказываютъ только, что свидѣтели эти (то-есть *всѣ* безъ исключенія свидѣтели, наблюдавшіе Корбе при жизни) не замѣтили разстройства умственныхъ способностей у Корбе. И болѣе ничего.»

И болѣе ничего, скажемъ и мы.

Мы разсмотрѣли всѣ доказательства, представленныя истцами въ пользу ихъ домогательствъ. Мы чувствуемъ, что мы употребили во зло вниманіемъ судебной палаты, ибо доказательства эти, въ юридическомъ отношеніи, не заслуживали столь серьезнаго и тщательнаго анализа. Вся наша аргументація вытекала изъ цѣлаго ряда уступокъ, которыя мы сдѣлали противной сторонѣ, постоянно допуская, какъ доказанныя и юридически уважительныя, тѣ посылки, на которыхъ построены ихъ силлогизмы. Если уподобить наше состояніе партіи въ шахматы, то мы можемъ сказать, что мы дали противникамъ королеву впередъ. Мы утверж-

даемъ, что по правиламъ шахматной игры наши противники побѣды не одержали.

Дѣло иное, если шахматный турниръ можетъ быть разрѣшенъ тумакомъ по головѣ....

III.

Мы не можемъ однако ограничиться въ этомъ дѣлѣ однимъ лишь отрицаніемъ и опроверженіемъ домогательствъ истцевъ. Мы считаемъ себя обязанными перейти отъ оборонительнаго положенія въ наступательное, отъ отрицанія къ утвержденію. Мы не можемъ не воспользоваться доказательствами, подтверждающими совершенную нормальность умственныхъ способностей у покойнаго Корбе.

Эта часть нашего труда будетъ гораздо короче, потому что мы не присвоимъ себѣ той льготы, которою такъ безмѣрно пользовалась въ этомъ дѣлѣ противная сторона, льготой голословности.

Что Корбе, во всю свою жизнь и до самой послѣдней минуты, обладалъ вполнѣ умственными своими способностями, это доказывается какъ свидѣтельскими показаніями, такъ и письменными доказательствами. Изъ свидѣтельскихъ показаній, данныхъ подъ присягой на судѣ, мы не настаиваемъ въ особенности ни на одномъ. Мы полагаемъ, что всѣ, безъ исключенія, показанія подтверждаютъ вышеуказанное положеніе. Съ этими показаніями нельзя поступать такъ какъ поступили эксперты, противная сторона и судъ; нельзя выхватывать изъ нихъ отдѣльные, отрывочные факты и на нихъ строить догадки; нельзя указать на показаніе доктора Выговскаго и забыть показаніе Смычадлова и Безпалова. Выговскій говоритъ, что Корбе при расчетѣ съ нимъ забылъ о 60 рубляхъ, которые онъ былъ ему долженъ; изъ этого слѣдуетъ, по мнѣнію экспертовъ, что его память была притуплена, между тѣмъ Смычадловъ и Безпаловъ разсказали гораздо болѣе точно и опредѣленно о фактахъ совершенно противоположныхъ. О 60 рубляхъ могъ забыть не Корбе, а Выговскій. Но Корбе за 10 дней до смерти, страдая горячкой, которая вызывала бредъ, тѣмъ не менѣе помнилъ, какъ видно изъ показаній Смычадлова, о каждой мелочи въ своемъ обширномъ хозяйствѣ и давая ему 200 руб. на расходы по хозяйству потребовалъ отъ него въ томъ росписку. Около того же времени Корбе разговаривая съ свидѣтелемъ Безпаловымъ по поводу существовавшихъ

между ними сдѣлокъ, первый вспомнилъ о срокѣ протеста векселя Безпалова и сказалъ послѣднему, что еслибъ онъ не пріѣхалъ то онъ протестовалъ бы вексель. По этому поводу интересенъ также разсказъ свидѣтеля Бѣлаго, относящійся до іюля 1870 года, именно о томъ что по совершеніи послѣднимъ закладной на имя Корбе и по окончаніи между ними всѣхъ расчетовъ, Корбе первый указалъ на ошибку въ 800 руб. допущенную при расчетѣ и это указаніе оправдалось при повѣркѣ расчета.

Ни одинъ изъ свидѣтелей, выслушанныхъ на судѣ, изъ которыхъ каждый зналъ Корбе довольно близко и наблюдалъ его въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени, не сказалъ, чтобы онъ чѣмъ нибудь внушилъ ему хотя малѣйшее сомнѣніе въ его умственномъ здоровьи. Поэтому мы говоримъ что всѣ свидѣтели удостовѣряютъ что онъ былъ въ здравомъ умѣ. Этимъ однако не ограничивается общій смыслъ всѣхъ отзывовъ людей знавшихъ Корбе при жизни.

Корбе, по общему смыслу всѣхъ свидѣтельскихъ показаній былъ человѣкъ съ замѣчательною энергіей, съ практическимъ умомъ, образцовый хозяинъ; онъ до послѣдней минуты жизни лично и непосредственно управлялъ своими дѣлами, зналъ и помнилъ о каждой мелочи въ своемъ хозяйствѣ и нажившъ огромное состояніе, исключительно благодаря своему умѣнью, оставилъ его по себѣ въ примѣрномъ состояніи.

Опираясь на точный смыслъ ст. 373 т. X ч. I мы, какъ сказано выше, доказывали суду, что этихъ показаній болѣе чѣмъ достаточно для доказательства того, къ чему клонилась вся, процедура. Мы именно указывали что ничего болѣе не нужно, не нужно и экспертизы.

Однако судъ имѣлъ предъ собою «еще болѣе». Онъ имѣлъ письменныя доказательства. Къ этимъ письменнымъ доказательствамъ, изъ коихъ лишь немногіе мы представляемъ теперь, большая же часть находится при дѣлѣ, мы теперь и обращаемся.

Мы ограничимся простымъ перечисленіемъ этихъ доказательствъ.

1) Постановленіе судебной палаты о преданіи Корбе суду представленное при исковомъ прошеніи. Изъ него видно что Корбе преданъ суду за дѣянія, совпадающія съ временемъ составленія имъ духовнаго завѣщанія.

2) Копіи всѣхъ свидѣтельскихъ показаній, взятыхъ изъ уголовнаго дѣла, представленныя большею частью противною сторо-

ною, доказываютъ что слѣдствіе надъ Корбе производилось надъ нимъ въ маѣ и іюнѣ 1869 г.

3) Копія показанія самого Корбе даннаго судебному слѣдователю Бурнашеву, приложенная къ отвѣтной бумагѣ противъ исковаго прошенія, указываетъ насколько способенъ былъ Корбе отвѣчать здраво на «вопросы до обыкновенныхъ обстоятельствъ и домашней жизни относящіеся, ибо несомнѣнно что показаніе это, въ силу ст. 409 уст. угол. судопр., есть точное воспроизведеніе подлинныхъ словъ произнесенныхъ Корбе и этого никто никогда не оспаривалъ.

4) Одновременно съ слѣдствіемъ объ истязаніяхъ сына производилось, по жалобѣ г-жи Корбе, другое слѣдствіе о жестокомъ обращеніи съ нею. При семъ прилагаемъ засвидѣтельствованную судебнымъ слѣдователемъ Безкровнымъ копію съ показанія даннаго Корбе 10 мая 1869 года. Оно дано одинадцать дней спустя *послѣ* совершенія духовнаго завѣщанія. На основаніи той же ст. 409 уст. уг. суд. мы представляемъ его какъ доказательство той же способности Корбе понимать и отвѣчать на предлагаемые вопросы. Кромѣ того, оно заключаетъ въ себѣ и разъясненіе того событія, о которомъ допрашивались на судѣ свидѣтели Бѣлинскій и Попандопуло и которое эксперты также включили въ число признаковъ сумасшествія Корбе.

Вышеприведенные письменные документы вмѣстѣ взятые удостовѣряютъ, что два слѣдователя, прокуратура и наконецъ судебная палата, провѣряющая окончательно все предварительное слѣдствіе, не имѣли повода усомниться въ состояніи вмѣняемости Корбе, такъ какъ въ противномъ случаѣ было бы поступлено согласно указанію ст. 353—356 уст. угол. суд., по коимъ удостовѣряется въ умственномъ состояніи обвиняемаго, *когда къ тому оказывается поводъ по слѣдствіи*, кромѣ освидѣтельствованія чрезъ врачей, разспросомъ самого обвиняемаго и тѣхъ лицъ, коимъ былъ извѣстенъ образъ его дѣйствій и сужденій».

Объ образѣ дѣйствій и сужденій извѣстнаго лица конечно ближе всего можетъ знать его жена. Поэтому и теперь, по смыслу закона, слѣдуетъ обратить вниманіе на отзывы, какіе давала жена обвиняемаго. Каково же было мнѣніе жены покойнаго Корбе при жизни его, когда для нея *еще не было интереса* утверждать что онъ сумасшедшій.?

Объ этомъ свидѣтельствуетъ:

5) Копія исковаго прошенія г-жи Корбе, ею самою засвидѣ-

тельствованная, которое она подала въ Екатеринославскій окружный Судъ 23 октября 1870 года. Изъ этого прошенія видно что она домагалась выдачи ей 3000 руб. ежегодно изъ имѣнія мужа. Мотивируетъ она это домогательство, кромѣ указанія на разныя преступленія Корбе и на его нравственную испорченность, еще опасеніемъ растраты имъ всего имущества съ *намѣреніемъ* лишить ее и дѣтей средствъ къ существованію.

6) Этотъ же взглядъ г-жи Корбе на своего мужа доказывается также прилагаемою копіею съ прошенія ея поданнаго судебному слѣдователю 8 Іюня 1869, а также

7) Копіею прошенія ея же въ судебную палату отъ 10 августа 1870 года присемъ прилагаемою.

Приведенные три документа доказываютъ каковъ былъ взглядъ г-жи Корбе на умственное состояніе своего мужа черезъ два съ половиною мѣсяца и черезъ полтора года послѣ совершенія имъ духовнаго завѣщанія. На основаніи стт. 367—376 т. х. ч. 1. г-жа Корбе имѣла полную возможность достигнуть предмета своихъ желаній другимъ болѣе законнымъ путемъ, еслибъ не было ложью то что она выдаетъ теперь за истину; при чемъ мы должны замѣтить, что г-жа Корбе не можетъ отговариваться что ей только по смерти мужа стало извѣстно то обстоятельство, на которомъ теперь ея домогательство основало, ибо она знала о спиритизмѣ Корбе и если она и тогда считала занятіе спиритизмомъ признакомъ сумасшествія, то никто не мѣшалъ ей о томъ заявить гдѣ слѣдовало, а не домогаться ссылки въ сибирь сумасшедшаго.

По исковому прошенію г-жи Корбе отъ 23 октября 1870 года Корбе вызывался на явку въ судъ на 4 декабря. Защитникъ его, Гольденвейзеръ, пріѣхавшій къ нему въ Верхнеднѣпровскъ, по его письменному приглашенію, соглашался взять на себя веденіе этого дѣла и за это просилъ у него вознагражденія по таксѣ для присяжныхъ повѣренныхъ. Корбе не соглашался на эту плату, доказывая что ему прійдется заплатить изъ своего кармана. Съ тѣмъ Гольденвейзеръ отъ него и уѣхалъ. Когда приблизилось 9 декабря, день назначенный для слушанія уголовнаго дѣла, Гольденвейзеръ, не имѣя извѣстій отъ Корбе и услыхавъ о томъ что онъ боленъ, послалъ ему письмо, спрашивая пріѣдетъ ли онъ въ Екатеринославъ. Въ этомъ же письмѣ Гольденвейзеръ спрашивалъ, явиться ли ему въ судъ по гражданскому дѣлу на условіяхъ прежде имъ предложенныхъ,

или нѣтъ? На это письмо посланное по эстафетѣ, Гольденвейзеръ получилъ отъ Корбе отвѣтъ отъ 1 декабря. Въ удостовѣреніе изложеннаго прилагается:

8) Собственноручное письмо Корбе къ Моисею Соломоновичу Гольденвейзеру, отъ 23 октября 1870 года *) и

9) Письмо отъ тогоже къ томуже отъ 1 декабря 1870 г. **).

Приведенные два документа показываютъ насколько предъ самою своею кончиной Корбе способенъ былъ разумно судить и дѣйствовать. Эпизодъ о вознагражденіи за веденіе дѣла противъ его жены доказываетъ также какъ справедливъ выводъ экспертовъ о необыкновенной щедрости, которая будто-бы обуяла Корбе вслѣдствіе хроническаго воспаленія сѣраго вещества его мозга.

Въ письмѣ своемъ отъ 1 декабря 1870 года Корбе упоминаетъ объ освидѣтельствованіи его чрезъ полицію. Мы прилагаемъ:

10) Копію акта освидѣтельствованія, произведеннаго въ Верхнеднѣпровскѣ 1 декабря 1870 года. Изъ этого акта можно также удостовѣриться была ли справедлива діагностика болѣзни Корбе, поставленная нѣсколько дней спустя свидѣтелемъ Стадіономъ, показанію котораго окружный судъ не желаетъ придать «никакой» вѣры.

Объ умственномъ состояніи Корбе за нѣсколько дней до сметри свидѣтельствуетъ:

11) Прилагаемая копія съ прошенія Корбе на имя предсѣдателя окружнаго суда, отъ 10 декабря 1870 года, въ которомъ несчастный какъ бы самъ предсказываетъ свою кончину и не

---

* М. Г. Моисей Соломоновичъ!

Шесть дней какъ меня взяли и держатъ подъ арестомъ въ Верхнеднѣпровскѣ. Покорнѣйше прошу васъ пріѣхать въ В—скъ, можетъ быть вы найдете выходъ изъ томительнаго положенія, въ которомъ я нахожусь. Съ истиннымъ уваженіемъ остаюсь вашъ покорный слуга К. Корбе.

Для поѣздки въ Е—славъ экипажъ къ вашимъ услугамъ 23 октября.

** М. Г. Моисей Соломоновичъ!

Съ 14 числа по сегодняшній день боленъ, въ постели. Но теперь мнѣ лучше. Я надѣюсь чрезъ нѣсколько дней выѣхать въ Е—славъ. Меня свидѣтельствовали отъ полиціи: такъ какъ оно долго продолжалось, то и не могъ вамъ вчера отвѣчать. Что касается по иску жены, то я не согласенъ отдать это дѣло по таксѣ, а потому если вамъ будетъ угодно явиться и что нужно сдѣлать по этому, то мыза это сойдемся. Съ истиннымъ почтеніемъ имѣю честь быть вашъ покорный слуга Константинъ Корбе. Декабря 1 дня 1870 года. Верхнеднѣпровскъ.

умалчиваетъ также о томъ, кого онъ считаетъ истиннымъ и главнымъ виновникомъ своихъ «истязаній».

Наконецъ 12) Объ умственномъ состояніи Корбе *наканунѣ его смерти*, то-есть 26 декабря, свидѣтельствуетъ формальный протоколъ подписанный мировымъ судьею и четырьмя врачами который былъ составленъ въ удостовѣреніе именно того, что Корбе, наканунѣ смерти, былъ въ полномъ сознаніи и способенъ былъ распоряжаться своимъ имуществомъ.

Таковы *наши* доказательства.

Кромѣ вышеизложеннаго, мы считаемъ нужнымъ обратить вниманіе на слѣдующія процессуальныя нарушенія, допущенныя при производствѣ настоящаго дѣла, которыя всѣ клонились къ матеріальной выгодѣ противной стороны:

1) При исковомъ прошеніи и дальнѣйшихъ процессныхъ бумагахъ истцы представили записки Корбе въ семи тетрадяхъ на 800 листахъ и кромѣ того выписки изъ этихъ записокъ по своему выбору, которыя составляютъ не болѣе какъ одну десятую долю записокъ. *Намъ была доставлена копія лишь съ выписокъ изъ записокъ, а не со всѣхъ записокъ.* Между тѣмъ стт. 263 и 264 уст. гр. суд. не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что противная сторона имѣетъ неотъемлемое право знать *все*, на чемъ истцы основываютъ свое домогательство. На основаніи п. 3-го ст. 264 истецъ имѣетъ право представлять изъ обширныхъ документовъ выписки тѣхъ статей, на коихъ онъ основываетъ свое право. Но нельзя извратить смыслъ этой статьи такъ, какъ это сдѣлала въ настоящемъ дѣлѣ противная сторона, которая суду представила *всѣ* семь книгъ записокъ въ подлинникѣ, а противную сторону сочла нужнымъ ознакомить лишь съ одною десятою долей содержанія записокъ, по своему выбору. Полагаемъ, что нѣтъ надобности доказывать что п. 3. ст. 264 уст. гр. суд. имѣетъ въ виду такой случай, когда истецъ считаетъ *для себя* достаточными одни выписки изъ обширныхъ документовъ и *только эти выписки* представляютъ суду. Въ данномъ же случаѣ всѣ семь книгъ записокъ представлены въ подлинникѣ, при чемъ противная сторона сама созналась на судѣ, что она ссылается въ доказательство своихъ домогательствъ на *всѣ* записки, не стѣсняясь тѣми выписками, которыя она изъ нихъ сдѣлала. Объ этомъ сознаніи противной стороны, по нашему требованію, занесено въ протоколъ. Столь важное ограниченіе нашихъ процессуальныхъ правъ, которое

дозволила себѣ противная сторона съ одобренія суда, такъ какъ онъ не оставилъ ни исковаго прошенія, ни возраженія безъ движенія, на основаніи стт. 269 и 316 уст. гр. суд., составляетъ существенное нарушеніе стт. 263 и 264 уст. гр. суд., разъясненныхъ рѣшеніемъ гражд. касс. деп. прав. сената отъ 1869 г. № 48.

2) Въ отвѣтѣ противъ искового прошенія мы оспаривали цѣну иску объявленную истцами, и въ первомъ просительномъ пунктѣ этой бумаги было выражено категорическое ходатайство наше признать цѣною иска двѣсти четырнадцать тысячъ шесть сотъ пятьдесятъ руб. На основаніи ст. 273 п. 2 и ст. 274 уст. гр. суд. это домогательство наше подлежало безусловному удовлетворенію. Но судъ не только не удовлетворилъ его, а оставилъ безъ всякаго обсужденія, что составляетъ прямое нарушеніе какъ вышеупомянутыхъ статей, такъ и стт. 339, 694 и 705 уст. гр. суд., ибо каждый просительный пунктъ долженъ составить предметъ отдѣльнаго вопроса и отдѣльнаго постановленія.

3) Судъ въ частномъ опредѣленіи своемъ отъ 2-го октября постановилъ спросить свидѣтелей Задераку и Шишкина, подписавшихся на завѣщаніи, *безъ присяги*, несмотря на домогательство повѣренныхъ отвѣтчицы чтобы эти свидѣтели, подобно всѣмъ прочимъ свидѣтелямъ, были спрошены подъ присягой и обо *всѣхъ* обстоятельствахъ имъ извѣстныхъ, не стѣсняясь опредѣленіемъ суда, въ которомъ обозначены вопросы, для разъясненія коихъ свидѣтели были вызваны, такъ какъ относительно прочихъ свидѣтелей это уже было разрѣшено судомъ постановленіемъ отъ 30 сентября. Въ протоколѣ изложены тѣ соображенія, на основаніи коихъ повѣренный истицы г. Спасовичъ возражалъ противъ этого домогательства повѣренныхъ отвѣтчицы. Соображенія эти не выдерживаютъ самой поверхностной критики. Допросъ учиненный этимъ свидѣтелямъ, безъ присяги, придерживаясь строго формулы предписанной п. 24 Высочайше утвержденныхъ 5 апрѣля 1869 г. временныхъ правилъ о духовныхъ завѣщаніяхъ, былъ въ данномъ случаѣ равносиленъ устраненію этихъ свидѣтелей отъ дачи показаній, ибо указанная формула предписана лишь для процедуры утвержденія завѣщанія въ порядкѣ охранительномъ. Но изъ пункта 36 тѣхъ же правилъ видно, что весь охранительный порядокъ производства немедленно прекращается въ случаѣ спора и такъ сказать поглощается порядкомъ исковымъ, а по обращеніи дѣла къ исковому

порядку, при допросѣ свидѣтелей подписавшихся на духовномъ завѣщаніи, должно, конечно, руководствоваться правилами, заключающимися въ уставѣ гражд. судопр. По статьѣ же 372 этого устава *безъ присяги* въ гражданскомъ процессѣ могутъ быть спрошены лишь дѣти отъ семи до четырнадцати лѣтъ. Такимъ образомъ постановленіе суда о спросѣ свидѣтелей Задераки и Шишкина безъ присяги, въ порядкѣ охранительнаго производства, заключаетъ въ себѣ существенное нарушеніе п. 36 Высочайше утвержденныхъ 5 апрѣля 1869 г. временныхъ правилъ и стт. 370 и 373 уст. гр. судопр.

Указывая на это нарушеніе, мы не домогаемся безусловно вызова и передопроса этихъ свидѣтелей подъ присягой. Мы просимъ объ этомъ, на основаніи ст. 368 уст. гр. суд., лишь въ томъ случаѣ, если изъ имѣющихся при дѣлѣ доказательствъ палата почерпнетъ еще хотя малѣйшее сомнѣніе на счетъ умственнаго состоянія Корбе. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ мы позволимъ себѣ выставить еще и другихъ свидѣтелей знавшихъ Корбе при жизни и могущихъ дать точныя показанія насчетъ его умственнаго состоянія.

Въ заключеніе позволяемъ себѣ вкратцѣ резюмировать по пунктамъ все сказанное нами.

1) Домогательство истцевъ, въ которомъ соединены два иска истекающіе изъ двухъ различныхъ основаній, подкрѣплено указаніемъ на занятіе умершаго Корбе спиритизмомъ, о чемъ свидѣтельствуютъ представленные истцами собственноручныя его записки.

2) Относительно купчей крѣпости домогательство это опровергается самымъ содержаніемъ этихъ записокъ, въ которыхъ о купчей нигдѣ ни однимъ словомъ не упомянуто.

3) Положеніе, по коему признана недѣйствительность купчей крѣпости и которое основывается на общемъ выводѣ объ умственномъ состояніи Корбе въ 1869 и 1870 гг. и на томъ что наука недопускаетъ свѣтлыхъ промежутковъ у умалишенныхъ—опровергается не только ст. 1383 т. X. ч. 1, но и рѣшеніями гражд. касс. деп. за 1869 г. № 235 и за 1870 г. №№ 873 и 1886, установляющими противоположный принципъ.

4) Выводы истцевъ и суда, что духовное завѣщаніе Корбе только *переписано* Корбе, а *составлено* духомъ Василія, опровергается точнымъ анализомъ относящихся до завѣщанія мѣстъ

изъ записокъ, изъ которыхъ непререкаемо слѣдуетъ, что завѣщаніе задумано и осуществлено по иниціативѣ Корбе.

5) Общія разсужденія суда и истцевъ объ умопомѣшательствѣ Корбе на томъ основаніи, что онъ вѣрилъ въ ученіе спиритизма, не выдерживаютъ никакой критики въ виду того, что спиритизмъ есть *вѣрованіе*, и можно указать тысячи вѣроученій несравненно болѣе нелѣпыхъ, при чемъ однако никому никогда въ голову не приходило признавать приверженцевъ такихъ вѣрованій сумасшедшими.

6) Разсужденія о парализаціи воли Корбе, чрезъ посредство духа Василія, нисколько не подтверждаются приведенными въ подкрѣпленіе этого положенія ссылками на записки и положительно опровергаются отсутствіемъ въ запискахъ указаній на такія дѣйствія Корбе, бытіе которыхъ не подлежитъ сомнѣнію.

7) Алымова *не была* виновницей раздоровъ между супругами Корбе, такъ какъ раздоры эти возникли гораздо раньше ея знакомства съ супругами Корбе.

8) Алымова *не посвятила* Корбе въ ученіе спиритизма, а напротивъ имъ посвящена была въ него.

9) Наказанія, коимъ подвергалъ покойный Корбе своего сына, вопервыхъ не были внушаемы духами, вовторыхъ не были «истязаніями» и далеко не выходили за предѣлы власти родительской, а въ третьихъ имѣли опредѣленный и весьма уважительный мотивъ—онанизмъ 10-ти лѣтняго мальчика, о коемъ свидѣтельствуетъ самъ Корбе, свидѣтели Задерака, Бѣлинскій, Скляровъ и др., а также актъ врачебнаго отдѣленія.

10) Разсужденія, основанныя на «твердой» вѣрѣ Корбе въ беременность Алымовой, ровно ничего не доказываютъ, ибо ничего не можетъ быть естественнѣе подобной вѣры относительно молодой женщины со стороны человѣка, находившагося съ нею въ близкихъ отношеніяхъ. Самая развязка этой воображаемой беременности ничего не доказываетъ, ибо весьма можетъ быть что и сама Алымова ошиблась и такая фиктивная беременность есть явленіе весьма обыденное, которое мы, въ случаѣ надобности, можемъ подтвердить документально.

11) Мнѣніе свѣдущихъ людей, данное по этому дѣлу, столь очевидно натянуто и такъ противорѣчитъ достовѣрнымъ обстоятельствамъ дѣла, что судъ не только можетъ отвергнуть оное въ силу ст. 533 уст. гр. суд., но и обязанъ это сдѣлать во имя

закона (ст. 373 т. X ч. 1 и 353 уст. угол. суд.) и здраваго смысла.

12) Полное здравомысліе Корбе доказано положительно всѣми свѣдѣніями, имѣющимися о немъ при дѣлѣ, какъ о человѣкѣ который до послѣдней минуты съ необыкновеннымъ умѣньемъ и безъ всякой посторонней помощи, завѣдывалъ и управлялъ своимъ огромнымъ состояніемъ, которое онъ самъ и пріобрѣлъ; многочисленными гражданскими сдѣлками имъ совершенными; самымъ содержаніемъ оспариваемыхъ актовъ; наконецъ уголовными слѣдствіями надъ нимъ производившимся и постановленіемъ о преданіи его суду.

Dixi et animam meam levavi.

На основаніи вышеизложеннаго мы просимъ судебную палату: 1) въ искѣ опекуновъ надъ наслѣдниками Корбе къ нашей довѣрительницѣ отказать; 2) признать цѣною иска двѣсти четырнадцать тысячъ шесть сотъ пятьдесятъ руб.; 3) обязать противную сторону представить, для доставленія отвѣтчицѣ, копіи полнаго экземпляра записокъ Корбе, не считая впрочемъ этого обстоятельства препятствіемъ къ разсмотрѣнію дѣла; 4) судебныя издержки и вознагражденіе за веденіе дѣла въ обѣихъ инстанціяхъ возложить на истцевъ и 5) рѣшеніе Екатеринославскаго окружнаго суда отмѣнить.

ЮРИДИЧЕСКІЕ ВОПРОСЫ,

РАЗРѢШЕННЫЕ ПРИ РАЗСМОТРѢНІИ НѢКОТОРЫХЪ ДѢЛЪ

МОСКОВСКОЮ СУДЕБНОЮ ПАЛАТОЮ.*)

Въ общемъ или особенномъ порядкѣ судопроизводства для должностныхъ лицъ установленномъ, долженъ быть привлеченъ къ слѣдствію секретарь земской уѣздной управы, обвиняемый въ не донесеніи о растратѣ суммъ, принадлежащихъ земству?

LXVII.

Вопросъ этотъ возбужденъ былъ въ публичномъ засѣданіи палаты 16-го декабря 1871 года жалобою секретаря Гжатской земской управы Яновскаго на судебнаго слѣдователя, который, вопреки 1085 ст. уст. угол. суд., привлекъ его къ слѣдствію по обвиненію въ недонесеніи о растратѣ земскихъ суммъ членами управы,—безъ постановленія о семъ непосредственнаго его начальства. Въ палатскомъ опредѣленіи по настоящему дѣлу сказано, что 1085 ст. уст. уг. суд. относится къ 3-му раздѣлу 3-й книги, заключающей въ себѣ изъятія изъ общаго порядка уголовнаго судопроизводства, установленныя для преступленій по должности. Преступленія должности преслѣдуются въ особомъ порядкѣ потому, что въ дѣйствіяхъ виновныхъ, кромѣ наруше-

*) Вопросы эти составляютъ продолженіе помѣщенныхъ въ мартовской книжкѣ Юрид. Вѣстн. 1872 г. *Ред.*

нія правъ частныхъ лицъ и государства, заключаются еще нарушенія особыхъ служебныхъ обязанностей и употребленіе во зло того довѣрія, которымъ всякое лицо, состоящее на государственной службѣ, пользуется по своему служебному положенію. Посему, замѣчаетъ сенатъ, разрѣшеніе вопроса о томъ подлежитъ ли обвиняемый въ какомъ-нибудь преступленіи преслѣдованію въ общемъ порядкѣ судопроизводства или въ особомъ порядкѣ, зависитъ главнымъ образомъ отъ того—составляло-ли противузаконное дѣяніе преступленіе должности, т.-е. нарушеніе обязанностей службы (рѣш. кас. деп. 1866 г. № 87, 1869 г. № 982). Разсматривая дѣло о Яновскомъ съ этой точки зрѣнія, оказывается, что онъ, въ качествѣ секретаря управы, привлеченъ къ слѣдствію о растратѣ денежныхъ суммъ членами управы, по обвиненію его въ недонесеніи о семъ преступленіи (14, 125 и 126 ст. ул. о нак.). По закону храненіе денежныхъ суммъ земства и веденіе отчетности принадлежитъ къ обязанностямъ земской управы, состоящей изъ предсѣдателя и нѣсколькихъ членовъ (46, 59, 109, 110 ст. полож. о зем. учрежд). Слѣдовательно, только эти лица и могутъ отвѣчать по должности за растрату земскихъ суммъ; секретарь-же, завѣдующій лишь дѣлопроизводствомъ по канцеляріи, отвѣтственнымъ по должности наравнѣ съ ними признанъ быть не можетъ, потому что законъ не возлагаетъ на него одинаковыхъ съ членами управы обязанностей относительно храненія денегъ. Отсюда вытекаетъ, что въ случаѣ обвиненія секретаря въ участіи съ членами въ растратѣ, за преступленіе должности въ особомъ порядкѣ судопроизводства должны быть привлечены только сіи послѣдніе, какъ нарушившіе особое довѣріе правительства, а не секретарь, который, не завѣдуя денежными суммами, привлекается къ слѣдствію на общемъ основаніи за преступленіе независимое по составу своему отъ обязанностей, съ его должностью сопряженныхъ. Поэтому распоряженіе слѣдователя о привлеченіи Яновскаго къ слѣдствію въ качествѣ частнаго лица представляется правильнымъ какъ по изложеннымъ выше соображеніямъ, такъ еще и потому, что обязанность доносить о совершившемся преступленіи до свѣдѣнія правительства возлагается на всѣхъ безразлично и обусловливается требованіемъ общественнаго порядка вообще. Засимъ судебная палата обратила между прочимъ вниманіе, что должности секретаря не полагается по закону въ земскихъ уѣздныхъ управахъ. По 58 ст.

полож. о земск. учрежд. образованіе и составъ канцеляріи зависитъ отъ распоряженія самихъ управъ. На основаніи 60 ст. земскимъ управамъ предоставляется приглашать для занятій постороннихъ лицъ съ назначеніемъ имъ вознагражденія по взаимному съ ними соглашенію. Далѣе 46 ст. изъясняетъ, что управы состоятъ изъ предсѣдателя и нѣсколькихъ членовъ. Но ни въ этихъ, ни въ другихъ статьяхъ о должности секретаря не говорится. Опредѣляя потомъ порядокъ отвѣтственности служащихъ въ управѣ лицъ, законъ постановляетъ (117 ст.), что предсѣдатели и члены могутъ быть преданы суду лишь на основаніи правилъ изложенныхъ въ уставѣ уголовнаго судопроизводства, при чемъ о секретарѣ опять не упоминается ни слова, тогда какъ этого упоминанія слѣдовало бы ожидать, если бы положеніе о земскихъ учрежденіяхъ узаконяло означенную должность. Хотя по 120 ст. всѣ подвѣдомственныя управѣ лица, за преступленія должности, подвергаются отвѣтственности, одинаково съ лицами, состоящими на государственной службѣ, но дѣйствіе сего закона на секретаря распространено быть не можетъ. Изъ сопоставленія приведенной статьи съ 116 статьею замѣчается различіе между лицами подвѣдомственными и подчиненными: къ первымъ относятся лица, на которыхъ по 59 ст. возлагаются различныя порученія по завѣдыванію принадлежащими земству имуществами, заведеніями и учрежденіями, а ко вторымъ—чины канцеляріи и секретарь (58 ст.), отвѣтственность которыхъ по личнымъ служебнымъ ихъ дѣйствіямъ предоставляется самимъ управамъ непосредственно (116 ст.).

LXVIII.

Похищеніе вина изъ бочки, въ которой сдѣлано для того отверстіе буравомъ, есть ли кража со взломомъ?

Изъ мировыхъ учрежденій было передано въ общія судебныя мѣста на основаніи 1647 ст. Ул. о Нак. и 117 ст. Уст. Уг. Суд. дѣло по обвиненію крестьянина Сергѣева въ кражѣ вина изъ бочки посредствомъ сдѣланнаго въ оной отверстія буравомъ. Палатою же признано, что сдѣланная означеннымъ способомъ кража не можетъ быть подведена подъ понятіе кражи со взломомъ. Говоря о взломѣ, законъ разумѣетъ разбитіе или повреж-

деніе такихъ хранилищъ, въ конхъ находились вещи для сбереженія отъ посторонняго завладѣнія или присвоенія (1647 и 1648 ст,). Оградить неприкосновенность этого имущества есть назначеніе сихъ хранилищъ. Но есть другаго рода хранилища, цѣль которыхъ состоитъ въ томъ, чтобы служить вмѣстилищемъ такихъ предметовъ, которые, будучи заключены въ оныхъ, только и могутъ существовать при этомъ условіи. Поэтому тѣла капельножидкія принимаютъ видъ содержимаго по отношенію къ своему вмѣстилищу. Здѣсь хранилище имѣетъ видъ формы и должно быть разсматриваемо какъ необходимое условіе для существованія самой жидкости, безъ которой послѣдняя не могла бы служить предметомъ цѣнности, ибо разлилась бы и уничтожилась. Если же вмѣстилище имѣетъ такое особенное значеніе для капельножидкихъ тѣлъ, то невозможно разбитіе и поврежденіе формы этого вмѣстилища приравнивать ко взлому хранилища въ собственномъ смыслѣ этого слова. Такому толкованію взлома отчасти благопріятствуетъ и рѣшеніе Сената 1871 г. за № 166 о кражѣ сыпучихъ тѣлъ. Изъ рѣшенія этого видно, что кража тюка съ чаемъ признана была кражей квалифицированной потому, что чай находился не только въ вмѣстилищѣ, необходимомъ для сыпучихъ тѣлъ, но сверхъ того былъ въ деревянномъ ящикѣ, заколоченномъ гвоздями и обшитомъ рогожею. Слѣдовательно, если бы чай былъ украденъ въ одномъ тюкѣ, то это была бы простая кража, такъ какъ тюкъ есть только вмѣстилище, а бочка къ капельножидкимъ тѣламъ имѣетъ такое же отношеніе, какъ тюкъ или мѣшекъ къ сыпучимъ. На основаніи сихъ соображеній означенная кража признана была предусмотрѣнною 169 ст. Уст. о Нак. и дѣло передано (534 ст. Уст. Угол. Суд.) обратно въ мировыя учрежденія). (Изъ доклада 28-го февраля 1872 года).

LXVIX.

Кому подсудно дѣло о присвоеніи находки денегъ на сумму свыше 100 рублей?

Вопросъ этотъ при докладѣ 28-го февраля 1872 года возникъ потому, что о присвоеніи находки въ Улож. о Нак. не упомянуто, а говорится о ней только въ Мировомъ Уставѣ. Возникающее отсюда мнѣніе о подсудности всѣхъ вообще дѣлъ о на-

ходкѣ мировому судьѣ, независимо отъ суммы найденнаго, опирается отчасти на рѣшеніе сената 1868 года за № 363, которымъ признано, что мировой съѣздъ, приговоривъ купца Житникова за присвоеніе найденныхъ имъ 200 руб., принадлежащихъ чиновнику Малюкову, къ отвѣтственности по 178 ст. Уст. о Наказ., поступилъ совершенно правильно по отношенію примѣненія сего закона (Сбор. л. 504). Впрочемъ въ этомъ рѣшеніи сенатъ не высказалъ опредѣленнаго взгляда на подсудность дѣлъ о присвоеніи находки, такъ какъ вопросъ сей не былъ возбужденъ ни сторонами, ни судомъ. Исходя же изъ основныхъ началъ о подсудности, слѣдуетъ замѣтить, что къ вѣдомству мировыхъ установленій отнесены вообще дѣла маловажныя по размѣру наказаній, опредѣляемыхъ въ порядкѣ суда уголовнаго. Вслѣдствіе сего подсудность эта опредѣляется не только свойствомъ дѣянія, внесеннаго въ особый Уст. о Наказ., но и размѣромъ наказанія, налагаемаго на дѣянія этого рода (рѣш. кас. деп. 1871 г. № 985), при чемъ пограничною чертою между дѣлами мировыхъ и общихъ судебныхъ установленій служитъ размѣръ наказаній, исчисленныхъ въ 33 ст. Уст. Уг. Суд. Только эти наказанія не выводятъ дѣла изъ подсудности мировымъ учрежденіямъ, въ противномъ же случаѣ дѣяніе, хотя исключительно предусмотрѣнное Мировымъ Уставомъ, но влекущее за собою наказаніе болѣе строгое, — должно быть подсудно общимъ установленіямъ, облеченнымъ властью опредѣлять наказанія въ размѣрѣ болѣе высшемъ. Вотъ почему разрѣшеніе постановленнаго выше вопроса слѣдуетъ искать въ самыхъ наказаніяхъ, положенныхъ за присвоеніе находки. Предѣлы этихъ наказаній не постоянны, а находятся въ зависимости отъ суммы найденныхъ вещей или денегъ, такъ въ 178 ст. назначенъ штрафъ не свыше тройной суммы найденныхъ денегъ, а въ 179 не свыше простой суммы оныхъ. Ясно, что присвоеніе находки и необъявленіе о ней, при значительной цѣнности ея, можетъ быть обложено такимъ денежнымъ взысканіемъ, которое далеко превышаетъ предѣлы власти мировыхъ судей, тогда какъ законъ ввѣряетъ рѣшенію ихъ лишь дѣла, влекущія взысканія не свыше 300 рублей. Поэтому дѣла о присвоеніи и необъявленіи находки должны быть изъяты изъ вѣдомства мировыхъ судей, коль скоро, при дѣйствіи 178 ст., цѣна найденнаго превышаетъ сто рублей или, при дѣйствіи 179 ст., превышаетъ триста рублей. Правильность этого вывода можетъ найти себѣ подкрѣп-

леніе въ соображеніяхъ закона относительно подсудности дѣлъ о порубкѣ лѣса, сходныхъ съ дѣлами о находкѣ въ томъ отношеніи, что здѣсь денежное взысканіе также непостоянно, а обусловлено цѣною порубленнаго лѣса. Основываясь на общихъ правилахъ о подсудности, законъ 15-го мая 1867 года говоритъ что порубка подлежитъ разсмотрѣнію Мировыхъ Учрежденій когда сумма причиненнаго убытка не превышаетъ ста рублей, а въ противномъ случаѣ — общимъ судебнымъ установленіемъ (ст. 22), такъ какъ на виновнаго порубщика можетъ быть наложено тройное взысканіе противу стоимости порубленнаго лѣса (155 ст. Уст. о Наказ.). Проведенную закономъ мысль о подсудности дѣлъ о порубкахъ нѣтъ основаній не распространять на дѣла о находкѣ. По симъ приблизительно соображеніямъ дѣло о крестьянинѣ А., обвиняемомъ въ присвоеніи находки на сумму $2^1/_2$ тыс. руб., признано было Судебною Палатою подсуднымъ общимъ судебнымъ установленіямъ.

LXX.

Предоставлено ли Прокурорскому надзору, наоснованіи 542 ст. Уст. Уг. Суд., просить о возобновленіи прекращеннаго Судебною Палатою слѣдствія по дѣламъ о совращеніи православныхъ въ расколъ?

Главная особенность дѣлъ о совращеніи изъ православія, по рѣшенію Сената, заключается въ томъ, что они, на основаніи 1006 ст. Уст. Уг. Суд., начинаются не иначе какъ по требованію духовнаго начальства, ибо только духовная власть можетъ и должна разрѣшить въ каждомъ данномъ случаѣ, требуетъ ли интересъ церкви уголовнаго преслѣдованія совратившагося или совращаемаго, несмотря на то что фактъ совращенія доказанъ, или же надлежитъ ограничиться мѣрами предупрежденія и пресѣченія преступленія (рѣш. Угол. Кас. Департ. 1868 г. № 233). Это самое видно также изъ мотивовъ, послужившихъ основаніемъ къ 1006 ст., а равно изъ наставленій, данныхъ 15 октября 1858 г. для руководства по дѣламъ о расколѣ. Въ § 3 приведеннаго наставленія сказано: приходское духовенство ни въ какихъ дѣлахъ по предмету раскола не обращается съ требованіями или доносами къ свѣтскимъ властямъ, а входитъ съ до-

несеніями къ епархіальному архіерею, который затѣмъ съ свѣтскимъ начальствомъ входитъ въ сношеніе «*только въ обстоятельствахъ дѣйствительной важности*» и въ опредѣленныхъ случаяхъ совращенія изъ православія въ расколъ, или въ случаяхъ соблазнительнаго для православныхъ оказательства раскола. Такимъ образомъ предварительно возбужденія уголовнаго слѣдствія, духовное начальство входитъ въ разсмотрѣніе «*важности*» совершившагося факта совращенія изъ православія. Обсужденіе этого факта очевидно требуетъ спеціальнаго знанія по сему предмету, свойственнаго духовенству и наиболѣе доступнаго ему по получаемому имъ образованію. Отсюда понятно, почему законъ иниціативу въ возбужденіи слѣдствій по дѣламъ этого рода (объясн. зап. 1864 г. стр. 6—9) предоставилъ непосредственно духовному начальству (исключая, разумѣется, случаевъ 1007 ст. Уст. Уг. Суд.). Соображеніе изложеннаго приводитъ къ заключенію, что если начало слѣдствія по дѣламъ о совращеніи обставлено такими условіями, несоблюденіе коихъ влечетъ за собою кассацію всего производства (рѣш. Кас. Деп. 1868 г. № 233), то возобновленіе прекращеннаго слѣдствія по такимъ дѣламъ, также должно быть обусловлено требованіемъ о томъ духовнаго начальства, ибо приведенные выше соображенія о началѣ слѣдствія сохраняютъ тоже значеніе и въ этомъ періодѣ производства дѣла. Иначе и быть не можетъ. Изъ смысла 542 ст. Уст. Уг. Суд. видно, что возобновленіе прекращеннаго слѣдствія есть вторичное возбужденіе преслѣдованія противу извѣстнаго лица, принадлежащее исключительно Судебной Палатѣ. Но этимъ правомъ непосредственно, по личному усмотрѣнію, Палата пользоваться не можетъ, а въ силу своей власти лишь уполномочена разрѣшать обращаемыя къ ней по сему предмету ходатайства. По общему же правилу ходатайствовать о возобновленіи дѣла можетъ только то мѣсто или лицо, которое компетентно на возбужденіе преслѣдованія. Слѣдовательно, лица, коимъ предоставлено право на возобновленіе дѣлъ, начинающихся въ особомъ порядкѣ судопроизводства (1001 и проч. ст. Уст. Уг. Суд.), гдѣ ординарная власть прокурора уже нѣсколько ограничена, имѣютъ за собою исключительное право и на ходатайство о возобновленіи прекращеннаго слѣдствія. Если слѣдствіе не могло быть начато безъ ихъ иниціативы, то не можетъ быть оно и возобновлено, при отсутствіи ходатайства заинтересованнаго въ томъ лица. Вотъ почему ходатайство о

возобновленіи прекращеннаго дѣла о совращеніи въ расколъ должно идти въ Судебную Палату чрезъ прокурорскій надзоръ отъ духовнаго начальства, ибо какъ при начатіи слѣдствія, такъ и при возобновленіи онаго духовной власти надлежитъ разрѣшить вопросъ о томъ—нарушилъ ли извѣстный фактъ интересъ церкви. Въ противномъ случаѣ ходатайство должно быть оставлено безъ послѣдствій. Приблизительно по симъ соображеніямъ при докладѣ 3 апрѣля 1872 г. былъ разрѣшенъ отрицательно поставленный выше вопросъ по поводу ходатайства прокурорскаго надзора о возобновленіи прекращеннаго слѣдствія о крестьянкѣ П—вой, обвинявшейся, по заявленію своего родственника, въ совращеніи православныхъ въ расколъ, потому что духовная власть не просила о возобновленіи.

LXXI.

Относится-ли до обязанности Судебной Палаты дѣлать, по представленію слѣдователя, распоряженіе о наложеніи запрещенія на имѣніе обвиняемаго должностнаго лица, которое по классу занимаемой имъ должности подсудно Судебной Палатѣ?

Судебный слѣдователь, производя предварительное слѣдствіе о предсѣдателѣ Уѣздной Земской Управы, обвиняемомъ въ растратѣ и подлогахъ по должности, вошелъ въ Судебную Палату съ представленіемъ о наложеніи на имѣніе обвиняемаго запрещенія. Основаніемъ почему онъ обратился съ этимъ не въ судъ, а въ Судебную Палату, послужило то обстоятельство, что обвиняемый, на основаніи 1073 ст. Уст. Угол. Суд., подсуденъ судебной палатѣ. По закону когда слѣдователь удостовѣрится въ необходимости принять мѣры къ обезпеченію могущаго пасть на обвиняемаго денежнаго взысканія, то о наложеніи запрещенія или ареста входитъ съ представленіемъ въ окружный судъ. Изъ этого общаго правила, изображеннаго въ 268 ст. уст. угол. суд., не сдѣлано никакого исключенія для тѣхъ случаевъ, когда обвиняемый принадлежитъ къ должностнымъ лицамъ и по классу занимаемой должности подсуденъ не окружному суду, а палатѣ. Въ перечисленіи изъятій изъ общаго порядка о преслѣдованіи должностныхъ лицъ (кн. III уст. угол. суд.) не встрѣчается особаго по сему предмету указанія, а напротивъ въ

1159 ст. уст. угол. суд. повторяется тоже общее правило, что слѣдователь въ изложенныхъ 268 ст. случаяхъ о наложеніи запрещенія входитъ съ представленіемъ въ окружный судъ. Это понятно. Хотя дѣла подобныя настоящему, по роду особой подсудности, принадлежатъ къ вѣдѣнію судебной палаты (ст. 1073 уст. угол. суд.), но предварительныя по онымъ слѣдствія все-таки не могутъ быть изъяты изъ надзора окружнаго суда. Правильность сего вывода подтверждается соображеніемъ о томъ, что предварительное слѣдствіе о какомъ бы преступленіи оно ни производилось кромѣ указаннаго 1034 и др. ст. уст. угол. суд. всегда остается подъ непосредственнымъ наблюденіемъ окружнаго суда, какъ мѣста, имѣющаго за онымъ ближайшій и естественный надзоръ (мотивы къ 493 ст. Уст. Угол. Суд). Поэтому всѣ важныя по слѣдствію сомнѣнія и даже нѣкоторыя дѣйствія, превышающія обыкновенную власть слѣдователя, къ каковымъ, безъ сомнѣнія, относится и наложеніе запрещенія или ареста на имѣніе обвиняемаго, разрѣшаются однимъ судомъ. Слѣдуя иному толкованію, пришлось бы допустить освидѣтельствованіе въ умственныхъ способностяхъ въ палатѣ такого обвиняемаго, который по закону долженъ судиться въ ней въ качествѣ суда первой степени. По симъ основаніямъ при докладѣ 1 мая 1872 года означенный вопросъ былъ разрѣшенъ отрицательно.

LXXI.

Кража, совершенная облагодѣтельствованнымъ лицомъ у своего благодѣтеля, подходитъ-ли подъ дѣйствіе 1649 ст. и 7 п. 1659 ст. Ул. о Наказ?

Въ первый разъ встрѣтившійся этотъ случай, при докладѣ 5 мая 1872 г., былъ разрѣшенъ въ смыслѣ утвердительномъ. Если отношеніямъ благодѣтельствованнаго къ своему благодѣтелю законъ нашъ придаетъ особое значеніе въ преступленіяхъ, предусмотрѣнныхъ 1451, 1455, 1544 и 1492 ст. Ул. о Н., то нѣтъ правильнаго основанія лишать оныя того-же значенія и въ преступленіяхъ кражи. Законъ благопріятствуетъ такому толкованію. Хотя въ 1649 ст. и 7 п. 1659 ст. не сказано кого именно слѣдуетъ разумѣть подъ лицемъ, проживающимъ у того, чье имущество украдено, но изъ краткаго перечня въ тѣхъ статьяхъ (слуга,

работникъ, подмастерье), а также изъ содержанія 2089 ст. проекта, служащаго для правильнаго уразумѣнія существующихъ узаконеній, видно, что къ нимъ причисляются вообще всѣ лица, живущія по какимъ либо причинамъ въ домѣ или помѣщеніи обкраденнаго (стр. 698). Изъ смысла приведенной статьи проекта, соотвѣтствующей 1649 ст., повторенной одинаково и въ 7 п. 1659 ст. ул. о нак., усматривается (рѣш. кас. деп. 1868 г. № 625), что она указываетъ на отношенія зависимости между обвиняемымъ и обкраденнымъ все равно изъ чего бы зависимость эта ни возникала; возникнуть же она можетъ отъ разнообразныхъ причинъ, въ силу которыхъ хозяинъ оказываетъ извѣстную степень довѣрія къ подсудимому. Къ одной изъ этихъ причинъ безъ сомнѣніе должно быть отнесено и «благодѣяніе» оказываемое какому либо лицу, чрезъ что сіе послѣднее дѣлается зависимымъ отъ своего благодѣтеля. А какъ зависимость предполагаетъ извѣстную степень довѣрія (рѣш. кас. деп. 1868 г. № 625), то нарушенія этого довѣрія и должно возводить совершенную облагодѣтельствованнымъ лицомъ кражу у своего благодѣтеля на степень кражи квалифицированной.

LXIII.

Слѣдуетъ-ли признавать повтореніемъ или совокупностью преступленій совершеніе подсудимымъ второй кражи въ то время, когда вошедшимъ въ законную силу приговоромъ онъ присужденъ къ наказанію за первую кражу?

Сынъ титулярнаго совѣтника П. за кражу, на основаніи 1656 ст. ул. о нак. присужденъ къ лишенію нѣкоторыхъ правъ состоянія и заключенію въ тюрьмѣ. Приговоръ этотъ, по необжалованію подсудимымъ, вошелъ въ законную силу, но предварительно обращенія онаго къ исполненію, во время соблюденія установленнаго 945 ст. уст. уг. суд. обряда, означенный П. совершилъ еще кражу, также предусмотрѣнную тою же 1656 ст. т. е. безъ особо увеличивающихъ вину его обстоятельствъ. Очевидно, если послѣднюю кражу преслѣдовать по совокупности, то дѣло о П. должно подлежать общимъ судебнымъ мѣстамъ, а если видѣть здѣсь признаки повторенія преступленія, то дѣло приметъ другой оборотъ. Упомянутая выше потеря правъ за пер-

вую кражу исключаетъ уже П. изъ числа лицъ привиллегированнаго сословія (рѣш. кас. деп. № 1047) и потому за вторую простую кражу онъ долженъ будетъ судиться не по 1656 ст. улож., а по 8 п. 170 ст. уст. о нак., какъ за повтореніе кражи. Такимъ образомъ отъ разрѣшенія поставленнаго выше вопроса зависитъ подсудность настоящаго дѣла. Опредѣленіе понятія о совокупности преступленій заключается въ 133 и 152 ст. ул. о нак. Новое преступленіе преслѣдуется по совокупности коль скоро оно учинено до совершеннаго окончанія суда надъ первымъ. Для признанія совокупности необходимо кромѣ того, чтобы наказаніе за одно преступленіе не было приведено въ исполненіе до времени осужденія за другое. Такимъ образомъ, по рѣшенію Сената (рѣш. угол. кас. деп. 1870 г. № 1647), предѣлъ, послѣ котораго уже перестаетъ дѣйствіе правилъ о совокупности, есть окончаніе суда и начало отбытія наказанія подсудимымъ. Поэтому рѣчь о повтореніи преступленія можетъ возникнуть не со времени окончанія суда, а съ того момента, когда, кромѣ того, наказаніе начнетъ свое дѣйствіе и когда обвиняемый отбудетъ если не все, то по крайней мѣрѣ часть опредѣленнаго ему наказанія (рѣш. кас. деп. 1870 г. № 1647). По симъ основаніямъ въ виду того, что приговоръ о подсудимомъ П. за первую кражу еще въ исполненіе не приведенъ и онъ слѣдовательно не подвергнутъ еще наказанію, которое исключало бы его изъ числа лицъ привилегированнаго сословія, дѣло по обвиненію П. во второй кражѣ направлено было по 152 и 1656 ст. улож. о нак. въ окружный судъ съ присяжными (изъ доклада 5-го мая 1872 года).

Д. П. Тихомировъ.

ЮРИДИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Объ отвѣтахъ противъ гражданскаго иска, какъ новодахъ къ уголовному преслѣдованію.

«Привлеченіе кого-либо къ слѣдствію уголовному по обвиненію, или подозрѣнію въ совершеніи преступленія, или проступка, есть, и для всего дѣла, и еще болѣе для подвергаемаго слѣдствію лица, обстоятельство первой важности, и потому относящіяся къ сему предмету постановленія закона должны быть по возможности самыя ясныя и опредѣлительныя.» (Суд. уст. 20 ноября по изд. гос. канц. уст. угол. суд. стр. 127).

Законные поводы къ начатію слѣдствія въ уставѣ угол. суд., а также и порядокъ возбужденія уголовнаго преслѣдованія въ гражданскихъ искахъ достаточно ясно и опредѣлительно установлены въ уставахъ гражд. и угол. суд., но несмотря на то наша судебная практика крайне часто расходится съ выраженною выше основною цѣлью подлежащихъ узаконеній. Мы уже имѣли случай указывать на неправильное возбужденіе дѣлъ по преступленіямъ преслѣдуемымъ 303-ю и 1473-ю ст. Уложенія о наказ.; возбужденіе дѣлъ уголовныхъ съ такъ-называемымъ «гражданскимъ характеромъ» представляетъ собою еще болѣе въ этомъ отношеніи уклоненій, вызываемыхъ отчасти и трудностью разграниченія этихъ двухъ областей права.

Сколько отсюда получается непроизводительной работы, увѣнчиваемой обыкновенно 277-ой ст. уст. угол. суд., сколько передрягъ и хлопотъ лицамъ «привлеченнымъ»—понятно каждому; всего же досаднѣе то, что въ большинствѣ случаевъ «постановленія закона», дѣйствительно «ясны и опредѣлительны» на

сколько это для нихъ возможно вообще. Бѣда значитъ въ толкованіи этихъ постановленій, въ разнорѣчивомъ пониманіи и различныхъ юридическихъ взглядахъ на ихъ примѣненіе.

Беремъ для примѣра три недавнихъ случая судебной практики.

Отвѣтчикъ, возражая на судѣ противъ иска съ него 300 руб. за рекрутскую квитанцію, основаннаго только на «запискѣ волостнаго правленія отъ 12 января 1868 г. о представленіи той квитанціи истцомъ», говоритъ между прочимъ, что онъ въ 1868 г. былъ несовершеннолѣтній; истецъ «выправляетъ метрику» и апеллируя на отказъ судьи въ *недоказанномъ* искѣ, обвиняетъ отвѣтчика въ «ложномъ показаніи»; отвѣтчикъ превращается въ обвиняемаго, его тянутъ къ слѣдствію подъ предлогомъ 943 ст. Уложенія и обязываютъ подпискою не покидать своего мѣста жительства.

А вѣдь 943 ст. помѣщена въ отдѣлѣ «о *лжесвидѣтельствѣ и о ложныхъ показаніяхъ на повальныхъ обыскахъ*», а потому, очевидно усматривать въ отвѣтѣ противъ иска свидѣтельское показаніе, даваемое на судѣ подъ присягою, или безъ присяги, неосновательно потому, прежде всего, что *отвѣтчикъ* не *свидѣтель*; затѣмъ, если и можно было бы видѣть въ объясненіи отвѣтчика о своемъ возрастѣ нѣчто предосудительное, то въ томъ только случаѣ, еслибъ истецъ опирался на какой-нибудь выданный имъ, несовершеннолѣтнимъ, въ 1868 году документъ; между тѣмъ объ этомъ дѣлѣ и помину не было.

Другой случай: частное лицо, получивъ письмо отъ кредитора, заявляетъ слѣдователю, что кредитора этого не знаетъ и той сохранной росписки, о которой говорится въ его письмѣ, никогда не выдавалъ, а потому и *сомнѣвается* въ ея подлинности. Началось слѣдствіе и длилось годы; дѣло кончилось, какъ и слѣдовало, разрушеніемъ добросовѣстнѣйшихъ трудовъ къ раскрытію мнимаго преступленія. Между тѣмъ для возбужденія уголовнаго преслѣдованія въ дѣлахъ подобнаго рода требуется закономъ много предшествующихъ условій: кредиторъ, обладавшій сомнительнымъ для должника документомъ, долженъ былъ обратиться съ искомъ въ судъ при чемъ на судѣ долженъ былъ поддерживать его подлинность; должникъ долженъ былъ прямо обвинить кого-либо въ подлогѣ, или документъ послѣ повѣрки въ гражданскомъ судѣ, долженъ былъ быть признанъ подложнымъ, и только послѣ всѣхъ этихъ, *исключительно обусловлен-*

ныхъ частною инищіативой прецедентовъ, дѣло могло получить уголовное направленіе. Все это «ясно» и «опредѣлительно» постановлено въ 545—563 ст. уст. гражд. суд., «ясно» и «опредѣлительно» говорящихъ, что для уголовнаго преслѣдованія подлога въ актахъ альтернативно необходимы два условія: 1) прямое обвиненіе кого-либо въ подлогѣ, не покрытомъ давностью, или смертью обвиняемаго, или 2) признаніе акта подложнымъ по повѣркѣ его въ гражданскомъ судѣ. Этими постановленіями законодатель «имѣлъ въ виду *уменьшить по возможности случаи обращенія дѣлъ къ уголовному судопроизводству*» (уст. гражд. суд. по изд. гос. канц. стр. 268).

Третій случай: противъ векселя, предъявленнаго ко взысканію въ управѣ благочинія должникъ объявляетъ, что подпись на векселѣ не его, а подложная; дѣло обращается къ уголовному производству, выяснившему, что вексель настоящій, а заявленіе о подлогѣ не доказано; дѣло прекращается, но на развалинахъ разрушеннаго обвиненія воздвигается новое: заявившее о мнимомъ подлогѣ лицо привлекается въ качествѣ обвиняемаго въ *ложномъ показаніи* (943 ст. Улож.), но обвиняемаго «по аналогіи» (151 ст. Улож.).

Нельзя не признавать, что завѣдомо ложное обвиненіе, взводимое ради проволочки взысканія, есть дѣйствіе, непремѣнно подлежащее наказанію; нельзя не признавать, что поползновенія удалить взысканіе лживымъ обвиненіемъ, какъ оскорбительныя для лица, обвиняемаго въ подлогѣ, такъ и напрасно обременительныя для судебныхъ мѣстъ и лицъ, работающихъ тутъ ради частнаго каприза, должны быть устраняемы такъ, или иначе; но нельзя вмѣстѣ съ тѣмъ преслѣдовать недобросовѣстныхъ *обвинителей*, какъ *лжесвидѣтелей*.

При обсужденіи каждаго человѣческаго дѣянія, преступно ли оно, нѣтъ-ли, необходимо имѣть въ виду, во 1-хъ его причину и во 2-хъ его цѣль; это основное начало кладетъ рѣзкую грань между *объясненіемъ, даваемымъ отвѣтчикомъ по иску*, и *показаніемъ, отбираемымъ отъ свидѣтеля*; первое вызывается чувствомъ самосохраненія, второе составляетъ одно изъ могущественнѣйшихъ орудій судопроизводства; первое—выслушиваютъ, второе—требуютъ; цѣль перваго—собственная защита, внушенная узкимъ, личнымъ интересомъ; цѣль втораго—раскрытіе истины въ общественныхъ интересахъ правосудія. Сравнивать, поэтому такое объясненіе, заявленіе, отвѣтъ, или жалобу съ сви-

дѣтельскимъ показаніемъ при слѣдствіи, или предъ судомъ, мы полагаемъ, немыслимо; если немыслимо сравненіе, немыслима слѣдовательно и аналогія, допускаемая закономъ (151 ст. Улож.) лишь при условіи «*наибольшаго сходства*» «*по важности и роду преступленій.*»

Примѣненіе 943 ст. Улож. къ отвѣтамъ противъ гражданскаго иска при помощи этой 151 ст. оказывается такимъ образомъ несостоятельнымъ.

Съ другой стороны, для подробнаго анализа случаевъ, подобныхъ выбранному нами, необходимо имѣть въ виду то различіе, какое законъ признаетъ между потерпѣвшими лицами и свидѣтелями: уставъ уголовнаго судопроизводства причисляетъ къ разряду свидѣтелей потерпѣвшее отъ преступленія лицо, хотя и неучаствующее въ дѣлѣ, и положительно воспрещаетъ спросъ въ качествѣ свидѣтеля повѣреннаго частнаго обвинителя, или гражданскаго истца (2 п. 707 и 709 ст. уст.). Уставъ гражданскаго судопроизводства *совершенно исключаетъ изъ разряда свидѣтелей тяжущіяся стороны* и устраняетъ отъ свидѣтельства даже ихъ родственниковъ, дѣтей или супруговъ (371 ст.); потерпѣвшее лицо, хотя бы не требующее вознагражденія, должно быть допущено къ участію въ дѣлѣ *въ качествѣ стороны* въ тѣхъ случаяхъ, когда чрезъ опредѣленіе преступности дѣянія разрѣшается и гражданскій вопросъ, какъ напр. въ дѣлахъ о подложномъ составленіи обязательствъ (касс. рѣш, угол. деп. № 575—68 г.), показаніе такихъ лицъ вообще не можетъ имѣть силы показаній лицъ въ дѣлѣ не заинтересованныхъ (касс. рѣш. угол. деп. № 2000—69 г.). Путемъ изложенныхъ соображеній достаточно выясняется и то условіе, при наличности котораго заявленія, представляемыя отвѣтчикомъ противъ гражданскаго иска, могутъ сдѣлаться предметомъ, исходною точкою для возбужденія уголовнаго преслѣдованія: необходимо, именно, чтобы или кто-либо въ чемъ обвинялся, или чтобы они представляли собою какое-либо основаніе предполагать что либо преступное; но и въ такомъ случаѣ, если обвиненіе окажется ложнымъ, лицо, заявившее такое обвиненіе, можетъ быть подвергнуто преслѣдованію въ уголовномъ порядкѣ, не за ложное все-таки показаніе, а за *лживый доносъ*.

Это послѣднее преступленіе опредѣляется 940-ю ст. Улож. въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «за лживые доносы, виновный смотря по *важности обвиненія* и по роду средствъ, употреблен-

ныхъ для *вовлеченія начальства въ заблужденіе*, а равно и по мѣрѣ *причиненнаго симъ обвиняемому вреда*, подвергается» и т. д.

При такихъ выраженіяхъ понятіе преступленія представляется весьма обширнымъ: роды и виды наказанія, отъ 4 мѣсяцевъ тюрьмы до ссылки съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія, указываютъ также на этотъ характеръ квалификаціи преступленія въ законѣ; а такія широкія рамки этой квалификаціи даютъ полную возможность отнести ложное обвиненіе въ подлогѣ напр., заявленное отвѣтчикомъ противъ истца, къ преступленію лживаго доноса; отвѣтчикъ, сдѣлавшій такое заявленіе, сразу мѣняетъ то положеніе, какое занималъ въ дѣлѣ, становясь «*объявителемъ*», или «*жалобщикомъ*», а эти лица «распрашиваются» слѣдователемъ, или «*полицейскимъ* должностнымъ лицомъ» и «въ *случаѣ явнаго ими обвиненія кого-либо въ преступленіи или проступкѣ, предупреждаются о наказаніи за лживые доносы*» (307 ст. уст. угол. суд.). Въ послѣдующей, 308-й ст. уст., сказано, что «подача объявленія, или жалобы не налагаетъ обязанности доказывать преступное дѣяніе, но подвергаетъ *отвѣтственности* за всякое ложное *показаніе*», но отвѣтственности—*не уголовной*, какъ это ясно изъ сопоставленія этой статьи съ 782 ст. того же уст., по которой *взысканіе вознагражденія* оправданному подсудимому обращается на лицо, *возбудившее судебное преслѣдованіе* вслѣдствіе понесеннаго имъ вреда, когда оно дѣйствовало недобросовѣстно, дѣлая *ложныя показанія*.

Далѣе и смыслъ и текстъ всѣхъ статей закона, на которыя мы ссылались выше, указываютъ, что преслѣдованію за лживый доносъ можетъ подлежать лишь то лицо, которое «*явно*» обвиняло «*кого-либо*» въ преступленіи или проступкѣ: въ 307 ст. уст. угол. суд. это выражено положительно, при чемъ по этой статьѣ подвергаются наказанію какъ «объявители», *такъ и* «*жалобщики*,» *т.-е. потерпѣвшіе отъ преступленія* (301 ст.); 940 ст. улож. о наказ. указываетъ на «вредъ, причиненный *обвиняемому*», какъ на одинъ изъ непремѣнныхъ признаковъ ложнаго доноса; наконецъ и по 563 ст. уст. гр. суд. требуется для передачи дѣла прокурору «*прямое обвиненіе кого-либо*» въ подлогѣ; во всѣхъ другихъ случаяхъ заявитель спора о подлогѣ, непредставившій тому доказательствъ, подвергается слѣдовательно только штрафу, отъ 10 до 300 р., установленному въ 562 ст. уст. гр. суд.

Но это послѣднее правило, распространяясь на всѣ письмен-

ные акты, не касается между тѣмъ взысканій по векселямъ, для которыхъ установленъ закономъ другой порядокъ: на основ. 651 ст. 2 ч. XI т. Св. Зак. взысканіе по векселю останавливается, «когда должникъ объявитъ, что *надпись на векселѣ не его и есть подложная*» и въ такомъ случаѣ «дѣло отсылается *въ уголовный судъ*, а истецъ и отвѣтчикъ берутся подъ надлежащій надзоръ.»

Возникаетъ, слѣдовательно, вопросъ объ отвѣтственности должника, признавшаго подпись на векселѣ подложною *и между тѣмъ никого не обвинившаго* въ совершеніи подлога, или въ завѣдомомъ его предъявленіи.

Отвѣтственность эта не можетъ погаситься денежнымъ штрафомъ установленнымъ въ 562 ст. уст. гр. суд., такъ какъ на основ. 651 ст. XI т. 2 ч. Св. Зак. дѣло въ такомъ случаѣ обращается непосредственно къ уголовному суду, а не къ гражданскому, и на допросѣ у слѣдователя должникъ опять таки, *не обвиняя «явно» въ подлогѣ никого*, можетъ настаивать на подложности векселя и такимъ образомъ не подвергаться наказанію за лживые доносы, какъ это упомянуто въ 307 ст. уст. угол. суд., что онъ, должникъ, не можетъ быть преслѣдуемъ по 943 ст. Улож. за ложное показаніе—это несомнѣнно по тѣмъ основаніямъ, какія уже изложены выше, и наконецъ отсутствіе при такомъ положеніи дѣла обвиняемаго, наличность котораго требуется 940 ст. Улож., какъ одинъ изъ признаковъ предусматриваемаго ею преступленія, дѣлаетъ сомнительнымъ и примѣненіе къ подобнымъ случаямъ этой послѣдней статьи. Итакъ придется, повидимому, заключить, что отвѣтъ должника о подлогѣ векселя безъ прямаго въ томъ обвиненія кого-либо составляетъ дѣяніе, не воспрещенное закономъ подъ страхомъ наказанія. Но противъ такого заключенія возстанутъ, и возстанутъ по праву, слѣдующія соображенія: ложный отвѣтъ о подлогѣ векселя открывается лишь тогда, когда надлежащею повѣркою этого документа будетъ доказано, что онъ не подложенъ, т.-е. подписанъ тѣмъ самымъ лицомъ, которое отвергало это при предъявленіи документа и когда лживость такого извѣта выяснится другими уликами вообще; такой извѣтъ, возмущая завѣдомою ложью нравственное чувство, кромѣ того вредоносенъ еще въ другихъ отношеніяхъ: векселедержатель страдаетъ въ своихъ матеріальныхъ интересахъ, привлекается къ дѣлу, какъ обвиняемый въ безчестномъ дѣяніи: обладаніе несомнѣнно под-

ложнымъ актомъ компрометируетъ во всякомъ случаѣ; съ другой стороны совершенно напрасно возникаетъ вызванное явною ложью уголовное производство, нерѣдко весьма сложное и продолжительное, и наконецъ безнаказанность такихъ извѣтовъ распространила ихъ въ послѣднее время до высшей степени: въ столицахъ, по крайней мѣрѣ, дѣла такого рода составляютъ весьма почтенный процентъ общаго вступленія; а потому обладатели векселей, этихъ особо привилегированныхъ закономъ обязательствъ, становятся несравненно менѣе гарантированными сравнительно съ предъявителями простыхъ росписокъ, заявленіе о подлогѣ которыхъ карается въ случаѣ одной только недоказанности подлога весьма чувствительнымъ денежнымъ штрафомъ.

Разрѣшеніе всѣхъ этихъ затрудненій, полагаемъ, можно найти въ томъ широкомъ опредѣленіи «лживаго доноса», на которое мы указали въ своемъ мѣстѣ, и если 307 ст. уст. угол. суд. помѣшаетъ успокоиться на этомъ выводѣ, то можно прибѣгнуть къ 151 ст. Уложенія, такъ какъ «лживый доносъ» вмѣняется не только при совокупности его трехъ признаковъ 1) *обвиненія*, 2) *вовлеченія начальства въ заблужденіе* и 3) вреда, причиненнаго обвиняемому, но и при наличности въ данномъ случаѣ каждаго изъ этихъ признаковъ въ отдѣльности, а объявленіе собственноручно подписаннаго акта подложнымъ «наиболѣе сходно по важности и роду своему» съ преступленіемъ, преслѣдуемымъ въ 940 ст. Улож.

Такимъ образомъ, отвѣтчики, прямо обвиняющіе кого-либо въ подлогѣ акта, а также и должники, заявившіе подпись на векселѣ подложною, равно подлежатъ уголовному преслѣдованію по обвиненію въ лживомъ доносѣ, если въ первомъ случаѣ докажется невиновность обвиняемаго, а во второмъ—будетъ доказано, что вексель подписанъ рукою должника, заявившаго извѣтъ о подлогѣ.

Нечего опасаться обремененія судовъ уголовными преслѣдованіями по такимъ обвиненіямъ, хотя на первыхъ порахъ и слѣдуетъ ожидать увеличенія числа уголовныхъ дѣлъ, въ виду того что предшествовавшая практика подобные случаи оставляла безъ преслѣдованія, что и дало поводъ многимъ должникамъ уклоняться отъ платежа по выданнымъ имъ обязательствамъ заявленіями о подлогахъ такихъ обязательствъ: заявленія эти послѣ нѣсколькихъ примѣровъ осужденія неминуемо будутъ

возникать рѣже, а слѣдовательно не только сократится количество дѣлъ о лживыхъ извѣтахъ, но и устранится надобность въ напрасныхъ и столь частыхъ теперь производствахъ по документамъ, объявленнымъ подложными. *)

Все, что сказано нами о преслѣдованіи отрекшихся отъ своей подписи, касается положенія дѣла, прекращаемаго (относительно обвиненія въ подлогѣ) до преданія суду: мы указывали на двойственность роли заявителя, выступающаго въ дѣлѣ сначала отвѣтчикомъ по гражданскому иску и превращающагося затѣмъ, по передачѣ дѣла къ слѣдователю, въ жалобщика, которому по 307 ст. уст. угол. суд. грозитъ наказаніе за лживый доносъ. Считаемъ не лишнимъ опредѣлить дальнѣйшія отношенія такого заявителя къ преступности его дѣянія при открытіи судебнаго засѣданія послѣ преданія суду, обусловленнаго опороченіемъ акта; лицо, требующее признанія такого опороченія, т.-е. заявитель подлога, является теперь *гражданскимъ истцомъ* (кас. рѣш. угол. деп. № 575—68 г. д. Салтыкова), который можетъ быть спрошенъ, какъ свидѣтель (касс. рѣш. угол. деп. № 956 и 112—68 г. д. Лукьянова и д. Мазурина); на судебномъ слѣдствіи обвиненіе въ подлогѣ разрушается, и подлинность акта доказана. Спрашивается: какъ преслѣдовать заявителя - жалобщика, за лживый ли доносъ, или ложное показаніе?

Вопросъ можетъ зависѣть тутъ лишь отъ сущности даннаго на судѣ заявителемъ показанія: если онъ продолжаетъ *настаивать на подлогѣ* акта, отрицая свою подпись, онъ подлежитъ, по нашему мнѣнію, и здѣсь обвиненію въ лживомъ доносѣ; если же онъ умышленно *искажаетъ постороннія обстоятельства*, то можетъ обвиняться въ ложномъ показаніи, но *по совокупности* съ лживымъ доносомъ, совершеннымъ имъ уже и не покрываемымъ теперь, даже въ случаѣ признанія подписи за свою. Мы думаемъ это потому, что 943 ст. Улож. преслѣдуетъ лжесвидѣ-

---

*) Много также поможетъ этой цѣли, если полицейскія власти, принимая противъ векселей заявленія должниковъ о подлогѣ, будутъ предупреждать ихъ о наказаніи за лживые доносы, *на что имѣютъ право по 307 ст. уст. угол. суд.* Мы знаемъ случай, гдѣ лицо, допрошенное по обвиненію въ ложномъ извѣтѣ о подлогѣ одного векселя, признало на этомъ же допросѣ за свои другіе два векселя, также объявленные имъ прежде подложными; и такъ *одного допроса* въ качествѣ обвиняемаго достаточно оказалось для пресѣченія сразу *четырехъ производствъ* по тѣмъ векселямъ.

теля *помимо наличности того или другаго мотива*, по поводу котораго онъ даетъ показаніе; наказаніе отягчается лишь въ случаѣ подкупа (2 ч. ст.); ложное показаніе, ради чего оно ни давалось бы, безусловно вредно, вводя судъ въ заблужденіе, заставляя его произносить несправедливый приговоръ, и потому оно наказывается безразлично; лицо же, завѣдомо заявляющее о несуществующемъ преступленіи и настаивающее на этомъ предъ судомъ ради своекорыстнаго стремленія уклониться отъ платежа, дѣйствуетъ очевидно *съ мотивомъ*, и съ мотивомъ несомнѣнной преступности, преступности несравненно болѣе важной, нежели ложное показаніе свидѣтеля, сдѣланное безъ всякой опредѣленной цѣли, безъ всякой личной выгоды и все-таки наказуемое. Слѣдовательно и въ виду равномѣрности между преступленіемъ и наказаніемъ къ такимъ лицамъ должно примѣнять не 943, а 940 ст. Улож. о лживомъ доносѣ, какъ опредѣляющую болѣе тяжкое сравнительно съ первою, наказаніе: дѣйствительно потерпѣвшее отъ дѣйствительно совершеннаго преступленія лицо можетъ, давая показаніе, искажать обстоятельства дѣла, увеличивать значеніе уликъ ради вящшаго доказательства своихъ нарушенныхъ правъ, но и оно можетъ, какъ мы видѣли, подвергнуться обвиненію въ ложномъ показаніи, хотя и съ смягчающими вину обстоятельствами, которыя въ этомъ случаѣ умѣстны и широко допустимы, но можно ли относиться также къ лицу, которое сознательно лжетъ предъ судомъ, настаивая на несуществующемъ преступленіи, обманывая довѣріе своего кредитора, и дѣйствуетъ такъ съ своекорыстною узкою цѣлью. Поэтому-то, мы полагаемъ, для такихъ лицъ законъ (307 ст. уст. угол. суд. и 940 ст. Улож.) и приготовилъ надлежащую отвѣтственность, установивъ ее «ясно и опредѣлительно».

П. Н. Обнинскій.

ВОЗРАЖЕНІЕ НА ОБЪЯСНЕНІЯ

г. Обнинскаго, помѣщенныя въ Юридическомъ Вѣстникѣ за декабрь 1871 года, по вопросу объ уголовномъ преслѣдованіи покусившихся на самоубійство.

Несмотря на ясное и точное изложеніе комментарія къ 1002 ст. уст. угол. суд. по изд. госуд. канцел., заключающееся въ томъ, что постановленіе этой статьи основано на ст. 791 т. XV кн. 2, оставленной, согласно съ заключеніемъ Святѣйшаго Синода, «безъ измѣненія», г. Обнинскій домогается ослабить значеніе таковаго комментарія, опираясь главнымъ образомъ на томъ, что въ упомянутой 791 ст. говорится, между прочимъ, и «о принужденіи ко вступленію въ бракъ, или къ постриженію въ монашество крѣпостныхъ людей по злоупотребленію помѣщичьей власти», слѣдовательно и о дѣлахъ, невозможныхъ съ 19 февраля 1861 года. Но г. Обнинскій упустилъ изъ виду, что 791 ст. 2 кн. XV т. замѣнена по продолженію свода законовъ 1863 года, а слѣдовательно, само собою разумѣется, что составители уставовъ 20 ноября 1864 года при начертаніи 1002 ст. уст. угол. суд. руководствовались упомянутою 791 ст., не по изданію 1857 года, а по продолженію 1863 г. Замѣненная же по этому продолженію 791 ст. 2 кн. XV т. гласитъ такъ: «люди гражданскаго вѣдомства подлежатъ исключительно суду духовному по дѣламъ о преступленіяхъ, за которыя въ законахъ полагается лишь церковное покаяніе, или отсылка виновныхъ къ духовному начальству, а именно по дѣламъ: объ отступленіи отъ христіанской вѣры православнаго или другаго исповѣданія въ вѣру не христіанскую (по изд. 1857 года улож. о наказ. ст. 201.);

объ отступленіи отъ православнаго въ иное христіанское вѣроисповѣданіе (улож. о наказ. ст. 206); о совращеніи изъ вѣры православной въ какую либо ересь (улож. о наказ. ст. 216 п. 4); о неисполненіи уставовъ въ церкви новообращенными въ православную вѣру (улож. о наказ. ст. 230); объ уклоненіи отъ исповѣди и причащенія Св. Таинъ лицъ православнаго исповѣданія (улож. о наказ. ст. 231); о противозаконномъ сожитіи неженатаго съ незамужнею (улож. о наказ. ст. 1344); о прелюбодѣяніи лицъ, состоящихъ въ бракѣ, въ случаѣ когда не было бы жалобы на прелюбодѣяніе и оно открылось по производству какого либо инаго дѣла (улож. о наказ. ст. 2156); о принужденіи родителями православнаго исповѣданія дѣтей къ браку или къ постриженію въ монашество (улож. о наказ. ст. 2157); и о любодѣяніи въ такихъ степеняхъ родства или свойства, въ коихъ, по церковнымъ правиламъ, не воспрещено вступать въ браки (улож. о наказ. ст. 2169)». Въ этой статьѣ, какъ видно изъ содержанія ея, вовсе не говорится о вышеуказанныхъ г. Обнинскимъ дѣлахъ, „невозможныхъ“ а лишь положительно и подробно перечисляются всѣ возможныя дѣла, которые подлежатъ исключительно суду духовному, и именно означенныя по существующимъ нынѣ законамъ въ статьяхъ 185, 188, 207, 208, 994, 1585, 1586, 1597 улож. о наказ. изд. 1866 года и въ ст. 75 уст. о пред. и пресѣч. преступ. по продолж. 1864 года. При составленіи устава угол. судопроизв. 20 ноября 1864, даже изъ этихъ немногихъ перечисленныхъ дѣлъ, подлежащихъ исключительно суду духовному, признано было необходимымъ ограничить подсудность послѣднему преступленія—прелюбодѣянія, подъ условіемъ разсмотрѣнія дѣлъ такого рода не иначе, какъ по жалобѣ оскорбленнаго супруга когда онъ просить будетъ о расторженіи брака и о наказаніи виновнаго по правиламъ церковнымъ (: 2 п. 1016 ст. уст:); впослѣдствіи же было изъято изъ вѣдѣнія исключительно суда духовнаго преступленіе лицъ православнаго исповѣданія, означенное въ ст. 1586 улож. о наказ. изд. 1866 г., съ замѣною этой статьи по продолж. 1871 года.

Такимъ образомъ, очевидно, законодатель заботился не разширить подсудность исключительно суду духовному дѣлъ о преступленіяхъ и проступкахъ лицъ гражданскаго вѣдомства, но напротивъ, по возможности, сократить; а такъ какъ о покушеніи на самоубійство (1473 ст. улож. о наказ. изд. 1866 года, а

по изд. 1857 года 2022 ст. улож.) не упомянуто между дѣлами, перечисленными въ 791 ст. 2 кн. XV т., ни по изданію 1857 года, ни по продолженію 1863 года, то слѣдовательно и обвиняемые въ этомъ преступленіи «лица гражданскаго вѣдомства», безъ всякаго сомнѣнія, не «подлежатъ исключительно суду духовному».

Далѣе г. Обнинскій объясняетъ, что историческое толкованіе уставовъ 20-го ноября 1864 года немыслимо, такъ какъ наша судебная реформа вызвана совершенно новыми, чуждыми и даже противоположными прежде существующимъ у насъ законамъ о судопроизводствѣ требованіями правосудія; всего же менѣе возможно толкованіе ихъ при помощи 2-й книги XV т. свода законовъ 1857 года, такъ какъ послѣдняя, по взгляду составителей уставовъ, есть ничто иное, какъ собраніе разнородныхъ постановленій, вообще неполныхъ, неимѣющихъ между собою связи и надлежащаго единства, а иногда и противорѣчащихъ одно другому, такъ какъ всѣ постановленія той книги, по разъясненію уголовнаго кассаціоннаго департамента правит. сената потеряли свою силу и значеніе съ изданіемъ уставовъ 20 ноября 1864 года и такъ какъ комментаріи къ уставамъ не имѣютъ обязательнаго значенія. Въ опроверженіе этихъ доводовъ, нераспространяясь много, достаточно возразить слѣдующее: 1) что наша судебная реформа имѣла цѣлью въ новыхъ уставахъ измѣнить только порядокъ судопроизводства, а не кругъ преступленій и проступковъ, изъятыхъ изъ вѣдомства свѣтскаго суда; 2) что историческій способъ толкованія смысла законовъ, какъ указывающій на источники, изъ которыхъ таковыя исходятъ, нетолько не хуже, чѣмъ принятый г. Обнинскимъ, какъ самъ онъ выразился, географическій способъ, но даже, по нашему мнѣнію, болѣе полезенъ и разуменъ; притомъ съ этою собственно цѣлью и выставлены цитаты подъ статьями свода законовъ; 3) что задача составителей устава уголовнаго судопроизводства 20 ноября 1864 года и заключалась, между прочимъ, именно въ томъ, чтобы, по соображенію всѣхъ постановленій 2 кн. XV т. съ основными положеніями новаго судопроизводства, чрезъ отмѣну нѣкоторыхъ изъ тѣхъ постановленій и измѣненіе или дополненіе другихъ,—привести ихъ въ связь и единство; притомъ не одна 1002, но многія статьи устава уголовнаго судопроизводства, какъ видно по изданію государственной канцеляріи, основаны единствен-

но на 2 кн. XV т., а именно: 15, 19, 25, 26, 28-213, 957—975, 1003, 1012, 1013, 1014, 1015, 1077, 1078, 1109, 1110, 1117, 1118, 1119, 1120, 1121, 1122, 1208, 1213, 1238, 1239, 1240, 1241, 1242, 1243, 1245; 4) что въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ введены въ дѣйствіе судебные уставы 20 ноября 1864 года, само собою разумѣется, не слѣдуетъ при разрѣшеніи дѣлъ приводить въ основаніе статьи 2 кн. XV т., такъ какъ тѣ изъ нихъ, которыя при судебной реформѣ признано возможнымъ оставить, вошли въ уставъ угол. судопр; въ этомъ собственно смыслѣ и послѣдовало приводимое г. Обнинскимъ разъясненіе Правит. Сената по дѣлу Максимова (сбор. рѣш. 1869 г. № 466); но принимать статьи 2 кн. XV т. въ соображеніе при толкованіи дѣйствующихъ законовъ сенатъ ни сколько не воспрещаетъ, а напротивъ самъ это дѣлаетъ, какъ видно изъ рѣшеній его, состоявшихся: 24 іюля 1867 г. (№ 298), при изъясненіи смысла 249 ст. уст. уг. суд., и 11 октября 1867 года (№ 438), при изъясненіи смысла 943 ст. улож. о наказ.—5.) что комментаріи къ судебнымъ уставамъ изд. государственной канцеляріи, равно и къ изданному ею недавно проекту уложенія о наказаніяхъ, дѣйствительно не имѣютъ обязательнаго значенія къ принудительному толкованію законовъ, но тѣмъ не менѣе служатъ, какъ выражено во вступленіяхъ при тѣхъ изданіяхъ, весьма существеннымъ пособіемъ къ правильному уразумѣнію точнаго смысла пространства и цѣли дѣйствующихъ нынѣ законовъ; таковой взглядъ на комментаріи раздѣляютъ и кассаціонные департаменты правит. сената, руководствуясьне рѣдко тѣми комментаріями.

Наконецъ, неподсудность исключительно суду духовному дѣлъ о покусившихся на самоубійство лицахъ гражданскаго вѣдомства даже явствуетъ изъ буквальнаго содержанія самой 1473 ст. улож. о наказ. (изд. 1866 года). Эта статья гласитъ такъ: «изобличенный въ покушеніи лишить себя жизни также не въ безуміи, сумашествіи или временномъ отъ какой либо болѣзни припадкѣ безпамятства, когда исполненіе его намѣренія остановлено посторонними, независѣвшими отъ него обстоятельствами, предается, если онъ христіанинъ, церковному покаянію по распоряженію своего духовнаго начальства». Слѣдовательно, чтобы покусившагося на самоубійство (христіанина) предать церковному покаянію, необходимо прежде изобличить его: во 1-хъ, въ томъ, что покушеніе совершено имъ не въ безуміи,

сумашествіи или временномъ отъ какой либо болѣзни припадкѣ безпамятства; во 2-хъ въ томъ, что исполненіе его намѣренія остановлено посторонними, независѣвшими отъ него обстоятельствами; но разрѣшеніе всѣхъ могущихъ возникнуть вопросовъ по этимъ послѣднимъ двумъ предметамъ, какъ несомнѣнно требующихъ предварительно подробнаго производства слѣдствія чрезъ судебнаго слѣдователя, очевидно подлежитъ суду свѣтскому, окружному (ст. 33, 200, 249, 277, 353, 356, 518, 523, уст. угол. суд).

И. Шестаковъ.

ЮРИДИЧЕСКАЯ БИБЛІОГРАФІЯ.

О самоуправленіи. Сравнительный обзоръ русскихъ и иностранныхъ земскихъ и общественныхъ учрежденій. Князя А. Васильчикова. С.-Петербургъ 1869—71 г. Три тома, I—III.

Богатство матеріала, интересъ изслѣдованныхъ вопросовъ, доступность изложенія и легкость языка, которымъ пишетъ авторъ «Самоуправленія»—все это давно уже оцѣнено въ нашей литературѣ, съ появленія перваго тома сочиненія. Болѣе обстоятельное, критическое обсужденіе труда, предпринятаго и исполненнаго кн. Васильчиковымъ могло явиться, конечно, не прежде заключенія всего предпріятія. Въ концѣ истекшаго года получили мы третій, послѣдній томъ «Самоуправленія» и рѣшаемся высказать здѣсь свои воззрѣнія на сочиненіе кн. Васильчикова, вполнѣ нами изученное.

Сочиненіе потребовало отъ автора много усилій для одного собранія матеріала и еще болѣе для его изученія и сравнительнаго обозрѣнія. Самое изданіе продолжалось три года. И сочиненіе вышло весьма обширное, и многотомное, и цѣнное. Впрочемъ обширность сочиненія и разнообразіе предметовъ, внесенныхъ въ него, не можетъ пугать насъ, послѣ того какъ въ своей статьѣ «О самостоятельности» и пр., помѣщенной въ 1 кн. нашего «Юрид. Вѣстника», мы уяснили точку опоры для понятія вопроса о самоуправленіи. И только тогда, когда читатель захочетъ понять основательно все дѣло исключительно изъ сочиненія кн. Васильчикова онъ встрѣтитъ много затрудненій, неясностей, неточностей. Вопросъ о самоуправленіи—вопросъ новый даже въ литературѣ западной Европы, по увѣренію нашего ав-

тора, 1. стр. 2 который говоритъ, что только въ пятидесятыхъ годахъ текущаго столѣтія, только Гнейстъ и Токвиль, положили основаніе для новой политической школы, исходящей изъ начала самоуправленія, да и то такъ, что видимо расходятся въ своихъ воззрѣніяхъ на идею самоуправленія. При такой неясности понятій, приходилось массою матеріала, разнообразіемъ подробностей, постоянными сближеніями да сравненіями помогать дѣлу, и матеріалъ все выросталъ и сочиненіе все полнѣло и ширилось. Нашъ авторъ, очевидно, боялся сократить свое изданіе, во избѣжаніе неясности, и онъ все сдѣлалъ въ этомъ отношеніи, ограничиваясь повсюду описаніемъ фактовъ, разсказомъ о положительныхъ учрежденіяхъ и уставахъ и сличеніемъ, или сравненіемъ ихъ видимыхъ образовъ. Читая книгу Васильчикова, вамъ кажется все яснымъ, удобопонятнымъ, даже легкимъ; но отрываете глаза отъ книги, начинаете вдумываться, и вы остаетесь безъ всякаго точнаго образа. И это понятно.

Сравненіе двухъ-трехъ неизвѣстныхъ величинъ, или фактовъ не можетъ вести къ ихъ пониманію, а скорѣе затемняетъ дѣло, именно по мѣрѣ числа сравнительныхъ неизвѣстныхъ. Такъ напр. сопоставленіе, а затѣмъ приведеніе въ соотвѣтствіе такихъ учрежденій, какъ наши земскія, крестьянскія и мировыя учрежденія, съ одной, и различныя постановленія западныхъ государствъ объ ихъ самоуправленіи, съ другой стороны, представляются уму читателя болѣе чѣмъ произвольными, даже на первый взглядъ, даже потому что авторъ сближаетъ въ своемъ сравненіи такія русскія учрежденія, какъ крестьянскія, принадлежащія крестьянскому быту, и земскія, касающіяся всего народа, или мировыя, входящія въ составъ государственной функціи—суда, впрочемъ безъ отличенія отъ другихъ мировыхъ учрежденій—посредниковъ съ ихъ съѣздами. Поневолѣ придется жаловаться на злоупотребленіе, допускаемое у насъ относительно такъ называемаго сравнительнаго способа изслѣдованія, или изложенія. Вмѣсто того, чтобы сравненіемъ добиваться наибольшаго освѣщенія предмета, уже тщательно изученнаго, у насъ сравненія употребляютъ для изученія предмета, и даже вмѣсто всякаго изученія. Такое сравненіе можетъ быть нужно развѣ къ маскированію неосмысленнаго подражанія, или заимствованія готовыхъ чужихъ учрежденій, и къ насильственной замѣнѣ своего иноземнымъ. Такое сравненіе можно назвать механическимъ,

или совершенно внѣшнимъ, при которомъ оставляются безъ объясненія, безъ мотивовъ и причинъ, какъ сходства, такъ и отличія въ предметахъ сравненія, да и самое сопоставленіе этихъ предметовъ представляется произвольнымъ. Что можно найти въ Англіи соотвѣтствующаго нашимъ крестьянскимъ учрежденіямъ? Что похожаго можетъ имѣть самостоятельность нашихъ земскихъ учрежденій съ централизаціею во Франціи? Гдѣ точки соприкосновенія между нашимъ земствомъ, или мѣстнымъ, но общенароднымъ самоуправленіемъ, и дѣятельностью сословій, въ Германіи, или въ Пруссіи? Но обратимся къ содержанію сочиненія кн. Васильчикова, и станемъ судить о сочиненіи по самому сочиненію.

По «предисловію» автора, сочиненіе состоитъ изъ двухъ частей—общей, въ которой авторъ сличаетъ иностранныя узаконенія и уставы съ нашими земскими, крестьянскими и мировыми учрежденіями, и изъ спеціальной, въ которой авторъ подробно излагаетъ вопросы о начальномъ образованіи, общественномъ призрѣніи, народномъ продовольствіи, дорожной повинности, народномъ здравіи, и о хозяйственномъ управленіи, т. е. о порядкѣ смѣтъ, раскладокъ и расходованія земскихъ и общественныхъ сборовъ. Но въ этомъ «предисловіи» не упомянуто ни однимъ словомъ ни о томъ, почему всѣ эти вопросы, входятъ въ планъ изслѣдованія, ни о томъ всѣ ли тутъ вопросы необходимо входящіе въ этотъ планъ, ни о томъ, почему именно эти, а не другіе вопросы подлежатъ изслѣдованію автора и читатель не знаетъ и не вѣдаетъ, почему и куда дѣвались учрежденія крестьянскія, равно какъ мировыя, явно опускаемыя авторомъ въ его спеціальной части, состоящей впрочемъ изъ двухъ томовъ. За то общій мотивъ къ изслѣдованію указанъ болѣе или менѣе ясно, это то обстоятельство, что нынѣ самоуправленіе составляетъ предметъ оживленныхъ преній въ разныхъ представительныхъ собраніяхъ, а затѣмъ, конечно, въ литературѣ и салонахъ. И въ самомъ дѣлѣ, кто теперь не толкуетъ о самоуправленіи, подобно тому какъ нѣкогда о конституціи? Но у насъ, но для насъ, кажется, важнѣе вопросъ о земскихъ учрежденіяхъ; самъ авторъ въ заглавіи книги ставитъ русскія учрежденія на первый планъ. Но такъ лишь въ заглавіи; уже во введеніи дѣло принимаетъ иной оборотъ.

«Введеніе», занимающее собою почти пятдесятъ страницъ, I—XLVIII, посвящено установленію общихъ понятій о само-

управленіи, общимъ воззрѣніямъ на матеріалъ и на способъ построенія сочиненія, и стоило автору, конечно, много труда, напряженій и усилій. Оно должно было ввести читателя въ дѣло уже знакомымъ съ дѣломъ и напитаннымъ воззрѣніями автора. Во «веденіи» авторъ объявляетъ предметомъ своего изслѣдованія тѣ порядки внутренняго, мѣстнаго управленія, которые входятъ въ кругъ дѣйствій крестьянскихъ, земскихъ и мировыхъ учрежденій, «имѣющихъ, по автору, то общаго между собою, что» сводятся подъ одно понятіе и подъ одно начало — самоуправленія, или участія народа въ мѣстномъ внутреннемъ управленіи своего отечества».—Конечно, дѣло идетъ о Россіи, уже потому что тутъ говорится окрестьянскихъ учрежденіяхъ. Но въ такомъ случаѣ сближеніе и сопоставленіе учрежденій крестьянскихъ и земскихъ идетъ въ разрѣзъ противъ положительнаго закона 1864, относящаго крестьянскія учрежденія къ общественнымъ, и потомъ формально запрещающаго земскимъ учрежденіямъ вступаться въ область общественныхъ. Авторъ не потрудился объяснить читателю причину или поводъ, послужившіе ему основаніемъ для сближенія этихъ разнородныхъ учрежденій, такъ что, по мнѣнію закона, читатель можетъ спросить почему не говорится въ изслѣдованіи князя Васильчикова объ учрежденіяхъ духовныхъ и церковныхъ, дворянскихъ и купеческихъ, которыя, естественно, на одинаковомъ правѣ съ крестьянскими должны сводиться въ одно общее понятіе самоуправленія. Теперешніе съѣзды духовенства, или дворянскія и купеческія собранія и депутатскія учрежденія и купеческія управы, несомнѣнно суть органы внутренняго и мѣстнаго управленія, въ которомъ такъ же выражается участіе въ управленіе отечества, до такой степени, что это участіе ведетъ за собою и чины и ордена и награды. Чего именно нѣтъ однакожъ въ земской дѣятельности. Сверхъ того не разграничено понятіе мировыхъ посредниковъ отъ мировыхъ судей, да и не объяснено, почему въ спеціальной части вовсе не говорится объ институтѣ мировомъ. Къ чему же расширять кругъ предмета, котораго полнотою не желаютъ воспользоваться, и расширять безъ доказанныхъ причинъи мотивовъ, не смотря на такое противорѣчіе такого расширенія положительному закону? Но самымъ рѣшительнымъ образомъ должно протестовать противъ самаго опредѣленія, даннаго авторомъ самоуправленію, которое будто бы есть «участіе народа въ управленіи своего отечества». Управленіе отечествомъ, или страной

и народомъ, несомнѣнно принадлежитъ государству и мѣстно нигдѣ не совершается и совершено быть не можетъ. Итакъ по этому опредѣленію, понятіе о самоуправленіи для читателя остается все таки загадкою, и самъ авторъ кажется, не уяснилъ себѣ этого понятія. Не даромъ нѣсколько разъ, въ нѣсколько пріемовъ, въ разныхъ мѣстахъ сочиненія, старается онъ установить понятіе и дать опредѣленіе своему самоуправленію. Въ «предисловіи», самоуправленіе представляется авторомъ, какъ мѣстное управленіе вообще; въ первыхъ строкахъ «Введенія» оно является суммою законоположеній о крестьянскихъ, земскихъ и мировыхъ учрежденіяхъ, далѣе тутъ же оно, повидимому, обнимаетъ собою все внутреннее управленіе; а на первыхъ страницахъ самаго сочиненія самоуправленіемъ признается такой порядокъ внутренняго управленія, при которомъ мѣстныя дѣла завѣдываются, а мѣстныя должности замѣщаются мѣстными жителями, конечно, подъ условіемъ, выраженнымъ на II стр. Введенія, и состоящимъ въ томъ, чтобы правительства не пользовались такою дѣятельностью жителей, какъ службой по наряду, или какъ повинностью, для сокращенія государственнаго бюджета, а сообщали бы жителямъ дѣйствительное вліяніе на ходъ дѣлъ, т.-е. вѣроятно на управленіе ихъ отечествомъ. Какъ же при этомъ отдѣлить и отличить народное представительство, отъ земскаго самоуправленія, на чемъ настаиваетъ авторъ во «Введеніи» IV стр.? «Самоуправленіе строго отличается отъ народнаго представительства», говоритъ князь Васильчиковъ; но гдѣ, и кѣмъ и почему, и какъ, этого не видно изъ его сочиненія. Нѣтъ, пора бы намъ оставить этотъ легкій, но безплодный способъ изслѣдованія, состоящій въ разсказѣ или въ выпискѣ разныхъ фактовъ и въ механическомъ ихъ сопоставленіи; пора обратиться къ способу логическому, единственно пригодному въ вопросахъ права. Послѣдуемъ за авторомъ далѣе.

По его словамъ, самоуправленіе—историческое явленіе, которое у народовъ наиболѣе достигшихъ самостоятельности и свободы раждалось и крѣпло постепенно, въ три періода, въ три пріема, или шага, такъ что сначала самоуправленіе ограничивается раскладкою государственныхъ повинностей на мѣстахъ ихъ сборовъ, по соображеніямъ самихъ обывателей; во второй періодъ, самое расходованіе этихъ государственныхъ налоговъ и повинностей, сколько ихъ причитается на мѣстныя нужды, поручается мѣстнымъ обывателямъ, а на-

конецъ въ третій періодъ развитія самоуправленія судъ и расправа по мѣстнымъ раскладкамъ и расходамъ все тѣхъ же государственныхъ налоговъ и повинностей поручается мѣстнымъ судебнымъ учрежденіямъ, такъ наз. мировымъ судамъ. Признаемся, что въ этомъ очеркѣ кн. Васильчикова мы находимъ исключительно дѣла государственныя, а не земскія, что тутъ-то именно правительство пользуется дѣятельностью мѣстныхъ жителей, какъ повинностью, для сокращенія государственнаго бюджета, и что напр. не токмо встарину, но и теперь въ Сибири ясакъ собирается въ казну русскую не иначе, какъ описаннымъ у автора способомъ, но платя, по соображеніямъ самихъ подлежащихъ сбору. Не о томъ говорятъ наши крестьянскія и земскія учрежденія, и если историческій очеркъ самоуправленія вѣренъ дѣйствительности во Франціи, въ Англіи, въ Пруссіи, то самоуправленіе этихъ странъ не сопоставлять должно съ нашимъ, а формально отрицать въ виду русскаго земскаго сомоуправленія. Но авторъ явно становится на сторону западнаго самоуправленія, въ этомъ его узкомъ пониманіи, и дѣлаетъ изъ него такой выводъ: «по точному буквальному смыслу слова самоуправленіе имѣетъ предметомъ только распоряженія и дѣйствія, предусмотрѣнныя законами, установленныя высшими властями, самодержавными, или представительными, и мѣстныя учрежденія могутъ домогаться независимости и самостоятельности только въ предѣлахъ, установленныхъ этими властями». Другими словами, по нашему автору, мѣстныя учрежденія самостоятельны только въ исполненіи законовъ, подобно частнымъ лицамъ наказа Екатерины В., которыя признаются тамъ свободными также только для исполненія законовъ. Послѣ такого опредѣленія казалось бы, что вопросъ автора: какіе же это предѣлы, установленные высшими властями, и гдѣ прекращается дѣятельность мѣстныхъ учрежденій, и начинается дѣло правительства, совершенно лишній, рѣшаемый произволомъ этихъ властей, ихъ милостію, или ихъ расчетомъ. Самъ авторъ находитъ, что отвѣты на этотъ вопросъ разнообразны до безконечности, т.-е. не имѣютъ общихъ для себя основъ и мотивовъ, не имѣютъ ни теоріи, ни науки, или, иначе, совершенно произвольны. Судя по такому воззрѣнію автора, его изслѣдованіе должно было тутъ остановиться, потому что не о чемъ далѣе разсуждать, и остается исполнить положительный законъ.

Самъ авторъ держится того же мнѣнія, и потому то онъ

принужденъ доискиваться разумнаго рѣшенія вопроса посредствомъ сравненія и сличенія учрежденій, признаваемыхъ имъ за аналогическія, у разныхъ народовъ, напримѣръ у англичанъ французовъ, американцевъ, прусаковъ и русскихъ; объявлять ту систему отношеній между государственными и мѣстными учрежденіями «лучшею которая соблюла одновременно интересъ государственный и пользу общественную, и согласила, на сколько соглашеніе возможно, порядокъ съ свободой». Итакъ рѣшеніе предложеннаго вопроса о предѣлахъ мѣстнаго управленія и государственной власти авторъ ставитъ въ зависимость не отъ принципа, а отъ результатовъ принятой системы, хотя эти результаты, а именно соглашеніе порядка съ свободой, могутъ быть слѣдствіемъ другихъ причинъ, и вовсе не зависѣть отъ той, или другой системы отношенія между государственными и мѣстными учрежденіями. По крайней мѣрѣ то очевидно, что для рѣшенія вопроса о достоинствѣ системы по результатамъ, напередъ должно доказать, что эти результаты именно происходятъ отъ принятой системы. Иначе выйдетъ то, что часто выходитъ, что напримѣръ мы будемъ всѣ системы англійскія, во всѣхъ родахъ, признавать за лучшія, за примѣрныя, потому что существуетъ въ Англіи искомый результатъ: наибольшее соглашеніе порядка и свободы. Такъ случилось съ княземъ Васильчиковымъ, который именно англійское самоуправленіе считаетъ идеаломъ и прототипомъ для всѣхъ странъ. Послушаемъ же автора. «Чародѣйное вліяніе французской революціи (разумѣется, первой) отвлекло вниманіе Европы отъ практическихъ заботъ управленія и перенесло всѣ помыслы на вопросы о формахъ правленія, о правахъ человѣка, т. е. на политику. Наконецъ механизмъ сталъ полнымъ и вѣрнымъ, и по всѣмъ правиламъ политической механики долженъ былъ идти и вести народы къ свободѣ и благосостоянію. Но онъ шолъ такъ порывисто и неровно. вскорѣ сдѣлалось замѣтно, что и франція и континентальныя государства, перенявшія учрежденія великой націи, отстаютъ отъ современнаго движенія» морскихъ державъ, Америки и Англіи». И вотъ «въ пятидесятыхъ годахъ настоящаго столѣтія обращено было особое вниманіе на порядокъ управленія, господствующій въ Англіи и Соединенныхъ Штатахъ подъ названіемъ selfgovernment. «Съ тѣхъ поръ эта система содѣлалась любимымъ прредметомъ изученія и вошла въ моду великосвѣтскихъ обществъ». Кажется, по той же причинѣ

нашъ авторъ поставилъ средоточіемъ своего изслѣдованія не русскія земскія учрежденія, а самоуправленіе Англіи, отчего произошло то странное явленіе въ его книгѣ, по которому иногда кн. Васильчиковъ порицаетъ нашъ законъ 1864 г. за то, что онъ даетъ Россіи болѣе, чѣмъ сколько даютъ англійскіе законы своему населенію. Итакъ въ Англіи дѣйствуетъ начало самоуправленія selfgovernment, во Франціи—централизація, centralisation administrative, а въ Пруссіи—принципъ сословности, Ständeverfassung. Гдѣ же аналогія съ нашими земскими учрежденіями, очевидно отрицающими французскую централизацію, подобно тому какъ они явно отрицаютъ прусскую сословность и, понятно, могутъ быть шире, или уже англійскаго самоуправленія, потому что въ Англіи это исторически данное явленіе, въ Россіи же теоретически обдуманное?

«Въ Англіи, говоритъ авторъ, всѣ внутреннія дѣла, судебныя, хозяйственныя и отчасти административныя завѣдываются мѣстными жителями; правительственныхъ агентовъ на мѣстахъ въ провинціяхъ не полагается; высшая администрація ревизуетъ, учитываетъ, повѣряетъ, но непосредственно черезъ коронныхъ чиновниковъ ничѣмъ не управляетъ». Впрочемъ есть на мѣстахъ «должности отъ короны, но замѣщаемыя ею подъ условіями, чтобы лица по своему имуществу принадлежали мѣстности и чтобы послѣднее удовлетворяло извѣстному цензу». Есть въ Англіи собранія, и сходки, и съѣзды, но единственно для производства выборовъ, не имѣя права ни совѣщаться, ни производить дѣлъ, которыя вершатся выбранными или коронными чинами безъ участія прочихъ жителей». Спрашивается, что общаго между такимъ самоуправленіемъ Англіи, гдѣ населеніе участвуетъ только въ выборахъ, и нашимъ самоуправленіемъ по закону 1864, гдѣ населеніе мѣстное составляетъ собранія земскія и губернскія, съ властію составлять рѣшенія и обязательныя постановленія? Но самое любопытное въ книгѣ это—положеніе, что во Франціи, при ея административной централизаціи, авторъ находитъ также самоуправленіе. «Французскую систему обыкновенно называютъ централизаціей; но это не совсѣмъ вѣрно. Народное самодержавіе есть верховное право большинства, переходящее отъ лица къ народу, и отъ народа къ лицу. Наполеоны и революціонеры 1793 признавали себя неограниченными властителями потому, что самодержавный народъ призвалъ и помазалъ ихъ на царство. Избраніе главы правленія есть по-

слѣднее слово французской свободы; какъ скоро оно сказано, народъ умолкаетъ, возвращается къ вѣрноподданническому безмолвію» и т. д. Другими словами, неограниченность администраціи, будучи продуктомъ воли народа, въ тоже время есть собственное управленіе державнаго народа, и на мѣсто централизаціи получается самоуправленіе. И все это сказано только для того, чтобы не исключить Франціи изъ сравнительной картины самоуправленія.

Что до нѣмецкаго самоуправленія, то кн. Васильчиковъ, назвавъ сыновъ Германіи «блудными сынами этой ученой страны», смѣется надъ ихъ предложеніемъ заимствовать для Россіи начала, подобныя слѣдующимъ: «тамъ мы найдемъ дѣйствующими почтенные патріархальные порядки, могущіе вывести насъ изъ демократической колеи, въ которую мы погружаемся, на путь спасенія, а именно: патримоніальный судъ, вотчинную полицію, попечительство землевладѣльцевъ надъ школами и причтами, право самостоятельнаго, т. е. помимо выборовъ, голоса, virilstimme, а самое важное, это—указаніе, какимъ порядкомъ можетъ быть отмѣнено право крѣпостной зависимости (хорошо право!) и сохранена зависимость въ облагороженной формѣ, лишающая весь низшій классъ сельскихъ обывателей всякаго голоса въ дѣлахъ общественнаго самоуправленія»? Какое же это общественное самоуправленіе, когда многочисленнѣйшій изъ классовъ общества лишенъ въ немъ всякаго голоса?

Переходя къ Россіи, авторъ останавливается на «таинственномъ значеніи слова земство», которое, по его мнѣнію, относится къ представительству не народа, а земли,—къ интересамъ не государственнымъ, а мѣстнымъ, частнымъ, такъ что характеромъ нашей общественной организаціи авторъ признаетъ «нѣсколько смутное, но глубокое сліяніе двухъ коренныхъ началъ всякой гражданственности—личнаго и поземельнаго», «впрочемъ съ преобладаніемъ послѣдняго надъ первымъ, такъ что русскій человѣкъ ни индивидуально, какъ гражданинъ, ни въ общественномъ строѣ, какъ народъ, не упоминается въ лѣтописяхъ устроенія русскаго царства, или всероссійской Имперіи». «Слова: гражданинъ, народъ, отечество чужды нашему лѣтописному, оффиціальному, вообще письменному языку, и замѣняются словами: земля, земство, земскіе люди» и т. д. Отсюда кн. Васильчиковъ выводитъ «отсутствіе личнаго элемента» въ Россіи, или принципа личности, по выраженію другихъ, равно какъ преобладаніе

земли и земельнаго элемента въ русскомъ правѣ, съ какимъ-то роковымъ вліяніемъ». По этому же случаю авторъ говоритъ о «шаткомъ и смутномъ понятіи земства, какъ представительства земли, не дававшаго правъ людямъ» и т. д. и т. д., заключая положеніемъ, по которому у насъ крестьянство занимаетъ будто бы первенствующее мѣсто въ общественномъ и земскомъ строѣ.— Но таинственно слово «земство» только для немногихъ изъ русскаго народа, который изстари себя именуетъ земщиной въ противоположность то дружинѣ, то приказному, правительственному управленію, то опричинѣ Царя Грознаго. Выраженія: земскіе сборы, или земскія дѣла, въ отличіе отъ церковныхъ соборовъ, или отъ государственныхъ дѣлъ Уложенія Алексѣя Михайловича ясно доказываютъ, что тутъ разумѣются соборы и дѣла народа, по его народнымъ, свѣтскимъ интересамъ, не церковнымъ но и не государственнымъ. И ясно для всѣхъ, что слово: земство происходитъ не отъ земли непосредственно, а отъ земщины, отъ земской общины; отъ слова: земля вышли бы земельный, земляной. Съ другой стороны, выраженіе «русская земля», вмѣсто «народъ», не есть исключительное явленіе русскаго языка и русской логики, потому что и у нѣмцевъ Deutschland, Holland, England часто употребляются вмѣсто народовъ, населяющихъ эти страны. Наконецъ, если князь не находитъ въ русскомъ языкѣ чужестранныхъ выраженій для извѣстныхъ понятій, не слѣдуетъ выводить отсюда отсутствія самихъ понятій. Замѣтимъ впрочемъ, что французское слово patrie, происходя отъ латинскаго patria, содѣлалось существительнымъ именемъ только у французовъ, и что римляне, при словѣ: patria, конечно разумѣли patria terra, какъ теперь нѣмцы говорятъ: Vaterland, и какъ русскіе встарину, да и теперь еще, обозначаютъ словами: родная земля. А что касается до слова: гражданинъ, civis, то конечно лучше не стѣснять понятія о лицѣ и субъектѣ права, относя его къ однимъ городскимъ учителямъ, какъ то было въ Римѣ, а расширять на всю ширь понятія о человѣкѣ, какъ разумномъ существѣ. Но довольно, для составленія понятія о началахъ, высказанныхъ во «Введеніи» кн. Васильчикова. Нельзя не видѣть, что разсматриваемое сочиненіе много потеряло въ ясности и основательности отъ того, что авторъ избралъ точкою отправленія не русскій законъ 1864 г. о земскихъ учрежденіяхъ, а неопредѣленное иноземное понятіе о самоуправленіи, по Гнейсту и др. Начавши съ закона 1864 г., онъ нашелъ бы, что такъ-называемое самоуправленіе у насъ относится исключительно къ мѣстности, къ земству,

къ селамъ и городамъ, къ общинамъ и дворамъ, къ уѣздамъ губерніямъ, областямъ, подобно тому какъ и въ Англіи извѣстная у Гнейста часть самоуправленія, именно хозяйственная, находитъ для себя почву въ землѣ, въ графствахъ, въ приходахъ, и въ ихъ соединеніяхъ, unions. Но также нашелъ бы авторъ что въ Пруссіи нельзя говорить о земскомъ самоуправленіи, при господствѣ сословій, хотя тамъ есть такъ называемое общественное, т. е. сословное самоуправленіе, а во Франціи господствуетъ цетрализація государственная, или полнѣйшее отрицаніе всякаго самоуправленія, какъ земскаго такъ и сословнаго. Книга кн. Васильчикова выиграла бы много ясности отъ сокращенія въ объемѣ.

Переходимъ къ самой книгѣ. Т. 1 гл. 1 излагаетъ преимущественно общее понятіе о самоуправленіи, которое, по автору, состоитъ въ такомъ порядкѣ «внутренняго управленія, при коемъ мѣстныя дѣла и должности завѣдываются и замѣщаются мѣстными жителями». «Такое опредѣленіе, говоритъ авторъ, выражаетъ только общее понятіе о самоуправленіи, и кажется намъ вѣрнымъ, потому что не предрѣшаетъ многихъ спорныхъ вопросовъ». «Много тутъ понятій, требующихъ точнаго опредѣленія, напр. мѣстные жители,—внутреннее управленіе,—мѣстныя дѣла,—точнѣйшее ихъ опредѣленіе составляетъ предметъ первой части нашего сочиненія» .Итакъ автору представляется вѣрнымъ такое опредѣленіе самоуправленія, которое не предрѣшаетъ многихъ вопросовъ, или, иначе выражаясь, не объясняетъ дѣла, и ничего не говоритъ. Мы напротивъ считаемъ такія опредѣленія излишними, вовсе ненужными. Далѣе, вмѣсто того, чтобы тутъ же приступить къ анализу такого общаго опредѣленія, авторъ останавливается на томъ фактѣ, что слово: самоуправленіе есть буквальный переводъ англійскаго слова selfgovernment, какъ у насъ, такъ и на западѣ Европы,—и что многіе принимаютъ самоуправленіе только въ томъ значеніи, смыслѣ и размѣрѣ, какой придан ему въ Англіи. Авторъ какъ бы намекаетъ, что легко и удобно сократить изслѣдованія о томъ, что такое мѣстные жители,—мѣстныя дѣла,—внутреннее управленіе, обратясь за разъясненіемъ къ существующему въ Англіи selfgovernment, и принявъ его за норму и за образецъ. Правда, авторъ въ этой первой главѣ сочиненія еще полемизируетъ противъ подобнаго воззрѣнія «многихъ», но только тутъ, только на словахъ, а на дѣлѣ, во всемъ послѣдующемъ изложеніи, явно держится англійскаго самоуправленія. Но, прежде чѣмъ перейдемъ къ разбору

послѣдующихъ главъ сочиненія, для доказательства такого приговора, позволимъ себѣ усумниться даже въ буквальности перевода selfgovernment. Нѣмецкое selbst и англійское self, въ сложныхъ словахъ, подобныхъ Selbstfervaltung и selfgovernment означаютъ не токмо *само*управленіе, но и *себя*управленіе или собою, и буквально были бы переданы у насъ только словами: самоуправленіе собственными дѣлами. Но къ дѣлу.

Вторая глава: о предѣлахъ власти мѣстныхъ учрежденій и пр. начинаетси тѣмъ, что авторъ отстаиваетъ за государствомъ *нѣкоторыя высшія* права, а именно право законодательства и право обложенія населенія податьми, и потому осуждаетъ нашъ законъ 1867 янв. 1, какъ будто въ немъ находится посягательство на эти верховныя права. Ссылка у автора сдѣлана на слѣдующія статьи: 6, по которымъ законъ 1864 предоставляетъ земскимъ учрежденіямъ дѣйствовать самостоятельно въ кругу ввѣренныхъ имъ дѣлъ;—66, по которой они могутъ издавать постановленія, обязательныя для всего земства, по тексту автора,—68, въ которой дается имъ право установлять новые сборы на земскія повинности и на всякія потребности, по опредѣленію земскихъ собраній, согласно 8—11 стат. времен. правилъ. Сопоставляя эти статьи. кн. Васильчиковъ говоритъ: 1) «во всѣхъ случаяхъ, гдѣ законъ не успѣлъ дать яснаго указанія, земскія учрежденія дѣйствуютъ независимо отъ правительственнаго надзора, и имѣютъ право издавать постановленія, обязательныя для всей губерніи,—слѣдовательно «это соотвѣтствуетъ законодательной власти». 2) «Право установлять новые сборы на предметы необязательные, и опредѣлять ихъ по усмотрѣнію собраній—это значитъ уравнять наши земскія учрежденія съ представительными собраніями и передать имъ, можетъ быть, безъ умысла законодателя, самую высшую власть правленія—обложенія податями». Нѣтъ этого ни въ Агліи, ни во Франціи, ни въ Пруссіи, продолжаетъ авторъ, и мы переступили предѣлы, положенные въ западной Европѣ для мѣстнаго самоуправленія. Но почему мы не правы при этомъ, а не западная Европа? Подумаемъ. Кн. Васильчиковъ отстаиваетъ только *нѣкоторыя* высшія государственныя права; а мы убѣждены, внимательно вчитываясь въ законъ 1864, что русское правительство не поступилось, да и не могло поступиться въ пользу земства никакимъ и ни однимъ изъ правъ государственныхъ. Ни законодательство, ни миръ и война, ни государственный бюджетъ, ни судъ и расправа, ни государственная администрація не вручаются мѣст-

нымъ жителямъ, да и не могутъ быть вручены имъ, уже потому что они *мѣстные* жители. Упомянутыми статьями нашего закона передано земству только право распорядиться тѣмъ, что ему принадлежитъ, какъ хозяину. Каждое село и каждая деревня имѣетъ право дѣлать сборы для покрытія тѣхъ—другихъ своихъ нуждъ, не говоря уже о городахъ, напр. о Петербургѣ и Москвѣ, и никому въ голову не придетъ утверждать, что думы, или сходы пользуются тутъ верховнымъ правомъ налагать подати. Но такъ же точно каждая деревня и каждое село, не говоря уже о городахъ, должны имѣть право составлять на сходахъ и въ думахъ обязательные приговоры, и никто еще не видалъ въ этомъ аттрибутовъ верховной законодательной власти. Прибавимъ, что кн. Васильчиковъ не правильно читаетъ текстъ 66 ст. зем. учр., гдѣ говорится о постановленіяхъ обязательныхъ для мѣстныхъ земскихъ учрежденій губерніи, а вовсе не для самаго земства. Незабудемъ наконецъ, что земскія учрежденія состоятъ и подъ закономъ и подъ надзоромъ, какъ въ вопросахъ о предѣлахъ своей власти, такъ и въ вопросахъ о вѣдомствѣ, дѣятельности и т. д. Нѣтъ, очевидно, нашъ авторъ увлекся явленіями запада, и не хочетъ уступить болѣе того, что западъ имѣетъ, хотя бы на это бо́льшее мы имѣли право по здравому смыслу, на основаніи нашей исторіи, или даже по буквѣ положительнаго закона.

Еще нагляднѣе высказывается такое воззрѣніе автора на дѣло въ пятой главѣ его сочиненія, говорящей о вѣдомствѣ земскаго самоуправленія. Тутъ уже формально въ противность закону 1864 г. авторъ осуждаетъ наши земскія учрежденія на стѣсненіе ихъ вѣдомства до размѣровъ запада, или лучше Англіи, предоставляя имъ только: 1) пути сообщенія, 2) общественное призрѣніе, 3) народное продовольствіе, 4) народное здравіе, 5) народное начальное образованіе, 6) *частію* общественное благоустройство, а именно столько, сколько о томъ упомянуто въ уставѣ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, куда отнесены: соблюденія порядка въ публичныхъ мѣстахъ, надзоръ за строительною частію, охраненіе отъ пожаровъ и потравъ,—наблюденіе за рѣчнымъ судоходствомъ и охраненіе личной безопасности отъ неосторожности.—7) тюрьмы, 8) смѣты и раскладка сборовъ,—9) раскладка государственныхъ податей, 10) мировой судебный институтъ и судъ присяжныхъ, съ присовокупленіемъ, что хотя эти послѣднія учрежденія не относятся къ вѣдомству земства, но составляютъ принадлежность само-

управленія. Гдѣ? Въ Англіи? Не сомнѣнно, что князь Васильчиковъ признаетъ selfgoverment за исходный, рѣшающій дѣло фактъ, и потому оставляетъ намъ законъ о земскихъ учрежденіяхъ безъ надлежащаго изученія. Вотъ почему въ III главѣ говоритъ онъ объ отношеніи народнаго представительства къ мѣстному самоуправленію, въ главахъ VII—XIV излагаетъ различныя учрежденія самоуправленія въ Англіи, во Франціи, въ пруссіи, и только двѣ послѣднихъ, а именно XV и XVI, да и не вполнѣ посвящаетъ русскому земству. Въ этомъ мѣстѣ, въ XV главѣ говорится объ учрежденіяхъ крестьянскихъ, долженствующихъ, по автору, служить основаніемъ для учрежденій земскихъ. «Силою вещей, волость постепенно превращается въ общую исполнительную инстанцію, гдѣ стекаются всѣ дѣла всѣхъ вѣдомствъ»,—«становится общей низшей инстанціей, завѣдывающею всѣми дѣлами внутренняго управленія», «агентомъ земскихъ и мировыхъ учрежденій», и т. д. Во имя всего этого, нашъ авторъ считаетъ волость исходною точкою и клѣтчаткою для народнаго самоуправленія, требуя впрочемъ ея престройства въ томъ смыслѣ, чтобы въ волость входили не одни крестьяне, но и землевладѣльцы. Послѣ того князь Васильчиковъ занимается установленіемъ выборовъ, по этимъ волостямъ, круга ихъ дѣйствій,—предѣловъ ихъ власти и т. п. Но онъ не замѣчаетъ, что такимъ образомъ онъ обходитъ въ организаціи нашего земства и города и села съ деревьями, потому что волость стоитъ выше села, и ихъ не захватываетъ, но рядомъ съ городами, и ихъ не обнимаетъ. Какъ же можетъ такая волость служить основою земства, куда должны входить всѣ элементы населенія? Мы не говоримъ уже о томъ, что нашъ авторъ очевидно смѣшалъ здѣсь русскую общину съ волостію, у которой нѣтъ своей волостной земли, какъ у общины, а потому нѣтъ у волости и основъ ни для хозяйства ни для хозяйственнаго самоуправленія. Община можетъ быть и сельскою и городскою, тогда какъ волость относится къ однимъ сельскимъ учрежденіямъ; сельская община является въ видѣ села, деревни, съ ихъ землями а потому и она одна можетъ назваться лицомъ юридическимъ, или правильнѣе обществомъ тогда какъ волость есть административное учрежденіе для управленія селами и деревнями, которыя по этому сами служатъ необходимымъ фундаментомъ для волости, или ея необходимыми, составными частями элементами. Безъ селъ и деревень волость не мыслима какъ не мыслимо управленіе безъ подлежащихъ управленію. Нѣтъ

основа земства не въ волости, а въ общинахъ сельскихъ и городскихъ, и даже въ дворахъ, въ свойствахъ. Вотъ гдѣ клатчатки земства. Нельзя же наконецъ не знать, что волостное правленіе для крестьянъ тоже, что какое нибудь депутатское соараніе для дворянъ, или купеческое управа для купцовъ. Смѣшеніе волости съ сельской общиной повело кн. Васильчикова далѣе къ смѣшенію общества съ сословіями, и къ написанію его XV гл., въ которой, неизвѣстно почему и для чего изложена исторія крестьянства, съ отмѣною крѣпостью зависимости и съ устройствомъ его быта въ разныхъ государствахъ запада, хотя нашъ авторъ молчитъ при этомъ объ исторіи дворянства, духовенства, купечества, вообще о всѣхъ другихъ сословіяхъ. И весьма основательно, потому что самоуправленіе сословій существенно разнится отъ народнаго земскаго, не знающаго сословій. Но, въ такомъ случаѣ, очевидно, не слѣдовало спеціально заниматься исторіею крестьянства, ни ихъ волостными, правленіями ни ихъ волостями.—

Обращаемся къ спеціальной части сочиненія кн. Васильчикова и именно къ его II Тому, помѣщая сужденіе о III-мъ въ своихъ библіографическихъ замѣткахъ. Слѣдующіе вопросы разсмотрѣны во второмъ томѣ « самоуправленія», о школахъ, 2, о бѣдныхъ 3, о дорогахъ 4, о народномъ здравіи. И только! Гдѣ же тутъ *все внутреннее управленіе*, о которомъ такъ часто упоминалось у автора даже съ правомъ вліянія на управленіе страны! По чему же опущены здѣсь многіе вопросы, возбужденные самимъ закономъ 1864 г. Очевидно, потому что англійское самоуправленіе расширяется только на эти четыре вопроса. По чему же опущены здѣсь хоть тѣ вопросы, которые во введеніи «у самаго автора признаны за вопросы, относящіеся къ самоуправленію? По тому что только четыре означенные вопросы входятъ въ самой Англіи въ область такъ называемаго мѣстнаго самоуправленія. Какъ извѣстно, Гнайтъ находитъ въ Англіи три формы самоуправленія: 1, чиновное, 2, мѣстное, и 3, совершаемое разными частными обществами. Кн. Васильчиковъ обратилъ свое вниманіе только на мѣстное, и вотъ изъ богатаго русскаго закона 1864 г. составляется выборка статей, относящихся только къ четыремъ вопросамъ англійскаго самоуправленія. Но самъже авторъ говоритъ во введеніи, что самоуправленіе есть явленіе историческое; зачѣмъ же онъ намъ навязываетъ учрежденіе чужой, исторіи, и нехочетъ признать за Россіей имѣть свою исторію, и изъ себя раждать свои историческія явленія и учрежденія?

Это дѣло автора, также точно, какъ исключительное его вниманіе, при изложеніи этихъ четырехъ вопросовъ, къ иноземнымъ законамъ, къ иноземной исторіи, къ иноземнымъ учрежденіямъ.

Такъ вопросу о школахъ въ Пруссіи, въ Америкѣ, въ Англіи и во Франціи посвящены авторомъ три главы втораго тома, или 136 стран., и только одна глава толкуетъ о школахъ въ Россіи за то наполняется положеніями, цифрами, примѣрами изъ уставовъ и статистики иноземныхъ государствъ. Что собственно до Россіи касается, можетъ быть выражено въ короткихъ положеніяхъ автора 1) относительно разъясненія статьи нашего закона о земскихъ учрежденіяхъ, говорящихъ объ участіи земства въ дѣлахъ народнаго образованія, преимущественно въ хозяйственномъ отношеніи, и 2) относительно вѣдомства этого участія, куда авторъ готовъ причислить учительскія семенаріи, но куда не должны, по автору, входить среднія, или высшія учебныя заведенія страны. Волость завѣдываетъ школой, земство ассигнуетъ для нея пособіе, а казна присуждаетъ награды за успѣхи и такъ прочіе. Въ заключеніе главы ставятся вопросы объ обязательности ученія и его безплатности, о размѣщеніи школъ, о содержаніи учителей семинарій и такъ далѣе. «Искреннее содѣйствіе начальному образованію, по словамъ автора, должно быть оказано деньгами, которые найдутся, если захотятъ искать ихъ въ сокращеніи земскихъ расходовъ». Но какіе расходы лишніе и подлежатъ сокращенію, обращаясь именно на пользу образованія; конечно, такой вопросъ à priori рѣшенъ быть не можетъ, а потому и дѣло содѣйствія образованію не можетъ подлежать общему рѣшенію.—Главою о школахъ въ Россіи кончается почти половина II-го тома о самоуправленіи, а именно 190 страницъ изъ 477. Авторъ замѣтно, торопится къ заключенію, подавая тѣмъ и для насъ примѣръ полезный. Ограничимся же указаніемъ на содержаніе послѣднихъ страницъ сочиненія. Главы XXI, XXII и XXIII заняты изложеніемъ уставовъ о нищихъ въ Англіи, во Франціи въ Пруссіи, итолько одна XXIV посвящена нашему общественному призрѣнію, да и то вмѣстѣ съ обширнымъ нашимъ законодательствомъ по народному продовольствію. Дорожное дѣло раздѣлено равнѣе, занимая одну главу по западнымъ законодательствамъ о дорогахъ, а другую по нашимъ. Народное здравіе, какъ послѣдній вопросъ, помѣщено въ одной послѣдней главѣ XXVII, гдѣ оговорены и западные уставы и русскія учрежденія, по этому дѣлу.

Въ заключеніе нашего разбора сочиненія князя Василъчикова

позволяемъ себѣ сдѣлать слѣдующую выписку изъ книги, для наглядnаго представленія читателю того живаго движенія мыслей автора, того легкаго и красиваго языка, и того особаго, но искренняго отношенія нашего писателя къ изслѣдованію которые характеризуютъ его творенія «о самоуправленіи». Общественная, или по русски земская организація государствъ латинской и германской расъ представляетъ для насъ много отдѣльныхъ учрежденій, заслуживающихъ изученія, но мало такихъ, которые бы стоили нашего подражанія.

«Примѣры эти могутъ служить скорѣе предостереженіями, чѣмъ наставленіями».

«Россіи предстоитъ выборъ изъ двухъ направленій, которыя до извѣстной степени другъ друга исключаютъ: политическое могущество, высшее образованіе, внѣшнее благоустройство не могутъ развиваться неограниченно безъ того, что бы не пострадали отъ нихъ внутреннее благосостояніе, народное просвѣщеніе, народное хозяйство. Равновѣсіе между этими двумя высшими интересами можетъ быть поддержано только посредствомъ совокупнаго дѣйствія центральнаго правительства и мѣстнаго самоуправленія.

«Русская земля представляетъ для развитія самоуправленія почву болѣе привольную, чѣмъ средне европейскія страны; она имѣетъ въ сельской общинѣ и въ рабочей артели первообразный очеркъ той системы ассоціаціи, которая вырабатывается нынѣ на западѣ съ неимовѣрнымъ трудомъ и составляетъ основу народной самодѣятельности.

«Она имѣетъ обильный запасъ земельныхъ лѣсныхъ угодій, съ помощію которыхъ можетъ порѣшить мирно главный вопросъ будущности аграрной.

«Низшіе народные классы, вліяніемъ общиннаго владѣнія, болѣе привыкли къ общежитію, къ мірской расправѣ, къ совѣщанію и сходкѣ, чѣмъ сельскіе жители другихъ странъ».

Эти черты русскаго быта даютъ намъ безспорное преимущество для разрѣшенія» задачъ и вопросовъ земскаго, т. е. соціальнаго благосостоянія, а именно:

1) О вольномъ переходѣ.

2) О колонизаціи.

3) О преобразованіи волости въ общесословное учрежденіе.

4) О субсидіяхъ изъ казенныхъ и земскихъ суммъ для народныхъ школъ.

5) О ссудныхъ товариществахъ.

6) О правѣ на общественное призрѣніе и продовольствіе.

7) О взаимномъ страхованіи, и

8) О преобразованіи прямыхъ податей въ подоходный налогъ и такъ далѣе.

Послѣдній, самый главный вопросъ «сводится окончательно къ тому чтобы найдти, кромѣ земли и земледѣлія, другіе источники доходности, и распредѣлить тягости сообразно этой доходности».

«Этотъ трудъ, это раскрытіе можетъ быть произведено только посредствомъ земскихъ учрежденій».

«Вотъ то глубокое впечатлѣніе, которое мы вынесли изъ всѣхъ нашихъ изслѣдованій, и которое желали бы передать нашимъ читателямъ».

Таковы послѣднія слова нашего автора, высказанныя на послѣднихъ страницахъ третьяго тома его самоуправленія. Очевидно, что подати, налоги, финансія экономическіе вопросы интересуютъ нашего автора гораздо болѣе, чѣмъ право и вопросы юридическіе, безъ которыхъ однакожъ не мыслимо никакое благосостояніе страны и народа.

В. Лешковъ.

1872 г. января 21.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Мы слышали, что, въ виду повторяющагося ежегодно и ведущаго къ большимъ неудобствамъ накопленія дѣлъ въ Государственномъ Совѣтѣ, къ веснѣ, сдѣлано распоряженіе, чтобы дѣла разрѣшеніе которыхъ министры и главноуправляющіе, признаютъ нужнымъ до вакантнаго времени, были вносимы въ государственный совѣтъ *непремѣнно до 1 апрѣля*, а наиболѣе сложныя и обширныя не позже исхода февраля, дабы оставалось время, какъ для приготовленія ихъ къ докладу, такъ и для разсмотрѣнія ихъ за тѣмъ, безъ поспѣшности, съ необходимымъ тщаніемъ.

— Недавно въ съѣздѣ одесскихъ мировыхъ судей разбиралось дѣло о превращеніи, при пересылкѣ по одесской желѣзной дорогѣ, семи индюковъ въ зайца. Дѣло это, по словамъ корреспондента «Никол. Вѣстн.», возникло по иску землевладѣльца Коллонтая къ управленію одесской желѣзной дороги въ суммѣ 98 р. с., за утраченный багажъ.

«Правительственный Вѣстникъ» сообщаетъ, что въ Новгородской губерніи многіе изъ крестьянъ, призываемыхъ въ городъ для исполненія обязанностей присяжныхъ засѣдателей во время сессіи окружнаго суда, не имѣя собственныхъ средствъ, по бѣдности, затруднялись въ содержаніи себя, и въ этой крайности обращались съ просьбою о пособіи въ земскія управы. Земскія собранія, которымъ управы докладывали объ этомъ, отнеслись съ полнымъ сочувствіемъ къ положенію бѣдняковъ, и изъ земскихъ сборовъ

на 1872 г. ассигновали въ пособіе имъ: по Крестецкому уѣзду 100. р., Кириловскому 150 р., Череповскому, Тихвинскому и Демянскому открытъ управамъ кредитъ, сколько потребуется. Крестецкое и череповское собранія постановили, чтобы пособіе выдавалось въ размѣрѣ 20 к., демянское и тихвинское въ размѣрѣ 20 к. въ сутки, а кириловское — размѣръ пособія предоставило усмотрѣнію управы. Пособіе должно выдаваться по удостовѣренію въ дѣйствительной бѣдности просящаго.

— По словамъ корреспондента «Times», японское посольство бывшее недавно въ С.-Франциско, очень интересовалось американской судебной практикой. Посланники аккуратно посѣщали одинъ изъ судовъ въ этомъ городѣ и занимали мѣсто подлѣ судьи, между тѣмъ какъ переводчики записывали ходъ дѣла.

Во то самое время, когда во второмъ отдѣленіи окружнаго суда разсматривалось дѣло *Мясниковыхъ*, обвинявшихся въ поддѣлкѣ духовнаго завѣщанія на нѣсколько сотенъ тысячь руб., въ первомъ отдѣленіи то же суда (21-го февраля) разбиралось дѣло о кражѣ крестьянкою Тимофеевою четырехъ съ половиною копѣекъ. Обстоятельства этого дѣла, какъ сообщаютъ «С.-Пет-Вѣдом.», очень просты: Марья Тимоѳеева—женщина семейная, имѣющая трехъ малолѣтнихъ дѣтей и получавшая весьма скудное содержаніе, испытывая крайнюю нужду, рѣшилась воспользоваться выручкою своего хозяина, и съ этою цѣлью отперла посредствомъ подвернувшагося ей подъ руку ножика, конторку, гдѣ хранились деньги, которыхъ оказалось всего на все $4^1/_2$ копѣйки. Подсудимая, какъ на предварительномъ слѣдствіи, такъ и на судѣ, чистосердечно созналась въ совершенномъ ею преступленіи. Прокуроръ въ немногихъ словахъ, обращенныхъ къ присяжнымъ, указалъ, что. въ виду сознанія подсудимой, фактъ совершенія самаго преступленія не подлежитъ сомнѣнію; рѣчь можетъ быть только о размѣрахъ того наказанія, которому должна подлежать виновная. При этомъ онъ выразилъ надежду, что присяжные съумѣютъ дать надлежащую оцѣнку смягчающимъ обстоятельствамъ, которыя усматриваются на сторонѣ подсудимой. Защитникъ, указавъ на бѣдственное положеніе подсудимой, старался доказать, что преступность Тимоѳеевой—только видимая; что такъ какъ подсудимая дѣйствовала по крайности, то совершенное ею дѣяніе является результатомъ не злой воли, наличность которой необходима для признанія даннаго поступка преступленіемъ, а тѣхъ несчастныхъ обстоятельствъ

ея жизни, которыя побудили ее къ такому поступку. Присяжнымъ были поставлены слѣдующіе вопросы: 1) Виновна ли подсудимая Тимоѳеева въ томъ, что изъ запертаго ящика похитила деньги на сумму менѣе 50 копеекъ? 2) Если виновная по первому вопросу, то совершила ли она преступленіе по крайности и неимѣнію средствъ къ жизни?—Присяжные, послѣ получасоваго совѣщанія, отвѣтили на первый вопросъ: «Да, виновна, но заслуживаетъ полнаго снисхожденія», На второй: «Да, по крайности и неимѣнію средствъ къ жизни.» При этомъ старшина присяжныхъ вручилъ г. предсѣдателю 12 руб. для передачи подсудимой. *Судъ опредѣлилъ: «Лишить Марью Тимоѳееву всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и заключить въ рабочемъ домѣ на 8 мѣсяцевъ; но, въ виду признанія присяжными подсудимую заслуживающею снисхожденія, судъ постановилъ ходатайствовать предъ Государемъ Императоромъ о сокращеніи срока, заключенія на 2 мѣсяца.*

Петербургская дума назначила, по словамъ С.-Петерб. Вѣдом., 1,500 р. въ распоряженіе предсѣдателя петербургскаго окружнаго суда, на устройство комнатъ для присяжныхъ засѣдателей и покупки для нихъ удобной и покойной мебели.

— 8-го февраля, въ 12 часовъ утра, въ камерѣ мироваго судьи 1-го участка г. Харькова, еврей, уроженецъ Кіевской губерніи, сынъ потомственнаго почетнаго гражданина, К., 35-ти лѣтъ, находясь въ числѣ зрителей во время разбора дѣлъ, вдругъ сдѣлалъ выстрѣлъ изъ шестиствольнаго пистолета системы Лефоше въ стоящаго впереди его губернскаго секретаря Владиміра Дорошенко и произвелъ легкую контузію правой лопатки. Драповое пальто на толстомъ слоѣ ваты оказалось прострѣленнымъ насквозь; пуля же найдена на полу въ камерѣ. Состояніе здоровья Дорошенко удовлетворительно и, по заключенію доктора, дурныхъ послѣдствій не предвидится. К. при дознаніи объяснилъ, что онъ сдѣлалъ выстрѣлъ умышленно, покушаясь на убійство Дорошенко, который наносилъ ему прежде оскорбленія.

— «Одесскій вѣстникъ» сообщаетъ, что въ засѣданіяхъ одесской общей думы 8-го и 9-го февраля обсуждался вопросъ о раздѣленіи Одессы на судебно-мировые участки, причемъ постановлено избрать двѣнадцать участковыхъ судей и одного запаснаго. Выборы судей, по слухамъ, будутъ происходить 2-го апрѣля.

Въ самомъ непродолжительномъ времени имѣетъ быть внесено въ государственный совѣтъ заключеніе министра финансовъ, вмѣстѣ съ составленнымъ податною коммисіей проектомъ, по реформѣ гербоваго сбора. «Моск. Вѣд.» утверждаютъ: что по вновь передѣланному проекту гербоваго устава предполагается обложить налогомъ акціи и облигаціи акціонерныхъ компаній и закладные листы поземельныхъ кредитныхъ товариществъ, въ размѣрѣ 40 к. съ каждой штуки, а также дѣлопроизводство у всѣхъ должностныхъ лицъ и во всѣхъ учрежденіяхъ общественныхъ, земскихъ и сословныхъ (за исключеніемъ крестьянскихъ и благотворительныхъ), по 40 к. съ каждаго листа просьбы, объявленій и т. п. по 40 к. за каждый отвѣтъ на прошенія.

Въ видахъ улучшенія нашей системы крѣпостныхъ пошлинъ, возбужденъ какъ пишутъ тѣ же «Вѣдомости», вопросъ объ установленіи взиманія одного процента пошлины со всѣхъ закладныхъ на недвижимыя имущества, а также со всѣхъ актовъ необязательно совершаемыхъ крѣпостнымъ порядкомъ и не передающихъ права полной собственности.

Министерствомъ внутреннихъ дѣлъ переданы, по словамъ той же газеты, въ комитетъ министровъ для утвержденія: представляніе о размѣрѣ денежнаго отъ казны пособія получившимъ прежнія права состоянія политическимъ ссыльнымъ изъ привилегированныхъ сословій и ихъ семействъ, и записка, по возбужденному тульскимъ губернскимъ земскимъ собраніемъ ходатайству объ уменьшеніи.

— По единогласному опредѣленію городской думы, въ г. Владимірѣ открыта подписка на учрежденіе школы въ с. Черкутинѣ (Владимірской губерніи)—мѣстѣ родины графа М. М. Сперанскаго.

— «С.-Петерб. Вѣдомости» получили изъ Бирска письмо, состоящее изъ слѣдующаго ряда вопросовъ:

«Правда-ли, что одинъ администраторъ въ Бирскѣ, при представленіи ему мѣстныхъ чиновниковъ и волостныхъ старшинъ, объявилъ послѣднимъ, что если они допустятъ дешевую продажу башкирской земли, то виновный будетъ повѣшенъ за ноги?

«Правда-ли, что при производствѣ дознанія чиновникомъ особыхъ порученій Шмотинымъ, по дѣлу о продажѣ башкирами бирскаго уѣзда земли купцу Уткину, лица, подлежавшія сиросу предварительно содержались подъ арестомъ по нѣскольку сутокъ?

«Правда-ли, что арестованныхъ было до 60 человѣкъ, и изъ

чцсла ихъ одно лицо, непричастное дѣлу, содержалось 43 дня?

«Правда-ли, что на Шмотина поступила жалоба, что онъ не платилъ за съѣстные продукты, бралъ медъ и т. п. вещи?

«Правда-ли, что при производствѣ дознанія, самопроизвольно, безъ соблюденія установленныхъ положеніемъ 19-го февраля 1861 года правилъ, удалялись имъ волостныя и сельскія должностныя лица?

«Кромѣ того, желательно получить подробныя свѣдѣнія о дѣлѣ по продажѣ земли башкирами купцу Уткину до 50,000 десятинъ за 8,000 рублей, а также и по продажѣ въ уфимскомъ уѣздѣ купцу Кузнецову 15,000 десятинъ за 30 000 рублей, съ разсрочкой уплаты на 10 лѣтъ.

— Вѣнскія газеты сообщаютъ, что д-ръ Дубъ, еврей назначенъ членомъ пражскаго земскаго суда: это первый случай, что еврей сдѣланъ въ Прагѣ судьей.

Въ государственномъ совѣтѣ, по извѣстіямъ «Русск. Міра», слушалось дѣло: о дополненіи статьи 131-й судебныхъ устав. о порядкѣ возложенія обязанностей на лицъ прокурорскаго надзора.

— По словамъ «Крестовой Газеты», недавно возобновленъ указъ, которымъ въ Германіи вступленіе дипломатовъ въ бракъ поставлено въ зависимость отъ разрѣшеній правительства.

— Статистическія данныя показываютъ, что на 100 законнорожденныхъ приходится въ Лондонѣ 4 незаконнорожденныхъ, въ Лейпцигѣ 20, въ Парижѣ 48, въ Мюнхенѣ 91, въ Вѣнѣ 118, а въ Римѣ 243, слѣдовательно въ 61 разъ больше нежели въ Лондонѣ. Это значитъ, что нормальная жизнь въ резиденціи папы составляетъ уже не правило, а исключеніе. Что касается состоянія общественной безопасности въ различныхъ государствахъ, то въ Англіи 1 убійство приходится на 178,000 жителей, въ Голландіи—на 163,000, въ Пруссіи—на 100,000, въ Австріи—на 57,000, въ Испаніи—на 4.113, въ Неаполѣ—на 2,750, а въ Римѣ, наслѣдіи св. Петра и іезуитовъ—на 750 жителей. Послѣдняя цифра удостовѣряетъ, что въ Римѣ, гдѣ кромѣ папы имѣетъ еще свою резиденцію генералъ-ордена іезуитовъ, вы имѣете 237 разъ больше шансовъ быть убитымъ, нежели въ «еретической» Англіи, и въ 133 1/3 раза больше, чѣмъ въ Пруссіи, двѣ трети которой населены «еретиками».

намъ удастся показать, что для вполнѣ удовлетворительнаго разрѣшенія этого важнаго вопроса самый долгій путь въ сущности есть самый кратчайшій.

I.

Происхожденіе адвокатуры. Право защиты.

Первую страницу исторіи адвокатуры предстоитъ еще написать. Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ беретъ начало это учрежденіе? Каково его происхожденіе? Грецiя или Римъ должны считаться родоначальниками его? Писатели, посвятившіе себя изученію этого предмета, въ своихъ изысканіяхъ отправлялись обыкновенно отъ римской адвокатуры, признавая патронатъ естественнымъ источникомъ ея. Но смотрѣть на дѣло такимъ образомъ значитъ не понимать настоящаго характера того и другаго учрежденія. И что такое самый патронатъ, какъ не одинъ изъ признаковъ феодализма въ общемъ строѣ римскаго общества? Послѣ Нибура и Мишле невозможно сомнѣваться въ томъ, чтобы общество, раздѣленное на патриціевъ и плебеевъ, гдѣ плебей, имѣя патрона въ лицѣ кліентовъ патриція, сдѣлался колономъ, чтобы такое общество не имѣло въ себѣ чего-то феодальнаго. Феодализмъ же никогда и нигдѣ не порождалъ до сего времени ни одного свободнаго учрежденія. То, что принимали за естественную и добровольную защиту кліентовъ или колоновъ, было не болѣе какъ исполненіе извѣстнаго рода договора, который, закрѣпощая, такъ сказать, кліента патрону, ставилъ послѣдняго въ необходимость защищать перваго въ случаѣ преслѣдованія, почти такъ какъ онъ сталъ бы защищать свою собственность. У насъ во Франціи въ былыя времена также существовала подобная адвокатура: сервы и вилены пользовались защитой помѣщика или верховнаго судьи, но насколько намъ извѣстно, эта высокая адвокатура не оставила по себѣ доброй памяти въ народѣ. Такимъ образомъ Грельe-Дюмазо совершенно справедливо указываетъ намъ на патро-

нать, въ истинномъ его смыслѣ, какъ на феодальный строй общества, почти такой же, какой тяготѣлъ надъ Франціей вплоть до освобожденія общинъ и не признаетъ, чтобы римская адвокатура вышла изъ этого нечистаго источника.

Но гдѣ же тогда искать начала адвокатуры и къ какимъ выводамъ пришелъ самъ Дюмазо въ своихъ изслѣдованіяхъ? По мнѣнію его, „происхожденіе профессіи адвоката по всей вѣроятности современно первому процессу и первому судилищу.“ Если это вѣрно, тогда профессію эту слѣдуетъ искать вездѣ, гдѣ существуютъ процессы и суды; другими словами, что профессія адвоката существовала во всѣ времена и должна существовать у всѣхъ народовъ. Есть ли въ самомъ дѣлѣ на свѣтѣ такая страна, гдѣ люди были бы въ миру съ обществомъ или съ самими собою и гдѣ личность и собственность не было бы надобности защищать передъ судами? Существовала ли когда-либо такая счастливая страна? Безъ сомнѣнія, нѣтъ. Тѣмъ не менѣе если въ каждой странѣ бывали свои процессы, за то не всѣ онѣ имѣли адвокатовъ. Правда были, говорятъ, свои адвокаты въ лѣсахъ Германіи, за то съ другой стороны напрасно стали бы искать ихъ въ наши дни въ Турціи напримѣръ, между тѣмъ какъ въ Оттоманской имперіи существуютъ же суды. Можно было бы привести много и другихъ примѣровъ въ опроверженіе мнѣнія Грелье-Дюмазо. Такимъ образомъ, несмотря на благосклонный пріемъ, какимъ оно пользуется у нѣкоторыхъ писателей-юристовъ, мы не можемъ согласиться съ нимъ. Что касается до насъ, то мы думаемъ, что до сихъ поръ еще недостаточно выяснено, что̀ такое право защиты само по себѣ и затѣмъ какія условія нужны для того, чтобы оно могло выступить на почву общественной дѣятельности среди другихъ учрежденій страны. Въ этомъ-то именно и должна, по нашему мнѣнію, лежать точка отправленія для основательнаго изученія этого предмета. Поэтому мы считаемъ нелишнимъ остановиться здѣсь на нѣсколько минутъ.

Право защиты было предметомъ особеннаго вниманія въ двухъ чрезвычайныхъ случаяхъ. Вопервыхъ въ то время, когда во Франціи вводилось тайное судопроизводство; во-

вторыхъ, когда это послѣднее навсегда исчезло изъ ряда французскихъ учрежденій. Въ 1670 и 1790 гг. два человѣка, прославившихся въ совершенно различныхъ сферахъ, великій судья и пламенный трибунъ высказали по поводу права защиты одинъ и тотъ же протестъ, и имъ то и принадлежитъ честь истиннаго опредѣленія этого права. Изданный въ 1539 г., въ Вильеръ-Котере (Villers-Cotterets), ордонансъ канцлера Пуайе (Poyet), вводя въ уголовный кодексъ принципъ тайнаго судопроизводства, лишалъ обвиняемыхъ права избирать себѣ защитниковъ изъ среды адвокатуры, но принципъ судебной защиты оказался сильнѣе всякихъ указовъ, и судьи, болѣе гуманные, чѣмъ законъ, дозволяли подсудимымъ сноситься съ адвокатами. И когда въ 1670 г. уголовное судопроизводство во Франціи подверглось пересмотру, президентъ Ламуаньонъ (Lamoignon), возставая противъ тайны процесса, горячо вступился за права подсудимыхъ. „Эти совѣты, говорилъ онъ, которые принято давать подсудимому, вовсе не есть привилегія, даруемая ему какимъ-либо указомъ или закономъ; это одинъ изъ видовъ *гражданской свободы*, вытекающей изъ *естественнаго права*, болѣе древняго, чѣмъ всевозможные человѣческіе законы.“ Протестъ этотъ, къ несчастію, не былъ услышанъ и ордонансъ 1670 г., восполняя возмущающее справедливость дѣло канцлера Пуайе, лишалъ подсудимыхъ помощи защитника даже по обвиненіямъ, влекущимъ за собою смертную казнь. Тѣмъ не менѣе во время именно этихъ-то преній и было произнесено то могучее слово, та великая истина, полное развитіе которой позднѣе, въ 1790 г., учредительному собранію пришлось констатировать въ такихъ блестящихъ формахъ: „Кому, спрашивается, принадлежитъ право защищать гражданъ? Имъ самимъ, или вмѣсто нихъ тѣмъ, отвѣчалъ ораторъ, кого они признаютъ достойными довѣрія своего. Право это основано на самыхъ простыхъ началахъ здраваго смысла и справедливости; оно есть не болѣе какъ необходимое и непререкаемое *право самообороны*. Если мнѣ не будетъ дозволено защищать мою честь, мою жизнь, свободу, мою собственность когда я хочу и могу сдѣлать это самъ, или въ противномъ

случаѣ, если мнѣ будетъ запрещено ввѣрить защиту мою тому, на кого я смотрю какъ на человѣка наиболѣе просвѣщеннаго, великодушнаго, гуманнаго, человѣка, горячо принимающаго къ сердцу мои интересы, если, говорю, вы запретите мнѣ это, тогда вы заразъ оскверните священный законъ природы и справедливости и извратите всѣ отношенія общественнаго порядка." Кто же сказалъ это? Кто былъ тотъ, который такъ честно указалъ на сущность и неприкосновенность права защиты? Ораторъ, говорившій такимъ образомъ, былъ—Максиміліанъ Робеспьеръ. Тѣмъ хуже для Мерлена, тѣмъ хуже для Тронше, Демёнье, Туре и для многихъ другихъ, которые были тамъ и могли бы сказать тоже, что говорилъ Робеспьеръ; могли бы провозгласить тѣже истины съ большимъ, безъ сомнѣнія, авторитетомъ, могли и однако не сдѣлали этого; тѣмъ хуже наконецъ для д'Агессо, который въ своей блестящей апологіи адвокатуры все-таки не бросаетъ такого свѣта на предметъ и упускаетъ изъ виду то прочное основаніе, на которомъ должно быть построено это учрежденіе.

Итакъ право защиты есть прирожденное и вслѣдствіе того неоспоримое право и адвокатурѣ принадлежитъ высокая честь свято хранить и оберегать это право. Вотъ это-то именно положеніе и было особенно важно установить. И пусть намъ не говорятъ, что оно не основано ни на какомъ законѣ, не вписано ни въ одну конституцію. Если смотрѣть на дѣло такимъ образомъ, такъ не лучше ли прямо утверждать, что для насъ не имѣетъ никакого значенія все то, что не вошло въ букву закона. Сдѣлались ли естественныя права менѣе извѣстными оттого, что передавались изъ вѣка въ вѣкъ безъ посредства кодексовъ и хартій? Поставленная на такую высоту и разсматриваемая съ этой точки зрѣнія, адвокатура сразу выходитъ изъ ряда временныхъ установленій, призываемыхъ къ жизни закономъ. Она становится необходимымъ учрежденіемъ, выходящимъ изъ естественнаго права, и требуетъ для себя независимости, какъ главнѣйшаго условія своего существованія. Безъ независимости нѣтъ адвокатуры. Лишь только она можетъ быть подчинена, ее не су-

ществуетъ болѣе, и тѣсно связанное съ адвокатурой священное право защиты гибнетъ, какъ скоро оно бываетъ лишено свободы. Если вы хотите знать существуетъ ли въ извѣстной странѣ адвокатура, есть ли въ ней истинные адвокаты, для этого вамъ не нужно справляться о существованіи тамъ судовъ, достаточно только взглянуть на порядокъ государственнаго управленія этой страны. Тамъ, гдѣ царитъ деспотизмъ, т. е. право сильнаго, тамъ непризнается естественное право защиты и невозможно служеніе адвоката: оно было бы тамъ унижено, поминутно оскорбляемо и наконецъ совершенно изгнано. Какое же здѣсь можетъ имѣть значеніе историческій возрастъ народовъ? Есть народы, у которыхъ существовала адвокатура почти съ момента ихъ зарожденія, благодаря тому что они пользовались свободными учрежденіями, и есть другіе, ведущіе свое происхожденіе отъ временъ пирамидъ и незнающіе что такое право защиты. Можно утверждать напримѣръ безъ преувеличенія, что въ Ѳивахъ и Лакедемонѣ адвокатура была почти неизвѣстна. Самъ Цицеронъ замѣчаетъ тоже самое въ своей книгѣ „Объ ораторахъ.“ „Вкусъ къ краснорѣчію, говоритъ онъ, вовсе не былъ вкусомъ общимъ всей Греціи. Это было не болѣе какъ одно изъ счастливыхъ преимуществъ общества аѳинскаго. На кого, въ самомъ дѣлѣ, могутъ указать намъ, въ тѣ времена, въ Аргосѣ, Коринѳѣ и Ѳивахъ, какъ на оратора? На одного только Эпаминонда, человѣка дѣйствительно настолько просвѣщеннаго, что за нимъ можно предположить нѣкоторый талантъ въ этомъ родѣ. Что же касается до Лакедемона, то я еще не слыхалъ, чтобы до сихъ поръ онъ произвелъ хотя-бы одного оратора.“ Цицеронъ, правда, не объясняетъ причины замѣченнаго имъ факта, но обратите вниманіе на то, что онъ встрѣчаетъ ораторовъ только тамъ, гдѣ народъ издавна пользовался истинно либеральными учрежденіями, иначе сказать только въ Аѳинахъ, этой классической странѣ свободнаго правленія. Аргосъ, Ѳивы, Коринѳъ и Лакедемонъ управлялись болѣе или менѣе деспотическимъ образомъ. Свобода заглядывала туда только мелькомъ.

Эггеръ, авторъ сочиненія, о которомъ мы упоминали выше,

тѣмъ не менѣе думалъ, что въ Аѳинахъ не было настоящихъ адвокатовъ. Можетъ быть тамъ дѣйствительно и не существовало адвокатуры въ томъ усовершенствованномъ и организованномъ видѣ, въ какомъ мы встрѣчаемъ ее у насъ, но это происходило оттого, что любимая мечта аѳинской республики была та, чтобы народъ владѣлъ всѣми талантами и достоинствами, чтобы каждый гражданинъ ея былъ въ одно и тоже время воиномъ, судьею, ораторомъ и государственнымъ человѣкомъ. Право свободной защиты признавалось тамъ первымъ изъ всѣхъ правъ, но, какъ говоритъ Эггеръ, каждый долженъ былъ осуществлять его самъ лично. Позднѣе мы увидимъ, какъ эта мысль возродилась въ 1789 г. Съ теченіемъ времени силою вещей въ Аѳины было привлечено множество риторовъ и софистовъ, которые, составляя для народа защитительныя рѣчи, представляли изъ себя нѣчто вродѣ, такъ сказать, нѣмой адвокатуры. Эта адвокатура тщательно скрывала свое вмѣшательство, подражая, насколько возможно, языку того, кто долженъ былъ говорить за себя на судѣ. Но—тщетная уловка!—защищавшійся зачастую не умѣлъ даже прочитать на судѣ того, что было для него написано, и уже во времена Аристофана этотъ обычай былъ въ полномъ пренебреженіи. Сатирикъ слѣдовательно имѣлъ основаніе осмѣивать въ своихъ „Осахъ“ бѣднаго ремесленника, выводя его на сцену, твердящаго день и ночь написанную для него ритором защитительную рѣчь, которую онъ долженъ импровизировать передъ судьями. Риторы сдѣлались такимъ образомъ адвокатами, ибо кто же можетъ отказать въ этомъ названіи Эсхину или Демосѳену. Нѣкоторыя изъ дошедшихъ до насъ рѣчей ихъ доказываютъ, что они по всей вѣроятности говорили за другихъ, а мы далеко еще не знаемъ всѣхъ рѣчей, какія могли они произносить. Кромѣ того въ Римѣ, который такъ часто подражалъ Аѳинамъ, мы замѣчаемъ уже въ раннія времена зачатки истинной адвокатуры и не будетъ ничего неестественнаго предположить, что учрежденіе это было заимствовано изъ Греціи въ томъ его видѣ, въ какомъ дошло оно по преданію за недостаткомъ законовъ.

Что же видимъ мы въ новѣйшихъ государствахъ? И здѣсь адвокатура появляется только тамъ, гдѣ существуетъ свобода. Сколько оттѣнковъ представляется въ этомъ отношеніи при переходѣ отъ одного государства къ другому! Говорятъ, что въ Турціи нѣтъ адвокатовъ, но неужели ихъ тамъ никогда и не бывало? Безъ сомнѣнія нѣтъ, ибо и самаго слова, выражающаго это понятіе, нѣтъ на турецкомъ языкѣ. Когда въ концѣ XVII вѣка кавалеръ Шарденъ путешествовалъ по Персіи, онъ былъ сильно удивленъ тѣмъ способомъ, какимъ отправлялось тамъ гражданское правосудіе. Правда, порядокъ судопроизводства былъ очень простъ: истецъ представлялъ жалобу судьѣ, одинъ изъ служителей котораго, исполняя обязанность чего-то въ родѣ судебнаго пристава, отправлялся за отвѣтчикомъ. Если стороны были люди съ положеніемъ, то судья сажалъ ихъ подлѣ себя; простолюдины же должны были стоять. Каждый защищалъ свое дѣло самъ, не прибѣгая къ совѣтамъ адвоката, что дѣлалось обыкновенно съ такимъ крикомъ, что оглушенный судья, закрывая уши, кричалъ противникамъ изо всѣхъ силъ: *gaidaumicouri*, (что значитъ въ переводѣ: перестанете ли вы сквернословить). „Если это были какіе-нибудь ничтожные люди, которыхъ невозможно было заставить замолчать, прибавляетъ Шарденъ, судья приказывалъ бить ихъ, что тотчасъ-же и исполнялъ слуга, приводившій отвѣтчика на судъ, раздавая всѣмъ пинки по затылку и спинѣ.“ Этотъ порядокъ судопроизводства не измѣнился до сихъ поръ. Въ Персіи, само собою разумѣется, вовсе нѣтъ адвокатовъ, и новѣйшіе историки этой страны утверждаютъ, что порядокъ на засѣданіяхъ поддерживается тамъ съ помощью палки и что если издержки процесса тамъ незначительны, то въ замѣнъ того тяжущіеся должны затрачивать большія суммы, чтобы купить себѣ расположеніе судей.

Въ Австріи формализмъ заступилъ мѣсто правосудія до такой степени, что отправленіе послѣдняго живо напоминаетъ собою движеніе взвода солдатъ. Теорія доказательствъ тамъ имѣетъ въ себѣ нѣчто алгебраическое. Для того чтобы составить полное доказательство, нужно связать вмѣстѣ до

двадцати различныхъ условій. Но до этой высшей точки судебной истины лежитъ еще цѣлая серія полудоказательствъ и вторыхъ полудоказательствъ, механизмъ которыхъ представляется также довольно сложнымъ. „Пять *комбинацій въ средствахъ доказательствъ*, говоритъ профессоръ Бейдтель, составляютъ первое полудоказательство, второе образуется изъ добавочной присяги, показаній сомнительнаго свидѣтеля или свидѣтеля недостовѣрнаго. Вслѣдъ за полудоказательствами идутъ предположенія, необозначенныя въ законѣ." Подобные законы ставятъ на пути свободной защиты, и, надо признаться, даже на пути выясненія истины, почти непреодолимыя препятствія. Формализмъ со всѣхъ сторонъ охватываетъ правосудіе и не дозволяетъ ему ни одного свободнаго движенія. Кромѣ того въ гражданскихъ дѣлахъ судопроизводство облечено тайной и хотя нѣсколько лѣтъ тому назадъ залы уголовныхъ засѣданій открылись для публики, но подъ условіями впрочемъ весьма ограниченными: въ засѣданія, какъ говорятъ, допускается только *приличное общество;* другими словами, публичность судопроизводства предоставлена дискреціонной власти судьи. — Что касается до адвокатовъ, то тамъ они не болѣе какъ простые чиновники, уполномоченные и патентованные правительствомъ, число которыхъ заранѣе опредѣлено *).

Въ томъ же самомъ положеніи видимъ мы адвокатуру въ Баваріи и вообще повсюду въ германскихъ государствахъ. Профессія адвоката тамъ, смотря по мѣстности, болѣе или менѣе соединена съ обязанностями стряпчаго, нотаріуса, судебнаго пристава или наконецъ просто коммиссіонера по дѣламъ. Въ Баваріи и Виртембергѣ адвокатъ въ одно и тоже время ходатайствуетъ и защищаетъ, занимается публикаціями объ аукціонныхъ продажахъ, протестуетъ векселя и т. п. Въ Саксоніи, подобно нотаріусамъ, адвокатъ имѣетъ привилегію составлять нѣкоторые документы, при чемъ вознагражъ-

*) Это мудрёное судопроизводство въ связи съ законами объ адвокатурѣ совершенно преобразовано, какъ замѣчено выше, закономъ 6 іюля 1868 г. Зам. Пер.

деніе за его трудъ подчинено таксѣ. Во всѣхъ этихъ странахъ адвокатура уклонилась отъ своего истиннаго призванія. Чего послѣ этого можно ждать отъ извращеннаго такимъ образомъ учрежденія? Объ этомъ надо спросить почтеннаго судью Цинка, президента верховнаго суда въ Баварскомъ королевствѣ. Въ недавно изданномъ имъ сочиненіи „О судопроизводствѣ и адвокатахъ въ Баваріи и Германіи“ онъ раскрываетъ передъ нами весьма плачевную картину. „Едва лишь выступаютъ они (адвокаты) на юридическое поприще, говоритъ онъ, всѣ добрыя чувства у нихъ глохнутъ. Любовь къ истинѣ, совѣсть, искренность, здравый смыслъ, добросовѣстность—все исчезаетъ безвозвратно. Въ отправленіи своей адвокатской обязанности они считаютъ себя навсегда освобожденными отъ соблюденія хотя бы только вида честности относительно веденія процесса, и они лгутъ безъ всякаго разбора, безъ малѣйшаго зазрѣнія совѣсти, оправдываясь общепринятыми привычками и обычаями.“ Слѣдуетъ ли винить за это адвокатовъ? Безъ сомнѣнія, они виноваты. Но гораздо болѣе, чѣмъ люди, виноваты тѣ учрежденія въ странѣ, которыя извратили до такой степени адвокатуру именно вслѣдствіе порабощенія ея.

Находится ли Пруссія въ лучшихъ условіяхъ относительно этого предмета? Въ 1847 г. законодательство преобразовало нѣсколько судебную организацію, и адвокатура, вычеркнутая Фридрихомъ Великимъ изъ законоположеній въ 1781 г., вновь пріобрѣла нѣкоторое значеніе передъ судомъ. Тѣмъ не менѣе прусскій адвокатъ все еще зависитъ отъ правительства, которое назначаетъ его и вслѣдствіе того онъ лишенъ самостоятельности, необходимой для отправленія этой профессіи. Въ большей части Пруссіи на адвоката смотрятъ скорѣе какъ на нѣчто вродѣ казеннаго стряпчаго, чѣмъ какъ на адвоката, какимъ онъ долженъ быть въ дѣйствительности.

Переходя теперь отъ Германіи къ Россіи, мы видимъ, что адвокатура здѣсь почти совершенно неизвѣстна. Русскіе адвокаты назначаются правительствомъ въ весьма ограниченномъ числѣ и прикрѣплены къ судамъ. Кромѣ того имъ никогда не приходится говорить публично, такъ какъ отпра-

вленіе гражданскаго и уголовнаго судопроизводства облечено здѣсь въ канцелярскую тайну. Вопросы собственности, вопросы жизни и свободы,—все рѣшается здѣсь при плотно закрытыхъ дверяхъ. Эта особенная черта русскихъ учрежденій ускользнула, кажется, отъ извѣстнаго наблюдателя Россіи Кюстина. Тѣмъ не менѣе онъ говоритъ, что во время путешествія, сдѣланнаго имъ по Россіи, тамъ съ удивленіемъ передавали другъ другу слухъ о томъ, что какая-то неизвѣстная личность выиграла процессъ противъ одной значительной особы. Отсюда онъ заключаетъ, что справедливое рѣшеніе судебныхъ дѣлъ должно быть рѣдкимъ исключеніемъ въ этой странѣ. Если въ Россіи и есть суды, говоритъ онъ, „за то тамъ нѣтъ еще правосудія“. Къ сказанному можно прибавить, что въ Россіи неизвѣстны пока настоящіе адвокаты, да и удивляться впрочемъ этому нечего: развѣ адвокаты могутъ быть чѣмъ-либо инымъ какъ не писцами тамъ, гдѣ право собственности и свободы существуетъ только вслѣдствіе доброй воли правительства *).

*) Какъ читатель замѣтитъ, г. Беркье говоритъ здѣсь о томъ недавнемъ по количеству лѣтъ, но далекомъ по воспоминаніямъ времени, которое, благодаря Бога, навсегда отошло для насъ въ вѣчность. Именно въ этомъ мѣстѣ самъ онъ дѣлаетъ выноску, которую мы привели выше, гдѣ онъ говоритъ, что „даже Россія вступила на путь прогресса уже послѣ появленія въ свѣтъ этого сочиненія его. Съ 1866 г. вступила въ силу новая судебная организація, а вмѣстѣ съ нею и учрежденіе адвокатуры.“ Въ виду нелестной картины, нарисованной о насъ извѣстнымъ путешественникомъ, мы не можемъ воздержаться, чтобы не сказать, что въ недолгое время существованія теперь у насъ новаго судопроизводства Россія съ достоинствомъ выдержала серьезное испытаніе водворенія у себя судовъ, разработанныхъ на общеевропейскихъ началахъ. За эпохой „адвокатовъ-писцовъ“ и „доброй воли правительства въ вопросахъ собственности и свободы“, если допустить, что такое мнѣніе почтеннаго г. Беркье имѣетъ сколько-нибудь тѣни вѣроятности, мы пользуемся теперь судомъ, который, по спокойствію и серьезности, смѣло можно сказать, превосходитъ судъ французскій, а по безпристрастію и гуманности основныхъ своихъ началъ скорѣе приближается къ типу англійскаго суда. Что касается адвокатуры, то за пять лѣтъ существованія своего и она успѣла выставить достаточное количество способныхъ людей, и изъ числа ихъ нѣкоторые, благодаря неподдѣльности таланта, высокому образованію и неподкупности своихъ убѣжденій, займутъ навсегда лучшія страницы въ будущей исторіи русской адвокатуры.

Зам. Пер.

Когда наконецъ мы переходимъ въ Бельгію и Англію, картина мгновенно измѣняется, и здѣсь-то именно и начинается осуществленіе нашей идеи. Въ этихъ странахъ свободы мы не только видимъ адвоката на всѣхъ ступеняхъ судопроизводства, но тамъ самая адвокатура безгранично пользуется независимостью въ полномъ объемѣ ея. Англійскія учрежденія достаточно извѣстны. Тамъ не существуетъ никакого опасенія для подсудимаго. Все, что касается его съ самаго момента ареста вплоть до суда, дѣлается публично. Публика допущена при всѣхъ допросахъ, при каждомъ актѣ процесса. Если полицейскій чиновникъ нарушаетъ законъ, если судья невольно выдастъ какое-либо скрытое предубѣжденіе, обвиняемый или подсудимый имѣетъ право, во всякомъ положеніи дѣла, требовать покровительства закона. Онъ можетъ просить совѣтовъ, призывать адвоката, можетъ наконецъ обратиться къ помощи тѣхъ, кто присутствуетъ при его допросѣ, можетъ пригласить ихъ быть свидѣтелями и въ крайности просить ихъ заступничества. На всѣ дѣла правосудія распространенъ благодѣтельный свѣтъ гласности и ни малѣйшее злоупотребленіе власти не ускользнетъ отъ англійской печати. Нѣтъ надобности говорить какъ при подобныхъ учрежденіяхъ высоко поставлена адвокатура въ Англіи. Она пользуется тамъ совершеннѣйшею свободою. Доступъ въ нее открытъ всѣмъ талантамъ, каждому классу общества. Она вполнѣ независима. У нея существуютъ свои списки, свой внутренній надзоръ, и какъ во всякой странѣ, гдѣ право защиты пользуется уваженіемъ, она даетъ изъ себя ораторовъ въ законодательныя собранія, судей и наконецъ государственныхъ людей правительству.—Правда мы знаемъ, что англійская адвокатура подвергалась иногда сильнымъ порицаніямъ. Говорили, что молодые люди, вступающіе въ нее, недостаточно подготовлены, недостаточно изучаютъ свое дѣло, что для нихъ трехлѣтній срокъ обязательнаго посѣщенія судебныхъ засѣданій (stage), дающій право на вступленіе въ адвокатское сословіе, ознаменовывается скорѣе періодическими обѣдами въ коллегіяхъ или судебныхъ гостинницахъ, inns of court, чѣмъ серьезными занятіями. Кромѣ того замѣ-

чали, что вступленіе на это поприще, свободное въ принципѣ, затруднялось какъ бы намѣренно посредствомъ роскоши и различныхъ издержекъ, будто-бы обязательныхъ даже для адвоката-стажьера. Что же касается до адвоката, уже прошедшаго стажъ и принятаго комитетомъ въ число *барристеровъ*, т. е. ставшаго дѣйствительнымъ адвокатомъ, то кажется,—продолжаютъ далѣе,—всѣ усилія его стремятся менѣе къ тому, чтобы сдѣлаться краснорѣчивымъ ораторомъ или ученымъ законовѣдомъ, чѣмъ къ тому чтобы представлять изъ себя вполнѣ безукоризненнаго *джентльмена*. Вѣренъ ли въ самомъ дѣлѣ такой портретъ англійскаго адвоката и судить о немъ такимъ образомъ не значитъ ли находиться подъ вліяніемъ нашихъ собственныхъ привычекъ и предубѣжденій? Если справедливо, что французскій адвокатъ отдаетъ предпочтеніе тихимъ занятіямъ въ кабинетѣ, то намъ кажется, что англійскій скорѣе приближается къ римскому адвокату, который умѣлъ въ одно и тоже время быть сенаторомъ, авгуромъ и солдатомъ, отвѣчая заразъ всѣмъ потребностямъ этой полной и бурной жизни. Что же касается обѣдовъ въ судебныхъ гостинницахъ, въ Англіи, то это не болѣе какъ остатокъ издавна укоренившагося въ памяти обычая. Дѣло въ томъ, что въ былыя времена стажъ исчислялся посредствомъ обѣдовъ, въ залахъ коллегій, такъ какъ присутствіе стажьеровъ на засѣданіяхъ по необходимости вынуждало ихъ обѣдать во время сессіи не иначе какъ въ самомъ зданіи суда, тогда какъ во Франціи это присутствіе удостовѣряется или подписью стажьера въ особо заведенномъ реестрѣ или какимъ-нибудь другимъ способомъ, предоставленнымъ совѣту сословія. По своимъ манерамъ и привычкамъ французскій адвокатъ скорѣе напоминаетъ судью, тогда какъ барристеръ—человѣкъ свѣтскій. Но что кому за дѣло до того, чѣмъ кто кажется, если отъ этого не страдаетъ знаніе дѣла и если тяжущійся находитъ себѣ полное удовлетвореніе. Кромѣ того англійская судебная организація сама по себѣ гораздо менѣе нуждается въ людяхъ, исключительно преданныхъ кабинетнымъ занятіямъ. Тамъ каждое дѣло главнѣйшимъ образомъ изучается, такъ сказать, на

мѣстѣ, во время засѣданія, и публичныя пренія, составъ суда изъ присяжныхъ и судей, а также громадное распространеніе печатнаго слова представляютъ для дѣла правосудія достаточныя гарантіи. Но что особенно важно усмотрѣть въ Англіи, такъ это связь адвокатуры съ свободой. Руководимые поставленнымъ нами во главѣ нашего сочиненія принципомъ, мы не разъ обращались съ вопросами къ этой странѣ свободы по преимуществу, и полученный нами отвѣтъ таковъ, какимъ онъ долженъ быть, таковъ, какимъ мы желали имѣть его. Англійская адвокатура представляетъ намъ Эрскина и этого довольно. Тамъ, гдѣ все имѣютъ право говорить, общественная свобода не подвергается ни малѣйшей опасности. Скажите этому барристеру, который кажется вамъ слишкомъ преданнымъ блестящему и беззаботному движенію жизни, скажите ему, что одинъ изъ его согражданъ подвергнутъ аресту какъ обвиняемый, что оторванный отъ своей семьи онъ брошенъ въ тюрьму и что, можетъ быть, безъ суда и слѣдствія, путемъ административнаго только распоряженія, онъ будетъ сосланъ въ колоніи..., и тогда этотъ свѣтскій человѣкъ покажетъ вамъ что такое онъ на дѣлѣ. Вы услышите голосъ его передъ рѣшеткой суда, въ прессѣ, на парламентской трибунѣ, даже въ салонахъ, которые представляютъ въ свою очередь могущественную власть въ свободномъ государствѣ и вы увидите тогда сколько силы и жизни можетъ проявить англійская адвокатура въ отпоръ правительству, еслибы оно вздумало поразить втихомолку кого бы то ни было.

Возведя такимъ образомъ адвокатуру къ ея основному принципу, мы должны изучить ее теперь въ тѣхъ особенныхъ формахъ, въ какихъ она существуетъ. Не безъинтересно будетъ узнать поэтому, какія условія необходимы для ея существованія, а также посредствомъ какихъ усилій и понесенныхъ ею измѣненій она успѣла охранить свои права и достигнуть того устройства, въ какомъ существуетъ въ настоящее время во Франціи.

II.

Внутренній строй адвокатуры.

Часто приходится слышать какъ говорятъ, слѣдуя словамъ одного знаменитаго судьи, что адвокатъ занимаетъ весьма скромное въ ряду общественной іерархіи положеніе, чтобы кому-либо покровительствовать, и слишкомъ гордъ, чтобы принимать покровительство отъ другихъ. Но въ этомъ замѣчаніи, изъ котораго сдѣлали нѣчто въ родѣ правила, упоминаніе о гордости совершенно излишне, потому что если у адвоката нѣтъ покровителей, такъ это оттого, что никто и не могъ бы ему покровительствовать. Въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ состоитъ обязанность адвоката? Отвѣтъ ясный, въ обязанности защищать. Въ какомъ же покровительствѣ можетъ нуждаться онъ при отправленіи этой обязанности? Единственное, что необходимо ему при защитѣ, это—независимость. Гдѣ же можетъ почерпнуть онъ эту независимость? Въ учрежденіи *сословія* адвокатовъ, которому д'Агессо приписываетъ происхожденіе столь же древнее, какъ и судебному сословію, что, какъ мы выше видѣли, не вполнѣ вѣрно, и которое онъ считаетъ столь же необходимымъ, какъ необходимо правосудіе, чего нельзя опровергать. Мы называемъ адвокатуру *сословіемъ*, а не *корпораціей*, потому что всякая корпорація есть созданіе закона, дающаго ей жизнь, но который также можетъ и лишить ее послѣдней. Дѣйствительно, всевозможныя конгрегаціи, коллегіи, различныя общественныя учрежденія, каковы больницы, церковныя заведенія и т. п., образовываются

исключительно вслѣдствіе разрѣшенія закона, который и утверждаетъ существованіе ихъ въ государствѣ. Но адвокатура, имѣя источникомъ своимъ естественное право, стоящее выше самаго закона, никогда не могла бы примириться съ такимъ временнымъ, подчиненнымъ и непрочнымъ положеніемъ. Это не значитъ, что адвокатура не можетъ быть подавлена, или уничтожена закономъ: закону,—справедливъ онъ или не справедливъ,—нельзя не повиноваться. Наполеонъ, напр., стѣснялъ это сословіе. Фридрихъ Великій счелъ за лучшее совсѣмъ упразднить его. Но мы хотимъ этимъ сказать, что какъ бы тяжело ни было пораженіе, нанесенное естественному праву въ лицѣ этого учрежденія, оно никогда не бываетъ смертельно: законъ отживаетъ, и адвокатура снова возраждается къ жизни силою самыхъ вещей. Въ этомъ-то и состоитъ тайна ея долговѣчности. Что же касается тайны ея независимости, то она лежитъ въ самомъ строѣ сословія, которое требуетъ себѣ свободы дѣйствій и положило эту послѣднюю въ основаніе своей внутренней дисциплины, своего самостоятельнаго распоряженія списками. Посредствомъ внутренней дисциплины адвокатура охраняетъ собственное достоинство, посредствомъ независимаго распоряженія списками она отвергаетъ или принимаетъ въ свою среду кого сама знаетъ и такимъ образомъ вполнѣ изучаетъ свой составъ. Вотъ одинъ изъ примѣровъ того, къ чему служитъ эта внутренняя дисциплина. Судебныя пренія, благодаря Бога, не представляютъ изъ себя чего-то въ родѣ партизанской войны, допускающей засады и неожиданныя нападенія. Это—честная борьба равнымъ оружіемъ. Въ гражданскихъ дѣлахъ адвокаты обмѣниваютъ между собою дѣла, не требуя другъ отъ друга росписокъ, каково бы ни было количество и важность заключающихся въ нихъ документовъ. Въ уголовныхъ адвокатъ имѣетъ подъ руками всѣ бумаги слѣдственнаго производства. Иногда одинъ какой-нибудь клочекъ можетъ рѣшить вопросъ о собственности тяжущагося, о чести или жизни обвиняемаго. И что же! не бывало еще примѣра въ адвокатурѣ, чтобы хотя одинъ малѣйшій отрывокъ исчезъ когда-нибудь изъ дѣла среди этого безпрерывнаго передвиженія его. Вотъ въ этомъ-то и заклю-

чается результатъ постояннаго наблюденія адвокатуры за собою и независимаго управленія этого сословія, представляемаго совѣтомъ, состоящимъ изъ нѣсколькихъ членовъ и предсѣдателя, которые всѣ свободно избираются самими адвокатами. Д'Агессо дѣйствительно имѣлъ право сказать, что адвокатское сословіе „отличается характеромъ, ему одному свойственнымъ.“ Но когда затѣмъ онъ прибавляетъ, что „единственное изъ всѣхъ учрежденій, оно не перестаетъ спокойно и счастливо пользоваться своею независимостью,“ тогда знаменитый канцлеръ переносится въ міръ воображенія. То не были слова прошедшаго, имъ не суждено было сбыться и въ будущемъ; адвокатурѣ не дано было жить въ столь блаженномъ состояніи. Новѣйшія сочиненія позволяютъ намъ возстановить факты прошедшаго и возобновить въ памяти людей печальное странствіе, которое совершала адвокатура посреди вѣковъ и народовъ.

Въ настоящее время нѣтъ уже ни малѣйшаго сомнѣнія относительно того, что римская адвокатура имѣла свою собственную организацію и что организація эта въ продолженіи долгаго времени не была регулируема никакимъ закономъ. Гораздо ранѣе VII вѣка римской эры адвокатура въ Римѣ была коллективно подчинена извѣстнымъ общимъ правиламъ и статутамъ, о которыхъ говоритъ Цицеронъ. Но эти правила и статуты не были актомъ государственной власти. „Были-ли облечены правила эти въ письменную форму? спрашиваетъ Грелье-Дюмазо. Имѣло-ли общество адвокатовъ характеръ организованнаго учрежденія, подобно напримѣръ коллегіи авгуровъ? Мы не думаемъ этого, отвѣчаетъ Дюмазо. По всей вѣроятности, въ продолженіи долгаго періода, въ необходимыхъ случаяхъ ссылались исключительно на преданіе и принимали его какъ законъ, такъ что единство, какое замѣчалось, вытекало скорѣе изъ духа сословія, чѣмъ изъ факта существованія самого учрежденія, признаннаго закономъ. Обязанности родились изъ чувства приличія и затѣмъ поддерживались посредствомъ обычая, который имѣлъ такой сильный авторитетъ въ римскомъ обществѣ.“ Эта внутренняя дисциплина, ускользающая отъ закона и регламентацій обще-

ственной власти, но которая въ тоже время управляетъ коллегіей адвокатовъ, есть лучшее доказательство независимости римской адвокатуры. Отсутствіе всякаго закона, утверждающаго существованіе этой коллегіи,—тогда какъ корпораціи, въ собственномъ смыслѣ этого слова, учреждались только силою формальныхъ законовъ,—ясно показываетъ какъ могущество этого учрежденія, такъ и неразрывную связь его съ естественнымъ правомъ, которое, для того чтобы проявить себя въ жизни, не нуждается ни въ какомъ актѣ законодательства.

Впрочемъ римская адвокатура и никогда не была подчинена полной и всеобщей регламентаціи. Различныя распоряженія, разбросанныя тамъ и сямъ, послѣдовательно стѣсняли только свободный ходъ ея развитія. Вначалѣ, правда, они ни въ чемъ не касались прерогативъ защиты. Напротивъ казалось, что скорѣе цѣлью ихъ было поставить послѣднюю подъ благосклонное покровительство закона. Таковъ напримѣръ законъ, установляющій оффиціальную защиту. Впослѣдствіи-же, по мѣрѣ того какъ росла абсолютная власть, право защиты съуживалось посредствомъ различныхъ мѣръ все болѣе и болѣе. Такъ напримѣръ никто не имѣлъ болѣе права защищать, не будучи уполномоченъ на то эдиктомъ судьи. Адвокаты стали вноситься въ списокъ по старшинству, при чемъ число ихъ было ограничено. Кромѣ адвокатовъ по праву были еще, подобно какъ теперь въ Германіи, адвокаты сверхштатные или кандидаты, занимавшіе мѣста въ спискахъ по мѣрѣ открытія вакансій. Дѣйствительныхъ адвокатовъ было по сту пятидесяти въ префектурахъ Рима и Константинополя, Іустинъ уменьшилъ это число до восьмидесяти. Пятьдесятъ представляли это сословіе въ Александріи, тридцать въ Сиріи, по шестнадцати было назначено для провинцій. Отправленіе защиты было низведено такимъ образомъ до степени настоящаго чиновничества, и на этомъ пути дошли наконецъ до того, что адвокатъ допускался къ защитѣ не иначе,—что совершенно логично вытекало изъ предшествующаго,—какъ по спеціальному разрѣшенію государя. Регламентирующая власть всегда дѣйствуетъ такъ, что захватъ идетъ за захватомъ,

присвоеніе за присвоеніемъ и наконецъ колеса машины поглощаютъ все. Что-же осталось ко временамъ Восточной имперіи отъ этой адвокатуры, которая считала въ рядахъ своихъ имена Гортензія и Цицерона? *) Да почти ничего. Самая коллегія адвокатовъ почти смѣшалась съ организованными и узаконенными правительствомъ корпораціями. Говоря о привилегіяхъ, которыми пользовалась римская адвокатура, Грелье-Дюмазо дѣлаетъ слѣдующее справедливое замѣчаніе: „Самыя прекраснѣйшія привилегіи адвокатовъ никогда не были писаными, и онѣ въ особенности существовали въ ту эпоху, когда профессія эта или вовсе не была регламентирована, или только въ весьма неполномъ видѣ. Впродолженіи долгаго періода все судебное сословіе Рима и провинцій выходило изъ среды адвокатуры. Собственно такъ называемыя привилегіи, которыя обыкновенно ничто иное, какъ плата порабощенію, возникли только тогда, когда адвокатура, переставъ быть доступною для всѣхъ, была ограничена въ числѣ призванныхъ трудиться на этомъ поприщѣ и сдѣлалась чѣмъ-то въ родѣ должности, которую государь жаловалъ извѣстному лицу.“ Да, адвокатура не можетъ не унизиться съ утратою своей независимости. Это—роковой ея законъ. Не слѣдуетъ-ли намъ поэтому воздать полную честь тѣмъ усиліямъ, которыя она всегда употребляла, чтобы избѣгать вліянія правительствъ и противиться въ равной мѣрѣ какъ насиліямъ, такъ и соблазнамъ его.

Судьбы адвокатуры во Франціи были до чрезвычайности разнообразны. Если Галлія, по словамъ Ювенала, была разсадникомъ адвокатовъ, если она научила краснорѣчію только что появившійся народъ Англіи,

Gallia causidicos docuit facunda Britannos,

то краснорѣчіе ея, еще болѣе возвысившееся вслѣдствіе римскаго вліянія, должно было прійти въ чрезвычайный упа-

*) Характеристику Гортензія, какъ и вообще всего, что касается римской адвокатуры см. у Grellet-Dumazeau: „Le barreau romain depuis son origine jusqu'à Justinien.“

Зам. Пер.

докъ, послѣ вторженія сѣверныхъ народовъ съ одной стороны, подъ гнетомъ феодализма съ другой. Нѣсколько лѣтъ уже производятся дѣятельныя разысканія съ цѣлью разсѣять тьму, покрывающую первые вѣка нашей исторіи, но, сколько намъ извѣстно, не было еще открыто ничего достойнаго вниманія относительно французской адвокатуры. Да и какое значеніе могла имѣть адвокатура тамъ, гдѣ правосудіе считалось ни во что? Откуда она могла почерпнуть свое цивилизующее вліяніе, въ чемъ могла заключаться тайна ея могущества въ тѣ времена, когда, какъ остроумно было сказано, право силы замѣняло собою силу права! Однако и во времена феодализма существовали адвокаты. Объ этомъ говорятъ многіе документы, не давая впрочемъ никакого понятія о роли, какую предназначено было занимать имъ въ средѣ того, что могло въ тѣ времена походить на суды. Право защиты снова пробудилось только тогда, когда Людовикъ Святой сдѣлался верховнымъ судьею въ своемъ небольшомъ королевствѣ. Въ XV вѣкѣ, вмѣстѣ съ парламентами, адвокатура вновь пріобрѣла свое обаяніе и вліяніе ея сказывается уже во всемъ, что касается общественныхъ правъ. Мы видимъ нѣкоторое число адвокатовъ, засѣдающихъ въ штатахъ 1484 г., и они-то большею частью и намѣтили первые пути реформъ, волновавшихъ уже страну, реформъ, которыя тетрадямъ 1879 г. суждено было повторить почти буквально. Можно было-бы думать, что абсолютная монархія была не менѣе гибельна для адвокатуры, какъ и для другихъ свободныхъ учрежденій въ странѣ, но такой взглядъ былъ-бы не вѣренъ. Конечно положеніе защиты въ тѣ времена было не изъ лучшихъ. Еще и теперь чувствуется невольное содроганіе при мысли, что для того чтобы быть осужденнымъ достаточно было подвергнуться сильному подозрѣнію и что эти ужасныя подозрѣнія вытекали для судьи единственно изъ тайнаго производства и допросовъ подъ пыткой. Тѣмъ не менѣе было-бы несправедливо сказать, что адвокатура не пользовалась уже и въ тѣ времена нѣкоторою независимостью. Въ сферѣ, гдѣ предоставлено было дѣйствовать ей, именно въ преніяхъ по гражданскимъ дѣламъ, ей данъ былъ

широкій просторъ. И она воспользовалась этимъ благопріятнымъ условіемъ, чтобы возстановить свою внутреннюю дисциплину.

Начиная съ XVII вѣка французская адвокатура стала пользоваться принадлежащею ей свободой и зависѣть исключительно отъ себя самой. Какимъ же образомъ могло произойти это чудо въ то время, когда все склонялось подъ давленіемъ власти, какому счастливому стеченію обстоятельствъ адвокатура обязана была сохраненіемъ своей свободы? Причиной такого положенія ея была очевидно борьба, завязавшаяся между парламентами и королевскою властью.*)

---

*) Парламенты—это, вообще говоря, верховныя судилища въ старой французской монархіи. Происхожденіе ихъ теряется въ глубокой древности. Сначала, по свидѣтельству Зибеля, ихъ было 9, потомъ число это увеличилось до 15. Они образовались, въ теченіи вѣковъ, изъ совѣтовъ, состоявшихъ при королѣ, безъ которыхъ послѣдній не предпринималъ ничего сколько-нибудь рѣшительнаго. Въ эпоху Людовика Святаго, въ срединѣ XIII столѣтія, совѣтъ короля, на обязанности котораго лежало завѣдывать дѣлами и творить судъ, раздѣлялся на два отдѣленія—административное и судебное. Первое называлось совѣтомъ короля въ собственномъ смыслѣ, второе—парламентомъ. Это образованіе въ составѣ королевскаго совѣта особаго отдѣленія—судебнаго и „пробужденіе защиты при Людовикѣ Святомъ," о чемъ говоритъ г. Беркье нѣсколько строкъ выше, вытекало изъ неустанной заботливости Людовика о правосудіи. Онъ первый въ Европѣ, какъ извѣстно, началъ обуздывать кулачное право и среди всеобщаго феодальнаго гнета представлялъ въ своемъ лицѣ короля справедливѣйшаго судью и могущественнаго покровителя бѣдныхъ и слабыхъ противъ притѣсненій со стороны богатыхъ и сильныхъ. Извѣстенъ его столь прославленный старинный дубъ (plaids de la porte).—Главнымъ изъ парламентовъ былъ Парижскій, какъ по пространству своей дѣятельности, такъ и по своему политическому значенію. Вмѣшиваясь въ большей части случаевъ въ судебное законодательство страны, парламенты мало по малу простерли свою власть и на самое управленіе государствомъ. Въ особенности они дорожили и постоянно отстаивали свое старинное право, по которому ни одинъ королевскій указъ не могъ имѣть силы, не будучи занесенъ въ парламентскіе списки. Отсюда знаменитая борьба, „завязавшаяся между парламентами и королевскою властью", наполнявшая собою почти всю исторію Франціи XVII и XVIII столѣтій, борьба, о которой говоритъ г. Беркье, и которая, по объясненію его, послужила однимъ изъ могущественныхъ средствъ къ упроченію положенія адвокатуры во Франціи.

Зам. Пер.

Дѣло въ томъ, что адвокатура образовала изъ себя общества при каждомъ изъ главнѣйшихъ мѣстъ отправленія правосудія, и это было такое прибавленіе къ послѣднему, что обѣ спорящія стороны, каждая въ свою очередь, заинтересованы были охранять его. Сама адвокатура однако принимала весьма незначительное участіе въ борьбѣ и,—странное дѣло,—она принуждена была защищаться скорѣе противъ властолюбивыхъ притязаній парламентовъ, чѣмъ противъ всемогущества королевской власти. Когда взаимное раздраженіе между парламентомъ и адвокатурой заходило слишкомъ далеко, правительство считало нужнымъ вступиться, чтобы успокоить умы, при чемъ рѣдко случалось, чтобы оно не воспользовалось такимъ удобнымъ случаемъ возвысить голосъ свой противъ судебныхъ коллегій. Такъ напримѣръ, когда въ 1704 году адвокатура при парламентѣ въ Эксѣ (Aix), считая оскорбленнымъ свое достоинство, отказалась присутствовать на засѣданіяхъ, то канцлеръ Поншартренъ убѣждалъ парламентъ положить конецъ этимъ раздорамъ и постараться возвратить адвокатуру на принадлежащее ей мѣсто „посредствомъ какого либо знака благосклонности къ этому сословію, которое само по себѣ заслуживаетъ всякаго уваженія.“*) Адвокатура дѣйствительно снова стала являться на засѣданія, но когда президентъ парламента вздумалъ сказать,

---

*) Канцлеръ—олицетвореніе юстиціи въ старой французской монархіи—былъ органомъ королевской воли при всѣхъ судебныхъ и финансовыхъ учрежденіяхъ. Великій коронный чиновникъ, онъ занималъ послѣ короля первое мѣсто въ государствѣ. Въ совѣтѣ короля канцлеръ засѣдалъ выше герцоговъ и перовъ. Ни по комъ, говоритъ Э. Лабуле, не носилъ онъ траура и никогда не писалъ въ концѣ своихъ писемъ общепринятую формулу „вашъ слуга.“ Его нельзя было ни уволить, ни замѣстить—онъ былъ несмѣняемъ. И потому король, желая почему нибудь избавиться отъ него, оставлялъ неприкосновенною несмѣняемость самой должности, канцлера же ссылалъ обыкновенно въ деревню посредствомъ секретнаго письма. Такъ д'Агессо былъ изгнанъ въ 1718 г., возвращенъ въ 1720 г., снова изгнанъ въ 1722 и снова возвращенъ въ 1731 г. На обязанности канцлера лежало также составленіе законовъ и д'Агессо напр. ознаменовалъ свое вступленіе въ эту должность изданіемъ ордонансовъ, еще и до сихъ поръ составляющихъ часть французскаго законодательства.

Зам. Пер.

что дѣла шли нисколько не хуже и безъ адвокатовъ, то онъ тотчасъ же получилъ отъ канцлера слѣдующій довольно рѣзкій отвѣтъ: „Поздравляю васъ съ счастливымъ успѣхомъ тѣхъ мѣръ, которыя вы приняли относительно адвокатовъ, но если я душевно радуюсь тому, что они приступили вновь къ исполненію своихъ обязанностей, то радость моя скорѣе вызывается желаніемъ блага для дѣла правосудія, чѣмъ какою либо другою причиною, потому что, чтобы вы ни говорили, я не могу раздѣлять вашего мнѣнія о безполезности адвокатовъ, служеніе которыхъ всегда было признаваемо за одну изъ существенныхъ и необходимыхъ частей въ отправленіи правосудія, и такое понятіе о немъ высказано не однимъ ордонансомъ. Признаюсь, я не мало удивленъ, что вы, особенно занимая то мѣсто, на которомъ находитесь теперь, думаете и говорите объ этомъ предметѣ иначе и хотите убѣдить меня, что въ отсутствіи адвокатовъ правосудіе отправлялось у васъ съ неменьшимъ приличіемъ и достоинствомъ.“ Благодаря этому антагонизму адвокатура и могла ускользнуть отъ всеобщаго давленія. Она осталась свободною, но сфера дѣятельности ея была ограничена какъ самою организаціею уголовнаго правосудія, такъ и политическимъ устройствомъ страны. Она могла дѣйствовать только на почвѣ гражданскихъ дѣлъ и нигдѣ болѣе. Антуанъ Леметръ, Кошенъ и Жербье, олицетворяющіе собою адвокатуру XVII и XVIII вѣковъ, защищали только въ гражданскихъ процессахъ. Уголовныя и политическія дѣла приберегались для новѣйшей адвокатуры.

Занимаясь пересмотромъ старыхъ учрежденій, учредительное собраніе сдѣлало ошибку, смѣшавъ сословіе адвокатовъ съ различными корпораціями и судебными коллегіями, уничтоженіе которыхъ было необходимо. Отмѣняя корпораціи въ области ремесла и механическаго искусства, оно несомнѣнно сдѣлало болѣе свободными отправленія промышленности и торговли; уничтожая сословіе адвокатовъ, оно вычеркнуло изъ своего кодекса право защиты. Желало-ли этого само учредительное собраніе? Разумѣется, нѣтъ. Оно напротивъ хотѣло сдѣлать болѣе свободнымъ служеніе адвоката. Ошиб-

ка эта ярко выступаетъ въ проектѣ учредительнаго комитета судебной организаціи, представленномъ Бергассомъ. „Каждая сторона, говоритъ проектъ, будетъ имѣть право защищать сама свое дѣло, если найдетъ это удобнымъ для себя. Для того же чтобы профессія адвоката сдѣлалась вполнѣ свободною, какою она должна быть, адвокаты не будутъ болѣе составлять изъ себя корпорацію или отдѣльное сословіе. Каждый гражданинъ, при достаточномъ знаніи, будетъ имѣть право, выдержавъ необходимый для того экзаменъ, заниматься профессіей адвоката, при чемъ онъ будетъ обязанъ отдавать отчетъ въ своемъ поведеніи только закону.“ До сихъ поръ на этотъ проектъ, въ которомъ раскрывается настоящая первоначальная мысль учредительнаго собранія, обращалось довольно мало вниманія. Гораздо охотнѣе останавливались на краткихъ распоряженіяхъ декрета 2 сентября 1790 года, уничтожающаго адвокатскій костюмъ, потому что, какъ говоритъ декретъ, адвокатура не должна болѣе составлять корпораціи или сословія. Изъ этого выводили, что учредительное собраніе рѣшительнымъ образомъ принесло въ жертву право защиты. Но это не вѣрно. Не надо забывать, что однимъ изъ наиболѣе занимающихъ собраніе вопросовъ былъ вопросъ о личной свободѣ и что эту свободу оно стремилось обезпечить всевозможными способами. Но, къ сожалѣнію, учредительное собраніе не видѣло вполнѣ ясно того, что мы видимъ такъ хорошо теперь. Среди обломковъ разрушенныхъ имъ учрежденій, въ то время какъ оно старалось найти тамъ матеріалы для новаго зданія, адвокатура казалась ему безъ сомнѣнія не болѣе какъ учрежденіемъ второстепеннымъ, имѣющимъ свои недостатки, которое должно было кромѣ того искупить собою грѣхи парламентовъ. Прикованная къ гражданскимъ дѣламъ стараго порядка вещей, адвокатура почти не слышна была въ тѣ времена, ее не видали еще на почвѣ уголовной защиты и, установляя судъ присяжныхъ, учредительное собраніе не поняло важности новой роли, какую адвокатура должна была играть на ряду съ этимъ институтомъ. А можетъ быть и то, что учредительное собраніе составило себѣ слишкомъ высокое понятіе объ

эманципаціи народа, которая, правда, была написана въ законахъ, но не успѣла перейти еще въ живую дѣйствительность. Одного удара волшебнаго жезла было еще мало для того, чтобы старое общество превратилось вдругъ въ собраніе просвѣщенныхъ и образованныхъ гражданъ, способныхъ защищать себя и языкомъ науки говорить о своихъ интересахъ и общественныхъ дѣлахъ. А между тѣмъ преимущественно самому гражданину, новому афинянину этихъ новыхъ Аѳинъ, учредительное собраніе и предоставило заботу личной защиты. Въ самомъ дѣлѣ воспоминанія о Греціи слышались въ преніяхъ каждую минуту, но при этомъ забывали о тяжущемся Аристофана. Въ результатѣ оказалось, что простодушный гражданинъ былъ вооруженъ и закованъ въ латы для защиты себя, не зная употребленія оружія, которое дали ему въ руки. Профессія адвоката, правда, не была запрещена, но, желая сдѣлать ее болѣе свободною, учредительное собраніе лишило адвокатуру одного изъ главнѣйшихъ условій силы ея.

Одно остается непонятнымъ въ преніяхъ учредительнаго собранія. Это—молчаніе со стороны Туре, Мерлена, Тронше, Дюпора и Трельяра объ учрежденіи адвокатуры, хотя всѣ они были адвокаты или юристы. Думали-ли они, что адвокатура сдѣлалась-бы помѣхой для дѣла правосудія, или быть можетъ боялись они, чтобы ихъ не обвинили, что говоря о ней они защищаютъ свое собственное дѣло? Не менѣе удивительно и то, что только одинъ ораторъ, казалось, прозрѣвалъ всю важность служенія адвоката. И этотъ ораторъ былъ Робеспьеръ, тотъ самый Робеспьеръ, которому въ скорости суждено было показать, какъ мало цѣнитъ онъ личную свободу и право защиты, а между тѣмъ онъ говоритъ за адвокатуру горячо, съ энтузіазмомъ, доходящимъ до краснорѣчія. Заходитъ-ли рѣчь о томъ, чтобы предоставить защиту лицамъ, уполномоченнымъ на то судами, ограничивъ при томъ число ихъ, онъ тотчасъ восклицаетъ: „Одна эта профессія ускользаетъ отъ фискальныхъ захватовъ и абсолютной власти монарха. Законъ всегда смотрѣлъ на нее, какъ на поприще, свободное для всѣхъ гражданъ, по крайней мѣрѣ онъ тре-

бовалъ только, чтобы они прошли открытый для всѣхъ курсъ знаній, пріобрѣтаемыхъ безъ труда, — вотъ до чего право естественной защиты казалось священнымъ въ тѣ времена! Такимъ образомъ, если я не затрудняясь выскажу здѣсь, что и эта профессія не была изъята отъ злоупотребленій, которыя всегда будутъ губить народы тамъ, гдѣ не царитъ свобода, то не слѣдуетъ-ли мнѣ по крайней мѣрѣ согласиться съ тѣмъ, что адвокатура кажется одна еще обнаруживала послѣдніе слѣды свободы, изгнанной изъ общества отвсюду. Только въ ней одной еще встрѣчалось мужество, заявлявшее смѣло права слабаго въ отпоръ преступленій тѣхъ, кто пользуясь могуществомъ своимъ, такъ жестоко тѣснилъ его. Исключительное право защищать своихъ согражданъ отнынѣ будутъ даровать намъ трое судей и два законника! Если такъ, не видѣть вамъ болѣе въ святилищѣ правосудія этихъ пламенныхъ людей, которые способны глубоко проникаться дѣломъ несчастныхъ и потому достойны ихъ защищать. Слабость, бездарность, несправедливость, вѣроломство изженутъ этихъ неустрашимыхъ въ краснорѣчіи, эту опору невинности, этого бича преступленія. И вы увидите, какъ вмѣсто нихъ станутъ встрѣчать людей грубыхъ, безъ энтузіазма къ своему долгу, буквоѣдовъ, которыхъ влечетъ на благородную карьеру одинъ низкій интересъ. Вы извращаете, вы унижаете отправленія, драгоцѣнныя для человѣчества, необходимыя для прогресса общественнаго духа. Вы закрываете эту школу гражданскихъ добродѣтелей, гдѣ талантъ и достоинство, защищая дѣло гражданина передъ судьею, стали-бы учиться—придетъ день!—защищать дѣло народа среди законодателей.“ Слова эти были пророчествомъ. Повѣренные были уполномочены говорить передъ судами, и хотя стороны сохранили право избирать себѣ *оффиціальныхъ защитниковъ*, — названіе, которое дано было адвокатамъ, — тѣмъ не менѣе служеніе защиты вскорѣ потеряло всякое обаяніе и авторитетъ въ совмѣстничествѣ, среди котораго оно не могло быть отправляемо съ должною благопристойностью. Напрасно адвокаты добровольно возстановили свою дисциплину посредствомъ статутовъ, исполненныхъ твердости, напрасно они

сформировали подъ названіемъ *общества людей закона* ассоціацію, посвященную защитѣ и представляющую правосудію всѣ гарантіи знаній и личнаго достоинства,—они были смѣшаны у рѣшетки суда съ „интрусами," самозванными адвокатами, которые тамъ присутствовали и могли, вслѣдствіе простого полномочія, говорить отъ имени сторонъ. Отъ поприща, такимъ образомъ извращеннаго, какъ сказалъ это Робеспьеръ, стали мало по малу удаляться, такъ что начиная съ 1792 г. списки старинnаго юридическаго факультета въ Парижѣ закрылись. Вотъ до чего должно было довести заблужденіе учредительнаго собранія, и когда конвентъ, дѣлая шагъ впередъ,—но одинъ изъ тѣхъ шаговъ, которые онъ одинъ умѣлъ дѣлать,—провозгласилъ, что „если законъ давалъ въ защиту оклеветаннымъ патріотамъ патріотическій судъ присяжныхъ, то онъ еще не даровалъ его заговорщикамъ", тогда революціонному суду не оставалось ничего болѣе, какъ отправлять свободно свое назначеніе, а гражданамъ, объявленнымъ подозрительными, покорно нести голову свою на плаху.

Ошибка учредительнаго собранія слишкомъ жестоко дала себя почувствовать, чтобы тѣмъ, которые допустили ее, снова не пришло на мысль постараться возвратить адвокатурѣ ея устройство и ея древнія прерогативы. Къ несчастію, деспотизму конвента наслѣдовала абсолютная власть имперіи. Время не благопріятствовало тому, чтобы дать адвокатурѣ силу и блескъ, несмотря на то что это было самымъ горячимъ стремленіемъ замѣчательнѣйшихъ людей въ государственномъ совѣтѣ. Магистратура, суды, гражданское и уголовное судопроизводство—все было организовано, но для адвокатуры пока еще не было сдѣлано ничего. Но наконецъ проектъ устава былъ приготовленъ и для нея. Редакція проекта поручена была Трельяру, старинному члену учредительнаго собранія, который воспользовался случаемъ поправить допущеннее имъ прежде зло, послѣдствія котораго онъ могъ теперь измѣрить. Предисловіе проекта было написано твердымъ и возвышеннымъ слогомъ. Оно воздавало честь „свободѣ, независимости и благородству профессіи адвоката" и заявляло,

что „возобновляя правила спасительной дисциплины, которую адвокаты столь ревниво оберегали въ лучшіе дни адвокатуры,“ авторъ закона намѣренъ былъ въ тоже время поставить границы, которыя должны отдѣлять эту профессію „отъ низости, своеволія и растлѣнія.“ Хотя послѣднія слова были направлены противъ стряпчихъ, завладѣвшихъ со времени революціи трибунами въ судахъ, тѣмъ не менѣе они показались слишкомъ сильными, и въ новой редакціи слово „растлѣніе“ было вычеркнуто. Этотъ проектъ открывалъ путь самымъ существеннымъ прерогативамъ адвокатуры. Онъ предоставлялъ назначеніе дисциплинарнаго совѣта и предсѣдателя цѣлому сословію адвокатовъ, предсѣдателю давалъ право созывать совѣтъ и наконецъ возвращалъ сословію распоряженіе его списками. Проектъ этотъ посланъ былъ Наполеону, который нашелъ его въ высшей степени дурнымъ. Онъ не понималъ, какимъ образомъ адвокатурѣ предоставлено исключительное попеченіе о собственной дисциплинѣ и какъ ей было позволено избирать равныхъ себѣ для управленія, тогда какъ избирательный принципъ прекратилъ свое дѣйствіе во Франціи повсемѣстно. По мнѣнію его въ такомъ порядкѣ вещей заключалось какъ бы постоянное гнѣздо возмущенія. Объ этомъ онъ написалъ Камбасересу. Послѣ смерти великаго канцлера въ бумагахъ его было найдено это письмо Наполеона, изъ котораго Дюпенъ сдѣлалъ довольно замѣчательное извлеченіе. „Декретъ безсмысленъ, говорилъ императоръ. Онъ исключаетъ всякое вліяніе, всякое дѣйствіе противъ нихъ (адвокатовъ). Это—мятежники, изобрѣтатели всякаго преступленія и измѣны. И пока я ношу шпагу, я никогда не подпишу подобнаго декрета. Я хочу, чтобы можно было отрѣзать языкъ тому адвокату, который воспользуется имъ противъ правительства.“ Вотъ взглядъ по крайней мѣрѣ ясно высказанный. Проектъ нѣсколько разъ подвергался передѣлкѣ. Мы имѣли передъ глазами различныя редакціи его, изъ которыхъ можно видѣть, какъ Трельяръ отстаивалъ шагъ за шагомъ свое дѣло и не иначе допускалъ искаженія въ немъ, какъ защищая, такъ сказать грудью, каждое слово проекта. Можно прослѣдить какъ первоначальный проектъ разрушался съ каждымъ от-

тискомъ все болѣе и болѣе и наконецъ отъ проекта почти не осталось ничего. Право избранія было уничтожено; назначеніе предсѣдателя и совѣта сословія ввѣрено генеральному прокурору, которому также предоставлено было право созывать собранія по собственному благоусмотрѣнію, и главный судья—министръ юстиціи могъ „собственною властью и смотря по обстоятельствамъ“ подвергнуть адвоката дисциплинарному взысканію и даже исключить его изъ списка. Такова была окончательная редакція декрета 14 декабря 1810 г., которому тѣмъ не менѣе было предпослано предисловіе Трельяра, по исключеніи однако изъ него слова „независимость,“ которое одно выражаетъ собою все. Но не смотря на эту ампутацію, предисловіе декрета не лишено все-таки своего рода либерализма, который дѣлаетъ изъ него настоящую загадку для тѣхъ, кто захотѣлъ-бы согласовать эту пышную апологію свободы адвоката и благородства профессіи съ слѣдующими за ней постановленіями, налагающими на адвокатуру столько оковъ. Однако, было-ли все это слѣдствіемъ сильной ненависти Наполеона къ адвокатамъ? Сказать такъ было-бы слишкомъ много. Что въ особенности ненавидѣлъ онъ, такъ это независимость ихъ, и ее-то онъ и хотѣлъ отнять у нихъ. Въ самомъ дѣлѣ, какой противникъ можетъ быть безпокойнѣе этихъ людей, привыкшихъ все возводить къ принципамъ права и справедливости? Это—разсужденія Дюпена, который прибавляетъ, правда, что отвращеніе императора простиралось только на тѣхъ, которые хотѣли оставаться адвокатами на службѣ обществу; тѣ-же, которые соглашались вступить на государственную службу, могли быть увѣрены, что ихъ примутъ хорошо. Изученіе права и исторіи не всегда было вѣрнымъ убѣжищемъ отъ происковъ власти. Дюпенъ разсказываетъ, что въ 1809 г., когда онъ былъ еще молодымъ адвокатомъ, ему пришлось, въ историческомъ очеркѣ римскаго права, разобрать узурпаціи Августа въ сферѣ законодательства. Полиція усмотрѣла въ этомъ намекъ на нескончаемые захваты императорскихъ декретовъ въ области законовъ и арестовала сочиненіе. Итакъ еслибы въ концѣ концовъ захотѣли узнать, въ чемъ состоитъ независимость адвокатуры

и гдѣ настоящее мѣсто этой независимости, то достаточно было-бы только разсмотрѣть съ какихъ сторонъ Наполеонъ спѣшилъ затронуть адвокатуру, съ тѣхъ поръ какъ возникъ вопросъ объ организаціи ея и дѣйствительно затронулъ настолько глубоко, что отнялъ у нея всякую тѣнь значенія во все продолженіе царствованія своего.

Только въ правленіе короля Людовика-Филиппа адвокатура возвратила себѣ права, избирательное управленіе и распоряженіе своими списками. Ордонансъ 27 августа 1830 г. самымъ высокимъ образомъ высказался о свободѣ и независимости ея. Онъ и до сихъ поръ большею частью составляетъ хартію французской адвокатуры. Мы говоримъ „большею частью“, потому что съ тѣхъ поръ двѣ правительственныя мѣры коснулись адвокатуры. Революція 1848 г. обложила ее патентомъ, налогъ, касавшійся до тѣхъ поръ только торговли и промышленности и принципъ котораго трудно согласить съ тѣмъ, что мы знаемъ объ этомъ свободномъ учрежденіи. Съ другой стороны декретъ 22 марта 1852 г. съузилъ право избранія предсѣдателя, ввѣривъ его однимъ членамъ совѣта сословія. Прежде право это принадлежало цѣлому сословію. Къ этому надо прибавить, что въ 1851 г. дѣла о печати были исключены изъ вѣдѣнія присяжныхъ и переданы судамъ исправительнымъ, публичность преній въ которыхъ ограничена самою залою засѣданій. Въ дѣлахъ подобнаго рода отчеты о преніяхъ строго запрещены. Одно изъ этихъ-то дѣлъ и дало поводъ къ тому случаю, о которомъ мы говорили въ началѣ этого сочиненія, *) и породило вопросъ о прерогативахъ, къ которому мы хотѣли возвратиться не прежде какъ выяснивъ въ самомъ принципѣ организацію адвокатуры.

Посмотримъ теперь насколько простора оставлено защитѣ для выполненія дѣла ея предъ лицомъ правосудія.

---

*) Перерывъ защиты Эмиля Оливье, въ дѣлѣ Вашеро, въ шестой камерѣ Сенскаго трибунала.

III.

Свобода защиты.

Адвокатъ долженъ быть свободенъ, не для того чтобы въ свою очередь сдѣлаться орудіемъ притѣсненія, но для того чтобы оказывать помощь притѣсняемому. Онъ долженъ быть свободенъ, потому что свобода и право защиты составляютъ нѣчто единое. Итакъ, кто говоритъ о свободѣ защиты, тотъ необходимымъ образомъ говоритъ и о свободѣ слова. До какихъ же предѣловъ можетъ простираться эта свобода? Границы ея никогда не были опредѣлены. Но нельзя ли ихъ однако опредѣлить? Долгое время господствовали двѣ школы или, лучше сказать, два мнѣнія: одно, которое требовало для защиты абсолютной свободы и другое, желавшее подчинить ее извѣстнымъ правиламъ и начертать ей болѣе или менѣе ограниченный путь. Эта послѣдняя была школа Филанджіери. Это та самая школа, которая въ древности ставила передъ адвокатомъ часы и стремилась размѣрить длину возраженія и продолжительность ораторскихъ движеній. Но мы ошибаемся, для этой школы не существуетъ ораторскихъ движеній—она караетъ краснорѣчіе, какъ преступленіе. „Не знаю за что, говоритъ Филанджіери, подвергаютъ наказанію защитника обвиняемаго, если онъ пытается подкупить судей деньгами, тогда какъ соблазнять ихъ всѣми ухищреніями патетическаго краснорѣчія считается позволительнымъ“ и онъ

требуетъ строгихъ наказаній противъ подкуповъ такого рода.*) Роль адвоката тогда будетъ очень проста—отъ него не потребуется другаго таланта, кромѣ умѣнья „систематически развивать свои идеи.“ Но однако достаточно ли для суда одного голаго изложенія факта и права? Не бываетъ ли истина часто окружена мракомъ преднамѣренно затемненныхъ обстоятельствъ, и для того чтобы выяснить ее въ преніяхъ, не нужно ли прибѣгать иногда къ неслыханнымъ усиліямъ? Въ этихъ усиліяхъ, въ этой горячей, одушевленной борьбѣ, въ этихъ нелегкихъ изслѣдованіяхъ, гдѣ нерѣдко исчерпывается вся энергія адвоката, какимъ образомъ остановить порывы его, мгновенно бросающіе свѣтъ на дѣло и таинственными, неисповѣдимыми путями достигающіе внутренняго убѣжденія судьи? Какимъ образомъ заглушить, по прекрасному выраженію древнихъ, чудный звукъ, который естественнымъ образомъ издаютъ великія души?

Говоря за себя, насъ мало затрогиваютъ примѣры, заимствованные Филанджіери въ Египтѣ, Китаѣ, даже въ греческой древности и у Платона. Платонъ не желалъ, чтобы защитникъ нисходилъ до унизительныхъ моленій, *turpiter supplicare*, чтобы онъ вызывалъ состраданіе посредствомъ женственныхъ рыданій, *commiseratione muliebriter uti*. Какое же средство предлагалъ онъ для этого? То, чтобы судья совершенно просто напоминалъ тяжущемуся о сущности дѣла, *ad rem a magistratu reducatur*. Чего-же лучше! Въ этомъ отношеніи и спору быть не можетъ. Невоздержность въ рѣчи никогда не была краснорѣчіемъ и сатира во всѣ времена пользовалась этимъ, какъ матеріаломъ для себя. *Осы* Аристофана и *Тяжущіеся* Расина указали черту, за которою начинается смѣшное въ судебномъ краснорѣчіи. Надо замѣтить, что Пла-

---

*) Гаэтано Филанджіери—дорогое имя въ области гуманныхъ идей, стоящее на ряду съ именами Монтескье, Беккаріи и др., знаменитъ своею книгою „La Scienza della Legislazione“ (1780—1788 г.). Только чуждымъ всякаго вдохновенія, прозаическимъ характеромъ политической экономіи, въ которой Филанджіери попреимуществу извѣстенъ, можно отчасти объяснить ту сухость взгляда, съ какою онъ смотритъ на краснорѣчіе адвоката.

Зам. Пер.

тонъ писалъ для своего времени, что на глазахъ его происходилъ аѳинскій судъ, составленный изъ судей, взятыхъ изъ среды народа, передъ которыми каждый могъ защищать собственное дѣло. „Тяжущійся, вышедшій изъ рядовъ народа, замѣчаетъ совершенно вѣрно Эггеръ, для того чтобы защищать свое дѣло передъ судьей, который вышелъ изъ той же среды, какъ и онъ, и который завтра же опять возвратится въ нее, не можетъ говорить такъ, какъ говоритъ представляющій самъ подобіе судьи новѣйшій адвокатъ передъ судьями, поставленными еще болѣе высоко. Интересъ и личная страсть помрачаютъ въ немъ непрестанно чувство справедливости, а невѣжественность судьи позволяетъ ему прибѣгать ко многимъ ухищреніямъ, пользоваться которыми въ настоящее время было бы постыдно или просто безполезно". До сихъ поръ все идетъ какъ слѣдуетъ и даже можно согласиться съ тѣмъ, что говоритъ самъ Платонъ. Но мы не скажемъ ничего новаго, если прибавимъ, что философъ шелъ гораздо далѣе, что желая возвести все къ абсолютной истинѣ, онъ считалъ себя обязаннымъ, благодаря своей системѣ, преслѣдовать краснорѣчіе, какъ обольщеніе слуха, а поэзію, какъ безплодныя мечтанія. Равнымъ образомъ извѣстно и то, что порицая эти возвышенныя искусства, приближающія человѣка къ божеству, Платонъ никогда не бывалъ болѣе краснорѣчивъ, какъ говоря противъ краснорѣчія, ни болѣе поэтиченъ, какъ нападая на поэзію. Въ этомъ было наказаніе его. — Не достойно ли удивленія, что подобныя теоріи могли найти отголосокъ въ концѣ XVIII столѣтія, что принимая на вѣру идеи аѳинскаго философа, Филанджіери предлагалъ сдѣлать изъ адвоката нѣчто въ родѣ судьи-докладчика передъ трибуналами? Эта доктрина поражала въ самое сердце право защиты, она отжила свое время и не имѣетъ болѣе послѣдователей. Много-много если она встрѣчается еще въ поверхностныхъ сужденіяхъ свѣта или на подмосткахъ театра, откуда она долго метала свои безвредныя стрѣлы въ адвокатуру, которая смѣялась надъ всѣмъ этимъ и нисколь о не чувствовала себя уязвленною.

Защитѣ остается открытымъ болѣе широкій путь, на ко-

торомъ ей предоставлена неограниченная свобода дѣйствій и употребленіе всякаго свойственнаго ей оружія, всѣхъ находящихся въ распоряженіи ея средствъ для раскрытія юридической истины. Мы говоримъ юридической, а не абсолютной истины, которая принадлежитъ уже къ области философіи. На обязанности судьи не лежитъ неисполнимаго дѣла. Чтобы облегчить его задачу и въ тоже время успокоить его совѣсть, законъ часто старался связать истину съ тѣмъ или другимъ фактомъ, съ извѣстною системою доказательствъ и очертилъ кругъ, въ которомъ полагаетъ для себя юридическую истину. Этотъ кругъ, столь тѣсный въ Германіи, достаточно широкъ передъ французскимъ судомъ, широкъ настолько, что адвокатъ и судья не имѣютъ потребности выступать изъ него, и когда тотъ и другой, оставаясь въ предѣлахъ его, исчерпали свои изслѣдованія, правосудіе удовлетворено, потому что они сдѣлали, какъ говоритъ Дюпоръ, для раскрытія истины все, что зависитъ отъ человѣка. Въ этихъ изслѣдованіяхъ, въ этихъ изысканіяхъ до какихъ же предѣловъ можетъ простираться слово адвоката? Правилъ относительно этого никогда не было установлено, такъ какъ на самомъ дѣлѣ ихъ и невозможно установить. То, что въ одномъ случаѣ можетъ быть свободою, въ другомъ можетъ не быть ею. Нужно всегда принимать въ расчетъ время и мѣсто, необходимо всмотрѣться возможно лучше въ механизмъ юридическихъ учрежденій и вполнѣ сознать то, чего онъ требуетъ отъ адвоката. Когда мы перечитываемъ теперь, при нашихъ привычкахъ, защитительныя рѣчи греческихъ и римскихъ адвокатовъ, насъ удивляютъ и даже шокируютъ тѣ смѣлыя и дерзкія выходки, какія встрѣчаются въ нихъ. Въ своихъ рѣчахъ о *посольствѣ* и *коронѣ* Демосѳенъ позволяетъ себѣ доходить до личностей, до самой оскорбительной брани. Цицеронъ призываетъ къ суду тяжущихся, свидѣтелей, самихъ судей. Иронію и сарказмъ, насмѣшку и поношеніе, все это вы найдете въ его защитительныхъ рѣчахъ. „Нѣтъ болѣе ничего святаго, говоритъ онъ напримѣръ, и добродѣтель судьи не приходитъ болѣе на помощь слабости стороны.“ Это для судей. „Не удивляйся Ватиній, что я

оказываю тебѣ честь, спрашивая тебя, тебя, котораго никто не желаетъ видѣть въ своемъ обществѣ и который столько же не заслуживаетъ правъ гражданина, сколько недостоинъ и солнечнаго свѣта. Ничто въ мірѣ не заставило бы меня дойти до этой крайности, еслибы я не хотѣлъ покарать твое дурацкое высокомѣріе, смирить твою дерзость и наконецъ сдержать твою болтовню посредствомъ немногихъ вопросовъ.“ Это для свидѣтелей, которымъ иногда адвокатъ отпускаетъ колкости въ родѣ слѣдующихъ. Является свидѣтелемъ самозванный юрисконсультъ и заявляетъ, что онъ не знаетъ ничего. „Вы, можетъ быть, думаете, говоритъ Цицеронъ, что я предлагаю вамъ вопросы, касающіеся права?“ Наконецъ въ защитѣ Целія съ какимъ злымъ остроуміемъ говоритъ онъ о Клодіи, сестрѣ своего противника! „Я выразился бы инымъ образомъ, говоритъ онъ, на ея счетъ, еслибы не имѣлъ въ виду распри моей съ ея мужемъ,—виноватъ, я хочу сказать съ ея братомъ, въ этомъ случаѣ я всегда ошибаюсь. Если я никогда не навлекалъ на себя злобы ни одной женщины, то какимъ же образомъ не сталъ бы я стараться теперь удержать за собой благорасположеніе той, которая, по общему признанію, считается всеобщею подругою!“ И при всемъ томъ Цицеронъ остался великимъ адвокатомъ, краснорѣчивымъ римскимъ ораторомъ. И не одинъ онъ, всѣ адвокаты, всѣ ораторы пользовались такою же свободою рѣчи. И это потому, что защитѣ необходимо было быть такою. Что была за среда, въ которой жилъ и дѣйствовалъ Цицеронъ? Испорченность сверху до низу, судьи и свидѣтели поддаются подкупу, повсюду царитъ доносъ, который составляетъ какъ бы своего рода промыселъ и поддерживаетъ пышную обстановку не одного дома. Самая адвокатура, говорятъ, заразилась этимъ духомъ, такъ что иногда противная сторона сама вступала въ договоръ съ доносчиками, противъ которыхъ выступала затѣмъ бороться. Въ это время Ювеналъ ничего еще не говорилъ о роскоши женщинъ, объ ихъ необузданной страсти къ удовольствіямъ, объ ихъ наконецъ развратѣ. Онъ не разсказывалъ еще о томъ, какимъ образомъ посредствомъ своихъ разорительныхъ требованій, онѣ развращаютъ

совѣсть людскую и влекутъ общество на мѣсто казней. Но содержаніе для сатиръ его уже существуетъ и только ждетъ язвительнаго вдохновенія поэта. Въ это время глухаго волненія, среди котораго разлагается старый міръ, когда потребность роскоши и удовольствій, переживая другія страсти, породила всѣ преступленія, отыскивать правильныхъ преній, умѣренныхъ, приличныхъ и вѣжливыхъ судебныхъ рѣчей значило бы впадать въ странный анахронизмъ.

Когда вы послѣ этого станете пробѣгать защитительныя рѣчи адвокатовъ XVII и XVIII вѣковъ, вы увидите какъ все здѣсь измѣняется. Слово адвоката догматично, выправлено, почти всегда холодно и лишено движенія. Наиболѣе смѣлыя мѣста сдержаны благоразумною осторожностью и какъ бы выполированы по академической формѣ. Это было время возрожденія литературы, но оно еще не было временемъ преобразованія суда. Пренія имѣли мѣсто только между сторонами, и наичаще по вопросамъ о правѣ собственности. Въ уголовныхъ процессахъ адвокатъ оставался еще безъ дѣла. Судопроизводство покрыто было тайною, и защита, всегда столь одушевленная, когда дѣло идетъ о свободѣ и жизни гражданъ, была пока неизвѣстна передъ репрессивнымъ судомъ. О процессахъ политическихъ тѣмъ болѣе нѣтъ и помину. Всѣ неудобства въ этомъ отношеніи устраняются тайнымъ приказомъ объ арестѣ, такъ называемымъ lettre de cachet. Такимъ образомъ въ судебныхъ рѣчахъ этой эпохи не найдутъ энергическихъ наступленій краснорѣчиваго слова и отважной смѣлости римской адвокатуры, не найдутъ ихъ потому, что въ томъ тѣсномъ кругу, въ которомъ заключена была защита, они были безполезны. Самыя прекраснѣйшія рѣчи адвокатовъ имѣютъ въ себѣ нѣчто сочиненное и преувеличенное, такъ какъ то было время долгихъ процессовъ. Адвокатъ всегда имѣлъ досугъ поразмыслить надъ своею рѣчью, даже написать ее. Жербье, въ рѣчахъ котораго наименѣе чувствуется работа пера, оставилъ послѣ себя бумаги, въ которыхъ мы видимъ вступленія рѣчи, начинаемыя по три раза, или приготовленныя въ трехъ различныхъ формахъ. Не было ничего, такъ сказать, непредвидѣннаго въ

борьбѣ, всѣ перипетіи которой не спѣша были обсуживаемы заранѣе въ письменномъ судопроизводствѣ. Адвокатъ дѣйствовалъ по заранѣе составленному плану, что придавало какую-то тяжеловатость слишкомъ живымъ ораторскимъ движеніямъ, часто неизбѣжнымъ въ защитѣ тогда, когда часть процесса производится устно и въ публичномъ засѣданіи, какъ въ наши дни въ уголовныхъ дѣлахъ.

Новой судебной организаціи предстояло открыть защитѣ другіе горизонты. Если мы возьмемъ эту организацію въ самомъ цвѣтущемъ ея періодѣ, то увидимъ въ ней судъ присяжныхъ по наиболѣе важнымъ уголовнымъ дѣламъ, включая сюда и дѣла о печати, публичность засѣданій, адвокатуру на всѣхъ ступеняхъ и при всѣхъ порядкахъ судопроизводства; мы увидимъ наконецъ органъ обвиненія, принадлежащій къ судебному сословію, обязанный преслѣдовать проступки и преступленія. Въ этомъ-то послѣднемъ обстоятельствѣ и лежитъ точка отправленія того важнаго вопроса, которымъ занялся Беррье, а именно: пользуется ли адвокатура, при настоящемъ порядкѣ вещей, абсолютною свободою въ отправленіи своихъ обязанностей, передъ лицомъ обвинительной власти, или не поставлена ли она въ глазахъ суда въ положеніе низшее относительно прокурора, словомъ сказать, можетъ ли она бороться противъ обвинительнаго акта, какъ боролась бы противъ рѣчи противной стороны?

IV.

Защита и обвиненіе.

Хорошо поставленный вопросъ, говорятъ, на половину уже разрѣшенъ; тотъ же, который насъ занимаетъ, сводится къ весьма простымъ формамъ. Въ самомъ дѣлѣ, что слѣдуетъ изъ предшествовавшаго развитія нашей мысли? Мы сдѣлали слишкомъ мало если до сихъ поръ не успѣли выяснить, что право защиты есть право естественное и что адвокатура представляетъ изъ себя охранительницу и бдительнаго стража этого права въ обществѣ. Дѣло значитъ теперь только въ томъ, чтобы узнать не ограничено-ли какимъ-либо закономъ отправленіе этого права въ виду обвиненія, ибо разъ право такого рода признано, оно должно дѣйствовать безпрепятственно. Одинъ только законъ можетъ сдерживать свободный ходъ его движенія, если не передъ лицомъ морали и безусловнаго права, то по крайней мѣрѣ въ глазахъ государственной власти. Итакъ, ограничено ли подобнымъ закономъ право защиты и поставлено ли оно въ нашей судебной организаціи ниже права обвиненія?

Введеніе прокуратуры было однимъ изъ вопросовъ, наиболѣе возбуждавшихъ предубѣжденіе учредительнаго собранія. Чего же оно боялось? Оно боялось того, чтобы дѣйствія прокуратуры не сдѣлались стѣснительными для гражданъ. Ему казалось, что личная свобода должна стоять впереди всего и что нѣтъ гарантій для охраненія ея. Такимъ образомъ долгое время

доискивались до источника этой обязанности прокурора, а также и до того, кѣмъ должно назначаться лицо, которому поручено исполненіе ея. По мнѣнію однихъ обязанность эта истекала изъ народнаго полномочія, такъ какъ право обвиненія есть естественное право всякаго гражданина, которому угрожаетъ опасность, и такъ какъ оно можетъ быть передано не иначе какъ посредствомъ делегаціи, уполномоченія. Итакъ прокуроръ долженъ быть назначаемъ самими гражданами. Другіе думали, что прокуроръ долженъ прежде всего заботиться о томъ, чтобы приводился въ исполненіе уголовный законъ, что обязанности его имѣютъ своимъ происхожденіемъ исполнительную власть и что слѣдовательно назначеніе его должно быть возвращено главѣ государства. Первое мнѣніе получило перевѣсъ: лица прокурорскаго надзора, равно какъ и всѣ другія судебныя должности, были подчинены избранію. Но со времени конституціи VIII года всѣ безъ исключенія чины судебнаго сословія стали назначаться государемъ. Измѣнились ли однако съ этимъ порядкомъ назначенія тѣ условія, при которыхъ должно отправляться служеніе прокурора? Нисколько. Важно не пожалованіе должности: цѣль, къ которой прокуратура стремится, съ точки зрѣнія уголовнаго закона, есть преслѣдованіе проступковъ и преступленій. Цѣль эта несомнѣнно преслѣдуется въ интересѣ всѣхъ гражданъ. Но когда, при исполненіи своей миссіи, прокуроръ встрѣчается съ отдѣльными членами общества, тогда право каждаго достигаетъ высшей степени выраженія и заключается въ томъ, чтобы не быть несправедливо преслѣдуемымъ или арестованнымъ, въ томъ, чтобы защищаться противъ обвиненія всѣми средствами, какія Богъ далъ человѣку, и это естественное право непререкаемо и священно. Учредительному собранію и на мысль не приходило отдавать предпочтеніе обвиненію передъ защитой. „Какимъ образомъ, говорилъ Бергассъ отъ имени учредительнаго комитета, какимъ образомъ вы посредствомъ института, разсчитаннаго только на то, чтобы представлять доказательства виновности, достигнете того, чтобы поселить довѣріе въ человѣкѣ, несправедливо обвиняемомъ? Довѣріе получается только

тогда, когда законъ позволяетъ, чтобы обвиняемый дѣлалъ столько же шаговъ для своего оправданія, сколько сдѣлаютъ противъ него съ цѣлью его обвиненія. Довѣріе явится только тогда, когда судья, прилагающій законъ, будетъ отличаться отъ чиновника, предающаго власти закона, т.-е. отъ лица, которое подвергаетъ обвиняемаго аресту. Пока судья возбуждающій слѣдствіе будетъ лицомъ отправляющимъ судъ, вы всегда будете бояться, чтобы,—если онъ подвергъ кого-либо аресту по ложному подозрѣнію,—чтобы самолюбіе или предубѣжденіе не заставили его оправдать несправедливо сдѣланное распоряженіе, посредствомъ противозаконаго осужденія."

Въ виду такого взгляда учредительнаго комитета, а также и самого учредительнаго собранія, въ основаніе судебной организаціи положенъ былъ тотъ принципъ, что обвиненіе должно быть отдѣлено отъ суда и что забота о преслѣдованіи виновныхъ должна быть ввѣрена спеціальнымъ чиновникамъ. Учредительное собраніе, какъ это видно, не предполагало, чтобы исполнитель обязанностей прокурора всегда былъ непогрѣшимъ и чтобы онъ въ состояніи былъ постоянно поддерживать въ себѣ спокойствіе и хладнокровіе. Оно чувствовало, что при отправленіи этихъ тяжелыхъ обязанностей, въ этой жизни, исполненной борьбы и томленій, иногда можетъ проявиться человѣкъ съ своими увлеченіями и слабостями. Чего опасалось оно еще въ прокурорѣ, такъ это, какъ тогда называли, ожесточенія по профессіи. Другой членъ учредительнаго комитета Туре описывалъ съ одной стороны тоску начинающаго прокурора, преисполненнаго чувства страха при видѣ того служенія, какое предстоитъ ему исполнить, съ другой—все то вниманіе, какое онъ прилагаетъ, взвѣшивая малѣйшее обвиненіе. При видѣ доказательства, онъ все еще какъ бы не вѣритъ себѣ, что оно дѣйствительно существуетъ. „Посмотрите на него лѣтъ десять спустя, восклицаетъ Туре, особенно если онъ пріобрѣлъ репутацію того, что называется въ судѣ знаменитымъ криминалистомъ. Онъ сдѣлался безпечнымъ и очерствѣлъ. Первыя впечатлѣнія опредѣляютъ его рѣшеніе, самыя важ-

ныя затрудненія разрѣшаетъ онъ не задумавшись. Онъ съ трудомъ почти вѣритъ, чтобы могло быть различіе между подсудимымъ и виновнымъ. Эта послѣдняя крайность заблужденія есть почти неизбѣжное послѣдствіе постояннаго отправленія однихъ и тѣхъ же обязанностей въ уголовной сферѣ. То, что дѣлается только по обязанности, не замедлятъ дѣлать рутинно; рутина заглушаетъ ревностное отношеніе къ дѣлу, и привычка быть суровымъ приводитъ за собою нѣчто худшее чѣмъ безчувственность". Для того чтобы придать больше рельефности мысли комитета Туре безъ сомнѣнія преувеличилъ ее. По крайней мѣрѣ вѣрно то, что учредительное собраніе было далеко отъ того, чтобы поставить защиту ниже обвиненія. Въ настоящее время у насъ дѣйствуетъ уголовный кодексъ 1808 г. Сохранилъ ли этотъ кодексъ отпечатокъ мысли законодателей 1789 г.? При обсужденіи его хотѣли вполнѣ сгладить различіе, установленное учредительнымъ собраніемъ, и смѣшать органъ прокурорской власти съ другими судьями; хотѣли предоставить ему право не только возбужденія слѣдствія, но и право самому распоряжаться имъ. Вотъ какимъ образомъ проектъ этотъ былъ отвергнутъ великимъ канцлеромъ, слова котораго заслуживаютъ того, чтобы привести ихъ здѣсь. „Не понимаютъ, говоритъ онъ, какимъ образомъ противная сторона подсудимаго можетъ сдѣлаться слѣдователемъ его дѣла. Въ прежнія времена дѣйствія прокурора ограничивались возбужденіемъ слѣдствій и судьи произносили приговоръ между нимъ и обвиняемымъ частнымъ лицомъ. Въ настоящее же время хотятъ поставить его во главѣ преслѣдованій, потому что, — такъ успокоиваютъ себя, — судьи, несущіе прокурорскую обязанность, говорятъ они, заслуживаютъ довѣрія. Но развѣ они менѣе заслуживали его прежде? Однако же имъ не давали тогда такой широкой власти. Существенная обязанность императорскаго прокурора состоитъ въ преслѣдованіи передъ судомъ; необходимо слѣдовательно, чтобы обязанность судьи была воспрещена ему на неопредѣленное время. Пусть сторона, представляющая общество, является передъ судомъ, какъ всякая другая сторона. Иначе, во вре-

мена менѣе счастливыя, при правительствѣ менѣе твердомъ, императорскій прокуроръ сдѣлается маленькимъ тираномъ, который заставитъ трепетать цѣлый городъ.“ Затѣмъ отчетъ засѣданія государственнаго совѣта прибавляетъ: „Его свѣтлость съ удовольствіемъ видитъ, что мнѣніе его будетъ занесено въ протоколъ. По крайней мѣрѣ будутъ вспоминать, что онъ боролся противъ системы, которую считалъ бѣдственною.“ Эта система на самомъ дѣлѣ не была принята, и императорскій прокуроръ остался въ кодексѣ уголовнаго слѣдствія стороною преслѣдующею, противникомъ подсудимаго. Передъ судомъ онъ долженъ являться какъ всякая другая сторона, представлять, по выраженію Камбасереса, свои доказательства и подкрѣплять свои справедливыя требованія.

При такихъ-то единственно условіяхъ и можетъ быть равною борьба съ защитникомъ обвиняемаго. Рядомъ съ слѣдственнымъ производствомъ, въ которомъ адвокатъ не участвуетъ, поставлены публичныя пренія; факты провѣряются, констатируются, оспариваются при яркомъ свѣтѣ публичнаго засѣданія. Случится ли слѣдствію зайти слишкомъ далеко, оказать слишкомъ сильное давленіе на слабый духъ и добыть не свободно данныя показанія—все это адвокатъ будетъ имѣть право высказать передъ судьею, будетъ имѣть возможность порицать все, въ чемъ онъ найдетъ злоупотребленіе. Почему же онъ не будетъ пользоваться тѣмъ же просторомъ передъ лицомъ своего естественнаго противника, прокурора, обязаннаго поддерживать обвиненіе, вытекающее изъ трудовъ того же слѣдствія? Этотъ вопросъ и задаетъ себѣ Беррье. По его мнѣнію борьба перестала бы быть равною, еслибы адвокатъ долженъ былъ при каждомъ словѣ предусматривать щекотливость иногда очень тонкую, которую оно можетъ возбудить въ органѣ обвиненія. „И то, что пріобрѣтетъ магистратура, какъ говоритъ онъ, посредствомъ излишней уступчивости относительно лица прокурорскаго надзора, далеко не вознаградитъ того, что потеряетъ правосудіе при отсутствіи свободной защиты.“ Въ знаменитомъ

процессѣ, память о которомъ сохраняется въ адвокатурѣ и который породилъ въ общественномъ мнѣніи самыя разнообразныя впечатлѣнія, можно видѣть насколько защита расширяла пользованіе своими правами относительно слѣдствія и прокуратуры и однако слова ея не послужили поводомъ ни къ одному выговору, ни къ одному деже замѣчанію со стороны судей. Молодой человѣкъ, принадлежащій къ хорошей фамиліи, сынъ одного банкира, обвинялся, какъ сообщникъ, въ убійствѣ своего отца. При разсмотрѣніи дѣла какъ на улику противъ него указывали на сознаніе, записанное въ протоколахъ слѣдователя. Но на засѣданіи онъ отрицалъ свое сознаніе, утверждая, что оно было вырвано у него страданіями тюрьмы, продолжительностью секретнаго заключенія, наконецъ неотступностью полиціи. Дѣло слушалось съ присяжными, и подсудимому грозила смертная казнь. Надо было обнаружить истину, необходимо было, чтобы узнали, что происходило въ тюрьмѣ. Защита хотѣла все сказать, но чтобы сказать все ей нужна была полная свобода и она съумѣла потребовать себѣ эту свободу съ благородною энергіей. „Полиція! говорилъ защитникъ. О, милостивые государи, позвольте мнѣ раскрыть вамъ тайны ея. Полиція! Она можетъ имѣть свои привилегіи въ глазахъ суда, но она не должна оставаться неприкосновенною передъ лицомъ истины. Полиція! Еще разъ да будетъ мнѣ позволено сказать вамъ, что она такое. Когда нравственная пытка замѣняетъ на минуту пытку, предписанную закономъ, когда полиція сходитъ въ тюрьму и насильственно вырываетъ сознаніе, защита имѣетъ право сказать вамъ это. Еслибы она не имѣла права сказать вамъ этого, я тотчасъ же снялъ бы мою тогу, я не захотѣлъ бы дѣлать изъ себя призракъ защиты и оставлять увѣренность, что есть защитникъ тамъ, гдѣ не существуетъ самой защиты.“ Потомъ адвокатъ, — это былъ Шэ-д'Эт-Анжъ, — описалъ сцены, происходившія въ тюрьмѣ и секретномъ помѣщеніи. По словамъ защитника, полиція забылась и употребляла по отношенію къ обвиняемому способы изслѣдованія, принад-

лежащіе иному вѣку. Признанія не было, прибавилъ онъ, да его и быть не могло въ виду своего рода пытки, въ которой упражнялись надъ изнеможеннымъ ребенкомъ, упавшимъ духомъ подъ вліяніемъ тяжкаго пребыванія въ темницѣ и продолжительной жестокости тайнаго заключенія. Защитительная рѣчь была увлекательна, рѣзка, краснорѣчива. Подсудимый былъ признанъ невиновнымъ. Поставьте вмѣсто этого полета защиты слово менѣе твердое, менѣе смѣлое, осторожно относящееся къ слѣдствію, обвиненію и полиціи, пусть адвокатъ, вмѣсто того чтобы рѣшительно войти въ эту секретную тюрьму, тайны которой надо было открыть правосудію, только полуоткрылъ бы ея двери, однимъ словомъ пусть бы онъ побоялся сказать все, что онъ зналъ, и присяжные, которые не слышали этого всего, можетъ быть допустили бы скатиться головѣ подсудимаго.

Подобнымъ образомъ право защиты всегда дѣйствовало въ настоящей судебной организаціи. Въ извѣстной мѣрѣ съ этимъ соглашаются всѣ, но прибавляютъ, что право защищать не влечетъ еще за собою права нападать и въ особенности нападать на органъ обвиненія, „потому что, говорятъ, на него возложено закономъ право говорить во имя общества“. Безспорно, что нападать слѣдуетъ не на личность прокурора, а на обвиненіе, бороться прежде всего съ обвиненіемъ, а не съ чиновникомъ, который представляетъ его. Обычная судебная практика можетъ принять это правило, но вопросъ не въ этомъ. Предположимъ, хотя это можетъ случиться, безъ всякаго сомнѣнія, довольно рѣдко, предположимъ, что прокуроръ ставитъ себя лично на первый планъ, что дѣйствуя съ излишнимъ усердіемъ, съ горячностью слишкомъ страстною, онъ переступилъ законную цѣль обвиненія. Спрашивается, какъ быть защитнику въ подобномъ случаѣ? Можетъ ли онъ остановить обвиненіе на этомъ гибельномъ пути и осудить то, что покажется ему достойнымъ порицанія? Предположеніе невозможное, говорятъ. „Призванный закономъ преслѣдовать проступки и преступленія, прокуроръ исполняетъ свою задачу твердо, иногда сильно, но никогда пристра-

стно.“ Это не значитъ отвѣчать, это значитъ оспаривать предполагаемый фактъ и ничего болѣе. Что же однако мы видимъ! Самъ законодатель пошелъ далѣе и справедливо полагалъ, что прокуроръ можетъ дѣйствовать съ предубѣжденіемъ, даже не безпристрастно. Потому-то онъ и не хотѣлъ сдѣлать его судьею и запретилъ ему вмѣшиваться въ совѣщанія. Какимъ же образомъ могъ желать онъ, чтобы передъ лицомъ предубѣжденнаго и пристрастнаго обвиненія, въ виду несправедливаго нападенія, защита оставалась безоружною и нѣмою?

Мы не будемъ настаивать болѣе. Право прокурора, это право преимущества и господства, которое предполагаютъ за нимъ, можетъ вытекать только изъ закона, но не только этотъ законъ еще не найденъ, но напротивъ изученіе нашей судебной организаціи приводитъ къ тому сознанію, что обвиненіе и защита поставлены по закону въ полнѣйшее равновѣсіе. Такой взглядъ на дѣло составляетъ несомнѣнный, добытый изслѣдованіемъ принципъ, который адвокатурѣ остается поддерживать, какъ одну изъ тѣхъ привилегій свободнаго слова, настолько малочисленныхъ въ наше время, что защищать ихъ нельзя безъ особенной ревности. Не слѣдуетъ забывать, что французская трибуна еще не отвоевала себѣ всѣхъ своихъ вольностей, что законы о печати сильно порицаются и не представляютъ всѣхъ гарантій, какихъ должно ожидать отъ нихъ, что при отсутствіи всякой отвѣтственности министерства всегда существуетъ нѣкоторая опасность для того, кто желаетъ отдаться оцѣнкѣ и изученію дѣйствій власти, такъ какъ искренняя и живая критика всегда можетъ быть сочтена за враждебныя дѣйствія и оскорбленія противъ главы государства, что наконецъ право петицій, это другое естественное право по мнѣнію учредительнаго собранія, допускаемое только для сената, не заняло еще своего мѣста, которое принадлежало ему недавно въ нашихъ учрежденіяхъ. Возвышаясь до этихъ различныхъ точекъ зрѣнія, каждый можетъ понять къ чему служитъ независимость адвокатуры, и спросить себя не будетъ ли она въ извѣстныхъ

случаяхъ оплотомъ противъ нападеній и гнѣва самой власти, противъ нарушеній права и несправедливыхъ преслѣдованій. Что касается Беррье, то онъ не сомнѣвается въ этомъ и съ искреннимъ убѣжденіемъ, показавъ намъ необходимость этой независимости, онъ восклицаетъ: „Все въ опасности, если она искажена; нѣтъ ничего безнадежнаго, если она охраняется и заставляетъ уважать себя.“

Въ своей трудной, часто смѣлой задачѣ адвокатура должна полагаться главнымъ образомъ на добрую волю, на поддержку, скажемъ лучше, на самую независимость судебнаго сословія. Ихъ соединяетъ тѣсная связь въ исполненіи одного общаго имъ дѣла,—правосудія. И эту-ту связь мы желали бы сдѣлать еще тѣснѣе, мы желали бы, чтобы поняли наконецъ, какъ слишкомъ часто старались разъединить эти двѣ силы и какъ та и другая находили въ разъединеніи одно только обезсиленіе. Прошедшее богато въ этомъ отношеніи поучительными уроками и примѣрами. Кто, напримѣръ, подъ деспотической властью Людовика XIV превозносилъ адвокатуру и протягивалъ ей руку? Наиболѣе знаменитые судьи эпохи. Они, а не адвокаты писали адвокатурѣ всѣ эти панегирики въ прошломъ вѣкѣ. Кто возводилъ адвокатуру во время первой имперіи на высоту чего-то въ родѣ божества? Президентъ Анріонъ де Пансей (Henrion de Pansey). Съ адвокатурой и судебнымъ сословіемъ, т.-е. съ людьми честными, просвѣщенными, рѣшительно выступающими на защиту права, чего можно бояться въ самыя худшія времена? И развѣ въ столкновеніяхъ общественной и частной жизни не сводится все, въ окончательномъ итогѣ, къ судебному засѣданію? Съ 1789 г. говорили „церковь и государство“ и опытъ неоднократно показалъ, что раздѣленіе двухъ силъ было въ одно и то же время и великимъ моральнымъ принципомъ и благоразумною мѣрой политики. Съ неменьшею справедливостью слѣдовало бы сказать „правосудіе и государство.“ Если правительства проходятъ, то правосудіе остается и иногда остается только одно. Одно изъ условій его силы лежитъ въ популярности, какою оно пользуется, и чтобы оставаться

популярнымъ, правосудіе должно стоять выше страстей, волнующихся вокругъ него, не раздѣляя ихъ. Учредительное собраніе поняло это такъ хорошо, что предоставило присяжнымъ, т.-е. суду самой страны, все то, что такъ или иначе касалось жгучей области политики. Развѣ французская магистратура не была свидѣтельницею того, какъ не одинъ разъ волны мятежа останавливались предъ лицомъ ея. Въ полномъ разгарѣ революціи, при громѣ перестрѣлки, судьи не сходили съ своихъ сѣдалищъ и спокойно произносили свои приговоры: свобода продолжала жить въ правосудіи и тогда, когда она повсюду находилась уже при послѣднемъ издыханіи. Правосудіе бодрствовало для того, чтобы обуздать мятежъ со всѣми его ужасами, чтобы защищать угрожаемое право собственности, и оно защищало его иногда, надо сознаться, съ несомнѣннымъ мужествомъ. Кому живо еще не представляется то бурное засѣданіе въ первыхъ числахъ 1852 г., когда право и сила вступили въ смѣлую борьбу по вопросу о собственности *). Двое изъ нашихъ знаменитѣйшихъ учителей Пелье и Беррье мужественно выступили на защиту непризнаннаго, оскорбляемаго права. На это засѣданіе стеклись юрисконсульты, посѣдѣлые въ наукѣ; съ изумленіемъ и испугомъ слѣдили они за отважнымъ вызовомъ, сдѣланнымъ закону; адвокаты, старые судьи—всѣ были тамъ. Каждый превратился въ слухъ и вниманіе. Краснорѣчіе защитниковъ пошло, такъ сказать, въ атаку и принудило нападеніе обратиться въ бѣгство. Аудиторія была взволнована, увлечена, одни судьи съумѣли сохранить безстрастность закона. Приговора ихъ ждали въ мучительномъ волненіи. Этотъ приговоръ былъ кратокъ какъ изреченіе оракула, но онъ воздалъ блестящую почесть угрожаемому праву. Единодушный крикъ вырвался изъ груди всѣхъ: „не умерло еще правосудіе въ Парижѣ!“ Въ тотъ день французская магистратура показала, что она можетъ сдѣлать въ самыя трудныя времена, но она должна была понять въ то

*) Дѣло объ имуществахъ Орлеанскаго дома.

же время, что значила для нея въ тѣ минуты могущественная солидарность адвокатуры.

Итакъ ясно, что адвокатура говоритъ о своихъ правахъ, она не проситъ ни несправедливаго предпочтенія, ни милости; какъ необходимое учрежденіе, она требуетъ только возможности жить свойственною ей жизнью. Вотъ что мы хотѣли поставить на видъ и что недостаточно выяснено въ изданныхъ до сихъ поръ сочиненіяхъ. Эта необходимость свободной защиты есть базисъ учрежденія адвокатуры, первое слово, точка отправленія ея исторіи. Итакъ несправедливо будетъ сказать, какъ это говорилось всегда, что адвокатура появилась на свѣтъ съ первыми судьями, ибо суды существуютъ повсюду, тогда какъ адвокатура неизвѣстна или по крайней мѣрѣ непризнана во многихъ странахъ. Какъ право естественное, защита или адвокатура не существуетъ на неблагодарной и изсохшей почвѣ деспотизма, она жила только на привольной землѣ свободы. И примѣры, которые мы приводили, даютъ намъ право сказать, въ равной мѣрѣ какъ для древнихъ, такъ и для новѣйшихъ временъ, что „каково государство, такова и адвокатура.“ Особенно важно было для насъ точно опредѣлить характеръ этого учрежденія въ тотъ моментъ, когда въ различныхъ странахъ прилагались тѣ или другія усилія для достиженія лучшей судебной организаціи. Даже въ государствахъ, гдѣ слово считалось ни во что, слышатся теперь горячія желанія въ пользу свободнаго обсужденія общественныхъ дѣлъ и частныхъ интересовъ. Защита требуетъ возвращенія своихъ правъ. Это движеніе чувствуется въ Россіи, Австріи, Германіи и Пруссіи. Австрійскіе и германскіе адвокаты просили права свободно отправлять свою профессію безъ правительственной инвеституры. Эти симптомы составляютъ счастливое предзнаменованіе и указываютъ на пробужденіе общественнаго духа въ тѣхъ странахъ, гдѣ право государства, въ большей или меньшей степени, господствовало надъ всѣмъ, надъ людьми и надъ вещами. Въ особенности важно указывать на источникъ, въ которомъ адвокатура сохранила право черпать

свою независимость, тѣмъ странамъ, которыя, подобно нашей, не смотря на частые политическіе перевороты, сохранили нѣкоторую свободу, потому что если справедливо что этотъ источникъ есть вѣчно живой потокъ естественнаго права, то истину эту полезно всегда правозглашать, ибо естественное право не зависитъ отъ человѣческихъ соглашеній. Оно не знаетъ ни границъ, ни предѣловъ, оно существуетъ если не въ каждомъ государствѣ и не при каждомъ правленіи, то во всѣ времена и во всѣхъ странахъ.

ПОЛОЖЕНІЕ ЮРИДИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ЗА АПРѢЛЬ МѢСЯЦЪ.

Въ теченіи апрѣля вновь выбалотированы въ члены Юридическаго Общества:

3 апрѣля.

1. Алексѣй Павловичъ Муликовскій, судебн. слѣд.
2. Алексѣй Васильевичъ Трейтеръ, надворн. совѣтн.
3. Владиміръ Степановичъ Зотовъ, помощн. присяж. пов.
4. Николай Сосипатровичъ Богдановъ, присяж. пов.

Итого въ текущемъ году выбалотировано 18

На приходъ Общества поступило въ апрѣлѣ членскихъ взносовъ за 1872 годъ:

1. Отъ Н. В. Милова . . . . . 15 р.
2. Отъ него же за дипломъ . . . . . 1 „

Итого . . . . . 16 „

А всего въ 1872 г. поступило . . . . . 371 „

VII. — ЮРИДИЧЕСКАЯ БИБЛІОГРАФІЯ. (О самоуправленіи.— Сравнительный обзоръ русскихъ и иностранныхъ земскихъ и общественныхъ учрежденій. Кн. Васильчикова. Спб. 1869—1871 г.).—В. Н. Лешкова. . . . 124
VIII. — ПОЛОЖЕНІЕ ЮРИДИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА ЗА ДВА МѢСЯЦА. 61
IX. — РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ 142
X. — НОВѢЙШАЯ АДВОКАТУРА. *(съ франц.).*—В. И. Кохнова . . . . . 5—52

Печатаніе настоящей книжки первоначально предназначалось, какъ обыкновенно, за одинъ мѣсяцъ, но по значительности объема процесса Корбе, замедлившаго своевременный выходъ журнала, Редакція издаетъ нынѣ книжку заразъ за два мѣсяца—апрѣль и май.

Юридическій Вѣстникъ

выходитъ въ 1872 году ежемѣсячно книжками отъ 5 до 8 печатныхъ листовъ и болѣе.

Цѣна за годовое изданіе **5** р., съ пересылкою **6** р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ **Москвѣ**: въ редакціи Юридическаго Вѣстника на Малой Бронной, въ д. Фальковской. Въ книжныхъ магазинахъ: И. П. Анисимова на Никольской улицѣ; И. Г. Соловьева на Страстномъ бульварѣ, и А. И. Глазунова на Кузнецкомъ мосту.

Въ **С.-Петербургѣ**: Въ книжномъ магазинѣ И. П. Анисимова рядомъ съ Императорскою Публичною Библіотекою.

Авторы статей, доставляемыхъ въ редакцію для печатанія, благоволятъ присовокуплять къ нимъ и условія, на которыхъ желаютъ печатать.

Редакторы: В. Н. ЛЕШКОВЪ.
А. М. ФАЛЬКОВСКІЙ.

00083626
ЮФ СПбГУ